ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Г551
П916

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДОНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (б.).
ИСТПАРТ (отдел по истории Октябрьской Революции и Р. К. П. (б).

ГБ51
П 916

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ДОНУ.

СБОРНИК ЧЕТВЕРТЫЙ.

Калединщина и борьба с нею.

(2 декабря 1917 г.—10 февраля 1918 г.).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА. 1924. ЛЕНИНГРАД

1 Экз

1984

ГБ51
П 916

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

N 7111
1926

288425

От редакции.

IV-й сборник «Пролетарской революции на Дону», выпускаемый Истпартом Донского Областного Комитета РКП (б), освещает период Калединщины и борьбы с нею (со 2 декабря 1917 г., со времени занятия города Ростова ген. Калединым до 10 февраля 1918 г., дня освобождения Ростова и всего Дона от калединской контр-революции).

Настоящий сборник не является законченным историческим трудом; он лишь есть сумма материалов (статей, воспоминаний, оффициальных документов), которые, характеризуя калединское движение и революционную борьбу с ним, дадут возможность будущему историку использовать их в его работе. Калединская реакция—это один из этапов Всероссийской контр-революции.

Самое название этой волны контр-революционного движения — Калединщина, указывает на того, кто стоял во главе ее—Донского атамана ген. Каледина.

После победы Пролетарской революции на севере, помещичье-офицерская и буржуазная свора ринулась на Дон, ища спасения и поддержки в своих реакционных замыслах у Донского атамана Каледина, достаточно себя зарекомендовавшего уже на знаменитом Московском совещании в августе 1917 г. Контр-революционеры стремились превратить Дон в вооруженный лагерь, кулак, направленный против революции.

На Дон прибыл цвет старого царского офицерства: генералы—Корнилов, Алексеев, Марков, Деникин, Лукомский, сюда слетелись и авантюристы вроде Савинкова.

Главные силы – ядро их складывалось из кадрового офицерства, крупных собственников-казаков, юнкерства и буржуазной молодежи. Вокруг этой базы вожди движения старались сгруппировать и казачьи силы. Крупную величину в области составляло крестьянское население. Заигрывая с ним, приманывая созданием коалиционного правительства, реакционеры стремились и его использовать или в худшем случае нейтрализовать. Крестьянство, не имевшее земельной собственности и арендовавшее земли у казаков, в массе своей контр-революционному движению не сочувствовало. Крестьяне фронтовики, приобщившиеся на фронте к революционному движению, сильно влияли на настроение деревни и лишь кулацкая часть крестьянства поглядывала в сторону черного Новочеркасска.

Генерал Каледин, заигрывая с крестьянством, допуская его в созданное по его инициативе об'единенное правительство Дона, отвергал всякую возможность вхождения в состав его городских (читай рабочих) представителей. Уроки, данные Каледину ростовскими рабочими, не забывались им. Рабочие, несмотря на старания меньшевиков, возглавлявших и городские думы и Совет, явно сочувствовали большевикам и были готовы к активной борьбе с генеральской контр-революцией. Меньшевики вели, по обыкновению, соглашательскую политику и являлись вспомогательной силой этой контр-

революции; они старались охлаждать революционное настроение рабочих, переговаривались с генералами в то время, как пролетариат Ростова беспрерывно вел борьбу в тылу Каледина организацией стачек, порчей паровозов, железнодорожного имущества и группируясь вокруг нелегальных большевистской и лево-эсеровской организации.

Меньшевики же даже похороны жертв Октябрьской революции в Ростове использовали для своей пораженческой («долой гражданскую войну») агитации. Этим поведением окончательно скомпрометировали себя в глазах рабочих масс, и ростовские пролетарии переходили на сторону революционной социал-демократии (большевиков).

События разворачивались; контр-революционеры, учитывая настроение своих врагов-рабочих, не церемонились в действиях. Есаул Чернецов со своей бандой беспощадно расправляется с шахтерами в Донбассе, юнкера в Ростове расстреливают железнодорожников.

Но реакционеры все же не дооценивали революционных сил, они ошиблись и в своих расчетах на фронтовое казачество. Это последнее, уставшее на фронтах империалистической войны, стремилось вернуться к мирной жизни; фронт 1917 года был также достаточной революционной школой и для казаков. Им было не по пути с золотопогонной знатью. Фронтовое казачество резко отмежевалось от Новочеркасска созданием Областного Военно-Революционного Комитета в станице Каменской, этим солидаризируясь с победившими рабочими и крестьянами Севера.

Надежды белогвардейцев не оправдались.

Фронтовики ультиматумом Военно-Революционного Комитета потребовали ухода правительства и разоружения белых частей. Игра реакционеров была раскрыта. Тогда, уже не стесняясь в своих действиях, по указке из Новочеркасска, есаул Чернецов переходит в наступление.

Результатом борьбы с Калединщиной явилось занятие Ростова (10/II—18 г.) и Новочеркасска революционными войсками, а с ними и освобождение всего Дона, от контр-революции.

На страницах этого сборника перед читателем проходит этот период контр-революционной власти на Дону и борьбы трудящихся за свое освобождение.

ОЧЕРК.

Калединские дни.*)

До революции 1917 г. земля на Дону находилась, главным образом, в руках донского казачества. Крестьяне почти не имели собственной земли и арендовали ее у казаков. На этой почве между крестьянами (иногородними) и казаками выростал антагонизм, который сыграл громадную роль в истории революционного движения на Дону. В гражданской войне 1917—1918 г.г. слово «иногородний» стало синонимом слова «большевик». И если принять во внимание, что иногородних в области к 1917 г. было 50—60%, то станет понятным, почему собравшийся как раз к моменту начала гражданской войны III-й Большой Войсковой круг (2—15 декабря ст. ст.) должен был пойти на уступки крестьянству.

Войсковой круг, состоявший из крупных казачьих собственников и попов, Войсковое правительство, возглавляемое генералом—все это цеплялось за привиллегии. Но видя, что почва уходит у них из-под ног, они решили как-нибудь столковаться с крестьянами, что-нибудь пообещать, кое-что уступить и путем политических уступок добиться сохранения за казаками земли. На заседаниях III-го Круга впервые присутствовали делегаты от крестьян с правом совещательного голоса. Круг вынес постановление о необходимости организации власти на паритетных началах с равным представительством от крестьян и казаков. Каледин был переизбран Войсковым Атаманом. Вопрос о паритетной власти был передан в комиссию. Делегаты круга раз'ехались по домам, и опять все пошло по старому.

Ген. Каледин был ярый и заклятый враг большевиков, социализма и рабочих. Он создал из Новочеркасска уютное гнездо для слетавшихся со всей России генералов без солдат, фабрикантов без фабрик, помещиков без земли. Он был одним из организаторов Добровольческой Армии, он совместно с ген. Корниловым и Алексеевым вел военно-оперативную работу против казачьих революционных частей. На его совести лежит кровь рабочих Донбасса, кровь рабочих Ростова, пролитая при нападении на Ростовский Совет в конце ноября 1917 г., на «Нахичеванском фронте» и многочисленные кровопускания рабочим, которые часто практиковались прислужниками Каледина.

Однако, по необходимости, Каледину приходилось подчас прибегать к политике заигрывания с «демократией», ибо условия конца 1917 г.,—контр-революция тогда только поднимала голову—принуждали его к этому. Это был умный вдохновитель и организатор «Русской Вандеи».

Когда есаул Чернецов своими зверствами в Донбассе до того накалил атмосферу, что вот-вот должно было вспыхнуть восстание, Каледин громогласно «отчитал» его, предложив «не вмешиваться в отношения между предпринимателями и рабочими». После занятия Ростова ген. Каледин послал Городской Управе грубо средактированный приказ выдать хлеб казачьим частям. Когда же к нему явилась за раз'яснениями делегация

*) По материалам Истпарта Дон. Обл. К-та Р. К. П.

от Городской Думы, Каледин ответил: «Вы напрасно обижаетесь. Я и не собирался насиловать Думу, которая является хозяином города». В своих выступлениях на заседаниях Войскового Круга Каледин любил подчеркивать, что власти он не хочет, что его заставили принять атаманский «пернач». На декабрьском круге, после расправы над Ростовским пролетариатом Каледин уверял, что он не хотел крови.

Интересный разговор, происходивший в ноябре 1917 г. между Калединым и ген. Алексеевым, приводит «Донская Волна» *) (1919 г. № 5).

Каледин: — «Трудновато становится. Главное меня беспокоят Ростов и Макеевка».

Алексеев: — «Церемониться нечего с ними, Алексей Максимович. Видите ли, Вы меня простите за откровенность, по моему много времени у Вас на разговоры уходит, а тут если сделать хорошее кровопускание, то и делу конец».

Каледин: — «Так, так... А на какие силы опереться?

— Вы, ведь, знаете что у меня есть».

Вот тут-то и зарыта собака. У Каледина не было сил, чтобы расправиться с рабочими так, как того хотелось генералу Алексееву.

Когда приехал на Дон Корнилов, Каледин тепло принял его, помог ему в работе, но предложил не выступать открыто в генеральской форме. Когда ген. Каледин узнал, что комендант ст. Шахтная в декабре 1917 г. роздал какой-то Добровольческой части 120 винтовок и $2^1/_2$ тысячи патронов, он сделал ему порядочный нагоняй не за то, что оружие было выдано, а за то, что раздача его производилась на глазах у широкой публики («Донская Волна»).

Эти факты ярко характеризуют политику ген. Каледина, этого вождя контр-революции в тот период, когда контр-революция накопляла свои силы, в тот период, для которого характерны боязнь гласности, шатания, колебания, заигрывание с «демократией» и пр.

* * *

2-го декабря (с. ст.) 1917 г. Военно-Революционный Комитет вынужден был покинуть Ростов и казачьи войска атамана Каледина вступили в город. Часть красногвардейцев была перебита, часть разоружена, а остальные скрылись в рабочих кварталах города.

В 3 часа дня ген. Каледин, радостно приветствуемый Ростовской буржуазией, в'езжал в город. Буржуазия ликовала. Обыватель забился в угол своего жилища и дрожал от впервые пережитых волнений гражданской войны. Рабочий почувствовал, как над его головой засвистела казачья нагайка.

«Освободители» из Новочеркасска начали свою деятельность с обысков и арестов, разгрома помещений профсоюзов и т. п. Фабрично-заводские предприятия были заняты казачьими частями.

Когда город уже окончательно перешол в руки казачьей военщины, Каледин об'явил, что введенные в Ростов войска останутся лишь до разоружения Красной Гвардии, после чего будут выведены из города. Каледин хотел показать, что он явился в Ростов не как победитель, а как освободитель от «насильников-большевиков».

3-го и 4-го декабря (ст. ст.) в Ростове происходят бурные заседания Об'единенных Ростовской и Нахичеванской Дум, которые старались вести себя, как подобает «хозяину» города, как нейтральной и независимой организации. П. С. Петренко (видный меньшевик) говорил: «Военно-Рево-

*) Белогвардейский журнал, издававшийся в 1918 — 19 г.г. в гор. Ростове под редакцией Виктора Севского.

люционный Комитет обращался к нам с приказами, которые мы не исполняли. Войсковое правительство—другая враждебная сторона, и, если оно тоже будет отдавать приказы, мы их не будем исполнять».

На этих заседаниях было уделено много внимания происходившим в городе эксцессам. В рабочих кварталах шли беспрерывные аресты, арестованных сажали в тюрьмы, отправляли в Новочеркасск на расстрелы и т. д.

Доктор Парецкий докладывал о производстве казаками массовых арестов, о насилиях над санитарами Красного Креста, убийствах и пр.

Чтобы несколько сгладить впечатление, для защиты Калединских молодцов выступили кадеты и народные социалисты.

Присяжный поверенный, И. И. Шик (нар. соц.) говорил о демократичности казачества, о начале устроения государства Российского именно с Дона и пр. «Эксцессы», говорил он, «неизбежны; помните, что делали красногвардейцы». (Приазовский Край 5 декабря № 285). Понятно, какой провокацией звучали эти слова в те дни кровавого угара.

Кадетская фракция открыто выражала свою радость по поводу прихода в Ростов казаков.

Глава ее, присяжный поверенный Зеелер, Комиссар Временного Правительства, после освобождения с «Колхиды» 3-го декабря (ст. ст.) с балкона «Московской гостиницы» поздравлял ликующую буржуазию с праздником окончания гражданской войны. Он призывал граждан не омрачать этого праздника недоверием и озлоблением; он призывал смотреть на казаков, как на носителей «здорового государственного порядка».

Несколько часов спустя он произносил такую же речь в Думе.

Под давлением меньшевиков в гор. Думе прошла следующая резолюция:

«Стоя на прежней почве нейтралитета, Дума, с прежней настойчивостью защищая интересы всего населения г. г. Нахичевани и Ростова н-Д., самым энергичным образом протестуя против насилий, обрушившихся, главным образом, на рабочее население обоих городов (произвольные обыски и аресты, непринятие мер против самосудов и расстрелов и т. д.), считая, что в смутное время переживаемое нами обычное понятие о мятеже и мятежниках является совершенно неприемлимым и, выражая надежду, что успокоительные заверения, данные генералом Назаровым *) городским Думам 3-го декабря, будут полностью соблюдены, Дума считает необходимым снятие военного положения, прекращение обысков и арестов и прекращение дел, начатых в связи с гражданской войной, тем более, что гражданская война уже прекращена».

Это был первый случай, когда Думы г. г. Ростова и Нахичевани протестовали против насилий казаков.

Но «боевой» дух быстро испарился из стен «демократических самоуправлений», как только калединская военщина прочно стала на ноги.

Когда немного позже в помещении городской милиции новочеркасскими гимназистами был произведен обыск, в Думе было предложено протестовать против нарушения прерогатив гор. Думы, но выражение протеста большинством голосов было отклонено.

Меньшевики и эс-эры пытались сговориться с казачьей властью. В начале декабря на поклон к казачьему Кругу отправились Николаев (С.-Р.), которого, между прочим, по дороге к ст. Александровской толпа казаков чуть не убила за его «революционность» и видный меньшевик Б. С. Васильев.

---

*) Ближайший агент Каледина.

Пока меньшевики и эс-эры вели переговоры с урядниками, попами и генералами, пока они занимались вынесением резолюций про «шероховатости», допускаемые калединскими казаками, пока они завладевали вниманием мелко-буржуазной интеллигенции, лавочников, служащих торговых предприятий и пр., среди рабочих фабрик, заводов, среди солдат гарнизона и милиции, всюду в рабочих кварталах почва уходила из-под их ног, ибо там во главе движения становились большевики.

Большевиков избивали, арестовывали, растреливали, но, несмотря на это, на улицах города совершенно открыто велась противокалединская агитация, ибо ростовский пролетариат быстро разобрался в истинных замыслах Каледина.

Подпольные комитеты большевиков и левых эс-эров быстро наладили свою работу. По мере роста антагонизма между рабочими и военщиной Каледина, круг деятельности подполья расширялся и углублялся. На расхват шли листовки большевиков и газета левых эсеров «Социалист-Революционер».

На вокзале бесчинствовали юнкера, избивая и разоружая милиционеров, под угрозой применения оружия заставляя железнодорожников вне очереди подавать паровозы (Донесение Правительственного Комиссара ж. д. узла И. П. Реута «Приазовский Край»).

А в это самое время генерал Назаров в главных мастерских ВЛК. ж. д. распинался, что он пришел, как освободитель и покушаться на демократию не собирается.

Но железнодорожники его прекрасно поняли. Они требовали под угрозой всеобщей стачки немедленного вывода казачьих частей из города.

В то время как «хозяин» города (Дума) выражал пожелание, рабочие требовали.

Рабочие электрического трамвая требуют освобождения политических заключенных, освобождения от казаков здания «Марс»*), вывода их частей с территории заводов и пр. («Приазовский Край»).

На некоторых предприятиях меньшевикам удалось провести резолюции в защиту Учредительного Собрания. Но такие резолюции были исключением. Последующие события достаточно ярко показали, что ростовский пролетариат шел с большевиками.

Между тем, военная сила прочно держала город в своих руках. Казаки и не думали уходить; офицерство совсем «распоясалось»: на улицах города Ростова можно было наблюдать сценки мордобития офицерами солдат местного гарнизона за неотдачу «чести», за появление на улице не в форменной одежде и т. д.

За военщиной ухаживала буржуазия. Креп казачий шовинизм. Казаки студенты об'единились в союз. (Союз этот приютился под крылышком «русского общественного собрания»—собрание домовладельцев и купцов ультрамонархического толка).

Офицерство занималось пьянством и дебоширством, арестами и избиением частных граждан. Буржуазия, чувствуя недолговечность «счастья» предавалась разгулу. Кафе и кафешантаны работали во-всю. Они были постоянно битком набиты. Оттуда доносились пьяные голоса и звуки бравурной музыки.

В эти дни в Новочеркасске собрались все активные черносотенцы, все, что было контр-революционного в России. Еще с осени 1917 г. Новочеркасск стал местом сборища всех обиженных русской революцией. На-

*) Б. помещение Совета Рабочих Депутатов. **Ред.**

чиная с Керенского и кончая Пуришкевичем, все здесь перебывали. С фронта сюда прибыли генерал Алексеев, генерал Корнилов, потом Деникин, Марков, Лукомский и др.

С прибытием Корнилова (6-го декабря ст. ст.) организация Добровольческой армии пошла быстрым темпом. Сначала генерала Корнилова скрывали, ибо Каледин боялся открыто показывать Корнилова, потом он разрешил ему показываться, но не в генеральской форме и только значительно позднее маска была сброшена.

25-го декабря (ст. ст.) Корнилов признается Калёдиным Главнокомандующим.

27-го декабря (ст. ст.) добровольческая армия возвестила декларацией о своем существовании и целях (сохранение единства с союзниками, восстановление «Единой, Великой и Неделимой» и пр.)

Вокруг военного триумвирата (Корнилов, Алексеев, Каледин) тотчас начала действовать та свора, что когда-то облепляла царский дворец: бывшие царские министры, дельцы департаментов, всякие сановники и пр. Вся эта мразь, не имея ни армии, ни государства, ни народа начала строить правительство и распределять портфели. Глава «Экономического Совещания» М. М. Федоров особенно настаивал на необходимости организации временного правительства. Но Корнилов не особенно интересовался организацией правительства, гораздо больше уделяя внимания Добровольческой армии. Первым боем, в котором приняли участие офицерские отряды, был бой за обладание Ростовом (в конце ноября и в начале декабря ст. ст.)

Первым боем уже организовавшейся Добровольческой армии был бой под Гуковым.

Корнилов, когда ожесточение гражданской войны еще не достигло особенного напряжения, напутствовал своих молодцов следующими словами:

«Не берите мне этих негодяев (красногвардейцев) в плен. Чем больше террора, тем больше будет над ними победы». (Суворин. Поход Корнилова стр. 8).

Царская военщина прочно укрепляется в Ростове и Новочеркасске. Офицеры пьянствуют, шатаются по улицам, распевая «Боже царя храни». Разливается яд антисемитской пропаганды. «Вольный Дон»—орган Войскового правительства помещает статьи погромного, юдофобского содержания.

Надо отдать справедливость Каледину и М. П. Богаевскому, они старались внешне сохранить на Дону «демократию», но их контр-революционные замыслы против их воли, обнаруживались на каждом шагу. Население не верило в демократичность правительства и вело с ним скрытую войну.

Этой войной не руководило «демократическое» самоуправление; эту войну организовал даже не Совет Рабочих Депутатов, который в калединские дни редко собирался. Эта война возникла стихийно и только впоследствии подпольные организации стали руководить движением.

Жители городов, рабочие, служащие, мелкие ремесленники и даже торговки базаров с ненавистью смотрели, как орудовало царское офицерство. На вокзале г. Ростова собирались митинги, на которых открыто говорилось о желательности прихода большевиков, ругали Каледина и пр.

Почти ежедневно можно было в газетах прочесть об арестах за большевистскую пропаганду. К началу января атмосфера в городах Ростове, Нахичеване, Азове, Таганроге, Новочеркасске и др., занятых казачьими

калединскими частями и офицерскими отрядами, чрезвычайно сгустилась. Во многих местах Донобласти начались вооруженные стычки.

В «Приазовском Крае» от 3-го января 1918 года была помещена такая заметка: «Вечером на Таганрогском вокзале произошли кровавые события. Группа лиц начала срывать с офицеров и солдат наплечные знаки. Юнкера, охранявшие вокзал, задержали из этой группы двух лиц и поместили в особый вагон. Тогда большая толпа направилась к вагону с криками: «выручай товарищей». Стоявшие у вагона юнкера сделали из ружей несколько залпов. В толпе оказался один убитый и несколько раненых». Подобные заметки часто появлялись в газетах.

Оцепенение первых дней начинало проходить и массы постепенно начинали втягиваться в активную борьбу, что совершенно не учло и с чем не хотело, видимо, считаться меньшевистское «Рабочее дело», которое продолжало только ругать большевиков.

На 29-го декабря был назначен с'езд неказачьего населения области. Несмотря на то, что активно-революционное крестьянство в выборах на с'езд участия не принимало, большинство с'езда все-таки явно обнаружило свою анти-калединскую окраску (особенно выдавались представители Таганрогского округа (крестьянского). Большинство делегатов обвиняли правительство в контр-революционности, говорили о насилиях, чинимых казаками, о своре царских сановников и генералов, которые свили себе в Новочеркасске гнездо.

С'езд понимал, чем об'ясняются уступки крестьянству. С'езд понимал, что положение правительства было тяжелым, что со всех сторон Донскую область окружали красные войска и что Калединское правительство, чтобы разрядить тяжелую атмосферу, рожденную антагонизмом крестьян и казаков, решило отделаться политическими уступками крестьянам.

С'езд неказачьего населения, учел это и согласился ввести своих представителей в войсковое правительство, лишь на следующих основаниях:

1) Немедленное освобождение арестованных по политическим и аграрным делам, как казаков, так и не казаков и прекращение возбужденных против них дел.

2) Разоружение и расформирование Добровольческой армии (с'езд открылся 29-го декабря—провозглашение Добрармии 27 декабря. П. Р.).

3) Согласие Войскового правительства на перемирие между враждующими сторонами и восстановление свободного транзита до созыва Донского Народного Совета и Всероссийского Учредительного Собрания, если последнее соберется ранее Донского Народного Совета.

4) Снятие военного положения во всех местностях, непосредственно не связанных с районом военных действий и вывод воинских частей из местностей с неказачьим населением, а также рудников, фабрик и заводов, где эти части расквартированы по соображениям не военного характера.

5) Неприкосновенность крестьянских, рабочих и демократических организаций.

6) В об'единенное правительство входят представители от казачьего и неказачьего населения в равном количестве. Председатель избирается этим правительством из своей среды.

7) Право войского атамана приостанавливать решения об'диненного правительства в части его, ведающей делами неказачьего населения, приостанавливается.

8) Впредь до созыва Донского Народного Совета все дела, касающиеся неказачьего населения решаются представителями неказачьего населения.

Все эти «основания» и требования с'езда неказачьего населения остались лишь на бумаге. Принцип «паритета» выразился в том, что от этого с'езда в правительство вошли какие-то бесцветные личности, о которых никто ничего не слыхал.

Об'единенное правительство 10 января 1918 г. декларировало, что им будет охраняться свобода слова, печати, собраний и пр. Что же касается до требования с'езда об упразднении Добрармии, об'единенное правительство обошло этот вопрос. В 5 пункте декларации оно заявило: «Добр. армия существует в целях защиты Донской области от большевиков, об'явивших войну Дону и в целях борьбы за Учредительное собрание. Армия эта будет находиться под строгим контролем об'единенного правительства и, в случае установления в этой армии контр-революционных элементов, таковые немедленно будут удалены за пределы области».

Такое мошенническое выполнение наказа неказачьего с'езда, о полном разоружении Добр. армии, сошло с рук об'единенному правительству просто потому, что население в массе никогда не имело веры в него, не поддерживало его и не интересовалось его декларациями. И крестьяне и рабочие почти ничего не знали о с'езде, об об'единенном правительстве, ибо у них были свои пути к освобождению от гнета казацкой нагайки.

В Донецком бассейне, частью занятом казачьими частями (там орудовал есаул Чернецов), волновались рабочие. В области прокатывались волны аграрных беспорядков, которые достигли чудовищных размеров в Таганрогском округе, где был разгромлен ряд частно-владельческих усадьб (Кутейникова, Боголюбова, Платонова и др.) «Разгром всюду производился по одинаковому плану. Обыкновенно рабочим имения за три дня дается знать о предстоящем разгроме, дабы все желающие могли к тому времени удалиться из имения. В назначенный день к имению прибывало 200-300 крестьянских подвод. Все имущество—хлеб, орудия, мебель, крупные и мелкие животные до последней курицы погружается на подводы и вывозится, а дом и службы поджигаются и уничтожаются». Так описывает «Приаз. Край» (1918 г. № 8) беспорядки в Таганрогском округе. Впоследствии казаки напомнили крестьянам об этом. Весной 1918 г. деревни Таганрогского округа стонали под гнетом казаков. Донцы и кубанцы насиловали женщин, вешали и расстреливали группами мужиков, избивали и грабили.

Особенно сгустилась атмосфера в Ростове после перехода Добрармии из Новочеркасска в Ростов (17 января 1918 г.). Ростовская буржуазия весьма приветливо встретила «господ офицеров». В первые же дни среди ростовских тузов было собрано 6.500.000 р. Началась усиленная вербовка в армию добровольцев. В газетах печатались призывы, об'явления. Но приток в армию был не слишком велик. Из офицерства города Ростова (было в городе до 10.000 офицеров) записалось в Добр. армию человек 200-300. Все остальные сбросили с себя форму и старались поскорей забыть и других заставить забыть об их офицерском прошлом.

В армию шли гимназисты и студенты-казаки, так называемая, «казачья станица студентов» дала много бойцов партизанским отрядам. В порыве великодушия ростовские буржуазные тузы записывались в ряды Добр. армии. Об этом, конечно, на следующий день печаталось в газетах, но это еще не значило, что записавшиеся шли на фронт.

Армия пополнялась также прибывавшими из Советской России офицерами. Приток в армию был в общем незначителен.

Главным ядром народившейся Добр. Армии было царское офицерство. Дворянские сынки-офицеры очень часто были в этой армии рядовыми, взводными были подковники, ротами командовали генералы.

Высшее командование находилось в руках опытнейших генералов империалистической войны.

Но организация Добр. Армии совпала по времени с обхватом Донской области Красными войсками и изменой Каледину казачьих частей, не желавших быть орудием в руках контр-революционных генералов.

Донская Область была в кольце Советских войск. Со всех мест Донобласти поступали сведения о неповиновении Каледину казаков и солдат. В их среде совершенно открыто велась агитация против офицеров и генералов. Что же касается до фронтовых казаков, возвращающихся в область, то они были уже достаточно распропагандированы. Измученные империалистической войной, в которой они сроднились с русскими солдатами, горести которых были их горестями, они вместе прониклись одинаковой ненавистью ко всему офицерству. Революционного энтузиазма хватило у них на то, чтобы, возвращаясь с фронта в Донскую область, не расходиться по домам, но боевыми частями итти «очищать Дон от контр-революции».

По дороге на Дон они подкрепляли свой энтузиазм революционностью шахтеров Донбасса или же крестьян Воронежской губ. и северных округов Донобласти, которые были охвачены в дни борьбы с Калединым небывалым революционным под'емом.

Фронтовыми казаками в начале января занимается ст. Каменская, где 10—11 января 1918 г. созывается с'езд фронтовых частей (от 24 казачьих частей). Настроение приподнятое. Шахтеры, рабочие, крестьяне, молодые казаки фронтовики, все сходятся на том, что надо очистить Дон от «слетевшегося воронья».

Революционное сознание подсказало, что Ростов и Новочеркасск, приют царского хлама и золотопогонного офицерства, могут сыграть роковую роль в истории революции в России. И они рвались в бой. Власть берет в свои руки Военно-Революционный Комитет (из представителей 24 казачьих частей и Ростовского Ревкома). Правительство Каледина об'является низложенным и, после некоторого раздумья, признается власть Совета Народных Комиссаров.

15-го января депутация Военно-Революционного Комитета во главе с. Подтелковым явилась в Новочеркасск. Переговоры ни к чему не привели. Они только ослабили внимание и бдительность революционных частей, что дало возможность партизанским отрядам есаула Чернецова оттеснить войска Рев. Комитета и даже занять ст. Каменскую. Но кратковременна была победа белых партизан. Прибывший из Новочеркасска Подтелков организовал отряд, окружил партизанские части и сам зарубил Чернецова (21-го января).

С этого момента началось беспрерывное наступление красных и революционных казачьих отрядов на Новочеркасск и Ростов.

Из Донбасса калединские казаки были вытеснены совершенно. Шахтеры, рабочие массами записывались в Красную Гвардию. Наступление со стороны Донбасса велось в двух направлениях: по железной дороге Дебальцево-Зверево и Иловская-Таганрог.

Красные Войска наступали густыми колонами, подавляя незначительные офицерские отряды своей массой, но отнюдь не удачной военной

тактикой, ибо командование в красных частях было слабым. В Таганрогском направлении им пришлось встретиться с отрядами генералов Кутепова, Краснова и Семилетова.

Советские Войска вели наступление на Донскую область не только с севера (Воронеж-Каменская) и запада (Донбасс), но и с юга, где с небольшой горсткой добровольцев ген. Марков отбивался от 39 дивизии, подходившей из Тихорецкой.

Дела белых ухудшались полнейшим развалом в тылу. « В Сулине и Александровске-Грушевском вооруженные рабочие помогали большевикам порчей путей, шпионажем и перебежкой» (Волин. «Дон и Добр. армия»).

В Батайске произошло вооруженное столкновение «добровольцев» с рабочими-железнодорожниками, разобравшими пути. 17-го января выступили Таганрогские большевики во главе с рабочими Балтийского завода и железнодорожниками. Город был захвачен сформировавшейся Красной Гвардией, которая двинулась в тыл добровольцам, заставив их оставить линию Матвеев-Курган-Таганрог.

19-го января 1918 года начинаются бурные события в Ростове. Так описывает гнусное убийство рабочих на Темернике меньшевистская газета «Рабочее Дело».

«Рабочие-железнодорожники собрались в столовой Главных мастерских для обсуждения вопросов связанных с вторичным об'явлением г. г. Ростова и Новочеркасска на военном положении.

Часов в 12 несколько рабочих вышли подышать свежим воздухом. В это время к ним подошел отряд человек в 25—30. Начальник отряда крикнул «стой». Прошла почти минута. Никто из рабочих не двинулся с места. Безо всякого повода юнкера начали стрелять. Рабочие обратились в бегство. Юнкера направились к двум входным дверям. После того, как они заняли выходы, начальник отряда вошел внутрь и крикнул «смирно». Раздался выстрел, началась паника. Рабочие бросились на сцену, оттуда через запасный выход на двор. Некоторые пытались бежать через выходы, занятые юнкерами. Все они подвергались обстрелу и в большинстве были убиты или ранены. Установлено, что рабочие Маликов и Кузнецов убиты штыковыми ударами. Около 18 человек ранено. Прокурорские и следственные власти установили, что «изнутри ни одного выстрела сделано не было».

19-го января (с. с.) все рабочие волновались. Всюду заговорили о том, что довольно испытывать терпение рабочего класса. Даже в Думе договорились до того, что «довольно опытов и соглашений с Войсковым правительством; пора, чтобы власть перешла к думам, милиции и комиссару Временного Правительства» (так говорил меньшевик Гурвич). Очевидно, Гор. Думе нужен был наглядный урок в виде Темерницкого расстрела безоружных рабочих, чтобы убедиться в этом.

По случаю Темерницкого расстрела было экстренно созвано собрание Совета Рабочих Депутатов, на котором присутствовали представители фаб.-заводских комитетов, предприятий, правления Профес. Союзов, железнодорожные комитеты. Постановлено было об'явить всеобщую забастовку-протест. Организовывается стачечный комитет и об'является забастовка с 9 часов 20 января по 22-ое января (5 часов).

В эти дни забастовки-протеста чувствовалась крепкая спайка между рабочими города,—пролетариат демонстрировал свое единение и мощь. Железнодорожные мастерские, зав. Аксай, фабрика Асмолова и все фабр.-заводские предприятия и мастерские стояли. По постановлению Стачечного Комитета работа должна была вестись в эти дни лишь на водопроводе.

Многие магазины были закрыты, а на витринах булочных и пекарен можно было читать «хлеба нет и не будет».

Не примкнули к забастовке служащие Городской Управы, старые чиновники, оставшиеся в наследие «демократической» Думе от цензовых Дум, всегда отличавшиеся своей реакционностью. Преступную роль в эти дни сыграл также союз инженеров и техников. В первый день забастовки электрические станции не работали, но на второй день этот желтый союз явился на станцию, чтобы заменить рабочих и подавать свет. Им в помощь прислали юнкеров, которые силой оружия заставили нескольких рабочих стать к машинам. Благодаря неумелому обращению штрейкбрехеров с машинами, лопнул котел и была испорчена самая большая машина станции («Раб. Дело» 1918 г. № 17).

Несмотря на горячий порыв, пролетарская забастовка не была полностью осуществлена и «Приазовский Край» мог злорадствовать: «На улицах было много публики, театры функционировали и пр., жизнь внешне мало изменилась».

Одновременно с зверствами юнкеров в Ростове, вторично произошли кровавые события в Батайске. 21-го января офицеры совершили «кровопускание» слобожанам Батайска, собравшимся для обсуждения вопроса о железнодорожной забастовке.

Но начавшийся белый террор не исправил положения белого офицерства и казачества, которое задыхалось в волне революционного под'ема, охватившего область.

К концу января положение вполне определилось.

Донская область была в железном кольце красных войск и это кольцо беспрерывно сжималось. Еще оставались верными правительству ст. Елизаветинская, Ольгинская, Гниловская, Кривянская, Александровка и несколько др. Остальные, даже не занятые красными, были поголовно «заражены большевизмом». В «Приазовском Крае» читаем: «станица Орловская (Сальского округа), в которой расквартирован казачий полк и Манычская заражены большевизмом. Орловцы вошли в сношение с Тихорецкими большевиками».

Агония белых началась.

Приток пополнений из Советской России в белые армии прекратился. Мобилизация офицеров не прошла. В газетах помещались такие призывы: „Всем офицерам, не поступившим еще в ряды Добровольческой армии, Вам об'являет 1-ый офицерский баталион: „кто не с нами, тот против нас". „Мы Вам даем три дня сроку, после чего с Вами будет поступлено, как с нашими врагами". Но и это не помогло.

27-го января войска Военно-Революционного Комитета заняли Сулин и 30-го января подходили к Персиановке. Со стороны слободы Генеральский Мост Красная Гвардия подходит к Ростову. „При пассивности казачьего населения, под неумолчную политическую болтовню городской интеллигенции, неказачье население радостно шло навстречу большевизму". Хотя это написано в „Политической истории Дона—издание генерал-квартирмейстера штаба Донской Армии"—но можно вполне присоединиться к такой оценке тогдашнего положения вещей на Дону.

Правительство растерялось. Мобилизации не проходят; рабочие бастуют или, еще хуже, ведут вооруженную борьбу. Для всех ясен конец белого правительства.

28-го января (с. с.) Добр. армия заявила о своем уходе с Дона.

29-го (с. с.) января утром об'единенное правительство собралось в Атаманском Дворце и после долгих прений постановило сложить с себя

полномочия и передать их городскому самоуправлению, Новочеркасскому станичному обществу и Совету Рабочих Депутатов, отдать приказ всем войскам не оказывать сопротивления «войскам Совета Народных Комиссаров».

После этого заседания Каледин прошел к себе комнату и выстрелом в грудь покончил с собой. Войсковое правительство сложило свои полномочия, атаман застрелился. Но этим еще не кончилась агония.

29-го же на собрании станичников г. Новочеркасска было постановлено вести борьбу до конца. 30-го января состоялось собрание делегатов, прибывших на предстоящий 4-го февраля Круг. Собрание, включив в себя некоторых делегатов круга 1-го и 2-го созывов, признает себя правомочным и об'являет постановление Войскового правительства о прекращении борьбы отмененным. Ген. Назаров избирается войсковым атаманом. Борьба продолжается. Ростов и Нахичевань об'являются на осадном положении. Из станиц начинают прибывать некоторые пополнения из стариков-казаков, увидевших, что действительно пришел конец самостоятельности и привилегиям белого Дона. Казаки, прибывавшие из станиц, направлялись прямо в бой. «Добровольцы» тоже не сидят без дела и отстаивают Ростов с севера и юга. Создается некоторая видимость под'ема, но не надолго. Конец белых близок.

1-го февраля (с. с.) Батайск (7 верст от Ростова) занимается Кр. Гвардией. Благодаря выступлению железнодорожников к моменту подхода Тихорецких большевиков, белые добровольческие части очутились в кольце и с громадными потерями еле пробились в сторону Ростова. Со стороны слободы Генеральский Мост (25 в. от Ростова) красные подходят к городу.

Дальнейшая борьба бессмыслена и Добр. армия спешно готовится к уходу.

8-го февраля (с. с.) в Ростов приехал ген. Назаров и сообщил вождям Добр. армии, что надежды на казаков нет никакой—капитуляция неизбежна.

9-го февраля (с. с.) в 4 часа ген. Богаевский заявил Ростовскому Городск. Самоуправлению, что им снимаются все караулы в Ростове и Добр. армия уходит. В 5 часов части добровольцев выстраиваются перед особняком Парамонова, где находился штаб Корнилова (по Пушкинской ул. возле Ткачевского пер.) и затем стройными рядами направляются к Нахичеванской меже. Они уходили на Кубань, куда их давно звал ген. Покровский, обещая создать там базу для действий против большевиков. Давно уже Корнилов собирался увести туда свою армию, но донское правительство его задерживало, обещая поднять казачество на борьбу с большевиками; однако обещания не смогло выполнить.

9-го февраля вечером Добровольческих частей в городе уже не было. Через Ольгинскую, Хомутовскую они уходили на Кубань.

В Новочеркасске с 4-го февраля (с. с.) заседал Войсковой Круг. Он подтвердил избрание Назарова войсковым атаманом, ген. Попов избирается походным. Об'является мобилизация казаков от 17—55 лет. Вводится смертная казнь. Все постановления круга были последней ставкой и эта ставка была бита.

«Никакие постановления не исполнялись никем. Мобилизация не прошла, приходили казаки из соседних станиц, митинговали, пьянствовали и расходились по домам, иногда получив обмундирование. В Новочеркасске полнейший хаос. Большевики работали во всю. Все было расхлябано,

расшатано и ни один правительственный орган не работал» (Волин. «Дон и Добров. армия»).

11-го февраля (с. с.) Голубов был со своими частями под Кривянкой (3 версты от Новочеркасска). В этот же день от Круга, который за несколько дней до этого приказывал и вводил смертную казнь, отправляется делегация к ком. Сов. армией т. Саблину со следующим вопросом: «на каких условиях Вы бы прекратили войну», на что Саблин ответил: «В случае разоружения добровольческих и партизанских частей и в случае, если Красные войска не будут обстреливаться при входе в Новочеркасск».

12-го февраля (с. с.) партизанские казачьи части уходят походным порядком во главе с ген. Поповым в «степной поход» в Сальские степи.

Город остается без войск. В 4 часа Круг молится в соборе о «спасении города». В 6 часов делегаты Круга собираются в зале суда, куда является Голубов и резким окриком «встать» заставляет подняться старых именитых казаков.

Город был в руках частей Военно-Революционного Комитета и Кр. Гвардии. Революционная волна захлестнула белый Дон.

П. Ратнер.

СТАТЬИ.

Третий Войсковой Круг и вопрос о власти.

3-й Войсковой Круг, созванный в начале декабря (ст. ст.) 1917 года, должен занять в истории донской контр-революции одно из важных мест. Открылся он под грохот калединских пушек, занимавших Ростов и под восторженное „ура“ ростовской буржуазии, приветствовавшей казаков—спасителей. Когда на Круге во время речи какого-то оратора председателю Круга—Агееву П. М. демонстративно задали вопрос—„где находится наш войсковой атаман?“, Агеев также демонстративно отчеканил: „Атаман Каледин находится сейчас в Ростове на Среднем Проспекте“.

Но сам победитель—ген. Каледин был слишком умен, чтобы обольщаться Ростовской победой. „Осада“ Ростова была для него своего рода смотром сил, находящихся в его распоряжении. И результаты этого смотра были для Каледина довольно плачевны. Ростов был взят не потому, что большие силы осаждали его, а потому, что ничтожные силы защищали его. Ростов взяли, главным образом, юнкера и студенты.

188425

В Новочеркасске в это время существовала студенческая дружина под предводительством Михея Гребенникова (студ. из Ермак. станицы), который взывал в своих декларациях к студенчеству: „стыд, позор и проклятье тем, кто прячется трусливо за наши спины. Идет кровавый бой. Идите в студенческие дружины для защиты своих сестер, матерей и жен...“. В конце концов набиралось довольно изрядное количество студентов, юнкеров и гимназистов, которые и составляли главное ядро наступавших на Ростов.

Что же касается казачьих частей, то на счет их Каледин горько жаловался на Круге, что они только и делают, что митингуют, а в бой не идут. По крайней мере, один из депутатов—Ковалев прямо об‘явил на Круге, что „2-я батарея и 46-й полк итти в бой отказались“.

Тем не менее, Каледину удалось таки „раскачать“, по его выражению, некоторые части, втянуть их в бой и повести наступление тремя колоннами: одной колонной под командой полк. Кучерова в составе студентов и юнкеров, другой колонной ген. Богаевского и третьей—конной II-й сотней под командой будущего главы Всевеликого Войска Донского ген. Краснова. Ростов был взят. Для Каледина стало ясным, что дальнейшую серьезную борьбу с такими силами вести невозможно. Поэтому он, как человек в высшей степени осмотрительный, учитывающий психологию революционного времени, поставил себе две основные задачи—накопить силы и создать среду, благоприятствующую этому накоплению. Накоплению сил Каледину

мешали, с одной стороны, демократические рамки, в которые он был поставлен, как глава правительства, а с другой, и демократическое строение воинских частей, из-за которого он ушел из армии и против которого он так решительно говорил на Московском совещании.

Что же касается благоприятствующей среды, то и относительно ее у Каледина дело обстояло довольно плохо. Мы не будем говорить здесь о меньшевистско-эс-эровских Думах Ростова и Новочеркасска. С ними у Каледина разговор был очень прост: „помогите сперва разбить большевиков, а потом идите договариваться". Плохо для Каледина было то, что в среде самого Войскового Правительства произошел раскол на почве отношения к ростовским событиям. Трое правительственных старшин—Бирюков В. Я., Генералов М. М. и Семенов И. Т. подали заявление об уходе из правительства, мотивируя свой уход тем, что Правительство не имело права об'являть себя верховной властью, об'являть мобилизации и войны В.-Рев. Комитету, не исчерпав всех средств к разрешению политического конфликта мирным путем, а самое главное, не обратившись за предварительной санкцией своих мероприятий ко всему населению. Этот раскол был необыкновенно опасен для Каледина, потому что он вносил разложение в казачью среду и мешал созданию известной контр-революционной идеологии, разукрасить которую всеми цветами исторической мифологии старался изо всех сил „Донской Златоуст"—Митрофан Богаевский.

Каледин затевал большое дело и ему надо было, с одной стороны, развязать себе руки, стать диктатором и гражданским и военным, а с другой, получить для этого соответствующую санкцию. Для этой цели и был созван 2 декабря Большой Войсковой Круг. Перед Кругом были предусмотрительно арестованы, якобы за агитацию среди казаков, шедших на Кизитеринку, наиболее популярные члены Военного Отдела—Голубов, Автономов и Мамонов. На повестку Круга были поставлены следующие вопросы: политическое положение России, о гражданской войне, о сконструировании власти на Дону из казаков и иногородних, об обновлении состава Войскового Правительства, о поддержании порядка в Донской Области.

Открывая Круг, Богаевский М. заявил, что для ознакомления с работами Круга Войсковое Правительство пригласило с правом совещательного голоса представителей крестьян.

Конечно, все это представительство было комедией, в которой самую подлую роль играл „крестьянин" С. Мазуренко, ренегат типа Алексинского. Мечтая о первенстве среди донских крестьян, он взял определенную ориентацию на Донских „патриотов" вроде П. М. Агеева. А так как для Агеева того времени большевизм и бандитизм были одно и то-же, то и Мазуренко, заигрывая на дружбе казаков и крестьян, заявлял на Круге, что об'единенному казачеству и крестьянству „не страшны будут никакие иностранные гастролеры, сеющие смуту на немецкие деньги". Мазуренко в своих речах шел даже дальше... Он предлагал Кругу не что иное, как об'единиться и завоевать „свободу" не только для Дона, но и для всей России. Мазуренко во время заседания Круга делал в Новочеркасске тоже самое дело, какое делал Аладьин (депутат 1-й Гос. Думы), читавший лекции о зверствах большевиков и подготовлявший на Дону почву для приезда Корнилова со всей его ставочной свитой. Через месяц донские крестьяне дали должную оценку председателю Всероссийского Крестьянского Союза, выгнав его со с'езда иногороднего населения Донской Области. Но пока что Мазуренко со своими 40 сторонниками—кулаками из Донецкого Округа играл роль „крестьянского народа" в казачьей „комедии".

Доклад о политическом положении в России делал Митроф. Богаевский. (См. в отделе документов).

Майская конституция Круга была составлена под влиянием розового настроения, характеризовавшего первые месяцы революции и под влиянием инстинктивного недоверия масс ко всякого рода единоличной власти. Богаевский в своей речи упоминает даже о проэкте создания Войскового Правительства без атамана. Атаман, конечно, был майским Кругом оставлен, но ему дана была власть только в военном деле, в гражданской же части он был оставлен, как председатель правительства.

Богаевский жаловался Кругу на коллегиальность Войскового Правительства. Вспоминая Корниловское дело, он говорил, что это дело положило начало первому расколу в среде Войскового Правительства. Богаевский стоял за то, чтобы отстаивать атамана, замешанного в Корниловское дело, с оружием в руках. Другая же часть Войскового Правительства с Бирюковым В. Я. во главе была против применения оружия. Обострение дошло даже до того, что Богаевский сам на свой риск собрал сентябрьский Круг.

В момент об'явления Калединым гражданской войны, рознь в среде Правительства должна была сказаться еще резче. Будучи командующим, Каледин мог распоряжаться военными силами, как было ему угодно, но, как председатель Войскового Правительства, он был связан оппозицией в Правительстве. Оппозиция же была против передачи всей Ростовской операции в руки Каледина.

Таким образом, Каледин чувствовал себя связанным майской конституцией и поэтому вопрос о перестройке власти сделался важнейшим вопросом 3-го Круга.

В основу перестройки ее Каледин и Богаевский положили абсолютную подчиненность казачества своему атаману.

Положение Каледина Богаевский рисовал самыми отчаянными красками. Каледину приходилось ездить и уговаривать чуть не каждый полк и каждую батарею. Нелепая роль «главноуговаривающего» была противна Каледину. Поэтому Богаевский и взывал к Кругу о том, чтобы он дал атаману такую власть, какую в старину казаки давали своему боевому атаману. «Учредительному Собранию грозит опасность. Как же мы его поддержим?» спрашивал Богаевский и отвечал: «а поддержим его так, что на Дону поставим твердую власть. Когда в старину избирали атамана, то ему голову грязью мазали, а затем делали полновластным. Круг должен постановить: если казак отказывается исполнить приказ, то его долой из войска, или наказать его». Вот основной мотив речи Богаевского.

Еще с большей выпуклостью выявил этот мотив ген. Каледин в своем отчетном докладе о ростовских событиях: «Мы сделали теперь первые шаги, но на них ни в коем случае нельзя остановиться. Я жду, чтобы Круг определенно высказался, иначе дальнейшая работа невозможна. Необходимо, чтобы граждане и войсковые части, на которые мы опираемся, получили от Круга определенное освещение. Необходимо, чтобы Правительство имело бы твердый аппарат для управления. Должен сказать, что я пережил, как и все правительство, чрезвычайно тяжелые минуты и они никогда не забудутся. Это в тысячу раз хуже, чем итти в бой. Мучительно наталкиваться на всевозможные вопросы каждый раз, когда хочешь что-нибудь сделать, и в ответ на приказания слышать: «не желаем», «подумаем». Власть должна быть властью. Мы ждем, чтобы вы подкрепили нас и будущее правительство. Без этого невозможно управление краем».

Появление на Круге горемык-непротивленцев—ростовских меньшевиков в лице Васильева, Заварзина, Дарагана и др. только усилило позицию Каледина на Круге. До такой степени никчемно и бессмысленно было появление ростовской делегации (от Думы) на Круге, до такой степени слюняво-косноязычной была речь Б. Васильева, что «Вольный Дон» не даром уличил его в трусости, говоря, что Васильев на Круге боялся даже говорить тем языком, которым он привык говорить у себя в Ростове. Наиболее характерные места из речи Б. Васильева, достаточно характеризуют безволие, мягкотелость г.г. меньшевиков. (См. речь Б. Васильева в отделе документов).

Вопрос о пополнении правительства членами от неказачьего населения, расколол Круг почти пополам.

На стороне об'единения с иногородними стоял и Каледин, и Богаевский и, главным образом, Агеев. Противниками об'единения были депутаты Таганрогского, Черкасского и 1-го Донокруга во главе с Черевковым, редактором «Вольного Дона» и со всеми донскими кадетами.

В своей речи Богаевский говорил, что «отношение казачьих частей к Правительству отличается враждебностью, что враждебность эта существует и в станицах и даже идет из среды Войскового Правительства против его руководителей». Относительно 35 полка Богаевский сказал, что полк этот заявил о своей готовности защищать свои земли, но что Каледина, Богаевского и Агеева он готов выдать.

Для Каледина вопрос о введении в Правительство представителей неказачьего населения был вопросом жизни и смерти, поэтому Богаевский и взывал к Кругу: «подведите под Правительство прочный фундамент». Поэтому-то и Агеев, молчавший все лето и осень про паритет, зимою завопил о необходимости призвать к власти все население.

Нельзя сказать, чтобы они не видели в этом опасного момента «рассиропывания казачества», опасности потери «казачьего лица». Но эта была опасность завтрашнего дня, а им приходилось думать об опасности дня сегодняшнего. Поэтому Агеев и двинул вопрос о паритете, что называется, напролом, вопреки желанию его противников. После речи Богаевского Круг принял постановление о создании комиссии для подготовки выборов Правительства. Противники паритета готовились дать бой в комиссии Агееву и сторонникам его. Во главе антипаритетчиков шел Черкасский округ, в котором отношения между казаками и иногородними были наиболее обостренными. За ним шли донские кадеты, дворянство и военщина. «Вольный Дон» спрашивал устами С. Черевкова: «будут ли входящие в состав Об'единенного Правительства крестьяне, рабочие и горожане мобилизовать свои старшие возрасты, если потребуется, например, отправить экспедицию для замирения Царицына, который разбирает пути и не пропускает поездов?» И отвечал: «конечно, нет».

Возможно было, что противники паритета с треском провалят паритет в комиссии. Поэтому Агеев и решил предвосхитить постановление комиссии постановлением Круга. С этой целью был выпущен на Круг Д. В. Макаров, только что похоронивший сына, убитого в бою под Ростовом. Макарову устроили овацию. В общем Макарову не хотелось делать убитого сына орудием парламентских махинаций, но Агеев принудил таки его после беспорядочно-жалобной речи, поднявшей настроение Круга, сделать предложение: «Довольно комиссий. Пора дело делать. Крестьяне нас ждут. Решите дело принципиально. Надо сейчас это решить, чтобы у нас мир стал. А потом уже наше правительство решит вопрос детально». Агеев сейчас же воспользовался повышенной температурой Круга и поста-

вил вопрос о паритете на голосование и, несмотря на протесты Черкасского округа, паритет подавляющим большинством был принят.

Последовали бурные сцены. Сторонники казачьей «самостийности» кричали, что они не поняли вопроса, что Агеев губит казачество, что Агеев большевик. Круг в этот день (3 декабря) закончился неистовым скандалом.

На другой день «Вольный Дон» открыл поход против Агеева. Он обвинял его в заигрывании слева, в том, что он находится во власти чар С. Мазуренко. Говорили, что казачество на Круге попало в происки провинциального честолюбия, что его судьбою играл мелкий политический авантюрист и т. д. Донские патриоты доказывали, что в паритете заключается гибель для казачества, что сентябрьский Круг не даром отверг земскую реформу на Дону, ибо он видел, что в земстве будут эс-эры, эс-деки, кадеты, но не будет места казакам. Главный довод паритетчиков о создании единого фронта против большевиков, об авторитетности постановлений Об'единенного правительства для войсковых частей. Антипаритетчики опровергали доводами о том, что Об'единенное правительство будет только ослаблять единство правительственной воли, ибо отношение крестьянства к борьбе казачества, собственно, еще неизвестно.

Напор на Агеева был настолько велик, что на следующий же день он должен был существенно оговорить свой паритет, пояснив, что паритет распространяется только на управление судом, полицией и т. д. Войсковое же Правительство, ведающее специально казачьими делами (и войском, конечно), остается в прежнем составе. Все же вопросы, касающиеся подробностей организации краевой власти он предложил передать в комиссию. Антипаритетчики пока победили.

Каледин в этом вопросе оказался устойчивее Агеева. Для Каледина важен был момент возможности использовать паритет, просто как стратегическую меру для скорейшего сосредоточивания сил. Это с достаточной ясностью высказал он в своей программной речи 7 декабря на утреннем заседании Круга. Речь эта весьма любопытна. (См. документы).

Привлечению иногородних к власти ген. Каледин придавал значение, как усилению власти войскового атамана. Центр всех его посылок—стать атаманом-диктатором с неограниченной властью в гражданских и военных делах. И понятно, что при таком существе атаманской власти, которой требовал от Круга Каледин, ему ни в малейшей степени не был опасен иногородний состав правительства. Наоборот, этот состав давал печать санкции всем диктаторским мероприятиям атамана. Каледин ничего не терял, но выигрывал очень много. При таком положении, конечно, Каледину можно было не бояться даже и рабочих в составе правительства. Он недоумевал, почему боятся иногородних, раз имеется такая превосходная гарантия для казаков, как атаман вне правительства. Паритетная канитель нужна была Каледину только для победы, а после нее... казакоманы могли быть спокойны.

Генерал Каледин декларировал на Круге свою политическую программу, которую он на всю Россию провозгласил на Московском государственном совещании. Он был уверен, что войсковые части на фронте пока еще только больны, но думал, что, придя на Дон в обстановку «отцовского» бытия, они выздоровеют и сделаются послушными в его руках. Словом, Каледин в данном случае создавал такую схему власти, которая легла потом в основание всех контр-революционных генеральских построений власти. Ни Краснову, ни Деникину, ни даже Колчаку не приходилось впоследствии ломать головы над идеологическим обоснованием своих

диктатур. Трафарет был готов. В моменты опаснейших положений—демократическое представительство при генеральской диктатуре. После минования опасности — генеральское изнасилование демократии.

Каледину не пришлось самому при своей жизни проделать вторую половину трафарета. Революционный поток захлестнул его. Но что он его проделал бы в подходящий момент, за это говорит тот генеральский слет, который состоялся при Каледине в Новочеркасске. Корнилов, Деникин, Лукомский, Эрдели, Марков, Клембовский и др. уже состояли советчиками Каледина. Каледин в своей программной речи предлагал их использовать, точно так же, как предлагал использовать и всех регулярных офицеров, бежавших на Дон.

На страницах «Вольного Дона» корниловцы уже начали доказывать невозможность ограничения борьбы только за местные интересы. Некий Есаулов предлагал вырвать у большевиков государственную власть и для того, между прочим, чтобы продолжать борьбу с Германией. «Если здесь, на берегах Дона», писал он: «будет сформирована и провозглашена государственная власть, то сюда потекут и люди, и средства, и оружие, и припасы. Помогут и союзники».

Что же касается внутренних дел, то тот же Есаулов доказывал, что Учредительное Собрание ни фактически, ни формально не существует, и что необходимо накапливать на Дону силы для того, чтобы с оружием двинуться на Петроград для завоевания государственной власти. Вот в какой обстановке декларировал свою политическую программу ген. Каледин.

Предложения Каледина были приняты целиком. Было провозглашено на словах полное единение казаков с иногородними, но на деле в комиссии было принято такое постановление: в Правительство ввести пока только представителей от крестьянства (Мазуренко и К°.). Представителей от городов и рабочих не вводить, предоставив иногороднему населению произвести непосредственно выборы через месяц на специальном с'езде иногородних. Против такого положения не протестовал на Круге никто. Даже Агеев и тот счел своим долгом лягнуть своих прежних друзей социал-демократов — Литова и проч., заявив, что при современных условиях вводить кого-либо в Правительство, помимо земледельческого населения, опасно. Богаевский, Воронков, Араканцев тоже решительно высказались против немедленного ввода в Правительство кого-либо, помимо представителей от крестьян. По их мнению, о представительстве городов и рабочих не могло быть и речи: «Население городов—не является здоровым элементом. Новочеркасск — это Боссе, Литов, и К°. Ростовская Дума сделала все для того, чтобы оплевать Круг и Войсковое Правительство». Все, что, по мнению их, было возможно — это временная власть с представителями только от крестьянства. И только в дальнейшем они допускали сконструирование власти с представителями от всего населения Области.

Таким образом, сторонники парламентаризма приняли принцип не выборного представительства, а принцип представительства по выбору. Против Калединской диктатуры и против использования крестьянского представительства в интересах контр-революции и имел смелость выступить только один член Круга—В. Я. Бирюков. В своей речи, произнести которую, по тогдашнему мнению, было довольно большим гражданским мужеством, он упрекал Круг за то, что тот изменил себе в майских заветах, когда атамана себе он рисовал, как представителя в хозяйственных делах, а теперь даже отвергает принцип равенства в представительстве. «С развитием большевизма пролетарского», говорил Бирюков, «у нас развивается собственный казачий большевизм. От пролетарского

он отличается тем, что тот требует немедленных социальных реформ, а этот нет. Но тот и другой имеют своих вождей. Центральной фигурой большевизма пролетарского является Ленин, а здесь руководителями большевизма казачьего являются наш уважаемый атаман Каледин и его товарищ Богаевский». За эту речь Бирюкова исключили на несколько заседаний Круга.

Окончательно конструкция власти вылилась в следующую форму: во главе управления Областью стоит Войсковой Атаман, избираемый Кругом. Ему принадлежит право приостанавливать решения войскового правительства, если они, по усмотрению атамана, будут противоречить интересам края. Атаману принадлежит и высшая военная власть в Области. Во главе управления стоит Войсковое Правительство с законодательными функциями между сессиями Круга. Чисто казачьи дела решаются в правительстве только одними представителями казаков. Общие дела решаются с представителями от крестьян. Тех и других представителей поровну. Председатель — по назначению Круга и сверх числа представителей. Подчиненными органами Войскового Правительства являются Управляющие Отделами на правах министров.

Вот в общем схема построения власти, которую выработал 3-й Б. Круг. Схема эта почти не была заполнена содержанием, так как события следовали с головокружительной быстротой. Пока был созван с'езд иногородних, в Каменской уже был организован Казачий Обл. В.-Рев. Комитет во главе с Подтелковым, а когда было образовано Об'единенное Правительство, последнему уже не было дела, так как Сиверс был под Таганрогом, а Подтелков в Каменской.

Я. Кирпичев.

Историческое совещание в Новочеркасске.

Новочеркасск во время атаманства Каледина впитал в себя всю ненависть самодержавной дворянской России к страшной и таинственной революционной России. Стены его особняков гостеприимно укрывали и беглецов генеральской бунтующей ставки, и беглецов юнкерско-белогвардейской Москвы, и выгнанных из своих поместий донских дворян, и бросивших на произвол судьбы свои шахты углепромышленников. Новочеркасск бурлил и кипел в яростном котле контр-революции. Корнилов генеральствовал в побежденном Ростове, Назаров приводил к покорению таганрогских пролетариев, Чернецов терроризовал донецких шахтеров, в самом Новочеркасске чернецовские юнкера только что разгромили Совет. Белый Новочеркасск упивался своей ролью мессии-спасителя России от «гидры» революции.

И вдруг здесь—в Новочеркасске, в самом его сердце—в белой зале Областного Правления раздался смелый, отчетливый голос избранников революционного казачества—молодых казаков—Подтелкова и Кривошлыкова, пред'явивших не более не менее, как ультиматум войсковому правительству. Есть от чего было всколыхнуться генеральско-дворянско-чиновно-буржуазному Новочеркасску, воочию увидевшему перед собой в образе трех делегатов Донского областного Военно-Революционного Комитета ее,—страшную революцию.

Сцена совместного совещания Войскового Правительства с делегатами казачьего Ревкома, в присутствии чуть ли не всего наличного офицерства, незабываема. Автор непосредственно наблюдал за тем, как шло это достопримечательное совещание.

Основным лейт-мотивом политики Каледина было стремление сосредоточить казачьи войска в Донской области для изолирования их от революционных событий и для соответствующей обработки их с помощью российских белогвардейских идеологов и ставочных генералов.

Все совершенно опровергает легенды о Каледине, как исключительно о донском патриоте, мечтавшем о самостоятельности Дона и только. Каледин был очень умный и расчетливый и прекрасно понимал важность постепенного сосредоточивания сил, а потому в высшей степени считался с политической обстановкой того времени, не в пример пылкому Корнилову, который осторожность и способность к учету сил у Каледина принимал за слабость духа и даже в сердитые моменты называл его «казачьей слякотью».

Незадолго до созыва третьего Круга, Новочеркасская группа большевиков решила командировать т. Андрея Полотебнова на ст. Чертково для информирования остановившейся там 17-й стрелковой дивизии о положении дел в Новочеркасске. Т. Полотебнов вернулся оттуда с двумя делега-

тами дивизии, которые и выступили на Круге. Один из делегатов был солдат—крестьянин, другой—рабочий. Первый был смущен сверкающими погонами генеральского президиума и говорил в мягких тонах. Рабочий же сразу взял тон обвинения и начал упрекать Круг за его анти-крестьянскую политику, за преследование рабочих в Донецком бассейне, за насилие над ростовскими рабочими и на вопросы Круга, «зачем идет 17-ая дивизия на Дон», ответил, что «идет освободить крестьян и рабочих от насилий Калединского правительства».

Тут великолепную сцену разыграл П. М. Агеев. Взволнованным тоном он заявил, что все обвинения дивизионного делегата ложны, что на Круге присутствуют и представители крестьян (указывает на предусмотрительно захваченного ренегата из крестьянского союза Мазуренко), что основной вопрос на этом Круге—это вопрос о создании единого правительства из крестьян и казаков и что вообще все толки о розни казаков и крестьян—это клевета германских шпионов и т. п. В заключение Агеев устроил трогательную сцену братания между ним и Мазуренко, с об'ятиями, поцелуями и проч. номерами. В заключение, после окончания заседания Круга, президиум закатил Кругу выпивку с пением, танцами, речами и проч.

Дивизионные делегаты были смущены и если бы не местная группа большевиков, буквально, укравшая делегатов из под специального надзора полковника Янова, то делегаты внесли бы не малый разброд в головы наступавшей с севера на Дон 17-й дивизии. К счастью т. Семенкову удалось привести делегатов на заседание партийной группы, которая в лице Ларина, Остерлофф, Полотебнова, Кулябко и др. снабдила делегатов не только правильной информацией, но и передала им материалы стратегического характера для дивизионного комитета.

После от'езда делегатов для Каледина стало ясным, что на сепаратизме далеко не уедешь и он решительно стал на сторону об'единения. Агеев, получивший соответствующие директивы, провел принцип об'единения на Круге, за что и получил от черносотенных казакоманов презрительное название «паритетчик».

Круг признал только принцип об'единения, в жизнь же его провести поручил Войсковому Правительству. Последнее, оберегая казаков от революционной обстановки общего с'езда казаков, крестьян и рабочих, решительно отвергло метод общего с'езда и постановило созвать в конце декабря с'езд от одних только иногородних, надеясь уговорить их дать своих представителей в об'единенное правительство.

На декабрьском с'езде иногородних в Новочеркасске, преобладали три течения: одно крестьянское—массовое, плохо разбирающееся в сложной обстановке того времени, другое—соглашательское—в лице эс-эров и меньшевиков, из'явивших желание войти в правительство, «постольку, поскольку» и т. д. и третье—пролетарское, состоявшее из рабочих угольных районов. Последние скоро вступили в контакт с местной партийной группой и вели решительную борьбу против вхождения в Войсковое Правительство.

Победили соглашатели, перетянувшие на свою сторону крестьянскую массу, и в об'единенное правительство с'езд выдвинул 5 человек: проф. Кожанов (лойяльный к большевикам), Боссе (эс-эр, теперь коммунист), Федорович (рабочий-шахтер), д-р Брыкин, бывш. с.-р., в момент избрания состоявший предс. Дон. Исполн. Комитета (мартовского избрания) и незадолго до падения Каледина убитый местными черносотенцами, Мирандов, каких убеждений неизвестно, Шашников и Светозаров (определенные

политические реакционеры). Агеев торжествовал, а Каледин был доволен, ибо несколько раз на с'езде были моменты, когда крестьяне готовы были принять резолюцию рабочих, в особенности, когда последние вскрыли гнусную подоплеку участия Каледина в убийстве пред. Совета Хрустальского района т. Переверзева.

Тем не менее, некоторая моральная победа Войск. Правительству была дана и оно ее целиком использовало.

Тогда в Каменской, после казачьего фронтового с'езда, образовался казачий В.-Р. Комитет под председательством Подтелкова, при секретаре Кривошлыкове.

В начале января белый Новочеркасск с изумлением читал воззвание В.-Р. Комитета за подписью Подтелкова с призывом ко всему казачеству и крестьянам подчиняться всем решениям В.-Р. К., а через некоторое время тот же Новочеркасск узнал, что на совещание с Об'единенным Правительством прибыла делегация В.-Р. Комитета в составе т.т. Подтелкова, Кривошлыкова и Лагутина.

Положение для Каледина становилось критическим. Отряды Сиверса подходили к самому Таганрогу, Чернецов отступал под давлением рабочих отрядов Донецкого бассейна, с Юга наступали солдатские части под руководством т. Автономова. Поэтому Каледин волей неволей должен был проявить некоторую лойяльность к делегации.

Совещание происходило в первой половине января в большом зале Областного Правления. Громадный зал в два света был перегорожен во всю длину столом и битком набит всякой военной, чиновной и правительственной публикой. Времена тогда были простые, мандаты в ходу еще не были, так что в зал совещания смогли проникнуть и некоторые новочеркасские большевики. По одну сторону стола сидело почти все Об'единенное Правительство во главе с Калединым, а по другую—делегация во главе с т. Подтелковым. Последний был одет в кожаную куртку, имел типичный казацкий вихорь на голове и держался замечательно свободно. Кривошлыков имел вид интеллигента-прапорщика. Лагутин, как и Подтелков, имел вид типичного казака-фронтовика, даже не догадался еще тогда снять своих георгия и медали.

Момент был чрезвычайно напряженный. Сверкающие погоны, кресты, ордена, генеральские лампасы, сюртуки членов Правительства, костюмы дам, все это представляло такой внушительный и эффектный фон, что на нем совершенно терялись скромные фигуры трех рядовых казаков-революционеров. Тем не менее, героями дня были они.

Совещание открылось краткой вступительной речью Каледина, а затем непосредственным вопросом к делегации о цели их приезда.

Невозможно сейчас возобновить точно в памяти речь Подтелкова. Общее содержание ея было резко обвинительное. Подтелков говорил, что Войсковое Правительство оказалось не в состоянии установить мир в Донской области, что Правительство своей двойной политикой по отношению к казакам и крестьянам восстановило против себя всех честных людей. Подтелков указал, что Каледин обманывал казаков, когда говорил что им нужна только независимость Дона. На самом деле он дает убежище всем врагам русского народа и давая им возможность организоваться на Дону, он втягивает в войну с Россией все казачество. Подтелков упрекал Каледина в том, что он опять, как и в 1905 году, желает проливать казачью кровь за интересы помещиков и богачей. Указывая на преследования Чернецовым рабочих угольных районов, Подтелков обви-

нял Каледина в разжигании гражданской войны на Дону и в убийстве Переверзева.

Состав Большого Круга и порядок выборов на него Подтелков подверг убийственной критике. Он указал, как искусственно проводились на выборах старые станичные и окружные атаманы и царские чиновники, как фронтовым казакам на Круге затыкают рот. «Войсковое Правительство, говорил он, неспособно восстановить мир в Донской области. Оно предалось белогвардейским генералам и втягивает казаков в братоубийственную войну. Только мы—фронтовое казачество—сможем заключить братский мир с войсками, идущими с севера, только мы восстановим мир в Донской области и только мы добьемся для него революционной самостоятельности.—Войсковое Правительство должно немедленно сложить с себя власть и передать ее В.-Р. Комитету». Вот в общих чертах содержание речи т. Подтелкова.

Она произвела колоссальное впечатление на присутствующих. До сих пор для них революция была в абстракции. Новочеркасск привык о большевиках думать только по идиотским воззваниям Корниловского штаба, да по собачьему лаю Ст. Черевкова в «Вольном Доне», органе Войскового Правительства. На совещании же присутствующие увидели и услышали доподлинных казаков, говорящих смелые речи и ребром ставящих вопросы смущенному Войсковому Правительству.

Всем стало ясно, что здесь в зале столкнулся старый царский Дон с молодым Доном—революционным, и потому все затаили дыхание, когда с ответной речью выступил генерал Каледин.

Каледин был взволнован. Речь Подтелкова, видимо, потрясла его. Начал он с заявления, что власти он не искал, что власть была ему вручена против его воли, что единственная мечта его—это уйти от власти. Когда Каледин упомянул о том, что власть Войскового атамана он принял с незапятнанным честным именем и что, по всей вероятности, он уйдет проклинаемым, голос у Каледина задрожал и лицо его перекосилось. Он сел, не окончив речи. Настроение создалось отнюдь не боевое, но выручил какой-то экспансивный есаул. Заговорив вне очереди, он обрушился градом упреков на делегацию. Потрясая кулаками, кричал он Подтелкову о том, что тот забыл с кем он ведет разговор, что Подтелков—простой казак и должен стоять вытянувшись перед таким «кристальным» человеком, что он должен считать за честь, если с ним разговаривают люди, вроде генерала Каледина. В конце своей бессвязной реплики есаул грозил чуть ли не арестом делегации. Понятно, что речь есаула сейчас-же восстановила боевую бодрость нашей делегации и она быстро оправилась от смущения, навеянного на нее слезами Каледина.

Вторым выступил М. Богаевский. Вообще речи Богаевского также трудно запомнить, как речи соловья. Пока слушаешь, речь очень хороша. Кончит — и в голове ничего не остается. То-же было и здесь. Очень красивые экскурсии в старину, в область казачьей вольности, жалобы на узурпацию Москвой старинных, республиканских прав Дона, болтовня о непризнании суверенных прав казачьей демократии и т. д. и т. д. Все это было «красиво», но на делегацию ничуть не действовало, ибо Подтелков ехидно улыбался, как-будто говоря—«валяй, брат, валяй».

Совсем другое представляла речь П. Агееева. Агеев начал с коварного вопроса делегации—на каком-де она основании говорит об узурпации прав Войсковым Правительством по отношению ко всему неказачьему населению. „Вы говорите, что мы одни", продолжал Агеев, „а проф. Кожанов,

избранный Областным С'ездом иногородних? Разве он не представитель донской науки? А гр. Боссе? Разве он не от партии эс-эров в Об'единенном Правительстве? Шашников, Светозаров—разве они не от крестьянства? Может быть, делегация думает, что в Правительстве нет представителей от рабочих? А Федорчук—разве он не уполномоченный от шахтеров?". Таким образом, Агеев умело использовал соглашательскую тактику с'езда иногородних, представив все дело так, как об этом мечтал Каледин. Власть оказалась не узурпаторская, а самая демократическая. Правительство оказалось, с одной стороны, построенным на принципе представительства от всего населения Области, а с другой—это Правительство было даже временным, ибо оно должно было в скорости передать власть самому Донскому Учредительному Собранию, избранному на основе и т. д. Словом, Агеев раздавил делегацию тяжестью демократических доспехов, в которые он одел Об'единенное Правительство. И похоже было на то, что делегации крыть было нечем.

Но Подтелковскую голову не так легко было затуманить Агеевской словесностью. Он на нее недурно ответил уже вечером после перерыва. Повидавшись через покойного Полотебнова с работниками местной партийной группы, ознакомившись с материалами с'езда иногородних, Подтелков решительно заявил на вечернем совещании, что все высказанное членами Войскового Правительства ни что иное, как лицемерие, ибо самое главное условие, на котором с'езд иногородних пошел на об'единение, —это роспуск белогвардейских организаций и выселение их с Дону. Ввиду этого, Подтелков настаивал на сложении Калединым власти и передачи ее В.—Р. Комитету.

Агеев и Каледин с яростью набросились на делегацию, говоря, что она агентура большевиков, что Подтелков сам просил у Москвы полтора миллиона денег. Подтелков заявил, что все это ложь. Кругом поднялся шум, офицерство заявило, что делегацию надо арестовать, что делегаты шпионы... Атмосфера раскалялась. Как вдруг третий член делегации—Лагутин со своими крестами на груди поднял руку, просит слова. Шум затихает. Тогда Лагутин, попрежнему вытянув руку вверх, заявляет высоким тенорком: „Вы можете говорить все, что хотите и делать с нами все, что пожелаете, но пусть рассудит нас история..." Покойный т. Лагутин оказался прав. История на полях Юго-Востока и на крымском полуострове подписала свой приговор...

После реплики Лагутина, Подтелков решительно потребовал ответа на свой ультиматум.

Каледин потребовал перерыва. Началось долгое совещание Войскового Правительства, конечно без участия иногородних членов. Чего-то ждали, почему-то оттягивали... За кулисами правительственного механизма что-то происходило. Наконец, около 12 ч. ночи с сияющим лицом, с телеграммой в руке, вошел Агеев и радостно взволнованным тоном прочитал: „Есаул Чернецов перешел в наступление и занял ст. Зверево. Неприятель (т.-е. Подтелковские казаки) отступил на Север".

Это был ответ Войскового Правительства на ультиматум Подтелкова. Гражданскую войну Каледин ввел в новую фазу—об'явил и начал войну с фронтовым казачеством.

Разговаривать было больше нечего и делегации надо было уезжать. Иногородние члены Войскового Правительства, которых Каледин даже не пригласил на обсуждение ответа делегации, ходили как побитые собаченки.

Подтелкову предложили довезти его на автомобиле в Каменскую. Он отказался. Поездом доехал он до ст. Зверево и там пешком в обход дошел до Каменской. Уезжая из Новочеркасска, он сказал нашим товарищам, чтобы они через месяц ждали его в Новочеркасске. Тов. Подтелков выполнил свое обещание. Через месяц революционные казаки были в Новочеркасске.

Я. Кирпичов.

ВОСПОМИНАНИЯ.

Калединщина в Ростове.

I.

Утром 2-го декабря наш санитарный отряд при Красной Гвардии находился в нахичеванском театре.

Разбиваемся по группам и идем на фронт. Пули свистят, а буханье орудий вторит им. Гул все ближе и ближе. Вот уже начался бой по улицам. Казаки стреляли в каждого рабочего, если он попадался им.

Красногвардейцы героически сопротивлялись, но их в одиночку расстреливали здесь же. Около нахичеванского депо расстреляли сразу троих и не велели их убирать. Все рабочее население попряталось по своим квартирам.

Мы собрались к нашему пункту, откуда под конвоем казаков были отправлены в Ростов. Было уже темно, и часть наших незаметно разбегалась. Я так была ошеломлена, что не подумала бы улизнуть, если бы разыскивавшая меня мать не увидела и не повлекла бы меня за руку. Каледин с триумфом вошел в Ростов. Встречала, конечно, буржуазия. Наш штаб был разгромлен, знамена были сорваны. Казаки их рвали и топтали ногами.

Настроение рабочих было подавленное. Буржуазия обнаглела. Предприниматели на фабриках и заводах вылавливали рабочих-большевиков и отдавали на расправу.

Наглядно воспроизведу отношение предпринимателей. Я работала на обувной фабрике «Общества потребителей Юго-Восточной жел. дор.» и была делегаткой от рабочих.

Администрация точила на меня зубы и решила меня уволить. Союз вступился, но рабочие так были запуганы расправами Каледина, что побоялись заступиться за своего же выборного делегата, и я была выброшена.

Профессиональные союзы, и без того еще не окрепшие, были обессилены. Вся борьба их с предпринимателями сводилась к нулю: их не признавали.

Тюрьма была переполнена рабочими. Обращались с ними грубо и плохо кормили. Мы собирались в союзе швейников и обсуждали вопросы о помощи им. О нашем убежище пронюхали и союз закрыли.

В знак протеста против ареста рабочих и красногвардейцев решено было провести «мертвую забастовку». На предприятиях проводили собрания. Калединцы решили сорвать это сопротивление и, когда в столовой железнодорожников собрались рабочие и вынесли резолюцию о забастовке, явившиеся в столовую юнкера неожиданно начала стрелять в беззащитных рабочих.

Было много раненых и трое убитых, но забастовку все же провели. Рабочие, видя наглость белых, вышли из состояния оцепенения.

Были организованы торжественные похороны убитых, на них присутствовали рабочие всех фабрик. Когда траурная процессия проходила мимо караула белых, одна из работниц сказала с презрением ставшему во фронт караулу: «Радуйтесь вашей работе!» Они смутились и только проглотили эту пилюлю.

Но вот стало радостней на душе рабочих: ожидали с нетерпением занятия Ростова армией Сиверса.

Реакция усилилась. Каледин, видя пропасть, «благородно» расправился с собой.

Белые лихорадочно отступали и истребляли рабочих. Много захватили с собой и наших товарищей.

В ночь на 10 (23) февраля 18 г. Ростов стал красным.

Е. Воронина.

II.

С раннего утра, 2 декабря 1917 г. я возился и работал в Военно-Революционном комитете в «Марсе». Народ приходил, уходил; движение, суета, как всегда. Даже погода ничем не отличалась от предыдущих дней. Тот же холодный, пронизывающий до мозга костей—туман.

Члены Военно-Революционного Комитета ушли с утра куда-то. Мне ничего не сообщили. Я в этот роковой для меня день не был в курсе текущих событий. К 10 часам утра публики стало меньше... Посты красногвардейцев с винтовками стояли у входа и выхода здания. В здании же находились арестованные офицеры—казаки, помощники генерала Потоцкого. По телефону из Нахичевани сообщил кто-то о вступлении Каледина в город.

Ждать было нечего. Кроме меня и 5—6 вооруженных рабочих никого не было. Уйти и скрыться я считал позорным. Все таки в «Марсе» был военный склад пулеметов, патронов, винтовок. В несколько минут мы все нагрузили на две—три подводы и отправили их под конвоем вниз, к набережной.

Кончив чистку, я на минутку выбежал на улицу и заметил колонну казаков в шагах 50-ти от здания «Марса».

Последние посты я снял и с винтовкой, через задний ход, думал вместе с одним рабочим пробраться к реке Дону. Но пробежав шагов 20, мы вдвоем решили скрыться в каком нибудь доме, а то позади нас появились уже казаки, стрелявшие в воздух. Все ворота были заколочены. Сунулись мы в какую-то полуоткрытую калитку—трусливые соседи жильцы нас заметили. Это нас погубило. Правда, в доме жили рабочие и они помогли нам спрятать три винтовки, но нас все же прихватили. Юнкера, обыскивающие повально весь квартал, нашли сначала винтовки, а потом и нас, т. е., меня и моего спутника рабочего. Нас тотчас-же арестовали, даже хозяина квартиры не пощадили. Вообще, принцип их был понятен: задерживать всех молодых рабочих. Когда нас подводили к «Марсу», мы повстречались с офицерами и юнкерами, которые сидели у нас там под арестом, и были сейчас выпущены калединцами. Нас повели в «Марс» и посадили в комнату, выходящую окнами на балкон, на улицу. У входа сидело 2-е казаков в полном вооружении. Мы были чуть ли не первыми заключенными, но через каждые 5, 10 минут число арестованных на улице все увеличивалось. До вечера большая комната была битком набита. Настроение у всех было прескверное. Никто не знал, что с ним случится завтра, через час.

Большинство молчало. Разговор не клеился.

Через сутки зашел к нам офицер и стал некоторых из арестованных расспрашивать: за что и как они попали сюда. В результате несколько человек было освобождено. Остальные ждали, томились.

По социальному составу, это были, главным образом, рабочие—еще в своих замасленных блузах. Так начались дни калединщины для Ростовских рабочих, потерпевших поражение в неравной борьбе с об'единенным фронтом контр-революционеров от юнкеров, черносотенцев до меньшевиков включительно.

Потянулись серые туманные дни для рабочих в Ростове. На второй, третий день Каледин почувствовал себя прочно. Арестованных уже так не хватали направо и налево, с задержанными стали обращаться сдержаннее. Ведь беспокоиться-то особенно нечего. Нас в «Марсе» тоже переписали, а список сообщили в Управление коменданта города. На следующий день нас несколько человек, под усиленным конвоем юнкеров, отправили к коменданту города. Он помещался на втором этаже в здании товарищества «Проводник», (угол б. Садовой и Таганрогского проспекта). Там всех нас допросили. Меня отвели в сторону за барьер, а остальных отпустили на завод. Моя фамилия, Жук, сразу бросалась в глаза, при том меня путали с подпоручиком Жуком. Когда я отрицал за собой всякую военную подготовку, мне не верили. А между тем моя бекеша вводила офицеров в заблуждение. Они решили вызвать на очную ставку кого-нибудь из членов управы Ростовской думы. Явился меньшевик Бородулин. Он спросил меня: «Не нуждаетесь ли Вы гражданин Жук, в чем либо и не жалуетесь ли на что-нибудь». Я посмотрел ему в глаза и ответил коротко: «Мне ничего от вас не надо».

Пока моя судьба решалась у генерала Назарова, коменданта гор. Ростова н-Д., я тут же встретился с прапорщиком Вишняком, тоже арестованным на улице. У него запеклась не обмытая кровь на ухе, что было следом издевательства белогвардейцев. Прапорщик Вишняк, социал-демократ-интернационалист, работал в Военно-Революционном комитете и в Красной гвардии. При аресте, юнкера его били до потери сознания, ставили под стенку и, наконец, ему прокололи штыком ухо. С момента встречи мы стали неразлучными друзьями, по несчастию.

Удостоверившись в подлинности моей фамилии и моем звании, как гласного городской Думы, меня в числе других арестованных решили отправить в центральную тюрьму. Стражу нам дали самую рьяную: гимназистов—добровольцев. А особому попечению их поручили офицеры меня. Конвоирам был дан приказ при малейшем бегстве и попытке к такому стрелять сначала в меня. С этой целью меня заставили итти позади всех. Нас вели днем. Погода была чудесная. Солнце приятно грело. Улицы, тротуары были сухи. Народу гуляло много. Со всех сторон на нас большевиков смотрели, как на зверей. „Приличная“ публика и знакомые студенты —все в унисон ругались и кричали мне: „А, Жук, хорошо—быть арестованным“. Напуганные недавно, буржуи сейчас при белом генерале воспряли духом. Катаясь на извозчиках мимо нас, они грозили нам кулаками, зонтиками и плевали в нашу сторону.

Один наш вид на улице пробуждал в буржуазии ее звериные инстинкты. Конвоиры наши были не особенно довольны, что мы невредимы и живыми добрались до железных тюремных ворот централки.

Мы в тюрьме. Большие железные ворота захлопнулись за нами. Нас повели наверх. Часы, деньги и пр. вещи отобрали, а потом спустились с нами в нижний этаж для обыска. Обыскивали весьма тщательно. Прихо-

дилось все снимать. Потом нас передали в руки тюремной стражи. Пройдя через еще одни тюремные ворота, мы очутились в тюремном дворе. Меня, прапорщика Вишняка, еще одного молодого офицера и какого-то грузина, красногвардейца,—всех нас поместили в одной маленькой камере на втором этаже в боковом флигеле.

В этой же камере сидели до революции т.т. Турло, Соколов и др. Их фамилии записаны были на стенке. Я и мои товарищи были ужасно голодны. После поверки попросили есть. Надзиратели засуетились и принесли нам жиденький холодный суп. Первую ночь мы проводили в полной безопасности. По крайней мере, до утра нам не угрожала смерть. С таким чувством мы кое-как разместились на грязных тюфяках, на полу и заснули.

Прибытие большевиков в тюрьму составило целое событие для ее жильцов, главным образом, уголовных. Они с своей точки зрения тоже ругали Керенского и поносили соглашательское Временное Правительство за то, что оно не амнистировало их, заядлых офицеров, развратных монахов и т. п. братии, отбывающей наказание. Все эти бесправные личности высказывали нам свои симпатии. Многие из них намекали нам и даже открыто высказывали, что Военно-Революционный комитет совершил ошибку, не выпустив их из тюрьмы, их, стойких, закоренелых „большевиков", которые наверно бы поколотили Каледина.

Отношение тюремной стражи к нам было неодинаково; одни, бывшие стражники, на нас смотрели косо. Одни заискиванием перед начальником тюрьмы хотели поправить свое служебное положение. Другие—молчали, смотрели и ни в какие разговоры не вступали. На них положиться нельзя было, им было решительно безразлично, кто сидит в тюрьме, только бы их со службы не увольняли. И, наконец, третья группа, наиболее сознательных служащих была тем звеньем в нашей передаточной цепи с рабочими города, услугами которой мы пользовались до конца. Уместно тут упомянуть о старшем надзирателе, который с'организовал тюремных работников в один коллектив; он в то же время был представителем от них в местном Совете. Другой—младший надзиратель армянин исполнял все труднейшие поручения. Остальные из сочувствующих нам играли второстепенные роли. Начальник тюрьмы поляк пытался, было, заигрывать со мной. Он несколько раз приглашал к себе в кабинет и начинал лукаво речь о том, что такой молодой человек, как я, вдали от родных бросает университет и прямо попадает в тюрьму и т. д. Однажды он повел речь о бесполезности затеянной большевиками борьбы, но я всегда высмеивал его хитрые речи. Потом он больше меня не беспокоил. Наша внутренняя жизнь протекала с виду спокойно; но, когда нас арестованных скопилось больше и администрация стала обращаться с нами, как с уголовными, мы решили поголовно протестовать. Кроме нас троих, как бы главарей, в среднем корпусе в общей камере сидели рабочие из фабрики, из порта матросы и прочие наши товарищи, так десятка 2. В декабре (конце) после провала партийного комитета Соц.-Дем. Польши, Литвы (на Дмитриевской ул. 133), к нам в тюрьму попал секретарь комитета группы, тов. Отто Филиппович. Из его слов мы узнали, что остальных участников собрания после допроса освободили. При товарище О. Филипповиче нашли бумаги и поэтому его решили задержать. В комендантской города его предварительно колотили до потери сознания, но ничего не добившись, калединские „молодцы" направили его в нашу тюрьму.

Казалось бы, что после первых массовых арестов, последние должны были бы затихнуть, но эта была лишь иллюзия. При комендатуре города

существовала и работала во всю контр-разведка. Каледин и его генералы внесли в борьбу с рабочим классом систему и планомерное удушение. Наиболее активных они вырывали из массы, или просто подстреливали на улице, как куропаток. До нашего прихода в тюрьму—один боковой корпус совершенно пустовал. И вот, когда народу стало прибывать, специально для политических приспособили верхний этаж в боковом корпусе. О нас очень „заботились". Внешнюю охрану тюрьмы несли добровольцы. Они были усердными малыми и не щадя пуль, то и дело постреливали в окошечки. Раненых было несколько человек.

В январе м-це в нашу камеру посадили еще одного прапорщика бывшего местного пехотного полка тов. Орешко, который также принимая участие в восстании ростовского пролетариата.

В конце января к нам привели товарища Серафима Богадурова, преданного революции человека, хотя и беспартийного. Он приехал в город и, наверно по доносу, был задержан и отправлен в тюрьму. Из товарищей, сидевших в общей камере, я хорошо запомнил матроса, раз'езжавшего с пулеметом на автомобиле белого цвета, и старика Капустина. Последний работал в порту у устья реки Дона. На его обязанности лежало следить за судоходностью канала, постройка и чистка которого стоила миллионы. И вот, когда «Колхида» снималась с якоря, контр-революционеры пытались запрудить канал, помешать уходу черноморской флотилии. Но старик Капустин заметил во время и помешал калединцам испортить водный путь. За это ему пришлось поплатиться. Его арестовали и пригрозили расстрелять. Сидя в тюрьме, бедный старик все время был под угрозой расправы. Мы пытались было его развлечь разговорами, но страх подавлял его психику.

Связь между собой мы поддерживали постоянно. С тюремным начальством мы воевали все время. Наши требования были скромны: камер не запирать, политических перевести в одно место, ускорить следствие, невинных освободить. О наших желаниях мы сообщали начальнику тюрьмы и просили вызвать к нам градоначальника Зеелера. Мы надеялись мирным путем сговориться. Но, когда на нашу просьбу он не обратил внимания, мы решили действовать последним средством защитой—голодовкой. Это было накануне христианского рождества. Очевидно, что администрация расчитывала на нашу неорганизованность—но она ошиблась. Голодовку мы провели организовано. Более слабым мы разрешили принимать пищу; из одиночек мы перебрались в одну камеру с рабочими. Голодовка продолжалась несколько суток. Начальник тюрьмы, градоначальник Зеелер, меньшевистская Дума и рабочие на фабриках—все заволновались. В результате нам торжественно обещали ускорить наше дело, дали нам свободу внутри тюрьмы и проч. Меньшевики и эс-эры городской думы молчали перед калединскими генералами. Забастовка-голодовка кончилась и мы отпраздновали ее торжественно вечером 24-го декабря по старому стилю. Мы устроили общее угощение за общим столом из се'стных припасов, присланных нам рабочими трамвая и др. фабрик. Закончили мы вечер пением революционных песен.

Наши связи с рабочими стали еще крепче. Ежедневная газета, посылки, письма к членам группы Соц.-Дем. Польши и Литвы; письма к рабочим трамвая, которые доставлялись из тюрьмы преданными нам 2-мя надзирателями. Одно из таких агитационных писем было доставлено на собрание трамвайщиков надзирателем армянином и там им прочтено. Свидания мне разрешали без решетки. Благодаря преданности старшего надзирателя на эти свадания по одному пропуску проходило по несколь-

ко человек. Приходили и товарищи из провалившегося комитета группы Социал-Демократов Польши и Литвы. Бывали и представители от подпольного Ревкома за советами, как поступить с оружием и организацией рабочих дружин перед отступлением добровольцев. Посещали меня и студенты беспартийные, которые просто из любопытства пришли посмотреть, как большевик сидит в тюрьме и как он себя чувствует. Не оставляли меня без внимания и генералы в отставке. Когда в воздухе чувствовалось скорое наступление красных, когда дела Каледина пошли из рук вон, тогда более смышленные из белых пустились заигрывать с революцией. Так меня в тюрьме посетил один из генералов (фамилию не помню). Он даже со мной беседовал. Он ничего не хотел от меня. Но скрыть своего недовольства поведением меньшевиков он не смог. Их он ненавидел за то, что они свергли царя. Большевиков он «уважал» и стремился с ними «связаться», потому что последние на деле боролись с меньшевиками. Тоже своеобразная ориентация. Я конечно, распросил своего собеседника, что мне нужно было; попрощался с ним, ничего не обещав. Позднее, в дни власти военно-революционного комитета в 18 г., этот же генерал приходил ко мне и предлагал свои услуги по организации административной части, но условия борьбы заставляли нас тогда кругом подозревать врагов, и поэтому рука генерала повисла в воздухе,

По тем отрывочным сведениям, какие мы получали в тюрьме, все же положение Каледина, победившего рабочих, было не блестящее. Правда, военно-революционный комитет исчез. Главные руководители его бежали. Но дух их витал над Ростовом. Листовка: «Мы еще придем» *) сыграла громадную роль. Рабочие расхватывали листовку, прятали и передавали дальше. Мы в тюрьме с большим под'емом перечитали каждое слово.

Организация большевиков оживала. Для боевой активной работы был выделен военно-революционный комитет, в который входили т. т.: Дунаевский, Орлов, Власов и др. Комитет существовал тайно и никто об нем почти не знал. Его задачей было устраивать тайные склады оружия. В один такой склад я даже заглянул после своего освобождения. Он помещался на Пушкинской улице в первом этаже. Окна прямо выходили на тротуар. Комнатка была жилой, с обстановкой для маскировки. В углах под кроватью торчало несколько десятков винтовок, гранат и прочего военного добра. Посторонние посетители или так «по делу» прыгали в окно и только ночью. Были склады и в других местах. Кроме устройства складов, в задачу В.-Р. комитета входила организация рабочих отрядов, которые должны были быть разбросаны по всему городу и в нужный момент выступить.

Левые эс-эры, с т. Степановым во главе, вели работу на Темернике и в мастерских Владикавказской железной дороги.

Наш партийный комитет поддерживал регулярную связь в Царицине, Воронеже, в Грозном и с Кубанской организацией. Исключительным усилием большевистской и лево-эсеровской организации удалось оживить работу в Совете. На собраниях большевистская фракция, опасаясь арестов, прикрывалась флагом беспартийности, но ораторы наши громили меньшевиков во всю, раскрывая рабочим их раболепство перед белыми генералами, их челобитие перед реакцией. Несмотря на поражение в открытом бою, наше влияние на массы рабочих росло. Резолюции проходили большевистские. Правда, в первые дни на похоронах жертв гражданской войны меньшевики и правые эс-эры прогулялись с красными флагами, но это была

*) См. воспоминания тов. Чалой (Антоновой). Ред.

насмешка над живой действительностью, потому что трупы и мертвецы, изрубленные, застреленные белопогонниками, пошли в бой не за жалкую демократическую учредилку, а за классовые Советы рабочих и крестьянских депутатов.

Меньшевики в своем «Рабочем Деле» поспешили заявить, что отныне иллюзии насилия Советов в лице Военно-Революционного Комитета исчезли в умах рабочих, что они изжиты. Но это были слова «демократических думцев». Рабочие на деле выбирали везде своих делегатов в Советы — рабочих депутатов. Там они в противовес кучке меньшевиков организовывались во фракцию беспартийных, которой руководили наши товарищи большевики. Издавать газету организация очень хотела, но это было сопряжено с большими техническими затруднениями, а людей и так не хватало, вследствие чего эту затею пришлось оставить.

Левые эс-эры на Темернике в этом направлении успели больше. Они перед приходом красных частей выпускали газетку, воззвания. За расклейку воззваний попало к нам, в тюрьму несколько человек.

Свободы слова для рабочих не было. Им зажали глотку. Их сажали в кутузку.

Одни меньшевики и правые эс-эры могли легально печатать всякую дребедень, агитировать легально за учредилку и даже легально вывешивать красные флаги. Белые генералы считали их кроткими, ручными политиками и поэтому ни одного меньшевика, ни правого эс-эра не арестовали.

Момент развязки для Каледина, его очевидного поражения становился для всех ясным. В борьбе с красногвардейцами уже нельзя было полагаться на казаков — их не хватало. Пришлось искать резервов. Организатором их был генерал Алексеев, засевший со своим добровольческим штабом в особняке Парамонова, по Пушкинской улице. Под крылышком казачьего Круга в Ростове н.-Д. сколачивалась добровольческая белая армия. Всех офицеров держали на учете, из области не выпускали. Всю молодежь гнали в ряды добровольческой армии. Особенно отличились ростовские гимназисты и гимназистки. От общего военного угара не уцелела и польская буржуазия на Дону. Агитацией за весь 1917 г. почва среди польских солдат и офицеров в армии была подготовлена. Последние, как нельзя кстати, нашлись в Ростове под руками. Нашлись и деньги. И вот из польских белых солдат были сколочены 2 пехотные национальные части. Особенно отличались офицеры Лакомский и брат ксендза, Кардасевича. Польские паны были рады, что их реальные интересы теперь будет охранять реальная сила. Кадетский орган «Ростовская Речь» из-зо дня в день трубил: «Поступайте и жертвуйте в Добрармию». Буржуазия чувствовала себя хорошо, мечтала о свержении меньшевистских Дум. В той же «Ростовской речи» появился проект создания центрального управления городом из представителей участковых и домовых комитетов. Меньшевики, как праведные борцы за «демократию», подняли шум против «большевиков справа». Они говорили, что «большевики слева» добиваются передачи власти Советам, а «большевики справа» — власти домовым комитетам.

В промежуточном положении они находили оправдание для своей трусливой линии поведения. Заседали и болтали... Не заседали и тоже болтали.

Последние дни хозяйничания добровольцев в Ростове мы чувствовали за каменными тюремными стенами. Верные нам надзиратели с риском для своей жизни доставляли нам последние сообщения, новости и газеты.

Добровольцы, охранявшие извне нашу тюрьму, стали все чаще стрелять по нашим окнам. Нам даже сообщили, что более пылкие из них сговаривались ворваться в тюрьму и расправиться с большевиками. Мы были на чеку. Старший надзиратель принес нам даже бомбу-гранату, на всякий случай, а кроме того, дежурные надзиратели по уговору должны были дать отпор нападающим. Мы кое-как себя застраховали на всякий случай.

Уже были слышны орудийные выстрелы. Их гул предвещал нам освобождение. Мы все радовались. Но тюремная администрация заявила военным властям, что ввиду тревожного положения, она не ручается за сидящих в тюрьме большевиков. У нас к этому же времени был разработан план побега. В нем принимали участие 2 надзирателя, 2-3 члена комитета с.-д. Польши и Литвы, оставшиеся в подполье. План состоял в том, чтобы без подозрений выбраться наружу, а там на лошадях умчаться. О плане никто не знал, кроме меня, Вишняка, Орешко и Филипповича. Но тюремное начальство чувствовало что-то неладное и оно решило предупредить события. И нас, как видных большевиков, вечером под сильной стражей перевели в этапную тюрьму, находившуюся исключительно под охраной добровольцев. Наше положение сразу ухудшилось. В громадной общей камере, мы сидели вместе с ворами, военными, казаками и пр. деклассированным элементом. Грязь была невыносимая. Связь с городом мы ухитрились поддерживать записками, которые или зашивали или приклеивали незаметно. Двери были заперты, а у них стояли всегда часовые. Прогулок не было. Оправляться пускали раз в день. Умываться тоже нельзя было из-за отсутствия крана. Но и в новой среде мы снискали себе благорасположение. Просидели мы на этапе, превращенном в военную тюрьму, вплоть до ухода добровольцев из города. В день ухода все добровольцы были в полном боевом снаряжении. Они ждали только приказа сняться. Какая участь ожидала нас—заключенных, ничего нельзя было узнать. Да и никто из нас особенно об этом не заботился. Перед уходом раскрылась дверь, вошел с винтовкой часовой и стал звать: «Здесь ли Жук?» Я молчал и ожидал, остальные хором закричали:—«Он; наверно, внизу». Часовой ушел в нижнюю палату искать меня. Через минуту он возвратился и стал опять спрашивать меня. Но публика решила меня не выдавать; а когда часовой заколебался, как быть, то ему стали говорить, что все уходят, чего он ждет.

Дверь захлопнулась. Часовые снялись. Мы были почти свободны. Через часа 2 пришла тюремная стража и, открыв дверь, выпустила на свободу всех: большевиков и уголовных. Уголовные под всевозможными видами, прекрасно вооруженные, грабили и убивали направо и налево, мешая правильному ходу работы, мешая нашему первому Советскому строительству на берегах тихого Дона весной 1918 г.

Я скорее снес свои пожитки к нашей партийной работнице тов. Станковской, жившей по Дмитриевской улице, а сам двинул к товарищам, работавшим в подполье. На складе оружия по Пушкинской улице я в первый раз встретился с т. Е. Дунаевским. Мы решили связаться поскорее с другими товарищами, чтобы еще до рассвета сколотить Военно-Революционный комитет. Товарищи, с которыми я устраивал общую голодовку, в январе были высланы из пределов Донской области особым постановлением следователя. А со мной на свободу вышли: товарищи Отто Филиппович, Капустин и еще несколько человек рабочих.

Петр Жук.

III.

Командующим войсками в Ростовском округе в дни Калединщины был назначен генерал Богаевский, которым был издан приказ о немедленной сдаче оружия красногвардейцами. К населению Ростова и Нахичевани Войсковое Правительство Каледина выпустило воззвание с просьбой не пускать красногвардейцев во дворы и на крыши домов, а также с предложением уговаривать последних сдавать добровольно оружие. С первого дня вступления Калединских войск начались повальные обыски и аресты по всему городу. Тюрьмы переполнились рабочими. Репрессии принимали жестокий характер. Нагайка генерала заработала во всю. Оставшимся Советом Рабочих и Солдатских Депутатов руководили меньшевики во главе с Петренко, Васильевым, Локерманом и др. Меньшевики в своей печати обрушились на большевиков, как виновников кровавых событий... Но они совершенно умалчивали о том, что заставило большевиков и рабочих взяться за оружие, они умалчивали о зверствах над Советом, о его разгроме генералом Потоцким, о первых невинных жертвах. Они умалчивали о зверствах творимых генералом Калединым над рабочими. Совет бездействовал. Меньшевики занимались болтовней, агитацией против большевиков, за поддержку Каледина. Рабочие к их агитации относились отрицательно, они знали всю наглость лжи меньшевистских заправил. Участие рабочих в Совете было пассивно. Рабочие чувствовали одиночество, ненависть к Каледину, к меньшевикам и глубокое сочувствие к большевикам. В Совете большевики выступали под флагом беспартийных, ибо каждый день ждали ареста. Для рабочих наступили мрачные тяжелые дни испытаний, всюду чувствовалась подавленность настроения.

Повальные обыски продолжались своим чередом. Обыскивали преимущественно рабочие районы, искали оружие и большевиков. Обыски производились не только по квартирам в городе, но и по заводам. Ставились специальные караулы из казаков и юнкеров. Рабочие были крайне возмущены и недовольны этим приемом, хотя меньшевики и говорили, что эта необходимость вызвана желанием предотвращения в дальнейшем кровопролитий. В действительности это были попытки обезоружить рабочих, способных защищаться.

Рабочие на это реагировали открытым недовольством и тайным вооружением. На заводе Пастухова, где я в это время работал, ожидался также обыск. У нас было 25-30 винтовок и пол-мешка патронов. Об этом знал хозяин завода так как наш отряд Красной Гвардии обучался у него на глазах и свое местопребывание имел в комнате завкома под главной заводской конторой. Нам необходимо было к обыску приготовиться и имеющееся оружие сплавить, не вынося из завода, ибо вынести было некуда, да и поздно, патрули всюду уже расхаживали. За это взялись я, тов. Красненко—секретарь завкома и еще один рабочий. Мы предварительно винтовки разобрали, бережно укрыли в одну из отдушин помещения подвала с таким расчетом, чтобы в нужный момент их снова собрать и пустить в ход. Приехавший отряд казаков обыска не делал, но был оставлен, как и на других заводах, караул, ибо как потом выяснилось, хозяин не дал никаких сведений о существовании отряда и об имевшемся оружии. Такое его отношение было, очевидно, вызвано тем, что он чувствовал скорую гибель Калединской власти на Дону и своим молчанием, повидимому, обеспечивал свое существование в будущем. Этим и кончился ожидаемый обыск. Настроение рабочих завода было подавленное, но все ждали момента гибели белой власти и меньшевиков, губивших рабочую революцию.

Рабочие имели свои жертвы. Так, на фронте под Аксаем был убит начальник нашего отряда Федор Пейчайкин, токарь по профессии, преданный рабочему делу. Его гибель была доказательством верности делу рабочих и революции, служила примером самоотверженности.

В результате борьбы остались жертвы, мученики революции, которые были подобраны и находились в покойницкой городской больницы. Готовились похороны. Большевики желали превратить похороны жертв гражданской войны в массовые демонстрации протеста рабочих против насилия, творимого Калединым. Меньшевики же похоронами хотели доказать рабочим бесцельность борьбы.

Богаевским похороны не разрешались, но потом, после протеста и требования рабочих организаций, он согласился, при чём ставил в обязанность сохранение полного порядка и спокойствия.

Похороны состоялись в десятых числах декабря.

На похороны вышли все рабочие города Ростова и Нахичевани на Дону с красными знаменами, чтобы отдать последний долг павшим в борьбе и показать свою солидарность тем, кто торжествовал временную победу. Процессией похорон руководили меньшевики. Войсками Богаевского была усилена охрана города.

Меньшевистские ораторы в своих выступлениях пытались доказать рабочим, что эти жертвы напрасны. Рабочие чувствовали лживость этих слов, все чувствовали, что эти жертвы есть именно призыв к всеобщему единению рабочих в борьбе против капитала и власти генералов. Рабочие чувствовали, что красные знамена, склоняющиеся над жертвами, облитые кровью рабочих, зовут в бой. В этом чувстве среди рабочих тонули все бессвязные лепетания меньшевистских ораторов. Рабочие, возвращаясь с похорон, чувствовали глубокую ненависть к соглашателям и необходимость единения вокруг большевиков для дальнейшей борьбы.

Каледин, понимая, что ему не долго придется торжествовать свою победу, усиливал репрессии против рабочих. При арестах большевиков расстреливали, мотивируя попыткой бежать. На эти репрессии и расстрелы рабочие реагировали забастовками. Так, в январе 1918 г. рабочие главных мастерских Вл. ж. д. собрались в столовой главных мастерских для обсуждения вопроса, как реагировать на репрессии против рабочих. Их, безоружных, посланный Богаевским отряд юнкеров без предупреждения начал расстреливать. Подлая расправа унесла много дорогих безвинных жертв, оставив много осиротелых семей.

В ответ на это организация большевиков, к этому времени успевшая достаточно оживить работу на заводах, решила устроить мертвую забастовку протеста против такого террора. Рабочими на собраниях по всем заводам выносились протесты на действия и насилия калединских войск и отрядов юнкеров. Большевики вели подготовительную работу к забастовке. На заводах были созданы стачечные комитеты. Узнав об этом, меньшевики собрали в Городской Думе собрание из представителей всех заводов Ростова с пеной у рта доказывали недопустимость такой забастовки и требовали от рабочих ее не допускать. Но рабочие твердо стояли на своем и решили все-же мертвую забастовку устроить и на второй день после этого собрания фабрики и заводы не работали; но предатели меньшевики сделали свое подлое дело, чтобы помочь сорвать забастовку. На водопровод, электрическую станцию и пекарни они дали послать инженеров-техников, ставить юнкерские караулы, по адресам находить

рабочих и силой оружия заставлять работать. Таким образом забастовка была сорвана, а меньшевики, подло глядя рабочим в глаза, оправдывались.

Рабочие после этого увидели в одном спасение,—в организации твердой воли пролетариата, которая стерла бы с лица земли генералов-насильников и меньшевиков-предателей. Этого рабочие дождались с приходом Красной Гвардии, освободившей пролетариат Дона от контр-революции.

Заржевский.

IV.

2-го декабря 1917 года мы собрались к театру «Марс» для получения приказа—куда итти, на станцию Нахичевань, или на Кизитеринскую балку.

Мы быстро отправились по направлению к Нахичевани. Не дошли до 6-й линии, как нам навстречу бегут красногвардейцы из Кизитеринки и говорят, что в Нахичевани казаки и уже занят ими завод «Аксай». Мы тогда быстро вернулись в «Марс» узнать в чем дело. Придя в штаб, видим полную эвакуацию нашего штаба. Тов. Тулак отдал распоряжение итти к «Колхиде».

Я со своим товарищем по мастерским направился к обозным мастерским на Скобелевской улице. Пробежав бассейн, мы заметили едущих казаков. Все мы быстро спрятали винтовки около мастерских; сели на стоявшие подводы. Подождав пока прошла кавалерия, мы вошли в мастерские. Во дворе валялись винтовки. Тов. Горбоносов прятал их во дворе; мы помогли ему в этом. После мы отправились на Садовую посмотреть, что там творится. По Садовой мы прошли, начиная с Малого проспекта до Казанского переулка. Дойдя до Казанского пер., мы услышали крики «ура» и в это время появился легковой автомобиль и на подножках его стояли офицеры с цветами. Это был автомобиль Каледина. Автомобиль шел очень тихо, а офицеры, стоявшие на подножках, махали все время цветами и принимали их от публики. Садовая была переполнена буржуазией, которая кричала: «да здравствует Каледин, наш защитник».

На второй день занятия Ростова, заводы приступили к работе. Горбоносов не выходил на работу целую неделю. Многие рабочие ушли из из Ростова с частями Красной Гвардии.

Спустя неделю мы явились на работу в мастерские; встречаем директора мастерских, техника Гордеева, который сообщил нам, что ни одного рабочего не даст арестовать и что нам нечего бояться. Мы стали свободнее себя чувствовать в мастерских и приступили к подготовке похорон убитых товарищей, лежавших в Николаевской больнице.

Возобновились работы в Завкоме. Завком состоял из товарищей Горбоносова, Шишкина, Щербакова, Туренского и меня. Мы работали в Завкоме, не боясь, что нас арестуют, потому что администрация дала нам слово, а мы ей сказали, что если только хоть кого-нибудь заберут, то ей не сдобровать. Мы повели работу. Стали связываться с фронтом. Тов. Абросимов привозил нам с фронта все сведения и литературу, а также тов. Чернов частенько бывал у нас на заседаниях, где решалось, что делать дальше.

Моя задача была проводить работу в своих мастерских, а тов. Горбоносову нужно было связаться с Владикавказскими мастерскими, что им и было выполнено. Всего было на учете 131 винтовка и столько же, примерно, красногвардейцев. Наша работа продолжалась до конца января,

когда нас кто-то выдал и к нам ворвались корниловские отряды, состоявшие на половину из женщин. Окружили мастерские и потребовали сторожа Василия Кравченко, который хорошо знал, где зарыты винтовки. Кравченко принят нами был в сторожа потому лишь, что он был шахтер и бежал с шахт к нам от белых, а мы всех таких распихивали по мастерским.

Но он им не сказал тогда, кто руководил отрядом. «А, ты не знаешь? А если мы найдем, то голова долой». И повели на чердак, где у нас раньше были спрятаны винтовки. Мы не давали винтовкам лежать подолгу на одном месте; последний раз винтовки мы зарывали только вчетвером и больше никто не знал. Привели на чердак и показали ту доску, где лежали винтовки и заставили ее оторвать. Когда он оторвал, то винтовок не оказалось и они, посмотрев друг на друга, сказали: «Опоздали или она нас обманула».... — и опять стали требовать от него указать, где находятся винтовки, но он им ничего не сказал. После этого они стали бить его, избили всего в кровь, но он ничего не сказал. Затем повели его в столярный цех, сняли со стены веревку, привязали за шею и подвели к балке: «ну, скажешь или нет»? Но он одно твердил, что ничего не знает. Тогда капитан стал стрелять и выстрелом из револьвера сбил ему шапку с головы. Но все-таки Кравченко ничего не сказал.

Затем спросили, где помещается завком, он их привел в завком. У нас по стенам были плакаты. Капитан приказал своим солдатам порвать плакаты. Солдаты все плакаты разорвали и приступили к вскрытию столов; стали читать протоколы. Прочитав их, спросили, где живет Карасев, Горбоносов и Шишка Дмитрий. Он отвечал, что не знает. Капитан снова стал бить его и крикнул: «где у вас телефон?» Сторож сказал, что телефон находится в конторе. Он им открыл дверь, а сам спрятался в лежавший во дворе лес. Пролежав там немного, он перебрался через забор и прибежал ко мне на квартиру весь окровавленный и предупредил меня, чтобы я скорее уходил из дому. Я с семьей поспешил уйти к знакомым ночевать, но они пришли только на другой день и меня не застали дома.

На другой день я отправился к тов. Горбоносову обсудить, как нам быть дальше. Он сообщил, что за ним следят, и что он едва удрал от шпика на базаре. В завод нельзя было показываться. Мы решили вызвать на квартиру к себе нескольких рабочих и переговорить с ними. На утро я переоделся и пошел в мастерские, где уже был Горбоносов. Мы собрали рабочих и предложили им прекратить работу, а то нас всех могут перестрелять. Рабочие бросили работу и ушли все из мастерских. Мастерские не работали целую неделю, пока не пришли наши. Но в течение этой недели мне и Горбоносову пришлось переменить вид на жительство, и я стал не Карасевым, а Матусевичем, и ходил в пенсне. Вместе с Горбоносовым отправились на Темерник, пока не услышали выстрелов со стороны Батайска.

9-го февраля на утро мы собрались в количестве 100 человек и отправились в тыл белыми на Гниловскую станицу, откуда наступали отряды Сиверса, Трифонова и Войцеховского. Отступающих на Новочеркасск кадетов мы били с тылу.

Карасев.

Калединщина и железнодорожники.

НА ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ ЖЕЛ. ДОРОГЕ.

I.

Во второй половине ноября в Ростове на Дону в столовой главных мастерских Владикавказской железной дороги состоялся с'езд мастеровых и рабочих этой дороги.

Я с утра был на этом с'езде и не знал о том, что на станцию Ростов Владик. ж. д. из Таганрога прибыл состав военно-тракторной школы с автомобилями, снаряжением, обмундированием, с очень большим количеством довольно ценного воинского имущества.

Около полудня мой секретарь тов. Виктор Сачко*) по телефону сообщил мне о том, что прибыл этот состав, при чем по документам значится «станция назначения Ростов Дон», но комендант станции, основываясь на приказе высшего начальства, требует немедленной переотправки его в Новочеркасск.

Я дал распоряжение ему—состав пока задержать, а сам отправился, чтобы выяснить, в чем дело. Оказалось, что состав первоначально, действительно, предназначался в Ростов на Дону, а затем последовало экстренное телеграфное предписание генерала Каледина на имя генерала Потоцкого о переотправке состава в Новочеркасск.

Зная хорошо о военных приготовлениях Каледина, я решил, что пропуск этого состава в Новочеркасск будет помощью нашим врагам, которым мы собирались дать бой для чего постепенно накопляли силы.

Поэтому отдал указание агентам движения «тянуть волынку» и не отправлять состав, пока я снесусь с Донревкомом.

От Донревкома поступило распоряжение—ни в коем случае не пропускать состав в Новочеркасск.

Тогда, не теряя ни минуты, я помчался на пасажирскую станцию и увидел, что состав стоял на передаточном «екатерининском» пути ст. Ростов Влк. головой к Ю.-Вост. ж. д. с паровозом, совершенно готовым к отправлению.

В первой от паровоза теплушке были вооруженные казаки и офицеры.

Надо было действовать быстро и решительно—еще пять минут и поезд уйдет!

Не раздумывая, я бегом устремился в депо Юго-Восточной ж. д., собрал рабочих и заявил им, что для пользы революции нужно не пустить тракторную школу из Ростова, для чего требуется сейчас же разобрать главный путь у мостика через реку Темерник.

Без митингования и расспросов вся масса рабочих с молотками, ключами, зубилами, ломами высыпала из депо и приступила к работе.

Не прошло и десяти минут, как несколько звеньев рельс были сняты и отнесены саженей на 100, семафор закрыт и у ворот пассажирского парка Ю.-В. ж. д. водружен красный диск.

*) Умерший впоследствии. **Ред.**

Рабочие, разобрав путь унесли в депо болты, накладки, гайки, а сами выстроились у разобранного пути со своими инструментами и ждали дальнейшего.

Вскоре с пассажирской станции прибежал запыхавшийся сторож и сообщил, что меня «требуют к себе» генерал Потоцкий.

Пришлось сказать, что у меня к ген. Потоцкому никаких дел нет, а если я ему нужен, то он меня может найти на этом месте.

Растерявшийся и недоумевающий сторож, подбадриваемый шуточками рабочих, побежал обратно.

Через десяток минут перед нами предстал небольшой пеший отряд казаков вооруженный карабинами под командой офицера. Остановившись у разобранного пути, офицер закричал:

— «Кто смел разобрать путь, отвечай!»

— «Мы, мы!» загудели рабочие.

— «Как вы смели это делать? Немедленно собрать!» петушился офицер.

— «Вы не волнуйтесь, г. офицер!» спокойно предложил ему я—«путь разобран по распоряжению Военно-Революционного Комитета и только по его-же распоряжению он может быть вновь собран».

— «Я знать не хочу вашего Революционного Комитета»! орал офицер «по приказанию генерала Потоцкого, я требую собрать путь»!

— «Передайте генералу Потоцкому, что рабочие исполняют приказы только Военно-Революционного Комитета».

— «Если вы не дадите приказа собрать путь»—грозил мне офицер, —«то я вынужден буду»....

Рабочие не дали ему договорить, зашумели, загалдели: «вон кровопийца», «брысь собака» «тю-тю-га-га-га».... и несколько вытиевато-крепких слов, и все это покрыл свист и гиканье сотен рабочих глоток.

Несколько мгновений колебания, а затем лаконическая команда: «кругом.... марш...!» и офицер с казаками испарился.

Через час я получил от Донревкома распоряжение выгрузить содержимое поезда в пакгаузы железной дороги.

Состав был подан к так-называемым «северным» пакгаузам Ю.-В. ж. д. (7, 8, 9. и 10—за переездом) и был разгружен в присутствии какой-то смешанной паритетной комиссии, прибывшей из города.

Это был первый активный шаг ростовских рабочих на пути Октябрьской революции.

Павел Безруких.

II.

После прихода Каледина в Ростов я продолжал работать в Главном Дорожном комитете Владикавказской железной дороги.

Что собою представлял Главн. Дорожн. Комитет в это время?

Последний делегатский с'езд в Кисловодске дал представителей разных политических группировок: здесь были эс-эры, меньшевики, кадеты, народные социалисты, даже монархисты и просто беспартийные. Председателем этого нового состава был умный и тонкий эс-эр Эккерт, из конторщиков—управленцев. Он сразу же повел умелую двойную политику, лавируя между администрацией и рабочими и в одно и то же время надувая и тех и других. В самом комитете на заседаниях постоянно велись бурные споры из-за каждого пустяка. Нас, большевиков было всего три человека: Мишуров, Константинов и я. Первые двое—рабочие, я же—

железнодорожный учитель. Всего членов Главкома было 22. Ясно, что наше значение было весьма небольшое.

Меньшевики все время вели двойственную политику: пока город Ростов не был взят Калединым, они постоянно натравливали рабочих на большевиков, обвиняя их, как виновников начинавшейся гражданской войны, пугая рабочих ее ужасами, но с момента взятия Ростова, они вдруг резко переменили тактику, и сделав соболезнующий вид, начали пускать стрелы по адресу Каледина и потребовали торжественных похорон жертв гражданской войны, расчитывая на этом выиграть в глазах рабочих.

Я помню эти похороны *). Это был ясный зимний день. Шел редкий, но крупными хлопьями снег. Огромные толпы народа выступили на улицы. Буржуазия спряталась. Что-то грозное было во всем этом. Девяносто черных гробов, в них трупы с изуродованными лицами, их медленно несли по Садовой улице, от городской больницы к Таганрогскому проспекту. Вокруг всего этого неслось различное пение: „Вы жертвою пали...“, „Со святыми упокой“ и др. Все это представляло собой удручающую, с резкими контрастами, картину: черные гробы и падающий белый снег, революционные красные знамена и черные мрачные хоругви, угрюмые мрачные лица рабочих и маслянично-торжественные—попов, казачьи отряды, охраняющие шествие и организованные группы пролетариата,—словом, как будто, кто-то искусственно подобрал и составил все это противоречивое и несогласуемое, как бы желая показать, что старое сменяется новым, вызывая ряд противоречий и что это новое «жертв искупительных просит». Такого огромного скопления Ростовского пролетариата никогда до того времени никто не видел. Шествие, начавшееся от границы Нахичевани—тянулось почти до конца Садовой. Я не был на кладбище, но слышал потом, что меньшевики использовали эту трагедию рабочего класса для речей и проклятий по адресу его борцов и защитников.

Потянулись тяжелые дни. Делать в Главкоме было нечего. Администрация управления дороги подняла голову и начала наверстывать свои прежние уступки. Быстро все переменилось и внешне. Вновь запестрели управленские комнаты инженерскими мундирами, блестящими манишками, всякими значками. Стали кое-кого и выкидывать. В мастерских рабочие шумели, волновались, в воздухе было как-то тревожно, неспокойно, как бывает перед грозой.

В Москве собирался 2-й Всероссийский с'езд железнодорожников. Я помню, как мы с учителем Богословским все разузнавали, что делается в Москве и как туда пробраться. Под самое Рождество, нужно было выехать. Мы уже собрались, но вдруг в управлении получилось извещение, что сообщение с Москвой прервано и на Чертково что-то неблагополучно. Появились опять волнующиеся бледные лица, вытянутые и грозные фигуры администрации. По городу усиленная охрана. Стали распространяться слухи о появлении каких-то большевистских ужасных отрядов, зверски расправляющихся со всеми.

В Главных мастерских Владикавказской дороги шли беспрестанно собрания рабочих, требовавших уплаты жалованья, снятия военной охраны. В Батайске начался белый террор. Вечерами позже 6-ти часов нельзя было ходить. Рабочие наседали на Главком и требовали его вмешательства, но он был бессилен и ничтожен. Однако, все-же ему пришлось вступить в активную роль посредника. И вот, однажды, незадолго до Крещения, Главком созвал пленарное заседание с представителями Месткомов. На это

*) Похороны жертв ноябрьских боев в Ростове в 1917 г. проходили под руководством меньшевиков и эс-эров. **Ред.**

заседание приглашена была и местная власть в лице офицера, коменданта станции и Темерника. Я помню, как сейчас, это бурное заседание. Тесная накуреная комната (Главком не мог добиться себе даже хорошей комнаты), полная народу: рабочие из мастерских, управленцы и посреди этой разношерстной массы, силуэт человека в погонах. Я мало знал пришедших и поэтому пристально всматривался в лица рабочих. Помню особо остановил мое внимание на себе рабочий Карпенко, с большими черными горящими глазами, он громко и открыто стал бросать офицеру резкие упреки и обвинения. Атмосфера спора доходила иногда, как говорят, до апогея; казалось, еще момент и произойдет схватка между офицером комендантом и рабочими. Комендант беспрерывно вертелся и как-то нервно схватывался за оружие, но старался держать вежливый и скромный тон.

Наконец, после долгих споров и возмущений, комендантом было дано обещание принять меры к прекращению террора и обеспечить на завтра (9 января) полную гарантию собрания рабочих в мастерских. Мы разошлись очень поздно. Многие остались из-за предосторожности ночевать в Главкоме. На завтрешнее собрание я должен был с т. Мишуровым прибыть в столовую главных мастерских.

Утром рано я отправился сначала в Главком, откуда и должен был выехать в столовую. Но не успели мы и собраться, как по телефону получилось ужасное сообщение: на столовую, когда там уже собралась масса рабочих, ждущих нашего приезда, сделано было нападение, при чем несколько человек было убито и ранено. Как громом поразило нас это известие. Нам было сообщено, чтобы мы приняли меры, на случай возможности нашего ареста. Я не ушел из управления, т. к. никого в Главкоме больше не было, а т. Мишуров с другими выехал в мастерские. Из рассказов очевидцев я узнал, что совершенно беззащитных, выбегавших в панике из столовой, подстреливали; многие рабочие бросались в окна, разбегались по улицам. В результате 4 невинных жертвы. Один из них хорошо мне знакомый рабочий, безобидный человек—это т. Маликов—пал случайной жертвой озверевшей белогвардейщины; его просто пристрелили на улице, когда он шел с работы. Это событие удручающе подействовало на всех. Даже наш постоянно лавирующий Главком, совершенно не знал, что делать. Созвано было экстренное собрание, на которое пригласили все месткомы и администрацию. Были бурные и продолжительные прения.

Администрация и меньшевики предлагали немедленно избрать делегацию к Каледину и выяснить ему, как это все произошло, установив виновных, договориться с ним о пострадавших и, кстати, воспользоваться моментом и получить разрешение на получение кредита, так как рабочим нечем платить, ввиду приостановления деятельности дороги. Мы же,— группа рабочих и некоторые члены Главкома, принадлежащие к большевистскому течению, настаивали на немедленном об'явлении забастовки-протеста против калединского насилия, на немедленном снятии военного положения. При голосовании все же перевес оказался на стороне администрации и решено было избрать делегацию, в состав которой вошел тов. Мишуров, инженер Янушевский, инженер Касперович. Делегация должна была срочно выехать.

На другой день мы хоронили убитых. Это был туманный сумрачный день. Мы все должны были собраться около Николаевской городской больницы, где находились тела убитых. Было грустно и жутко. Народу было мало. Медленно вынесли четыре темных простых гроба и процессия двинулась по Садовой на Темерник. Я шел впереди рядом с управляющим дорогой инженером Осиповым, который был ненавидим рабочими до глу-

бины души. Это был тип ярого реакционера, об удалении которого в Главкоме постоянно поднимался вопрос. Мы шли молча, ненавидя друг друга.

Так продвигались мы до Темерницкого моста. Здесь нас остановил военный конвой, но потом после переговоров с Осиповым, нас пропустили дальше. Идти пришлось далеко за Темерник; здесь примкнули к нам много женщин и детей. На могиле не было никаких речей, все разошлись понуря головы. Через день в Ростов вернулась и наша делегация. Каледин очень любезно ее принял, обещал наказать виновных, распорядился заплатить семьям убитых по 30.000 рублей (как раз 30 сребренников), обещая открыть кредит для рабочих; словом делегация была в восторге.

Наш же представитель, т. Мишуров, секретно нам передал, что в Новочеркасске творится что-то неладное. Каледин растерян и даже, зная, что Мишуров большевик, весьма с ним долго разговаривал и обещал полную охрану при возвращении.

Приблизилось время, когда и над самим Калединым уже навис меч. Быстро пошли дни в ожидании. Однажды, как то Председатель Главкома созвал общее собрание членов и сообщил, что из Центра получено извещение, что на с'езде железнодорожников большинством было постановлено признать Совласть и что наша задача теперь неясна, как нам быть, при чем он указывал, что есть такие дороги, которые отказались признать власть большевиков и что, следовательно, мы тоже можем остаться при своем мнении, при этом он страшно горячился. Когда ему возразили, он крикнул даже: «большевики здесь властвовать будут тогда, когда перешагнут через мой труп». Этого было достаточно, чтобы заседание обратилось в бушующее море. Нельзя было разобрать, кто что говорил; наконец, все разбежались, оставшись при своих мнениях. Так продолжалось несколько раз, и, наконец, заседания прекратились. Все смотрели озлобленно друг на друга, не хотели даже здороваться. Однако время шло. Работы, конечно, никакой не было. Но вот в конце января стало совсем ясно, что волны раскатившейся революции от нас уже недалеки. Где-то двигался Подтелков, застрелился Каледин, изменил Гнилорыбов, волнение в станицах и отдаленный грохот орудий—все говорило в нашу пользу.

Однажды по Управлению разнесся слух, что в эту ночь председатель Главкома Эккерт хотел застрелиться и его едва спасли. Слух этот оправдался; Эккерт не показывался дня три и вдруг прислал неожиданно записку на имя Мишурова, что он передает ему свои полномочия и просит созвать секретное совещание по одному очень важному вопросу.

Мы собрались, совещание носило чрезвычайно интересный характер. Эккерт таинственно нам сообщил, что возможно, не нынче, завтра войдут большевистские войска и мы будем арестованы, как непризнавшие Советской власти. Поэтому нам нужно сейчас же принять соответствующие меры, а именно вынести сейчас секретное постановление, что Главком Владикавказской железной дороги стоит на принципе признания власти большевиков и ввода советской формы правления, а администрация — управляющий Осипов и Иорданов и его помощник предаются революционному суду. Вместо управляющего назначается коллегиальный орган комиссаров, при чем главным комиссаром дороги назначается Должников, как рабочий, другие же кандидатуры, выдвинутые им по отделам—часть из администрации и часть из членов Комитета, а именно: из администрации —Янушевский, Дунин и Начальник Главной кассы, из членов Главкома— Мишуров, Константинов и еще не помню кто-то, я же намечался, как комиссар по учебной части.

Об этом пока оффициально не об'являлось, так как нас могли сейчас-же арестовать и предать суду. его предложение было принято.

Все эти дни со стороны Батайска слышались орудийные выстрелы. Дня через два, выйдя из управления дороги, я поражен был необыкновенным зрелищем: по площади вдоль и поперек, справа и слева двигалась какая-то серая масса людей, вооруженных винтовками; они шли шумно разговаривая между собой. Я влился в их толпу и узнал, что это войска тов. Сиверса, большевики, идущие через Ростов. Вдруг раздались сразу в нескольких местах оглушительные выстрелы и открылась пулеметная стрельба. Несколько пуль просвистало около меня. С диким криком промчались всадники в высоких кавказских шапках. Началась стрельба по всему городу, это часть засевших белогвардейцев стреляла из домов. Я пустился в обход через площадь и через солдатские казармы, где была полнейшая тишина; все солдаты ушли. Было очень жутко среди пустых казарм. Выбравшись оттуда, я стал пробираться около домов, стараясь не попасть под обстрелы из окон. Грохот разрывавшихся бомб, трескотня пулеметов и редкие, отчетливые одиночные выстрелы винтовок и револьверов не прекращались. Наступила темная ночь—стало стихать. Только отдельные выстрелы не прекращались всю ночь. В эту ночь белогвардейцы покинули город.

На другой же день, от имени Главн. Дорожного Комитета было об'явлено все то, о чем было постановлено на секретном заседании. Наш Главком перестал почти существовать, все перенеслось в Комиссариат, который занял кабинет управляющего дорогой. Вскоре главным комиссаром Владикавказской железной дороги был избран т. Мишуров.

Тов. Мишуров был член РКП—рабочий из Владикавказских мастерских, энергичный человек. Весь вид его говорил об уме, смелости и находчивости. Обыкновенно он в спорах говорил кратко, но всегда конкретно, даже наши враги с его мнением считались. Его большие черные глаза, правильное, обросшее черной бородой лицо, красивое и внушительное, сразу останавливало на себе внимание.

Я впервые заметил его на делегатском с'езде в Кисловодске, где он был избран в председатели с'езда. Тов. Мишуров погиб в борьбе на Кавказе, до конца оставшись на своем посту. Он первый проложил великий и трудный путь овладения железнодорожным аппаратом рукою простого малограмотного рабочего, он первый показал, что рабочий не только хочет, но и может управлять огромным механизмом. Расстался с ним в Минеральных Водах в июле месяце, когда уже кругом мы были окружены белогвардейскими бандами. Потом узнал, что перебираясь через Дарьял со своим неизменным другом, рабочим писателем т. Китаевым, они оба попали в руки разбойников осетин и, ограбленные и убитые, были брошены в вечно бушующий Терек, который и выбросил их трупы недалеко от Владикавказа. Проходившие наши части узнали их. Так окончил жизнь свою один из замечательнейших железнодорожных рабочих Владикавказской жел. дор. Память о нем должна остаться в наших сердцах.

Тов. Константинов, рабочий Ростовских Главных мастерских, чл. РКП, работавший все время в подпольной организации Темерника. Молодой еще парень, лет 20-ти. Высокого роста, горбоносый, худой, с большими серыми выразительными глазами. Он представлял собой особое олицетворение коммунизма: быстрые решительные движения, непреклонная воля и смелость. Он был с самого начала членом главкома, но сначала мало выделялся. Я познакомился с ним после 2-го делегатского

с'езда, на котором он громил меньшевиков и колеблющихся беспартийных. Сначала он видимо питал ко мне недоверие, как к интеллигенту, но впоследствии мы стали самыми близкими и искренними друзьями. Он погиб почти, что на моих глазах. Дело было так: нас троих—меня, Константинова и еще одного товарища рабочего главный-железнодорожный Исполком (так стал называться прежний главком) на Минеральных Водах направил в Москву с различными поручениями в июле месяца 1918 года. В это время уже весь Кавказ клокотал в схватке отступавших наших отрядов и наступавших белогвардейцев. Ехать через Тихорецкую уже было нельзя, оставался лишь путь через Новороссийск и Украину, что представляло большие опасности, так как Новороссийск был накануне падения. Мы едва проскочили через Екатеринодар и добрались до Новороссийска. Здесь мы узнали, что местный революционный комитет ликвидируется и уже ожидается переход власти в руки немцев. Выезд из Новороссийска прекращен и лишь частным образом, за большие деньги можно выехать в Керчь. Однако мы решили ехать, хотя знали, что в Керчи нас ожидает большая опасность—там была власть белых. Незадолго до захода солнца, мы выехали в открытое море на небольшой моторной лодке. Был тихий вечер—море спало. Константинов сидел сумрачный и все ерзал по скамейке, нервы у него видимо были расшатаны. На моторной лодке сидело человек 20 какой-то подозрительной и совершенно чуждой нам публики; это были большею частью иностранцы, видно, буржуи, перебиравшиеся в свою сторону. Все они были очень веселы, много пили и болтали. Нам было жутко с ними ехать и мы старались взять тон, согласованный с общей обстановкой. Ночью погода столь резко изменилась, что мы все стали беспокоиться за свою судьбу; огромные расходившиеся волны кидали нашу лодку, как щепку. Ночь была невероятно темная, вдали беспрерывно сверкала молния—все предвещало шторм. При проезде мимо Анапы нам было запрещено курить, т. к. в этом месте находились пираты, которые заметив огонек, могли броситься за нами в догонку. Едва, едва к рассвету добрались мы до Керченского пролива. Константинов страшно изменился за ночь; без того худой и длинный, с горбатым носом, он теперь стал, как пришелец «с того света». Всю ночь мы обдумывали с ним план наших дальнейших действий. Под влиянием различных разговоров о документах, он стал уничтожать всякие подозрительные бумажки и свою железнодорожную карточку, где он значился, как рабочий. У него остался только один паспорт, но он оказался просрочен и таким образом он остался без документа. Чтобы выйти из этого положения, он решил паспорт подправить, поставив другой год, что здесь же и проделал. Сделано это было плохо и паспорт стал подозрительной бумажкой. Этот-то паспорт его и погубил. Как только мы вошли в Керченский пролив, нас сейчас-же остановили, не допустив к пристани, осмотрев в подзорную трубу нас издали и дав какие то знаки нашему машинисту; мы были оставлены в заливе без всякого внимания на довольно продолжительное время. В это время пошел сильнейший дождь. Обмокшие и продрогшие, мы тряслись, как в лихорадке, не зная, что с нами будут дальше делать. Уже к вечеру нас потащили на буксире к берегу, так как наш мотор оказался испорченным и не действовал. На берегу нас окружил конвой иностранных солдат, продержали часа два, ожидая доктора для осмотра. Наконец пришел немецкий врач, который, ни слова не говоря по русски, тыкал каждого из нас пальцем и заставлял раздеваться, быстро окидывал взглядом. Мне даже казалось, что это была простая процедура не обнаруживания болезни, а искания значков матросских на теле, тем более, что разде-

вались не все. Ехавшие с нами иностранцы давно уже куда-то исчезли радостные и веселые. Нас же несколько человек подозрительных направили под конвоем в сарай, где и началась проверка документов. Я до сих пор не могу забыть тех минут, когда меня опрашивали, проверяя документы. Жизнь была на волоске. Я видел, как при малейшем подозрении уже вели в особую группу подозрительных, судьба которых разрешалась впоследствии на полуострове Тамани. Меня спасла учительская железнодорожная карточка; вероятно, им и в голову не пришло, что учитель-интеллигент был замешан в участии к «большевистской банде». Так я прошел спокойно еще ряд осмотров и был выпущен на свободу. Осматривали и допрашивали нас немецкие офицеры, украинские (гайдамаки) и казачьи.

Я очутился на улице и оглянулся. Константинов подошел к осмотру. После некоторых сделанных им руками жестов и протестующих движений головы—он очутился в группе обреченных. Он махнул мне рукой, видимо, он дал мне понять, чтобы я уходил. Я быстро сел на извозчика и уехал на станцию, куда вскоре прибыл и третий наш товарищ Симонов. Мы прождали Константинова всю ночь, а утром уехали на поезде из Керчи. Константинов был повешен, как я потом узнал. Так погиб бесследно еще один боец рабочий-железнодорожник. Память о нем навсегда останется у железнодорожников.

В. Третьяков.

ТЕМЕРНИЧАНЕ-ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ.

I.

На Темернике к Октябрьской революции организация левых эс-эров была сильнее большевистской. Но все рабочие, главным образом, из главных мастерских Владикавказской железной дороги, бывшие левыми эс-эрами, боролись заодно с большевиками и в дни Октября и в гражданскую войну. Многие из них сейчас в рядах РКП (большевиков). Перед Октябрем Темерницкий Комитет левых эс-эров организовал боевую дружину рабочих, которая участвовала в боях против белых в ноябрьские дни 1917 г.

На другую ночь после расстрела членов Совета т. Степанов, председатель Темерницкого районного комитета партии левых с.-р., вместе с двумя другими членами районного комитета через Революционный Комитет достал винтовки и ночью же их привез на Темерник.

Утром был созван комитет партии и т. Степанов информировал всех членов комитета о событиях, о том, что на Ростов двигаются из Новочеркасска белые банды и что необходимо вооружиться, чтобы дать им должный отпор. Сейчас же все члены Комитета разошлись по цехам Влк. ж. д. мастерских, и не больше, как через час собралось уже большевиков, левых с.-р. и беспартийных рабочих столько, что не хватило привезенных на грузовых автомобилях винтовок для раздачи им и многие вернулись, не получив оружия.

В то время передали, что необходимо подкрепление в Нахичевань. Сейчас же была выделена туда группа человек в 40 во главе с т. Самойловым. В эту группу попал и я.

На грузовом автомобиле мы отправились в Нахичевань. В это время белые, наступавшие сначала в направлении Балабановской рощи и отбитые там, хотели пробраться в Нахичевань на Дону. Наши товарищи, руководившие боевыми действиями, учли маневр белых и стали укреплять эту

часть фронта. Таким образом, наша группа попала за Нахичевань под кирпичные заводы. Там уже были рабочие с других заводов. Позиция занятая нами была очень хороша. Кирпичи, сложенные невысокой стеной, были хорошим укреплением. Приблизительно часа через полтора, как прибыли туда, мы заметили, выходящую из балки кавалерию противника. Белые ехали в нашем направлении, не стреляли, как видно, думая, что здесь никакой вооружённой силы нет. Подпустив их ближе, мы дали несколько залпов. В их рядах произошло смятение и через несколько минут белые опять спустились в балку. Через полчаса белые начали нас обстреливать из орудия, но прикрытие наше было хорошее и результатов обстрел этот им никаких не дал. Обстрел продолжался до самого вечера.

Когда уже совсем стемнело, нашу группу оттуда сняли и мы направились на вокзал. Причины снятия мы сначала не знали, но когда пришли к Темерницкому мосту, то здесь только узнали, что днем юнкера, офицеры и казаки во главе с генералом Потоцким заняли вокзал и необходимо было оттуда их выбить. В гостинице бывшей Тихонова были красногвардейцы; мы присоединились сейчас же к ним и ночью раза три пытались приблизиться к вокзалу, но безрезультатно; узкий проход не давал итти развернутой цепью, шли группой. Каждый раз, как только появлялись на площадь перед вокзалом, мы были осыпаемы пулями с трех сторон, со станционного здания, с красного здания и со стороны полотна Юго-Восточной жел. дор. Утром группа Темерничан направилась через Новое Поселение на Темерник. Со стороны Темерника в это время наша другая группа из главных мастерских с присоединившимися к ней рабочими завода быв. Панина вела также обстрел станции. Мы присоединились к ним и общими усилиями с двух сторон, со стороны города и со стороны Темерника, часов в 10 утра заняли вокзал. Здесь был захвачен в плен генерал Потоцкий, которого мы передали в распоряжение Революционного Комитета.

Вооруженная часть рабочих Темерника все время держала позицию в степи за Темерником с момента занятия станции и до того дня, когда калединские войска заняли Ростов. С этой стороны по направлению к Темернику никаких наступлений не было, только разновременно появлявшаяся разведка противника показывала, что именно с этой стороны белые хотят пробраться в Ростов.

С утра 2 декабря, в день занятия Ростова Калединым, начали поступать сведения о том, что показываются значительные разведывательные отряды противника. Часов с 12 дня калединские войска начали наступать на Ростов в направлении Олимпиадовки. Боевая дружина железнодорожников, дружина партии левых с.-р. тоже почти исключительно из железнодорожников и примкнувшие рабочие с других заводов, бывшие на позиции за Олимпиадовкой, до самого последнего момента удерживали натиск врага. Только после того, как было сообщено, что Революционный Комитет решил оставить Ростов и предложил всем участникам прибыть на пристань для ухода на приготовленных судах из Ростова, была оставлена позиция. Приблизительно через полчаса, а это было часа в 3, белые уже заняли вокзал.

В подполье, т. е. в период нахождения калединцев в Ростове, дружина, как боевая единица не существовала. Оружие частью было оставлено и, где только было возможно, спрятано. С момента сформирования дружины и по день занятия Ростова Калединым все время дружина Темерника находилась в боях совместно с боевой дружиной железнодорожников под общим руководством Военно-Революционного Комитета.

Члены Темерницкого, комитета партии левых с.-р. и много других рабочих Темерника, активных участников вооруженной борьбы против белых, остались в Ростове.

Темерницкий районный комитет партии с.-р. на другой день после занятия Ростова белыми был разгромлен. Там белые забрали спрятанные бомбы, которые не пришлось использовать во время боев из-за отсутствия к ним капсюлей. Члены комитета и активные работники опасались арестов и поэтому старались меньше бывать у себя на квартирах и вместе нигде не собирались; необходимые сведения передавали один другому.

Прошло несколько недель, но арестов никаких не было. Решили начать работу. В первую голову, среди железнодорожников всего Ростовского узла была развита агитация в пользу Советской власти. Наладили получение газеты «Известий ВЦИК» через машинистов и, таким образом знали, что делалось в центре России. Так как члены комитета и активные работники являлись рабочими гл. мастерских и депо Юго-Вост. ж. д., работали по всем цехам, они были тесно связаны с рабочей массой. Агитация имела большой успех и через несколько времени мы почувствовали, что каждую минуту, когда это потребуется, достаточно одного знака, чтобы устроить забастовку. Велась агитация и на вокзале среди солдат и казаков, которые прибывали в это время с фронта. Эта агитация против белых тоже давала положительные результаты. Доказательством этого может служить следующий факт. Один из наших товарищей вел беседу с группой казаков, ехавших с фронта эшелоном. Вдруг подбегает к группе один из фронтовиков и говорит, что сейчас юнкера арестовали двух казаков, которые говорили в пользу Советской власти. Это передано было всему эшелону. Из всех вагонов сейчас-же бросились на станцию, освободили арестованных и избили нескольких юнкеров и офицеров. На другой день также при попытке арестовать одного из казаков двое офицеров были избиты. После этих случаев, как только приходил эшелон, на платформе не видно было ни одного офицера, и мы свободно могли вести агитацию и не оглядываться по сторонам, а прежде приходилась делать так, что один ведёт беседу в группе, а человека два стоят в стороне для предупреждения появления офицеров или юнкеров.

Кроме агитации районный комитет решил начать печатать газету под названием «Социалист-Революционер». Это уже было после раскола партии с.-р. на левых и правых. Темерницкая организация целиком присоединилась к левому крылу. Печаталась газета в бывш. типографии Совета Рабочих и Солдатских Депутатов через посредство двух членов партии с.-р., работавших в то время в типографии. В день выхода первого номера газеты один член комитета был арестован за ее распространение, но при содействии рабочих гл. мастерских освобожден. Дело было так. Первый выпуск газеты должен был выйти в 2000 экземпляров; 1000 экземпляров была напечатана часам к 8-ми вечера и их вечером переправили на Темерник. Здесь эти 1000 экземпляров были по частям разобраны всеми членами комитета по домам, чтобы утром на другой день можно было прямо нести в мастерские. Так как было не так еще поздно, тов. Филиппов и пишущий эти строки отправились на вокзал, куда мы ходили почти каждый день с целью агитации среди прибывающих с фронта солдат и казаков. Взяли с собой десятка 2 газет. На платформе вокзала была целая толпа публики, так как в это время отходили поезда. Здесь же мы увидели группу казаков с фронта, с которыми вел беседу один из наших товарищей, Мы сейчас же влились в эту группу и предложили нашу газету. От этой группы мы прошли дальше по платформе. К нам

начали подходить еще, прося газету. Бесплатно распространять мы ее не могли, так как были затрачены все имевшиеся у нас средства и потому приходилось ее продавать. Тов. Филиппов давал газеты, а я получал деньги. Я немного отстал от Филиппова, давая кому-то сдачи и отделен был от него толпой публики. В это время я заметил, что к нему подошли юнкера. Поняв в чем дело, я сейчас же перескочил за вагоны стоявшего поезда. Его арестовали и направили к коменданту. Мною сейчас же было сообщено о случившемся членам комитета. Утром, собравшись в мастерских, решили при распространении газеты повести агитацию за избрание делегации от мастерских для освобождения т. Филиппова, как рабочего гл. мастерских. Мне и тов. Лесникову было предложено доставить в мастерские другую 1000 экземпляров газет, которая должна была быть отпечатана ночью. Когда нами газета была доставлена в мастерские, делегация уже направилась для освобождения т. Филиппова. Его пришлось сначала розыскивать, так как, куда не являлась делегация, им заявляли, что такового нет и про арест его яко-бы не знали. Но потом все же мы определенно узнали, что он сидит у коменданта города в помещении бывшего полицейского управления. После настойчивого требования делегации об освобождении т. Филиппова, он был освобожден под расписку и поручительство делегации. Тов. Филиппов недели 3 лечился от побоев, которые получил при аресте. Несмотря на этот арест, газета через определенный промежуток времени была выпущена еще в четырех номерах и последний номер вышел в количестве уже четырех или пяти тысяч экземпляров. Распространять, конечно, пришлось более осторожно. Последние номера распространялись, кроме тл. маст. и железнодорожного узла, и по другим предприятиям Ростова. Прекратить печатание ее пришлось потому, что об'явлено было военное положение и начались беспрерывные аресты и расстрелы.

Кроме этой работы, районный комитет решил использовать время для подготовки женщин-членов партии для дачи первой помощи раненым. Вызвано это было тем, что во время ноябрьских боев в этом ощущалась большая нужда. Группа была создана и работала под руководством одного фельдшера—члена партии. В последние дни нахождения Каледина в Ростове в 1918 году, у районного комитета возникла мысль связаться с подходящими к Ростову советскими войсками и, сговорившись, в известный момент выступить в тыл белым. Осуществить это не пришлось только потому, что оружие было спрятано в разных местах, а в одно место снести его было невозможно. Пришлось ограничиться тем, что в момент бегства белых по Темернику сверху вниз отдельные товарищи «провожали» их из винтовок. Вот приблизительно та подпольная работа и отдельные ее штрихи, которая проводилась темерницким районным комитетом партии лев. соц.-револ. (интернационал.)

* * *

Зверский расстрел рабочих произошел 19 января (ст. ст.) 1918 года, когда черная свора во главе с генералом Калединым держала еще в своих руках власть в Ростове н-Д., на время отняв ее у восставших рабочих.

В декабре 1917 года, когда сильно свирепствовала калединская реакция, рабочие ответили на это массовыми забастовками.

В пролетарском центре Ростова, т. е. в главных мастерских Влк. ж. д. в это время была забастовка. Возникла она в связи с введением военного положения и участившимися случаями ареста и расстрела рабочих. После двух или трех дней остановки работ в главных мастерских Влади-

кавказской железной дороги, стачечным комитетом было назначено общее собрание рабочих для освещения хода забастоки. В назначенный час был дан гудок и через полчаса после гудка столовая при главных мастерских, вмещающая в себя около трех тысяч человек, была, что называется, битком набита рабочими. Стачечным комитетом было открыто собрание. В начале собрания появился кто-то из воинских лиц калединского правительства, который на вопрос, заданный ему рабочими, допускает-ли донское правительство возможность сбора общих собраний рабочих, заявил, что настоящее собрание, собравшееся тихо и спокойно, никто не разгонит. Здесь-же этот воинский чин выступил с речью, уговаривая рабочих приступить к работе. После своей речи он удалился, а рабочие стали обсуждать вопрос, продолжать-ли забастовку или приступить к работе. Через несколько времени после ухода этого воинского чина, в конце зала раздался шум. Передали, что идут вооруженные белогвардейцы. Не успел этот шум распространиться по всему залу, как уже в двух имеющихся выходах появились вооруженные белогвардейцы во главе с офицером. Не обращаясь совершенно ни с какими предупреждениями к собранию, офицер отдал команду:—«смирно!...» «пли!»

Раздался залп в трехтысячную безоруженную, мирно настроенную толпу, собравшуюся в помещении. Поднимается невыразимый шум, крики, битье стекол и стоны умирающих; толпа, давя друг друга, ищет выхода... Часть рабочих, находившаяся вблизи от выходов, в суматохе бросается к дверям, но их встречают штыками и они с распоротыми животами валятся здесь-же у ног расстреливающих их человеко-зверей. Раздается еще два залпа. Замертво падают еще несколько человек, слышатся крики еще нескольких раненых, падающих под ноги обезумевшей, мечущейся толпы, которая, ища выхода, топчет их. После трех залпов люди-звери, совершив свое каиново дело, и, как видно, насытившись на этот раз рабочей кровью, отходят от дверей, строятся и под командой офицера спокойно уходят, зная, что в этот момент им не грозит никакая опасность. Как только палачи отошли от дверей, рабочие быстро вышли из помещения, часть из них, напуганная совершившимися злодеяниями, сейчас-же разошлась. Среди поредевшей толпы теперь видны были трупы убитых и сильнее стали раздаваться стоны раненых. Оставшиеся рабочие убрали трупы убитых и быстро унесли для дачи первой помощи раненых. Через несколько времени столовая опустела. Только следы свежей крови говорили о только-что совершившейся зверской расправе.

З. Чикмардин.*)

II.

При наступлении калединских войск на Ростов, темерницким рабочим организациям пришлось защищать Темерник от генерала Назарова со стороны хутора «Олимпиадовки»; там командовал нашим фронтом т. Самойлов, общую же штабную работу вели т. т. Степанов, Чикмардин и Драшлев Н., которые в этот момент выдавали пропуска на поезда и делали все распоряжения, касающиеся поддержания порядка на Темернике. Все это время товарищам пришлось быть по несколько суток без сна. Фронт удержать с нашими малыми силами нам не удалось и мы отступили, уступив место казакам Каледина.

После занятия Темерника прогудел гудок и собрано было общее собрание рабочих.

---

*) Автор ныне член Р. К. П. (б.). **Ред.**

На нем выступил генерал Назаров. Он сказал: «я пришел к вам в настоящий момент с огнем и мечем, и впредь все ваши выступления будут караться строгими мерами». Тов. Самойлов, выступив с ответом, говорил: «этим вы нас не запугаете, мы дадим отпор всем, кто посмеет расстреливать мирных рабочих, как это было при нападении юнкеров на Совет».

В момент калединского наступления в Управлении дороги происходил с'езд конторской секции всей Владикавказской железной дороги.

Здесь пришлось столкнуться с управленцами, принадлежавшими к кадетской партии.

На другой день после вступления «победоносных» калединских войск управленцами, принадлежавшими к кадетской партии, было внесено в президиум внеочередное заявление, с просьбой о немедленной посылке генералу Каледину приветственной телеграммы, с пожеланием «доброго здравия» на борьбу с большевиками.

Но, благодаря выступлению представителей главных мастерских и линии, поддержанной управленцами не кадетами, заявление было снято, при чем часть, вносившая предложение о посылке верноподданнической телеграммы, оставила с'езд.

На с'езде выступали т. т. Вагуль и Ставский, призывавшие к поддержанию большевиков, но благодаря тому, что все-таки тогда влияние Главн. Дорожн. Комитета было значительно, заявление было принято без занесения в протокол.

Все время царствования Каледина мысли рабочих главных мастерских были по ту сторону фронта, все взоры были на стороне Центрального рабочего правительства.

Наконец день 19-го января 1918 г. окончательно открыл глаза рабочим. В мастерских произошел расстрел рабочих. Я совместно с представителями Гл. Дорож. Комитета приехал к вокзалу. На вокзале мы увидели, как рабочие перетаскивали раненых и тела убитых в приемный покой. На другой день состоялись торжественные похороны убитых т. т. Маликова и Кузьмина. Эти похороны носили величественный характер. Здесь рабочие показали кадетам-убийцам свои силы. Когда 9-го февраля 1918 г. Красные войска подошли к Ростову, все рабочие Темерника выступили на помощь своей братской армии.

Ф. Я. Баландин.

НА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ДОРОГЕ.

В конце ноября 1917 г. в Воронеже открылся Дорожный Делегатский с'езд служащих и рабочих Юго-Восточных жел. дор.

С первых же дней на с'езде создалась горячая атмосфера, благодаря тому, что левой группой (большевиками) был поставлен вопрос об образовании Военно-Революционного Комитета. На с'езде происходил чрезвычайно жаркий бой большевиков с меньшевиками, кадетами и даже монархистами о Революционном Комитете и в результате победа была на нашей стороне—большинство постановило образовать Военно-Революционный Комитет.

Когда была принята резолюция,—один из ярых противников Ревкомов, очевидно, расчитывая на срыв только что принятого решения, попросил слова для оглашения внеочередного заявления. Слово было предоставлено. Оратор с пафосом доложил, что ему сейчас с телеграфа доставили точные сведения о том, что в Ростове на Дону из-за этих самых «Ревкомов» идет

жестокая бойня, ленинцы-большевики разбиты и генерал Каледин собирается наступать на Воронеж для разгрома местных ленинцев и их приспешников.

С'езд зашумел, загалдел, все сразу запросили слова, а некоторые без разрешения председателя начали выступать. Пришлось закрыть заседание. В перерыве наша группа (большевистская) постановила немедленно командировать меня в Ростов н-Д. где мое присутствие будет более важно, нежели на Делегатском С'езде, где главный вопрос уже был проведен. В эту же ночь я отправился в Ростов.

До места мне доехать не удалось, так как в Ростове и под ним шли бои между большевиками и отрядами Каледина и поезда дальше Новочеркасска не ходили.

Рано утром я вышел из вагона и моим глазам представилась довольно оригинальная картина. По перрону станции суетятся офицеры с погонами в походном обмундировании, вооруженные винтовками, около них вертятся младенцы в черных мундирах с красными погонами и такими же лампасами и с огромными (сравнительно с их ростом) винтовками— это кадеты младших классов, реалисты, гимназисты и студенты Донского Политехникума. Все холеные, чистенькие, розовенькие, как конфетки.

Все караулы несут в качестве рядовых офицеры и юнкера. На третьем пути стоит готовый к отправлению эшелон, битком набитый учащейся молодежью, лихо распевавшей: «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон» и «Ревела буря». Возле вагонов порхали барышни. На рукавах и груди красные кресты. Со словами утешения раздавали юнцам шоколад, печенье, индивидуальные пакеты.

Наконец, третий звонок, свисток, разноголосое «ура», ружейные залпы из вагонов от'езжающих, крики «разобьем сволочь», «сотрем в порошок большевиков». В последнем вагоне довольно стройно запели «боже царя храни».

Когда провожавшие эшелон разошлись и вокзал успокоился, я осторожно пробрался в телеграф в надежде переговорить с Воронежом.

Едва телеграфист успел нажать на ключ, как ко мне подошел офицер и с ехидной улыбочкой довольно вежливо спросил: «Вы г. Безруких?»—«Да» ответил я. «Будьте любезны пожаловать со мной к коменданту станции, который имеет к Вам дело», не менее вежливо предложил мне офицер.

«Комендант станции?» удивился я. «Что ему нужно от меня»?. «Будьте любезны пройти на одну минутку—это рядом», уговаривал меня любезный офицер.

—«Ну хорошо», согласился я и сразу почувствовал, что попал в лапы «христолюбивых воинов» генерала Каледина.

Когда я переступил двери комендантской комнаты, то мой спутник, не особенно слегка подтолкнул меня прикладом в спину, уже не совсем любезно гаркнул: «Ну, живее шевелись большевистская сволочь».

В комендантской было накурено, наплевано, стулья и кресла расставлены в беспорядке, во всех углах стояли винтовки, лежали пулеметные ленты, цинковые ящики с патронами, толпились юнкера, кадеты, гимназисты и студенты. Мое появление, повидому, было не первым, так как стоявший впереди всех тщедушный кадетик радостно запищал: «Ага, еще один». Офицер, арестовавший меня, приказал длинному, сухощавому юнкеру немедленно доставить меня на гауптвахту, а сам вышел из комендантской. Долговязый юнкер начал подбирать для меня конвоиров и, пока он занимался этим делом, в комендантскую тем же самым офицером был

доставлен другой железнодорожник тов. Мендрух, прибывший из Воронежа с тем же поездом, с которым приехал и я.

Через 10 минут мы в сопровождении 2-х юнкеров и 2 кадетов (2 впереди и 2 сзади) шествовали по Крещенскому спуску вверх к кафедральному собору.

Прохожие останавливались, с жадным любопытством рассматривали нас, сзади шла целая толпа ребятишек, выкрикивавших «большевиков поймали, большевиков ведут». У памятника Ермаку группа студентов остановилась и злобно язвила по нашему адресу, а одни, поровнявшись с с нами, злорадно хихикая, спросили: «На кофе шествуете, товарищи?» Сильно ударяя на «и». У решетки гауптвахты один из передних конвоиров скомандовал: «стой, руки по швам». Мы остановились, стоявший на крыльце гауптвахты кадет ударил 3 раза в колокол и из помещения гауптвахты сразу высыпало человек 20 кадетов самого разнообразного возраста, а затем выкатился маленький толстый офицер. Выслушав одного из конвоиров и приняв от него какую-то бумагу, он ушел куда-то, а затем, возвратившись, заявил, что в гауптвахте мест нет. Нас повели к начальнику городской милиции. Когда мы ожидали в приемной, к нам подошла довольно благообразного вида старушка и, осведомившись у конвоира, что мы большевики, придвинулась к нам вплотную и плюнула нам в лицо.

От начальника милиции нас повели к прокурору, еще куда-то и, наконец, в милиционную тюрьму 2-го участка. Когда мы ожидали приема, в милиционной тюрьме уже стало известно, что нас оставляют здесь, один из конвоиров довольно откровенно заявил, что если бы отсюда еще куда-нибудь повели нас, то они бы не стали морочить голову и «хлопнули» бы нас, так как «все равно если не мы, так другие вас хлопнут». Такая откровенность меня несколько покоробила. Ночевали мы в большой холодной камере милиционной тюрьмы. Предварительный обыск был настолько тщательный, что ощупывали буквально каждый шов платья, из фуражек вынули пружины и отобрали подтяжки и брючные ремни. Утром нам дали на двоих $^1/_2$ ф. хлеба, а в 3 часа дня без пред'явления обвинения повели в областную тюрьму. Долго мы шли, примерно, около часу, наконец, на горизонте вырисовалось гигантское кирпичное здание — областная тюрьма. Спустились в балочку, прошли мимо пивоваренного завода Роллера, поднялись к кирпичным заводам и очутились у ворот тюрьмы. Целая серия ворот за многочисленными замками, всюду тюремщики суровые, мрачные, холодные, длинная анфилада корридоров и мы в приемной начальника тюрьмы. В корридоре на стене черная доска и на ней надпись мелом «заключенных 174».

После короткого опроса дежурным помощником начальника тюрьмы и обыска, нас повели в «большевистскую камеру». Опять бесконечные корридоры, железные двери с неизменными сторожами у каждой, грохот тяжелых запоров, звон ключей, гулкие шаги по корридору и кругом зловещая, напряженная чуткая тишина.

В камере оказалось 22 человека заключенных.

Когда нас толкнули туда, спертый зловонный воздух захватывал дыхание.

Вся «братва» обступила нас и засыпала вопросами, «как на воле, что на воле». Что знали и как умели, рассказывали, а потом стали присматриваться к окружающим нас товарищам. Наблюдения первого дня показали, что камера далеко не оправдывает своего назначения, так как большинство в ней было уголовных каторжан; были, правда, «политические» например: артиллерийский прапорщик Устинов, взятый в плен в бою близ

станции Нахичевань-Донская Ю.-В. ж. д. у Балабановской рощи, товарищ Тащиев — старший экспедитор газеты «Наше Знамя», арестованный белогвардейцами при налете на Ростовский Комитет большевиков, Конопляный и Щукин шахтеры Чистяковского района, арестованные казаками по подозрению в большевизме, Артур Шнеп, называвший себя «старым социалистом».

Через несколько дней был доставлен войсковой старшина Деревянкин, арестованный калединцами за организацию в городе Александровске Красной Гвардии.

Для чтения нам доставлялась тюремным надзирателем газета «Вольный Дон».

5-го декабря, проходя по коридору в канцелярию тюрьмы, я прочел на черной доске цифру 217; за 5 дней увеличилось арестованных на 43 человека. В канцелярии встретил 2-х матросов, от которых узнал, что в Ростове царит пьяный разгул Калединских офицеров. Учреждена военная диктатура, во главе которой стоит генерал Назаров, впоследствии Донской атаман.

По полученным 6-го декабря сведениям, 5 человек в нашей камере, в том числе и я были приговорены к расстрелу. 7-го декабря меня совершенно неожидано освободили. Я недоумевал. После раз'яснилось, что это было недоразумением. Когда меня арестовали, председатель Новочеркасского районного Комитета, тов. Вишневский (машинист) на отдельном паровозе уехал в Воронеж и доложил об этом с'езду. С'езд командировал в Новочеркасск 3-х товарищей—Воронкова Н. В., Гаращенко (3-го фамилию не помню). Эти товарищи от имени с'езда пред'явили генералу Каледину и его помощнику Митрофану Богаевскому требование о моем освобождении, угрожая в противном случае забастовкой всей дороги. Каледин, как раз в это время собирался наступать в этом направлении реки Дона, где пролегает именно Юго-Восточная ж. д. и забастовка могла помешать осуществлению его плана, поэтому он согласился на мое освобождение, отдав меня, однако, под гласный надзор генерала Назарова в Ростове. По прибытию в Ростов, я явился к генералу Назарову, который отпустил меня, предупредив «и не пытаться организовывать Ревкомов, так как они все равно будут уничтожены с корнем». В тот же день, 9-го декабря 1918 г. на станции Ростов Ю. В. ж. д. был организован Ревком.

Правда, этот Ревком первое время был подпольным, но работал очень интенсивно и оказал большие услуги революции.

П. Безруких.

Подпольная работа большевиков в Ростове.

ТЕМЕРНИЦКОЕ ПОДПОЛЬЕ.

I.

После занятия Ростова генералом Калединым, я и другие товарищи, принимавшие участие в борьбе с реакцией не отступили с Красной Гвардией и В-Р. К, а остались в Ростове для ведения подпольной работы. Подготовка к этой работе шла лихорадочным темпом. Прежде всего мы припрятали оружие, находившееся, еще на руках у товарищей. У нас, в Главных мастерских находились пулеметы; мы, имея ввиду необходимость их в будущем, решили 2 из них спрятать.

Я, тов. Самойленко (убит в 1920 году), т. Зозулин и Филиппов взяли эти пулеметы и попрятали на сцене театра в столовой гл. мастерских, подвесив их под декорацию.

В тот-же день генерал Назаров, собрав собрание рабочих в столовой, обратился к ним с приказом сдать оружие и предупредил, конечно, что он пришел с огнем и мечом и выжжет всю «большевистскую заразу» из среды рабочих.—Мы смеялись, что эта самая «зараза»—пулеметы висела над его головой.

На следующий день пошли обыски и аресты как на квартирах у рабочих, так и в самих мастерских; обыски производили юнкера и кадеты. Среди рабочих нашелся провокатор, который заявил обыскивающим, что в столовой спрятано оружие и пулеметы. Долго искали белые; в несколько приемов принимались обыскивать столовую и только в четвертый раз напали на след и розыскали пулеметы.

Мы постарались с первых же дней усилить связь с оставшимися товарищами на фабриках и заводах, с Асмоловской фабрикой держали связь через тов. Швадченко, Симонову и Денисова; с трамваем через тов. Соловьева; с заводом Панина через тов. Соловьева (анархиста); с воинскими частями через тов. Зявкина и с городом—тов. Антонова Якова, Торскую, Орлова и Дунаевского и др. т.т., которые входили в состав Комитета Городского района.

На Темернике был создан подпольный комитет; в состав его входили: я, Басов (раб. главн. мастерских), Сидин (раб. узла), Симонова, Антонова. Председателем был тов. Зявкин Ф., секретарем—тов. Реук Иван. Работу свою комитет повел усиленным темпом; на втором заседании комитета было решено делегировать для связи с наступающей Красной Армией т. Зявкина и Реука—для связи с группой Петрова на ст. Чертково; я и Басов были делегированы для связи с группой Антонова-Овсеенко, котороя надвигалась со стороны Никитовки; во время пути много было перенесено лишений, но наша поездка, как и поездка тов. Зявкина

с Реуком увенчалась успехом: связь была налажена; привезли мы оттуда листовок и получили указания, что необходимо для наступающей армии. В скором времени от тов. Петрова на квартиру тов. Зявкина прибыл человек для связи и получения необходимых военных сведений. Тов. Зявкин служил командиром роты 252 полка и как офицер был в курсе военной работы калединцев.

Второй нашей задачей была агитация среди рабочих, чтобы они портили паровозы и другие технические аппараты на железной дороге; этим нужно было тормозить переброску войск генерала Каледина.

Каледин начал нажимать на рабочих, вплоть до того, что в мастерские были введены вооруженные отряды казаков; рабочих стали заставлять работать из под штыка. В знак протеста была об'явлена стачка; был создан стачечный комитет, в который входил тов. Карпенко, Зозулин и Клименко. Было созвано собрание рабочих в столовой главн. мастерских Влк. ж. д.; стали обсуждать этот вопрос, прибавив к повестке дня еще целый ряд других экономических вопросов. Вдруг неожиданно для всех в дверях столовой появился отряд юнкеров. Раздалась команда—«Смирно». Рабочие, завидя опасность, бросились бежать; раздались один за другим залпы из винтовок и в результате до 10 чел. рабочих было ранено и убито.

Сейчас-же мы, комитет партии, вместе со стачечным комитетом сделали заседание на квартире у тов. Реука. Тов. Зявкиным было написано об'явление к рабочим с призывом не падать духом и ждать часа мести за павших товарищей. Это воззвание было в тот-же день вечером расклеено по улицам Темерника и города. На другой день мы собрались на Новом Поселении на 6-й улице, куда был приглашен стачечный комитет и члены Горрайкома, была принесена пишущая машинка. Там мы выработали новое воззвание к рабочим с призывом к мертвой забастовке, в знак протеста против расстрела не вооруженных рабочих и, кроме того, было изготовлено второе воззвание к надвигающейся Красной Гвардии, с призывом о помощи, о том, что мы измучились и с радостью ее ждем, как избавительницу от ига насильников, атаманских опричников.

Меньшевики, учтя положение, призывали рабочих не вступать на наш путь и не об'являть мертвой забастовки. Под их давлением через штыки и нагайки юнкеров и казаков мертвая забастовка не прошла полностью, так как многих рабочих приводили из домов под винтовками и заставляли работать. Своими действиями меньшевики лишний раз показали, что они изменники рабочего класса.

Нас сильно преследовали: пронеслась страшная полоса репрессий, арестов с убийствами. Так, при препровождении в тюрьму был убит тов. Фадеев, посланный нами в ст. Аксайскую для организации казаков фронтовиков. Делегированные с ним тов. Антонов и Колонтаенко Михаил возвратились оттуда несколько раньше, так как они опасались ареста. С прибытием этих товарищей работа на Темернике закипела еще сильнее; в несколько дней был сформирован отряд рабочих; этот отряд постепенно вооружался, благодаря оружию доставленному нам из местного полка. Через несколько дней мы наблюдали, как собирались отступать из Ростова белые банды.

Время не ждало. Отовсюду от расставленных нами пикетов поступали сведения о действиях калединцев. Приближалась с северного и западного фронта Красная Гвардия. Нами был поставлен вопрос на одном заседании—во что-бы то ни стало установить связь с Батайском. Для этого собрались в ночь опять на Нижне-Бульварной ул., но здесь наша явочная

квартира была провалена, тогда мы ушли к тов. Стрельникову (рабочий табфабрики). Здесь были намечены 2 товарища для связи с Батайском. Достать надо было 2 револьвера и два белых савана, т. к. нужно было приспособиться под цвет лежащего снега. В ту-же ночь за поздним временем не представлялось возможным с Темерника доставить оружие, прохожих всех обыскивали.

Тогда перерешили собраться на другой вечер; доставлено было оружие и саваны—снабдили товарищей уходивших за цепь. Условились, что по прибытии в Батайск они дадут сигнал: зажгут два огня, что они и проделали. Зажжены были 2 куля сена и мы поняли, что ребята добрались благополучно.

На третью ночь мы снова собрались на той-же квартире; новый провал. Тогда в 12 часов ночи отправились в Нахичевань, где был выработан план нападения на тюрьму, для освобождения арестованных товарищей, их там было 23 человека.

Но на следующий день мы уже увидели в гор. Ростове Красную Гвардию, а тов. Юрчик сумел спасти арестованных из тюрьмы.

В день отступления белых, под вечер, мы собрались с небольшим отрядом, под командой тов. Зявкина, бросились с Темерника на перерез отступающим и преследовали их, где и как могли. Затем встретились с отрядом Потапова, с ним мы соединились. На заре 10-го февраля 1918 года, мы с отрядом тов. Потапова вступили в Ростов.

Л. А. Соловьев.

II. [1])

После воцарения Каледина в Ростове, атмосфера в городе была чрезвычайно накалена. Рабочие ждали отмщения. Власть, которую нам преподнес Каледин, не отличалась ничем от свергнутой в феврале. Никакая сила не могла убить в рабочих революционного духа. После вступления Каледина, нас большевиков—членов партии в Ростове осталась небольшая кучка и мы с озлоблением смотрели, как буржуазия встречала войска Каледина. Наши «социалисты»-меньшевики употребляли все силы, чтобы убить революционный дух.

Вспоминаю похороны семидесяти двух человек, жертв революции, погибших за Нахичеванью. Это было 13 декабря (ст. ст.). По соглашению с меньшевиками и правыми эс-эрами, нам эти похороны были разрешены. Было очень странно смотреть, когда при похоронах павших жертв революции товарищей, не признававших хоругвей и попов, мы слышали вместе с нашими похоронными революционными песнями также и гудение певчих во главе с попами. Когда мы отнесли на кладбище трупы, меньшевики хотели эти внушительные похороны обратить в свою пользу. До этого «Приазовский Край» агитировал за то, чтобы разогнать Думу. Тут меньшевики стали искать поддержку в рабочих массах. Когда мы возвращались с кладбища, то, не доходя Гор. Управы, Петренко стал говорить рабочим, что их хотят разогнать, их—«представителей» рабочего класса. Мы прекрасно знали, кто эти представители.

Мы ничего ему не возражали, потому что знали, что необходимо вооружаться, что необходимы пулеметы и не обращали внимания на пустые разговоры и бумажные протесты. Мы были разогнаны.

---

[1]) Исправленная стенограмма речи на «Вечере воспоминаний» в партийном клубе в Ростове 19 декабря 1922 года.

Но существовал хоть и меньшевистский Совет, где мы все же могли собираться и обсуждать, что нам делать. Мы начали организовываться, знакомить товарищей с тем, что творится за рубежом. Когда первые шаги были сделаны, мы стали распускать свои сети дальше, мы уже наблюдаем, что творится в армии, смотрим, как она воюет. Мы видим, как калединская власть посылает на фронт гимназистов, и как те гибнут. Мы видим, как возвращаются с фронта эшелоны казаков-фронтовиков. Когда мы приходили к ним, то нам удавалось слышать, что там говорят в нашу пользу.

Затем мы видели такую картину. Поезд с арестованными большевиками пришел в Батайск. Его останавливают рабочие и заявляют, что не пропустят дальше. Комендант говорит, что «мы вас растреляем». Рабочие отцепили все вагоны. Тогда комендант поезда, калединский ставленник, говорит, что если поезд не будет отправлен, то они расстреляют сидящих в вагоне. Делать было нечего. Пропустили поезд дальше.

Между рабочими замечалось недовольство властью и нежелание работать. Тогда калединцы по депо и мастерскими поставили пулеметы и вооруженную силу. Рабочие спрашивали, какая же разница между старой жандармерией и этими юнкерами. Это послужило толчком к усилению нашей организации и нашей спайки.

Вскоре мы стали проводить забастовку. Тогда наших рабочих вызвали белые начальники для переговоров и им сказали, что больше никаких притеснений железнодорожникам быть не может. Но через некоторое время мы получили сведения, что растреляно несколько рабочих. Нам об этом заявили на собрании. Сейчас же был дан гудок и созвано общее собрание рабочих. На нем мы, люди крови и мозолей, долго говорили. Мы об'явили мертвую забастовку, как протест. Здесь же в мастерских был создан стачечный комитет. Он обсуждал план, как можно проводить мертвую забастовку. В это время сюда с вокзала была прислана делегация от пассажиров, которые требовали отправить их, так как они здесь голодают. Мы заявили: «вы голодаете, это ваше дело, а мы заявили протест, мы никакой власти не признаем, кроме Советской, и в этом большом деле у нас никаких преград не может быть». И с этим пассажиры от нас ушли.

На другой день об'явили, что в 12 час. дня будет общее собрание и к этому времени мы подготовим план нашей забастовки. В этот вечер, 18 января, мы ушли раньше 7-ми часов, а в 7 час. вечера наша столовая была аттакована белогвардейцами, но никого из рабочих арестовать не удалось. На другой день многие из товарищей собрались в столовой. Мы обсуждали, как проводить мертвую забастовку. Тут было маленькое несогласие: одни говорили, что к этой забастовке нельзя привлекать водопровод и электрическую станцию, а другие говорили, что раз забастовка мертвая, то все должно быть мертво. Это будет наш протест. Мы решили остановить электрическую станцию, водопровод, паровозы. Рабочие Ростовского депо пошли в резервуар и там была спущена вода. На водокачке были вынуты из люков крышки и вода была остановлена. Тут же, на этом собрании, когда обсуждали вопрос о мертвой забастовке, то говорили, что необходимо поставить в известность об этом все заводы и фабрики Ростова. Решено было оповестить всех; наши рабочие стали приходить к рабочим других заводов и бросать лозунг «мертвой забастовки». Это был наилучший способ борьбы с контр-революционной властью, которая еще существовала. Это был не бумажный протест, а практический.

Пока мы обсуждали вопрос стачки, столовую окружила толпа юнкеров; они вбежали в зал, началась паника, суета и стрельба. Тогда мне удалось

выйти в дверь. Во дворе я увидел задавленного товарища еще с признаками жизни, который попросил дать ему воды. Здесь же валялся графин с отбитым горлышком, в нем было немного воды. Я дал ее рабочему, несмотря на то, что один из юнкеров сказал мне: «отойди от него».

Выйдя на Извольскую ул., мы услышали стоны: то были раненные; мы видели женщин, которые искали своих мужей, детей, которые искали своих отцов. На проспекте Коцебу мы увидали юнкеров, которые подверглись нападению рабочих. Некоторые говорили: «Не трогайте их, может они невиновны, они все равно сами погибнут». Пройдя на вокзал, мы увидели там расстрелянных товарищей. Девочка лет 12-ти шла в тот час из графского училища; она нагнулась, чтобы посмотреть убитого. Это был рабочий с водокачки Ростовского депо, она узнала в нем своего отца. Нет сил передать эту тяжелую картину.

В тот день трамваи стали, трамвайщики бросили свои вагоны, — начиналась всеобщая мертвая забастовка. И уже после этого было организовано собрание, для обсуждения способов проведения забастовки, потому что она уже начиналась стихийно самими рабочими. На собрании не сочувствующие забастовке Петренко и др. говорили, что забастовку допустить нельзя. «Разве можно остановить воду, не выпекать хлеб, как же будут наши больные?» говорили меньшевики. Белая власть стала призывать рабочих к работе. Рабочие же говорили: «когда нам скажет Стачечный Комитет, тогда и пойдем на работу». Правительству пришлось сказать, что Стачечному Комитету гарантируется полная свобода и, действительно, в Управлении Влк. ж. д. было созвано совещание. На этом Совещании постановили, чтобы всем семьям погибших Правительство обязалось уплатить по 30.000 рублей.

В общем можно отметить, что большой под'ем духа наблюдался в то время у рабочих. Нам было разрешено похоронить убитых железнодорожников, и мы могли хоронить уже без попов. Нам гарантировали, что нас не будут трогать, а в залоге у нас оставался комендант. После этих похорон положение нисколько не изменилось. Тот же самый гнет, то же самое унижение. Но мы замечали, что белая армия фактически разлагалась. У нас везде были организованы ячейки. Даже в тюрьме была у нас организация. Наши рабочие шли на все и жертвовали всем, но не хотели оставаться в том положении, в каком они находились. После происшествий в наших главных мастерских, мы стали чувствовать, что конец белой власти неизбежен. И, действительно, через некоторое время мы услышали пулеметные выстрелы с Олимпиадовки и гул снарядов, которые били по вокзалу. Белые стали отступать. Рабочие срывали с лошадей корниловских солдат. По Церковной ул. тащилась артиллерия отступающих. Белой силы более не существовало. Мы переживали радостные дни. Первые наши красные полки стали входить в Ростов. Нельзя передать словами, как они встречались рабочими. Припоминаю, как одного красногвардейца встретил рабочий, он остановил красногвардейскую лошадь и целовал ее. Никогда не смогу забыть этого радостного дня.

Е. Сидин.

III.

С первых же дней калединщины, несмотря на все жестокие меры, какие принимались Калединым и его приспешниками—жандармами по розыскиванию и выискиванию большевиков и сочувствующих Советской Власти, мы принялись за организацию Городского Комитета большевиков.

И таковой был создан в лице тов. Дунаевского, Орлова, Симоновой, Торской, Торского, Антонова, Фадеева и друг. Это было ядро, организованное в самом городе. Затем было решено организовать Комитет в одном из революционных центров ростовского пролетариата—на Темернике. Вслед за этим было поручено тов. Колонтаенко организовать Комитет и в Нахичевани. Как только мы сформировали свой организованный кулак, наши щупальцы пошли по всем фабрикам и заводам восстанавливать связь с теми ячейками, с теми отдельными товарищами, которых мы знали и которые не успели или не могли отступить. Таким образом в городе связь была налажена: на трамвае через тов. Соловьева, на Асмоловской фабрике через тов. Симонову и Швадченко и на других крупных предприятиях, вплоть до того, что ячейка была создана и при самой тюрьме, представителем которой являлся тов. Юрчик. После, в период Советской власти, он был начальником тюрьмы, и вместе с нами в 1918 году отступил. Также связь стала налаживаться на Темернике. Там был создан Комитет (под моим председательством) из т.т. Антонова, рабочих главных мастерских т. Реука, т. Соловьева, т. Басова и т. Сидина. При чем до некоторой степени была восстановлена связь с лево-эсеровским Комитетом, который существовал на Церковной улице и возглавлялся тов. Степановым. Первые наши шаги были направлены к тому, чтобы об'единить вокруг себя рабочие массы. Все это было сделано. Белогвардейцы почуяли нашу организованность, стали усиленней производить аресты и мы стали несколько слабеть. Затем в Темерницком районном Комитете возникла мысль, во чтобы то ни стало достигнуть связи с наступающими красными частями, как с севера, так с юга и с северного Кавказа.

Товарищи Басов и Соловьев были посланы навстречу идущим группам Красной Гвардии под командованием тов. Антонова-Овсеенко. Я с т. Реуком поехал на встречу группе, наступавшей с севера, штаб который стоял на ст. Чертково, Юго-Вост. ж. д. Командовал этой армией т. Петров, бывший штабс-капитан. Нам пришлось пробираться через фронт. Добравшись до т. Петрова, мы ему сделали доклад и осветили положение в Ростове.

Товарищ Петров внимательно выслушал нас, дал нам литературы, которую мы привезли в Ростов и распространили по мастерским и заводам. Через неделю т. Петров прислал к нам своего разведчика, которого мы снабдили всеми сведениями, которые были необходимы для т. Петрова. Этот разведчик находился в наших конспиративных квартирах. Я в то время был в 252-м полку и видел, как в офицерской среде развивается пьянство и казнокрадство. Они хотели, как можно скорее, набить свою мошну, ибо чувствовали, что скоро нужно будет уходить. Я использовал случай, захватил часть административной власти в полку и в штабе, благодаря чему имел возможность добывать для Комитета винтовки и патроны, а также все планы и сведения, которые были необходимы Красной армии. Таким образом, разведчик от тов. Петрова приезжал к нам несколько раз. Однажды прибыл оттуда представитель, которого нам пришлось водить по окрестностям г.г. Ростова и Нахичевани вплоть до Александровки и за Темерницкое кладбище, чтобы показать удобные позиции на всякий случай, если этой группе придется первой занимать Ростов.

После этого мы были спокойны, что Комитет партии большевиков все, что было необходимо для Красной Гвардии, дал. Почти тоже самое было проделано и с группой Сиверса, Антонова-Овсеенко, к которой ездили Басов и Соловьев.

Затем нам нужно было перейти на внутренний фронт, нужно было разложить белогвардейскую армию, нужно было рабочим подать мысль, что необходимо портить паровозы, вагоны, мосты, железные дороги, чтобы белые не смогли перебрасывать свои войска.

Все, что было в наших силах, мы делали. Белые почуяли, что рабочие главных мастерских взялись не на шутку бороться с ними тайным образом. Тогда они ввели в мастерские воинские силы. Они стали заставлять рабочих работать под наблюдением юнкеров. Они поставили пулеметы на мостах и на других опасных местах. Чувствовалось, что террор вот-вот начнется. Рабочие заявили, что при создавшихся условиях они работать не могут, что они задыхаются в такой атмосфере. Рабочие главных мастерских об'явили забастовку, избрали свой Стачечный Комитет.

Когда белогвардейцы решили перейти на террор, они пригнали в столовую в момент собрания рабочих юнкеров. Растреляли рабочих. Еще тела расстреляных не были убраны, как мы собрали Стачечный Комитет с Комитетом партии большевиков на Темернике на квартире товарища Реука и решили написать воззвание к рабочим.

Воззвание в этот же вечер было расклеено по Темернику и городу. На утро нам эс-эры говорили, что такого воззвания не следовало выпускать, что нужно было молчать. Мы же понимали, что эс-эры не наши друзья, а поэтому и не считались с их протестами.

Мы призывали рабочих, чтобы на другой же день об'явить мертвую забастовку вплоть до того, чтобы не давать городу ни воды, ни света, ни хлеба.

Было созвано совещание на Новом - Поселении Темерницкого подпольного (большевистского) комитета совместно с Стачечным Комитетом, представителями городского комитета, некоторых ячеек (Асмоловской ф-ки, трамвая и др.); были и левые эс-эры. Некоторые из эс-эров говорили, что мертвую забастовку допустить нельзя; мы же большинством голосов постановили не только об'явить забастовку, но и передать Красной Гвардии о всех издевательствах, которым подвергаются рабочие; об'явить всей Р.С.Ф.С.Р., что на Дону расстреливают беззащитных рабочих. Я помню, как т. Сидин составил своей рукой (хотя он корову писал через -ять) воззвание ко всем железнодорожникам, где вылил всю душу, и без слез читать это воззвание было невозможно. Чувствовалось, что писал самый настоящий рабочий. Я, как военный, взял на себя миссию написать воззвание к Красной Гвардии. Были написаны и другие воззвания. В тот же день среди нас нашлись товарищи, которые повезли эти воззвания Красной Гвардии и железнодорожникам.

Меньшевики и правые эс-эры узнали о том, что мы призываем рабочих к мертвой забастовке. В этот же вечер меньшевики собрали в Городской Управе собрание Фабричных и Заводских Комитетов и руководящих профессиональных организаций. Этим собранием руководили Гросман, Фрейд, Васильев, Петренко и друг. Они там заявили, что большевики безумцы, что так, как они хотят действовать, делать нельзя. Мы посмеялись над всей этой братией и заявили, что на их уловки не пойдем, мертвая забастовка должна быть, ибо и сейчас слышны стоны детей и матерей, отцов и братьев которых вчера расстреляли в столовой главных мастерских.

На утро началась забастовка, но, к нашему сожалению, меньшевикам и эс-эрам удалось ее сорвать. Калединцы применяли насилие над рабочими. Они послали в их квартиры юнкеров и приводили их на электрическую станцию, водопровод и в пекарни. Если рабочие не хотели итти, юнкера заставляли силой. Кроме того, им удалось найти техников, механиков и

Темерницкий Районный Комитет Р. С. Д. Р. П. (б.) 1917—18 г.

Тов. Реук.

Работник Ростовского подполья.
(Секретарь Темерницкого Районного Комитета.

других штрейкбрехеров, которые заменяли рабочих. Они привлекли к работам инженерную роту и т. д. Вобщем забастовка не удалась: вода была дана, хлеб был испечен, электричество светило. В этот вечер шантаны и рестораны были полны белогвардейцами, офицерами, они в вине захлебывались.

На Ростов надвигалась Красная Гвардия. Когда пронеслась весть о том, что Каледин застрелился, ужас воцарился в офицерской среде. Я видел, как офицеры и юнкера обезумели. Они как-будто чувствовали, что большевики уже победили, что им некуда бежать. О буржуазии и говорить нечего, потому что она только и надеялась на воинские части, а поскольку таковые пошатнулись, надежды ее пропали.

Но положение надо было исправить. Надо было выискаться еще одному авантюристу; и он нашелся. Имя ему атаман Назаров, который бросил клич по Донской Области, — «Наш тихий Дон большевистская зараза не должна заразить». Им была об'явлена по станицам и хуторам мобилизация казаков.

Нами по станицам и хуторам области были брошены свои товарищи, которые раз'ясняли крестьянам и казакам, что нечего итти против Красной Гвардии. Я с тов. Колонтаенко поехал в станицу Аксайскую для агитации против мобилизации, откуда должно было выйти до 2-х тысяч казаков, чтобы остановить наступление Красных Войск.

Прибыли туда ночью и сейчас же собрали знакомых казаков фронтовиков, об'ясняли, рассказывали, в одном месте с'агитировали, подействовали на казачью психологию, в другом месте доказывали, что так должно быть, применяли разные методы и способы. И этой ночью в результате был организован Военно-Революционный Комитет ст. Аксайской, под председательством Бондарчука, который в этот же самый момент являлся ответственным секретарем полевого штаба полковника Попова, стоявшего в этой станице для отражения большевиков и мобилизовавшего казаков. Он нам мог давать необходимые сведения и сам взял на себя ответственность за весь Революционный Комитет, ибо знал все планы полковника Попова. На утро полковник Попов собрал митинг и стал разглагольствовать, что необходимо самомобилизоваться, необходимо итти, потому что большевики были уже в 30—40 верстах от Аксайской станицы. Тут появились подставные казаки с продажной мелкой душонкой, которые заявляли с трибуны, что они как-будто-то только что вырвались из плена большевиков.

Кстати я одного из них недавно арестовал и спросил, правду ли он тогда говорил. Он говорит: «Простите, обманывал, ей богу обманывал».

Они говорили, что были в плену у большевиков, что там все пьяницы, там грабят, насилуют женщин, бьют шомполами. Они выступали, чтобы подействовать на психологию темной массы, которая перед ними стояла. Только теперь он мне об'яснил, кто его заставлял говорить и для чего.

Мы лишний раз убедились, насколько продажные души — белоказаки, как они действовали против нас всем, вплоть до гнусной клеветы. От нас выступил тов. Антонов; минут 10 потолковал, дипломатично сошел с трибуны, увернулся и ушел. Затем выступил я. По неопытности, стал рубить с плеча. Тут меня арестовали и посадили. В этот день генерал Назаров получил телеграмму, что по станицам, хуторам появились большевики-агитаторы, которые агитируют против мобилизации, что их нужно арестовывать и расстреливать. Приехал ротмистр, присудили меня к высшей мере наказания. — Ростовский Комитет на об'единенном заседании, узнав об этом, решил меня освободить. Прислали туда ответст-

венных товарищей, в лице тов. Винклера и др., благодаря которым, в особенности благодаря тов. Бондарчуку, мне удалось бежать.

Вернувшись в Ростов, узнал, что здесь белогвардейцы принимают жестокие меры против нас. Многих стали арестовывать. Антонов переменил квартиру. В результате мы еще глубже ушли в подполье, ходили только по ночам и заседали ночью. Имея возможность доставать винтовки, мы решили организовать отряд из рабочих главных местерских. Мы им роздали винтовки и у нас получился небольшой отряд на всякий случай. Когда мы узнали, что красные части уже в 10 верстах от Ростова, несколько наших товарищей бросилось на Темерник собирать тех, кому было роздано оружие. Товарищ Самойлов со своей группой рубил отступающих офицеров. Мы начали стрелять и прошли на бугор Темерника, оттуда преследовали отступающих офицеров, которые бросали свои батареи и в панике бежали. Мы с группой рабочих бросились встречать Потапова, приближавшегося к Темернику командира красногвардейского отряда, и пошли с ним, как знающие Темерник и Ростов.

Была страшная темнота. Офицеры сосредоточились на вокзале. Потапов не захотел итти ночью в Ростов, боясь неожиданных нападений из-за угла и мы решили отойти вместе с Потаповым до Нижне-Гниловской. Там были расставлены батареи, которые всю ночь гремели по Ростову. На заре, чуть-чуть стало рассветать, рабочие, пришедшие вместе со мною, оделись в шинели или просто в рабочие тужурки, с винтовками в руках, соединились с отрядом Потапова, который выдал нам удостоверения, что мы приняты в отряд Потапова на равных правах с теми, которые были в его отряде. Вместе с ним на заре бросились на Ростов и первыми заняли вокзал, где стоял вагон с винтовками. Рабочие стали разбирать эти винтовки и патроны по рукам и присоединяться к отряду. Дальше отряд вошел в город. Здесь мы обстреляли дом на Доломановском переулке, ибо оттуда слышались выстрелы по нас. Когда мы дошли до Таганрогского проспекта, нам показалось что в доме «Проводник» — пулемет. Мы давай смолить залпами по дому «Проводника». Затем мы увидели толпу, которая нам кричала «ура».

После этого наши винтовки и пулеметы притихли...

Был организован Военно-Революционный Комитет. Началось строительство Советской Власти.

Федор Зявкин.

ПОДПОЛЬЕ В ГОРОДЕ РОСТОВЕ.

Вернувшись в январе 1918 г. в Ростов, я застал в городе совершенное запустение: в Городском Совете Раб. Депут., существование которого калединцы пока терпели, царствовали ростовские меньшевики, хотя подавляющее большинство рабочих, входивших в Совет, были на стороне большевиков. Подпольная организация отсутствовала, руководства у революционно-настроенных рабочих не было. Рабочие массы, вследствие разлагающего влияния сильной меньшевистской организации, не поддержавшие достаточно решительно большевиков в период вооруженной борьбы в конце 1917 г., теперь, во время разгула калединцев в Ростове, скрипели зубами, проникаясь ненавистью не только к белогвардейцам, но и к меньшевикам, певшим, как церковные крысы, об ограждении их от «братоубийственной бойни».

В это время Ростов был местом пребывания всей будущей головки российской юго-восточной контр-революции: Каледина, Корнилова, Деникина, Врангеля и пр.

Калединщина революционизировала рабочих, а руководства, выхода этому настроению не было. В это время в Ростове появляется тов. Дунаевский, организовавший группу подпольного Военно-Революционного Комитета г. г. Ростова и Нахичевани.

Статистический отдел Областного Продовольственного Комитета, на Дмитриевской 11 (заведующим коим я числился), благодаря своему многолюдству и постоянной толчее в нем, естественно становился очень удобным местом для конспиративных встреч. Сюда, к нам приезжал посланец от революционных казачьих полков, тов. Кудинов; здесь скрывались легко тов. Арнаутов, а потом тов. Орлов; здесь устраивались иногда и заседания. Роль связи хорошо выполнял тов. Антонов (хромой). Через него я вошел в Городской Подпольный Комитет большевиков и в Городской Военно-Революционный Комитет. Началась напряженная работа и острая борьба. Заседания наших комитетов, устраиваемые чрезвычайно конспиративно, каждый раз на новом месте, были окружены, повидимому, какой-то непонятной для нас осведомленностью наших врагов—один раз мы только потому не были арестованы, что заседание почему-то не состоялось. И несмотря на атмосферу, насыщенную слежкой и нервностью, нам было необходимо как-то сговориться, нужно было установить связь с наступавшими советскими войсками; наши выступления в Городском Совете производили огромное впечатление на рабочих. Однако, эти выступления не дешево нам стоили. Председатель большевистской фракции Совета тов. Фадеев (Васильев) был схвачен на своей квартире ночью, уведен, а на утро его труп нашли с простреленным черепом; наш оффициальный оратор, тов. Дунаевский, должен был временно прекратить свои выступления и посещения Городского Совета, так как ему, по дошедшим до нас сведениям, угрожало то-же, что и Фадееву; Горсовет часто окружали юнкера и проверяли документы у всех находившихся в нем, и не один раз только случайность спасала нас. Очередь оффициального оратора от коммунистической фракции дошла до меня.

Я никогда не забуду этих выступлений в Совете. В публике видишь корниловцев и подозрительные фигуры, в самом Совете—целая стая заматерелых ростовских меньшевиков, как Васильев, Петренко, Локерман и др.

Рабочие сверлят тебя глазами; каждое простое, казалось, слово падает ровно на какую-то раскаленную плиту. Меньшевики, несмотря на свое разливное море словесности и красноречия, чувствуют себя отвратительно.

Я как сейчас помню их смущение, когда я обратился к ним:

— «Вот сюда идет с севера Донской области, восставшее против генералов, фронтовое казачество, примкнувшее к рабочим. Даже казачество восстало. Скажите же вы: приветствуете ли вы его, поддерживаете от имени Гор. Совета, или же вы ему совершенно не сочувствуете? Скажите прямо, с кем же вы идете?».

Что же ответили премудрые меньшевики? Они пошушукались и извернулись. Видите ли, им ничего не известно об этих событиях и сначала они должны их проверить.

Только они одни «не знали» об этом, хотя всем остальным это было хорошо известно. В этом, конечно, нет ничего удивительного. Меньшевикам не хотелось знать, что Октябрьская революция уже надвинулась на Дон; им была не по вкусу разворачивавшаяся на юго-востоке гражданская

война. Расхолаживая ростовских рабочих, находившихся до 1918 г. под преобладающим влиянием старой меньшевистской организации, эти герои страха перед революцией помогли созреть и взлелеяться тут же под их носом, в Новочеркасске, а затем в Ростове махровой всероссийской контрреволюции... Подлинно велика услуга ростовских меньшевиков перед российской белогвардейщиной.

Должен сказать, что если работа Гор. Ком. больш., организовавшего использование Городск. Совета для роста революционного настроения среди рабочих, дала в этом отношении определенные результаты, то работа подпольного Военно-Революционного Комитета и его попытка связаться с наступавшими на Ростов с трех сторон Советскими войсками, не дали больших результатов: слишком велик был белый террор и слишком мы были малочисленны. Однако, следует отметить, что когда стало назревать среди рабочих возмущение, готовое вылиться в стихийный взрыв, подпольный Военно-Революц. Комитет удержал рабочих от выступления без оружия и определенного плана, которое могло-бы сыграть лишь провокационную роль, поведя к напрасным жертвам.

Но вот, когда советское кольцо тесно сжало Ростов со всех сторон, наступил последний день пребывания калединцев в Ростове. Всюду на стенах висели об'явления: после 6 часов вечера под страхом смерти воспрещается выходить на улицу. Отдельные небольшие отряды юнкеров и офицеров разрозненно тянулись через город по направлению к Аксаю.

Когда я вечером вышел на улицу, направляясь к назначенному месту, на улицах была мертвая и жуткая тишина—ни души. Обыватель притаился, а белые войска ушли из Ростова.

В назначенном месте уже кипела жизнь: стаскивались винтовки, отобранные и подобранные с улицы; мы перешли в особняк Парамонова, только что оставленный каким-то белогвардейским учреждением*)... Я сел за первый попавшийся столик и стал регистрировать записывавшихся в Красную Гвардию. Ростово-Нахичеванский Военно-Революционный Комитет вышел из подполья.

Утром помещение его уже было запружено густой толпой народа. В Ростове н-Дону восторжествовала Советская власть.

М. Е. Власов.

---

*) В особняке Парамонова в период Калединщины помещался штаб Добровольческой армии. **Редакция.**

Калединщина в области и борьба с нею.

В КАЛЕДИНСКИХ ТЮРЬМАХ.

В ночь на 7-е декабря я приехал в Ростов. Сошел на Гниловском переезде, подымаюсь по Садовой. Тишина. И только на углу Таганрогского замечаю движение автомобилей с юнкерами и кадетами.

После того, как я уже понял наше положение, я решил пару дней задержаться в подполье и решить, что делать дальше. Знакомый обещал узнать в штабе, как обстоят дела и сообщить мне. На другой день я с ним встретился и узнал, что в штабе 255-го полка *) всем выдают увольнительные по домам, и что даже некоторые, из приехавших с нами солдат, уже получили отпуск; о прошлом же яко бы и помину нет.

Солдаты говорят, что получившие отпуск выезжают свободно, а не получивших задерживают, как дезертиров.

8-го декабря, прийдя в штаб, я застал много своих солдат; все спокойны и рады, что едут по домам. Минут через 5 меня окружает пять человек казаков во главе с офицером, раздается команда: «Вы арестованы, следуйте за мною»! Меня отправили к коменданту города. Большое помещение 2-го этажа полно арестованных, но знакомых никого, все арестованные—только рабочие и частью казаки, преимущественно фронтовики, попавшие врасплох в Ростове. Ко мне подскочил какой-то офицерский выродок:

«А ты, голубчик, попался, теперь мы с тобой поговорим». Покричал, попрыгал. Обыскали меня основательно; пустили в общую группу.

Два дня сидели, есть не дают; караул из юнкеров. Разговариваю с арестованными казаками,—настроение великолепное. Один был из Петрограда, из Смольного; рассказывает разные эпизоды—о настроении фронтовых казаков, что калединская золотопогонная публика может лишь с месяц еще продержаться здесь на Дону.

Остальные арестованные—рабочие и крестьяне из станиц, унылы, но обозлены и дух их не в пользу Каледина.

Приводят еще троих. Казак ростовский — Калинин, арестован за то, что возил на автомобиле большевиков, второй — Попов — за участие в Красной Гвардии и третий товарищ в шинели—на вокзале попался с литературой.

Через одного юнкера из караула добился разрешения пойти под конвоем на квартиру, взять белье и пищи; а за нами следом еще наряд с офицером. На квартире у меня белые учинили тщательный обыск, но ничего для них интересного не было; забрали только все мои документы, старые письма от родных, карточки фотографические и последний костюм.

*) Пишущий эти строки был в то время рядовым 255-го полка, стоявшего в Ростове. **Ред.**

11-го декабря нашу особую группу в 5 человек под усиленным конвоем в 12 человек отправляют в Новочеркасск. Нужно было только видеть с каким остервенением, кровожадным видом обывательщина в котелках и шляпах указывала на нас и кричала конвойным:

—„Чего вы с ними возитесь, развешайте их по столбам, и конец".

Рабочие были угрюмо молчаливы, но на лицах было сочувствие нам.

Вот мы в вагоне с решетками. Конвой наш оказался из украинцев, как-то случайно попавших на Дон, из какой-то конвойной части. Начинаю с ними разговаривать слегка на политические темы..., ничего—мои земляки, оказались словоохотливы, не боятся с нами разговаривать.

Когда поезд подошел к Новочеркасску, конвойные нас заперли в отдельном вагоне, извиняясь, что это они вынуждены сделать в силу дисциплины. На станции оказалось только хулиганье и обывательщина; нам те же конвойные передают, что в толпе много пьяных, есть изредка и кадеты, и все страшно обозлены на большевиков, даже есть опасение самосуда, а поэтому наш конвой предусмотрительно высадил нас вдали от станции; к тому-же вагон наш был в хвосте поезда.

Пользуясь темнотой ночи, нас повели окольными путями в город, прямо в Войсковое правление; там нас встретил какой-то старый чин, посмотрел на препроводительную и отдал приказ отправить нас в 1-й участок до утра, пока освободят место в тюрьме, но тут-же переменил распоряжение и направил в старую тюрьму.

Приходим туда—мест нет ни одного. Звонят по телефону; получается распоряжение: отправить в станичное правление до утра. Приходим—принимают нас в подвалы, там уже человек 10 рабочих и крестьян из хуторов, все в окровавленном белье. Спрашиваю, что за кровь у них на белье. Показывают ссадины и подтеки.

«Это»,—говорят,—«нас так караульные кадеты тут угощали».

Утром 12-го декабря, часов в 8, нас под конвоем милиции, кадетов и офицеров человек 15 препровождают в первый участок и водворяют в одну камеру с уголовными, где мы и оставались целую неделю.

На другую ночь вселили к нам человек 30 шахтеров с Макеевских рудников; это была работа Чернецова; затем днем добавили 5 матросов Черноморского флота. В камере стало возможно только стоять, о воздухе говорить уже не приходилось; пищи—никакой. Кушал лишь тот, кто мог купить на свои деньги; смотрители под секретом приносили с базара.

Естественные надобности отправляли тут-же, а потом раз в сутки по очереди выносили.

Начальство к нам не показывалось; надзиратели камер были с нами вежливы и сообщали нам кое-какие новости, газеты передавали. Рабочие с рудников в первое время были в подавленном настроении, но когда разговорились, повеселели, оживились, тут еще и товарищи матросы принесли с собою свежую струю новостей и оживления. Таким путем у нас быстро образовалась дружная семья и, главное, одинаково настроенная. Пробовал я разбудить уголовных, но этот элемент, выросший с малых лет в тине преступлений и разврата, оказался неизлечим. Потом нам удалось их вытеснить от себя и их перевели в другую камеру.

Попал к нам в камеру и б. комиссар Юго-Западного фронта, Савинков, ошибочно арестованный.

Сразу мы ему не поверили, что он Савинков, т. к. никто из нас не знал Савинкова в лицо, но все же основательно разбивали его аргументы насчет устойчивости Временного Правительства и слабости большевиков тем фактом, что раз позиция Керенского прочна, то почему же ему

Савинкову понадобилось без документов, по-заячьи улепетывать на Дон. После этого у нас с ним не было особенной полемики на политические темы.

Наши камерные надзиратели сообщили по секрету, что всюду по городу и особенно на рудниках идут аресты. В город нагнали много рабочих и шахтеров, все арестанские помещения, буквально, забиты и по ночам много расстреливают, но, несмотря на это, среди начальства замечается какое-то нервное состояние, какая-то тревога.

Однажды пришлось нам пережить довольно скверную ночь. Часов в 11 ночи слышим шум на улице, затем стук в ворота участка, где мы сидели. Ворота не открывают... Слышим, что наши смотрители попрятались. Толпа начинает реветь и бить ворота... Слышны требования:

— «Давай его сюда».

Несколько человек перелезли через ворота во двор, сбили замок у ворот, и вся толпа ворвалась во двор.

Такая же история и с входом в наши камеры. Слышим возгласы, угрозы.

В камере уголовных был один убийца какой-то семьи. Его и искала обозленная толпа; его взяли и повели к месту преступления, где и расстреляли.

После этого, часа через два, опять сюрприз: является начальник 1-го участка и об'являет:

— «Приготовтесь к отправке, получено распоряжение перевести вас в новую тюрьму».

Нашу ростовскую пятерку окружили особым кольцом.

На рассвете пришли в новую тюрьму.

Тут всех нас тщательно обыскали, все, что у нас было, забрали и отправили на 3-й этаж.

Устраивались на новом месте, кто как мог; здесь были деревяные решетчатые койки на каждого отдельно, и так как все было еще новое, то клопы не успели здесь еще размножиться, как это обычно бывает, но зато предварительное наше пребывание в участке дало нам вшей целые полчища...

По секрету один из надзирателей шепнул нам, что в кладовой имеются соломенные матрацы; мы сейчас же вызвали помощника смотрителя тюрьмы и потребовали матрацы.

Сначала он резко отказал:

— «Вам не матрацы, а сырой подвал полагается; а если вам и отвели эту камеру, то лишь потому, что там мест нет... Лучше подумайте о завтрешнем дне»...—поворачивается и уходит, бросая:

— «Всякая дрянь тут будет еще с требованиями выступать»....

На вечерней поверке уже другой помощник об'явил, что просимые нами матрацы завтра будут.

Когда вечером пом. смотрителя с надзиратерем пришел делать обычную поверку, то, входя в нашу камеру, произнес обычную команду:—«встать». Некоторые, правда, как-то невольно вскочили, но большинство осталось сидеть где и как кто был; а затем и те, что вначале поторопились встать, глядя на нас, и сами снова сели. А наш казак сейчас же заявил:—«Здесь, г. помощник, не военный строй, а если вам надо проверить, все ли на лицо, то можно и сидящих посчитать».—Начальство сначала попыталось принять строгий тон, указывая на порядки тюрьмы, но вскоре умолкло, посчитало и ушло.

На другой день мы получили матрацы (мешки набитые соломой); на поверку пришел сам начальник тюрьмы; снова раздается команда:—«Вставать».—Мы сидим.... Брови у начальства сошлись, но делает равнодушный вид, опрашивает.

По нашей камере обход кончился, начальство ушло. У нас веселое оживление, обмен впечатлений, а в итоге все довольны моральной победой над частью тюремного режима; у нас матрацы и мы не вскакивали при появлении начальства!

Кушать дают: утром—кипяток, на обед прескверные помои вместо борща, вечером тоже кипяченая вода, хлеба—3/4 ф. сухого, зацветшего. Собираемся требовать улучшения пищи.

Поведение нашей камеры, история с невставанием при начальстве и прочие вольности быстро стали известны всей тюрьме и все последовали нашему примеру.

Мы добились ежедневной прогулки, но нас не выпускали сразу по несколько камер, а, большею частью, с камерой политических выпускали камеру уголовных. Но мы, бросанием записочек в «волчки» (отверстия в двери) установили связь со всеми камерами нашего 3-го этажа, и всегда знали, где что делается и какое настроение.

Нисший персонал внутренней тюремной охраны определенно нам сочувствовал; надзиратели приносили нам подпольные издания; сообщали нам, что происходит в городе, и давали советы быть как можно потише, не дразнить высшее начальство, так как репрессии над большевиками сильно развиваются и как бы нас ночью не увели кадеты.....

Подавали мы несколько заявлений о скорейшем рассмотрении наших дел и освобождении, или назначении суда, но все оставалось безрезультатным.

Чтобы ускорить решение нашей судьбы в ту или иную сторону мы постановили, как последнее средство, об'явить голодовку; снеслись с другими камерами, те согласились. В последних числах декабря наша камера об'явила голодовку. Дня через три другие камеры не выдержали, начали кушать; мы же держались 6 дней, принимая только одну воду. Начальство заволновалось, уговаривало, приносило свежий хлеб, суп с мясом,—мы не принимали...

На 6-й день голодовки, вечером, заявили мы начальству тюрьмы, что если не вызовут к нам делегатов Войскового Круга, который в то время уже заседал, то мы пойдем на мертвую голодовку.

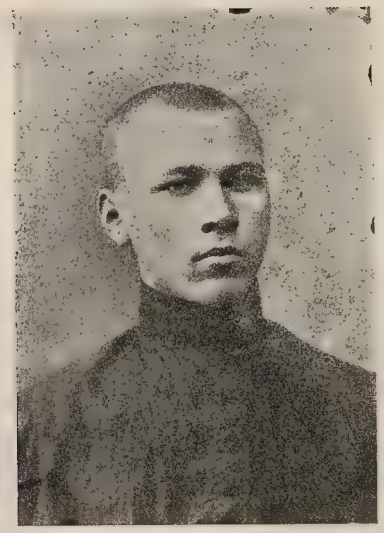
Подействовало.

7-го января 1918 г., утром пришли к нам в камеру 6 членов Круга, один из них был поп из Таганрога, остальные, рабочие, крестьяне и один казак. Делегаты отнеслись к нам сочувственно, обещали настоять перед с'ездом на немедленном освобождении всех нас. Делегаты нас просили принять пищу и прекратить голодовку. После этого голодовку мы прекратили.

После нашей голодовки начали, действительно, усиленным темпом освобождать заключенных, но только не активных работников. Из нашей камеры, из 30 чел., уже к 15 января постепенно освободили всех, остался только я один; в камере, где был тов. Кузнецов, остался он и еще двое. Я тоже перешел к ним.

1-го и 2-го февраля утром, вызывают меня в канцелярию. Чувствую, что конец, но какой—не знаю.

Прихожу..... Проводят меня прямо в кабинет начальника.



Тов. В. Ларин.

Тов. Семенков П. Г.

Тов. Анисимова А. М.

Подпольные работники Р. С. Д. Р. П. (б.) г. Новочеркасска.

— «Могу, наконец, вас порадовать»—любезно заявляет начальник—«согласно постановления Большого Войскового Круга все политические амнистированы, в том числе и вы».

Придя на станцию, я увидел, как мотаются юнкера, изредка кадеты, солдаты, строевые казаки. Отправляются эшелоны по направлению Миллерово; у первых лица возбужденные, но растерянные, у вторых настроение унылое, безразличное, сразу видно, что это не боевая сила, что кадетам и юнкерам опираться не на кого.

В ожидании поезда на Ростов держусь подальше от центра движения... Собираются небольшие группы казаков; слышны разговоры по адресу офицерства и Каледина и такие, что у меня дух захватывает от радости... Говорят совершенно свободно, не стесняясь; о большевиках одобрительно отзываются.

Наконец, поезд. В вагоне, преимущественно, казаки-фронтовики империалистической войны; завязывается оживленный разговор о действиях большевиков, о программе, их лозунгах. Настроение, вообще, наблюдаю отрадное, в нашу пользу.

Прибыл в Ростов...

Т. Власенко.

НОВОЧЕРКАССК в ДНИ и ПОСЛЕ КАЛЕДИНЩИНЫ.

Город Новочеркасск. По улицам во всеоружии гарцуют раз'езды казаков. То там, то здесь раз'езжают подводы с казенным обмундированием.

Обывательщина на все лады пережевывает сенсационные новости, изобретенные «Приазовским Краем» (изд. в Ростове) и «Донскими Ведомостями» (изд. в Новочеркасске).

«Приехавший из Германии в запломбированном вагоне Ленин, пользуясь поддержкой низов общества, захватил власть».

«Жиды переносят свою столицу из Иерусалима в Москву».

— Эти «свежие информационные сообщения», расчитанные на то, чтобы «патриотическое чувство истинно-русских людей, наконец, проснулось и чтобы Великий, Тихий Дон—хранилище русских национальных заветов—всколыхнулось бы от гирл и до самых верховьев».

«Неужели русским нет места в России?!».

«Неужели чертова дюжина под главенством Бронштейна и Цедербаума останется в Белокаменной?!».

Сотнями, тысячами бросаются такие лозунги в массу. Неудобно ведь говорить откровенно.

Распоясаться порешили в более узком кругу сливок станичников на «Большом Войсковом Круге».

Срочно созывается Войсковой Круг и там четко и ясно раздается:

«До сих пор каждый из казаков, достигнув совершеннолетия, получал из земельного казачьего фонда пай земли. Иногородние крестьяне этим правом не пользовались; они принуждены были арендовать землю казака и работать на 2 семьи: свою и арендатора. Большевистская зараза начинает проникать в крестьянскую среду. Опасность есть и она растет. Поэтому: станичники в седло. За мной.»

Так говорил «тихий, смиренный» войсковой атаман Каледин.

Пока под умиленное поддакивание меньшевиков разливались его речи на заседаниях Круга, рабочий Ростов, живо приняв освободительные лозунги Октябрьского переворота, восстал, а в районе Чертково казаки северных округов области под командой казака Подтелкова*) организовали красный отряд, заявляя, что на Дону должна быть власть трудящихся.

В такой обстановке терять времени было нельзя. Необходимо было сейчас же приступить к работе.

На собраниях, заседаниях, сходах, митингах во всякого рода залах, театрах, музеях, дворцах и с церковных амвонов стали повторять то, что говорилось на Войсковом Круге Калединым. И дремлющий, провинциальный Новочеркасск—город отставных гражданских и военных чиновников-ожил. Он приобрел совершенно не соответствующий ему вид.

Гимназисты, студенты, буржуи и просто безмозглые обыватели стали браться за винтовку. В город массами стали приезжать выброшенные революцией за борт вершители судеб царской России. Родзянко—в отставке по-неволе, но все еще надеявшийся стать вершителем государственных судеб, пользовался особым почтением. Он со спазмами в горле возвещал городу о том, как большевики попрали права истинно-демократического учреждения—Государственной Думы. Гнилорыбов, тогда еще полковник, закатывал ежедневно по нескольку лекций на тему об истории донского казачества и приплетал туда всякие небылицы, лишь бы подзадорить воинственный дух головорезов, по профессии. Особенно напиралось на тот опыт, который приобрело казачество в 1905 г. по удушению революции.

Была реставрирована даже архаическая песня:

«Всколыхнулся, взволновался
Православный, Тихий Дон»...

С окруженным со всех сторон Ростовом белые справились сравнительно быстро, но Подтелков представлял силу более грозную.

Борьба приняла несколько затяжной характер.

Для кропотливой работы по подготовке дальнейшей борьбы Калединым было выдвинуто несколько головорезов для организации партизанских отрядов. Чернецов и Семилетов оказались особенно ревностными.

Донской Октябрь, повидимому, несколько отсрочивался.

Вести о славных подвигах есаула Чернецова**) широко публиковались на страницах «Приазовского Края» и «Ростовской Речи» газеты того же миллионера-шахтовладельца Парамонова, который в 1905 г., будучи еще либералом и демократом массами издавал брошюры революционных авторов.

Чернецова—этого самого популярного организатора партизанских отрядов—мне однажды пришлось видеть. Своим резко дегенеративным лицом он, действительно, производил сильное впечатление. Его внешность принадлежит к категории таких лиц, с которыми бывает жутко оставаться наедине. Резко выделяющаяся вперед огромная нижняя челюсть; длинный острый, орлиный нос, конец которого опускается почти до самого рта и два маленьких блестящих как-то внутрь, умерших глаза—поневоле производили впечатление. Фигура коренастая. Легенды о его походах оканчивались всегда подсчетом растрелянных и зарубленных.

Напряженная обстановка и почти всеми осязаемая близость развязки создали необыкновенную политическую активность. Нейтральных не было. Каждый считал себя принадлежащим к белым или к красным. Классовый

*) Революционно настроенного, колебавшегося между левыми эс-эрами и большевиками. **Ред.**

) Громившего рабочих на рудниках Донецкого бассейна. **Ред.

антагонизм достиг апогея. Особенно неистовствовала учащаяся молодежь. Впрочем, это было неудивительно потому, что у нее был достойный вождь— товарищ войскового атамана, бывший директор гимназии Каменской станицы, Митрофан Богаевский.

Что касается приверженцев красной стороны, то Новочеркасск, в этом отношении, оказался проклятым городом: в нем почти нет пролетариата. Немногочисленные же железнодорожники были настолько терроризированы жандармерией, что расчитывать на них, как на активную силу, было совершенно нечего.

Прошло больше месяца. Время от времени доносились вести о приближающихся красных. Семьи участников отрядов раз'езжались по станицам, где их никто не знал.

В городе я почти перестал бывать, так как, чувствовавшие приближение своего конца, белые начали справлять прощальные кровавые оргии.

Однако, по той пулеметной стрельбе, которая каждую ночь доносилась со стороны тюрьмы и, не бывая в городе, можно было очень хорошо судить о том, что в нем делается. Эта стрельба была верным «барометром» для определения положения борьбы; она была, пожалуй, единственным источником информации, так как газеты, наврав целую пропасть, не могли никак вылезть из собственных противоречий.

Дня через два вечером после того, как Каледин покончил с собой выстрелом в сердце, белые, потеряв надежду на успех, отступили почти без боя, и на окраине города появился отряд людей в штатской одежде. Люди эти были грязными. Морщины их лиц были черными от угольной пыли. Очевидно, эта грязь сразу не смывалась.

В город вошли шахтеры соседних рудников, выступившие на помощь Подтелкову.

Несмотря на усталость, лица их были уверены, энергичны. Я сразу тогда почувствовал, что это настоящие люди. Я стал в сторону и долго наблюдал за их поведением. Вдруг раздалось не из рта, а из груди, из сердца, откуда то извнутри: «Смерть контр-революции! Да здравствует Октябрьская Революция!».

Я их понял: они лишь недавно почувствовали, что они существуют, что у них есть своя воля, свой разум, свои чувства и все это не воображение, а реальное, кровью и штыком осуществляемое. По этим товарищам было видно, что они лишь только что, только с того момента, как взялись за винтовку, сбросили с себя давившую их веками тяжесть.

Раньше они были мрачными, у них было мало перспектив...

Сейчас совсем другое, совсем что-то новое, «октябрьское».

Новочеркасск встретил наши отряды с закрытыми ставнями. Если же какому-нибудь обывателю нужно было выйти, то он одевал самую грязную и оборванную одежду, которая была уже давно предназначена для подарка горничной или сторожу. Модницы выходили в дырявых платочках. Обывательщина была уверена, что при красных порядки такие, что прилично одетым ходить нельзя. Что-же?. Каждый понимает революцию по своему.

Для победителей это были лишь каррикатуры.

До самого утра были слышны торжествующие возгласы: «Да здравствуют рабочие Донецкого Бассейна!».

«Да здравствует Октябрьская Революция!».

С. Худяков.

МОРОЗОВЦЫ В БОРЬБЕ С КАЛЕДИНЩИНОЙ.

В начале 1918 г. в Морозовской было созвано большое собрание в железнодорожном пакгаузе, где впервые был дан бой большевиками офицерам и всей кадетствующей братии.

На это собрание явились все группы населения, но, главным образом, присутствовали рабочие и служащие местного железнодорожного депо и иногороднее население. На это собрание приехали из Царицына большевики. Присутствовало также изрядное количество и казаков бородачей и блистали офицеры своими мундирами.

После выступления ряда ораторов со стороны кадетов и офицеров, выступил большевик, который говорил против кадетов, освещая текущий момент с большевистской точки зрения, что безусловно не понравилось офицерам и казакам-бородачам. И группа, натравленная офицерами, было, бросилась к трибуне с криками «долой»; но не тут-то было, большевики были ограждены охраной рабочих, которые тесными кольцом окружили трибуну. Затем после большевика были ораторы опять из офицерской братии, которые всячески старались опровергнуть доводы большевика.

В заключение, выступил другой большевик из Царицына, который оказался сильнее первого и разбил в пух и прах офицерские речи; в конце своей речи он кратко формулировал задачи Советов и призывал рабочих и беднейшее крестьянство к организации и захвату власти в свои руки.

На стороне большевиков оказалось большинство присутствовавших на собрании. Офицеры с бородачами станичниками со злобой покинули собрание. Оставшиеся приступили к организации Совета Рабочих, Крестьянских и Казачьих Депутатов.

На том-же собрании было выделено 14 человек, которые и приступили к революционной работе, организуя Совет. Надо отметить, что из всех 14 человек настоящих большевиков было всего 3 человека, а остальные были с эс-эровским уклоном. Совет взялся за организацию Красной Гвардии, для чего был выделен военным комиссаром тов. Андреев Антон (левый эс-эр, после был коммунистом, безвременно умер в 1919 г.). Для большей безопасности Совет немедленно повел переговоры с 2-мя сотнями казаков (4 и 5 сотнями 23 полка), расположенными в Морозовской и давшими обещание поддерживать Совет.

Под влиянием агитации офицерства и местного атамана Иванова, казаки указанных сотен, под напором желания попасть скорей к своим семьям, расформировались, а оружие и снаряжение роздали местным казакам, готовившимися к нападению на Совет.

Но это им не удалось. Однажды целый день белые собирали против нас оружие и готовились. Ночь прошла у нас тревожно. Все ожидали нападения.

На утро в воскресенье было назначено общее собрание граждан Морозовской станицы для окончательного сформирования и утверждения Совета. На это собрание прибыла и часть казаков с ближайших хуторов. Атаман Иванов перед этим собранием делал отчет и тем самым передавал власть Совету. С первых своих слов Иванов обращается к старикам: «граждане, старики», а из толпы раздаются крики: «а молодые?» После отчета был предложен список членов Совета на окончательное утверждение. Один из граждан предложил и кандидатуру Иванова, но кандидатура Иванова была провалена. Председателем Совета был избран Донсков,

который был растерзан казаками в 1918 г., его товарищами были избраны Евсеев и Калитвенский, первый—казак, второй — железнодорожник-большевик. Были организованы при Совете секции и комиссии. Приступили к работе. Военная секция стала готовиться к вооружению красногвардейских отрядов.

Когда узнали, что в Вольно-Донской станице имеются 2 казачьих батареи, туда был послан отряд во главе с тов. Моисеевым, который захватил эти орудия вместе с техником Извариным, его привезли в Морозовскую. В это время заседал Совет, в дверь входит толстущий детина, Изварин; ему предложили два стула (на один не поместился бы). Изварин попросил слова и начал рассказывать свою «историю», как он вел революционную работу на рудниках и что он старый большевик. Он нам предложил передать орудия, сказал, что очень рад, что они попали к нам и предложил свои услуги. Его назначили командиром артиллерии. Потом на Донском С'езде Советов он был избран в Донской ЦИК, где и работал. Взяв первые трофеи, все были довольны и с удвоенной энергией принялись за революционную работу. В Морозовской был организован отряд из местного населения, — пришлось вести борьбу с белыми бандами. Отряд ездил санным путем в ст. Цымлянскую, где удалось захватить много ценностей из банка, казначейства и оружие. Потом ездил в Нижне-Чирскую, гдетакже восстановил разгромленные мамонтовцами Советы.

Много было успехов, но были и поражения. Морозовцы твердо и неуклонно выполняли свой долг. Они стойко защищали интересы рабочего класса. Имена погибших товарищей не забудутся...

Поляков, командир отряда, погиб в Нижне-Чирской.

Змиев, пулеметчик погиб под Царицыном. Много морозовцев пало в борьбе.

К. Беденко.

В СЕЛАХ ДОНЕЦКОГО ОКРУГА.

I.

Декабрь 1917 года. Я еду на родину с Двинского фронта, будучи командирован комитетом 7-го броневого авто-отделения на Дон для работы среди крестьян и казаков.

Из Смоленска в Царицын поездом ехали солдаты и офицеры без погон; у тех же, кто не успел снять погоны, их с насмешкой обрезывали. Все время в вагоне велись бурные политические споры. По отдельным словам можно было сразу различить «птицу в чужих перьях».

Я больше соглашался с офицерством, что дало мне возможность познакомиться с намерениями белопогонников, которые открыли правду о своем побеге на Дон к генералу Каледину, где они, мол, примутся за активную борьбу против большевиков.

На вокзале станции Царицын открылся митинг. Публика разнохарактерная.

Здесь можно было видеть и мелькающих в погонах.

Слово пришлось говорить и мне—здесь-то я моих «друзей» посадил в галошу, разоблачив их планы побега к своему «защитнику» генералу Каледину.

Путь мой был до станции Тацинской, а потому я постарался скрыться от своих «приятных попутчиков». Агитаторов-большевиков в Донской Области не любили.

В вагонах линии Царицын—Ростов, начиная от ст. Чир, беспогонные «приятели» начали свободнее себя чувствовать, и у них появились «на плечах погончики, на грудях кресты» *). Здесь пограничники из казаков у каждой двери вагона проверяли у выходящих документы с «комитетскими печатями». Помню, как мне пришлось, будучи арестованным, спорить и когда я бросил упрек казакам Дона, а Каледина вместе с «Георгиями» послал ко всем чертям, то из среды офицеров один выхватил шашку и хотел покончить со мною, но ехавшие в вагоне солдаты бросились на выручку и шумной толпой разорвали кольцо, меня окружавшее. Я удрал и с трудом добрался домой в Донецкий округ.

Станица Каменская. Декабрь 1917 г. По городу, задрав нос, разгуливает кулацкая публика, а трудящиеся мрачно сдвинули брови. По городу были расклеены везде листовки с призывом вступать добровольно в партизанские отряды есаула Чернецова и ген. Мамонтова. Вечером того же дня получились для «важных» нехорошие вести: «большевики под Луганью разбили кадетские части». Немного позднее на вокзал стали прибывать эшелоны раненых казаков. Говорят: «Мы думали, что большевики не похожи на нашего брата, а они такие же люди». После боя многие станичники «покраснели».

Ночью я отправляюсь с хорошими вестями через ст. Лихую к своим односельчанам в Карпово-Обрывскую слободу. В Лихой офицерства полным-полно. Повидимому сгруппированы для усиленной анти-большевистской пропаганды. Приходит эшелон, направляющийся под Луганск на подкрепление. Встречаюсь с одним товарищем, который бежал из Таганрога во время разгона партийной организации. Мы тотчас занялись с ним агитацией среди казаков эшелона, отправляющегося на фронт, раз'ясняя им положение вещей. Стали обсуждать станичники, идти на фронт или нет. Открылся митинг. На нем выступил мой товарищ из Таганрога, фамилию котораго не могу вспомнить, и в пламенной речи призывал казаков не проливать крови трудящихся; он об'яснял при этом, кто такие большевики. Казаки были его речью взбудоражены. Эшелону дают отправление. Раз'яренное офицерство ищет агитаторов, но уже поздно... Казаки близких станиц покинули эшелон и с сумками на плечах отправились в разные стороны. Утром и я отправился к месту своего жительства.

Крестьяне Карпово-Обрывской, Скасырской, Головской и др. волостей были в большинстве большевики, но начали целиком действовать только тогда, когда банда полковника Лазарева произвела по селам расстрел крестьянских Советов. В борьбе против калединщины они были участниками лишь в незначительной части. Это можно об'яснить усталостью солдат-фронтовиков, да кроме того видно было, что сила их не достаточна для разгрома калединщины, и потому большее значение имела в то время Красная Гвардия. Но для Советской власти в то время было особенно важно отношение и сочувствие крестьян к ней, ибо от этого зависел успех вооруженной борьбы. Мне приходилось чуть ли не все время держать связь с Донск. В.-Р.К., и, таким, образом, могу сказать, что красногвардейские отряды были сильны духом, да и количество их было не малое.

При занятии города Новочеркасска я следовал с Брянским отрядом и помню, как юнкеров и подобную тварь пристреливали в погребах. Белая банда удрала.

И. Г. Шевченко.

*) Выражение взято из популярной казачьей песни. **Ред.**

II.

15-го января (ст. ст.) 18 г. я вместе с 25-ю казаками, служившими в 43-м Донском казачьем полку, по демобилизации возвратился из Финляндии на родину, в станицу Великокняжескую Донской области. В станице еще существовала старая власть—окружной атаман в блестящих погонах и мундире. Мне и моим товарищам казалось странным видеть паразитов в погонах, тогда как мы их сорвали еще с февральской революции и до приезда на Дон видеть их нигде не приходилось.

На второй или третий день по приезде, все мои «полковцы» собрались в кучку для обсуждения вопроса о свержении атамана и их правлений. Решили немедленно начать широкую агитацию путем собирания кружков и общих собраний граждан. Провели 2, 3 общих собрания и стало видно, что большинство граждан симпатизирует нам. В те дни в станице стоял партизанский отряд под командой полковника Полковникова, старого кадрового офицера. Отряд был вооружен пулеметами и пушками. Но нам он страшен не был.

Однажды получили сведения о самоубийстве атамана Каледина, а следом телеграмму генерала Назарова о взятии им власти атамана Донских казаков. Тут уже среди прибывших по демобилизации казаков, солдат, а также граждан началось брожение. Все настаивали на созыве общего собрания граждан.

Зазвонили в колокола, и публика начала со всех сторон стекаться на площадь.

Собрались быстро и приступили к выборам президиума собрания. Меня выбирают председателем, товарищем же председателя и секретарем попадают офицеры. На повестке дня стоял один вопрос—о признании власти генерала Назарова. Начались прения. В большинстве выступили офицеры, реалисты и прочая интеллигенция. Все речи их сводились к непременному признанию власти Назарова. Наши, в тот момент неопытные ораторы, не могли устоять против демагогии и интеллигентов. Собрание затянулось до темноты и не дало никаких результатов. Тогда я закрыл собрание, назначил продолжение на 10 часов утра следующего дня. Долго не унимался шум. По закрытию собрания подошел ко мне станичный атаман Колесников и передал приглашение окружного атамана явиться на офицерское собрание в окружном правлении. Я попросил разрешения взять с собой кого-либо из товарищей, что было разрешено. Когда мы пришли в зал правления он был полон офицерами и залит блеском их погон. Меня подозвал полковник Полковников, предложил сесть и первый начал разговор, стараясь выяснить мои взгляды на положение вещей, а также выведать о настроении населения. Я с ним долго разговаривать не стал и прямо заявил, что население желает власти Рабоче-Крестьянского Правительства уже стоящего у власти в центре России. На следующий день при открытии собрания офицеры и интеллигентная публика отсутствовали и нам пришлось доизбрать президиум. Долго на этот раз разговаривать не пришлось—вопрос был поставлен ребром: «кто за власть Назарова, прошу поднять руки» и «кто за власть трудящихся, власть Советов, прошу также поднять руки». За второй лозунг было почти все собрание—все стояли с поднятыми руками. Этим повестка дня исчерпывалась. Кроме того решено было избрать Совет из 20 человек на паритетных началах (10 человек от казаков и 10 от крестьян). Выборы произошли тут же. По окончании собрания Совет организовал свое заседание и об'явил себя Временным Окружным Советом и разослал повестки по округам, созывая с'езд пред-

ставителей населения для выборов Совета на 15-е февраля. Совет, кроме того, постановил избрать 5 товарищей для наблюдения над разоружением партизанского отряда. Была избрана делегация для поездки на станцию Торговую за Советскими войсками, там находившимся, ибо новый избранный Совет не имел у себя ни одного вооруженного солдата. Окружной атаман поинтересовался узнать о решениях, вынесенных Советом и когда ему было сообщено постановление о разоружении партизанского отряда —он дал справку, что отряду вчера им был дан приказ о выходе из станицы. Отряд, действительно, удрал из боязни идущих с Торговой Советских войск, бросив пушки. Утром на другой день в станицу прибыли части 39-й советской дивизии, под командой тов. Алехина. Отступившие за реку части полковника Полковникова пошаливали. Тогда части 39-й дивизии, после схваток, заставили их бежать в направлении к Новочеркасску. В это время черные вороны, выбитые из гнезда контр-революции Новочеркасска, направились на восток к Великокняжеской. Белые подошли к Манычу и после неудачного сопротивления Советские войска вынуждены были отступить частью к Торговой, частью к Царицыну. Белые временно заняли станицу.

Калинин.

III.

Подвергнувшись несколько раз арестам за агитацию и сочувствие большевикам, в бытность на фронте, мы с одним питерским товарищем, подделав документы, бежали на родину.

Я прибыл в Донскую область в Ноябре 1917 г. Октябрьская революция меня застала в пути.

По пути из Ростова, в поезде выяснилось, что казаки не хотят Советской власти и собираются сражаться с большевистскими отрядами, расположенными по Царицинской ветке и имевшими цель продвинуться на Дон.

По прибытии домой в Сальский округ, я сразу заметил, что крестьяне настроены против калединщины и хотят защищать Советскую власть.

Крестьянам хорошо уже было известно, что такое Советская власть и кто такие большевики.

Делегаты крестьян, бывшие на Войсковом Круге, не сговорились с калединцами, покинули Круг и уехали домой. Вскоре затем были выдвинуты делегаты на 3-й Всероссийский С'езд Советов; от Сальского округа поехал т. Скиба.

Выяснив настроение крестьян, я решил приступить к организации хуторского Совета; но мне не была знакома структура его и пришлось только переименовать бывший комитет времен Керенского в Совет. В скором времени прибыл т. Скиба. Был созван волостной с'езд, где принята была резолюция о присоединении к большевикам и организации Совета. Центром власти был избран Мокрый Гашун, так как тогда расположенных здесь 19 крестьянских хуторов волости не было, они принадлежали к разным калмыцким станицам, к юртам они принадлежали по аренде земли, а калмыки были настроены против большевиков и наш с'езд постановил от калмыков отделиться и об'явить центр волости в М.-Гашуне.

Узнав об этом, калединцы решили помешать Советскому строительству во вновь организовавшейся волости.

17-го декабря 1917 г., организовав банду из калмыков и казаков в количестве 130 человек, белые напали на близ расположенные хутора ст. Андреевской—Рубашкин и Мазанов, избивая нагайками крестьян, насилуя женщин и грабя имущество. Затем продвинулись на х. Мацыкин, прибыли туда вечером и, расположившись на бивуак, стали чинить разные бесчинства.

Видя такое положение и не имея никаких вооруженных сил в противовес банде, я решил пойти на хитрость: собрав наскоро собрание своего хутора, об'яснил положение дел и предложил вынести фиктивное постановление о том, что мы де не хотим власти Советов и присоединяемся к власти Каледина, на что крестьяне и согласились. Этим я полагал выиграть некоторое время, задержав неожиданное нападение банды, и принять надлежащие меры к защите.

План мой вполне удался.

Получив постановление общего собрания на руки, я сейчас же выехал в х. Мацыкин, где убедил главарей банды в том, что мы де охотно присоединяемся к ним и будем совместно с ними воевать с большевиками, а посему не стоило бы им двигаться дальше. Главари банды, выслушав мое заверение и получив на руки постановление, решили дальше не продвигаться и возвратились обратно в ст. Андреевскую.

Воспользовавшись случаем, я немедленно выехал в волость, доложил обо всем происшедшем и просил дать мне полномочие на получение оружия из Царицынского Ревкома. Получив документы, я с командой в 25 чел. отправился в Царицын.

С большими трудностями нам там удалось получить 250 винтовок и один пулемет, так как Ревком опасался выдать это оружие, боясь, чтобы я не передал его белым.

Наконец, нам удалось доказать, что это не так и оружие было выдано.

На ст. Зимовники, нас встретила толпа крестьян разных возрастов, бежавших из М.-Гашунской волости от появившихся там банд, под командой полковников Гнилорыбова, Мартынова и генерала Мамонтова*), которые, потерпев поражение под г. Новочеркасском, бежали со своими бандами в Сальские степи. Эти банды уже посетили М.-Гашунскую волость, проделали там ряд безобразий, избивали крестьян, изнасиловали женщин и уничтожили крестьянское имущество. Прибывшие настойчиво требовали немедленно их вооружить и отправить сражаться с бандами.

Узнав, что при первом сражении при ст. Грабевской, наш маленький отряд, собранный наскоро, потерпел неудачу и что т. Скиба, собрав снова всех, находится уже в М.-Гашинской, я немедленно, вооружив всех бежавших, двинулся туда же со своим отрядом, чтобы соединиться с т. Скиба.

Слившись с частями т. Скибы, мы приступили к приведению нашего отряда в боевой вид, выделяя командиров и разбивая его на роты, взводы и отделения.

Командиром отряда был выделен т. Скиба. Отряд наш достиг 800 человек; кроме того, к нам присоединился небольшой отряд в количестве 30 человек, под командой т. Керосинского, прибывший из Царицына.

Численно сил было уж достаточно, чтобы вступить с бандами в открытое сражение, хотя численностью белые превышали нас; кроме того, они были вооружены до зубов и все имели лошадей.

*) Части белых, отступивших в Сальские степи под общей командой походного атамана г. Попова. **Ред.**

Наш отряд был из рук вон плохо вооружен; большинство винтовок в отряде было системы «гра», при том, в очень ограниченном количестве, патронов мы имели по 15—20 штук на бойца, конных всего было 70 человек. Но, учтя настроение наших бойцов, готовых сражаться с любым врагом, мы немедленно решили выступить на белых. При первом же столкновении 18-го февраля 1918 г. калединцы не выдержали и отошли в район восточного коннозаводчества, в Сальский округ, на Большие Зимовники Ладченко и Безуглова Степана; погода была плохая и мы не решались их преследовать дальше и так отошли на ближайшие хутора Савольских и Куручая в М.-Гашунской волости.

23 февраля калединцы повели наступление, стараясь обойти нас с флангов кавалерией, но были отбиты без особых усилий.

6 марта калединцы окружили нас ночью, имея в виду застать нас врасплох, но и это им не удалось. Утром, чуть свет, бандитские колонны были замечены; мы подняли тревогу; быстро все бойцы изготовились, не ожидая особых распоряжений, бросились во все стороны деревни и начали сражаться с бандами. Ожесточенный бой длился больше часа, наконец, белые не выдержали и дрогнули, а затем бросились в беспорядочное бегство. Разбитые наголову белые бросили 14 пулеметов, много винтовок и патронов и потеряли убитыми около 150 человек. С нашей стороны потери оказались совсем незначительные: два убитых и три раненых.

Понеся такое поражение бело-бандиты отошли к Дону.

С. Краснощеков.

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ В РОСТОВСКОМ ОКРУГЕ.

В августе 1917 года я был уволен в запас армии правительством Керенского, как «негодный элемент», заподозренный в большевизме. В сентябре 1917 г. я прибыл в Ростовский округ, в Ейское Управление. Здесь встретился с гражданским общественным комитетом, во главе которого стоял местный кулак, П. С. Колосов. Общественный Комитет состоял исключительно из зажиточных крестьян. Столкнувшись с таким составом комитета и его далеко не революционными действиями, я не мог оставаться пассивным и также, как и в армии, начал большевистскую агитацию.

2 октября я уехал в Москву, так как Москва в то время была сердцем Пролетарской Революции. Узнав, что в Москве и Петрограде власть перешла в руки С.Р.К.С. Депутатов, я немедленно в конце октября возвратился в м. Ейское укрепление. К этому времени прибыл т. Гайдуков Василий Федорович, который в Петрограде принимал активное участие в Октябрьском перевороте. Тов. Гайдуков прибыл в м. Ейское укрепление убежденным большевиком. После его приезда наше революционное большевистское ядро постоянно росло, и под руководством тов. Гайдукова начало активно бороться за переход власти в руки Советов. 1 ноября (по ст. стилю) нами были предприняты меры для оповещения окружающих волостей Ейского района: Николаевки, Глафировки, Екатериновки, Шабельска, Порт-Катона, Александровки и др. волостей Ростовского округа о совершившимся в центре перевороте. Я помню, что тов. Гайдуков отправился в с. Александровку, как более революционное, а я поехал в село Екатериновку.

Приблизительно, 15-го ноября тов. Гайдуков на одном из собраний, на котором присутствовала группа фронтовиков, революционно настроенных,

внес предложение о созыве районного с'езда. Целью собрания было выяснить отношение к Октябрьскому перевороту местных фронтовиков.

На районный С'езд были командированы т. т. Гайдуков В. Ф. и Пащенко К. А. Здесь были представители от волостей. Их было около 150 человек. В это время из Ростова был прислан отряд казаков в 20 человек во главе с офицером просить оказать помощь правительству Каледина продовольствием для борьбы с «большевистской бандой». Вместо этой помощи, которую просил офицер, тов. Гайдуков гордо заявил: «большевики не враги, а наши друзья, а потому с'езд вам никакой помощи не даст».

Офицер приказал своему отряду арестовать тов. Гайдукова, но с'езд не допустил этого, и велел немедленно уехать офицеру со своим отрядом из Александровки. После этого с'езд продолжал заседание, на котором единогласно было решено послать делегацию в Петроград с наказом о том, что все волости, присутствовавшие на с'езде (их было около 15), готовы поддержать вновь организованное Рабоче-Крестьянское Правительство, и просить дать нам указания о вновь изданных законах. Делегатом в Петроград был избран тов. Гайдуков. В период поездки тов. Гайдукова, я тайно раз'езжал по волостям Ростовского округа с целью подготовить организацию красных партизанских отрядов.

К 29-му декабря 1917 г. тов. Гайдуков возвратился из Петрограда с определенными инструкциями и указаниями об организации волостных и сельских советов и красногвардейских отрядов. 31-го декабря на втором нашем собрании в м. Ейское вместе с группой революционных солдат, возвратившихся из старой армии и пропитанных большевистским духом, постановили немедленно созвать вторично районный с'езд в с. Александровке.

10-го января 1918 г. открылся второй с'езд. На с'езде был избран Военно-Революционный Комитет, который начал распространять свои действия на волостные гражданские общественные комитеты. Но работать Военно-Революционному Комитету было очень трудно вследствие того, что с каждым днем эс-эры и меньшевистские деятели все более и более проявляли свою активность.

В м. Ейске даже захватили власть правые эс-эры: г. г. Н. Канаев, Н. Смирягин, С. Черников, стойко поддерживаемые местным кулачеством.

Но то зерно, которое бросалось большевистски настроенными товарищами, не падало на каменистую почву, а с невероятной быстротой вглубляло свои корни в бьющую стихийно-революционную мысль крестьян волостей Ростовского округа.

Мне хочется вспомнить один интересный факт, который имел место на одном из общих собраний граждан в Ейске (на котором присутствовало до 3.000 человек), когда стоял вопрос о вооружении против калединского правительства. Выступает эс-эр, Н. Канаев, красноречиво призывает собравшихся: «Господа, нас призывают к вооруженному сопротивлению нашим братьям. Пойдем-ли мы по этому пути?!».

Несмотря на призывы меньшевистских и эс-эровских краснобаев, общее собрание потребовало от своих руководителей немедленного присоединения к районному совету Р.С.К. и К. Депутатов.

Итак, присоединение к районному Совету росло с головокружительной быстротой.

В течение всего этого времени в Ростове властвовали еще калединские отряды, почему и нельзя было нам сразу покончить с общественными комитетами. Они опирались еще на казаков. Таким образом, велась борьба между районным Советом и волостными гражданскими комитетами

до 10 февраля 1918 г. После этого гражданские комитеты были распущены, и было приступлено к организации волостных Советов.

Я никогда не забуду, как 15 февраля в м. Ейске с небывалым торжественным под'емом избирался первый Совет, в который вошли т. Гайдуков Анисим Федорович, Поляков И. Я., Соколов С. и др. товарищи.

С этого момента власть по всем волостям перешла к Советам и было приступлено к широкой организации красногвардейских отрядов.

И. Е. Игнатьев.

БОРЬБА ТАГАНРОГСКИХ РАБОЧИХ С КАЛЕДИНЩИНОЙ.

Балтийский завод в городе Таганроге являлся революционным центром и главной опорой большевиков. Если вспоминать о революционных событиях, имевших место в Таганроге, то мы увидим, что не было ни одного революционного выступления рабочих, которое не было бы тесно связано с Балтийским заводом. Там вырабатывались все требования рабочих, проводившиеся впоследствии на всех остальных заводах. Вся первичная работа по подготовке к вооруженному восстанию рабочих проходила на Балтийском заводе. С этого же завода неслись лозунги, подхватываемые всеми заводами и фабриками Таганрога. Необходимо отметить, что вопреки существовавшему меньшевистско-эсэровскому Совету (в 1917 г.), руководителем рабочих все же являлся Балтийский завод.

Балтийский завод был построен в разгар империалистической бойни, в 1916 г. Раскинувшись в 5 верстах от города на прекрасной равнине, заняв большую площадь, имея по одну сторону Азовское море, по другую—степную равнину, южной своей частью соприкасаясь с авиационным заводом (бывш. Лебедева),—гордо возвышается своими мощными шестью бетонированными корпусами с великолепно оборудованной электрической станцией (до 15000 л. с.) и рядом больших построек, приспособленных для жилья рабочих,—он производит впечатление изолированного рабочего городка, население которого достигало до двадцати тысяч человек. В корпусах было установлено до четырех тысяч станков, за которыми работало в 1917 г. до одинадцати тысяч человек.

На этом заводе эксплоатация рабочих была доведена до максимума, по американской системе. Над каждыми пятью рабочими стоял погонщик, высасывавший последние соки для ненасытных акул, каковыми являлись акционеры завода (бывш. великий князь Н. Н. Романов, содержанка всероссийского самодержца Николая II—Кшесинская и др.).

Балтийский завод являлся единственным металлообрабатывающим заводом в Донской области, на котором было сконцентрировано большое количество квалифицированных рабочих Питера, Москвы и Урала, которые под гнетом реакции бежали на юг и возбуждали в сердцах южных рабочих ненависть к буржуазии и необходимость к самоорганизации для предстоящих битв.

Кроме Балтийского завода в Таганроге в 1917 году имелось еще три крупных завода: Металлургический, Кожевенный и Котельный и до 10 средних заводов, не считая большое железнодорожное депо. В общем рабочих в Таганроге насчитывалось до сорока тысяч человек, из коих металлистов было до 25 тысяч человек. Кроме того в городе были размещены три запасных полка: 274, 275 пехотные и Заамурский каваллерийский полки.

Известие об Октябрьской революции в Петрограде меньшевистско-эсэровский Совет и Дума встретили испуганно и растерянно. Созвано было совместное заседание в городской управе, на котором стоял вопрос о создании «комитета спасения родины и революции».

Небезинтересно, что представлял в то время из себя Совет. Большинство было меньшевиков; эсэровская фракция была второй по количеству. Из ста человек членов Совета, во фракции большевиков имелось лишь 15. Настроение же членов рабочих Совета, рядовых было на стороне большевиков. Рабочие Русско-Балтийского завода, не доверяя избранным в Совет меньшевикам, произвели перевыборы, со свистом провалив списки меньшевиков и эс-эров. И те 15 человек большевиков, которые во время Октябрьского переворота были членами Совета, являлись исключительно представителями Балтийского завода. На остальных заводах, следуя примеру балтийцев, рабочие также требовали переизбрания меньшевистско-эсэровских депутатов. Меньшевики и эсэры, чувствуя, что теряют доверие рабочих, окончательно покатились в лагерь буржуазии, присоединившись к народным социалистам, кадетам и к другой мрази,—развели ожесточеннейшую травлю на балтийцев за посылку агитаторов-большевиков в округ с лозунгами о захвате земли крестьянами. Крестьяне не заставили себя ждать и по всему округу прокатилась волна крестьянских восстаний.

Совместное заседание Совета и Думы по вопросу об Октябрьской Революции ограничилось простой болтовней по адресу «захватчиков» и ни к каким результатам не привело. Даже старый эс-эр, Герасим Варелас,*) не выдержавший травли по отношению к питерским рабочим, выступил с предложением поддержать Октябрьское восстание, заявляя, что настроение рабочих и крестьян в Таганроге на стороне питерских рабочих. Меньшевики и думские кадеты никак не ожидали такого выступления со стороны эс-эра и, растерявшись, потребовали перерыва, после которого один из эс-эров выступил с тем, что заявление Герасима Вареласа не является мнением их партии, и что эс-эры войдут в «комитет спасения родины и революции». Большевики покинули зал заседания; после чего весь центр тяжести работы был перенесен на заводы, откуда и решено было повести штурм на меньшевистский Совет и кадетскую думу.

На другой день заводской комитет Балтийского завода поставил на общем собрании рабочих вопрос о необходимости захвата заводов в свои руки и через Центральный Совет Старост Таганрога, об'единявший все фабзавкомы, повести кампанию за захват остальных заводов, одновременно вооружая Красную Гвардию, начало организации которой было положено в Таганроге после июльских дней. Все это настолько всполошило местную буржуазию и директоров заводов, что они стали просить Каледина о присылке войсковых частей для охраны заводов. Каледин не замедлил исполнить просьбу буржуазии, и вскоре же расквартировал в Таганроге в Европейской гостинице юнкерскую школу в 1.000 человек, бежавшую из Киева, и 2 казачьих полка во главе с Назаровым, разместив последние в заводских зданиях Балтийского завода. Нам, большевикам, пришлось перейти на полулегальное положение. К этому времени об'единенная организация РСДРП раскололась, большинство оказалось на стороне большевиков. Организационного аппарата меньшевики не передали, удержав таковой при помощи милиции, во главе которой стояли эс-эры. Типографию организации, стараясь оставить за собою, формально перевели на имя частного лица. Из-за типографии страсти настолько разгорелись, что некоторыми

*) Ныне коммунист. **Ред.**

товарищами было предложено организовать вооруженное нападение для захвата таковой.

Атмосфера сгущалась. Наших курьеров с газетой «Наше Знамя»*) или «Правда» ловили и избивали.

Мы, большевики, между тем не дремали. Помню, на заседании Комитета стояли два вопроса:

1) посылать ли на Войсковой Круг представителя и

2) где взять оружие.

По первому вопросу было постановлено вести агитацию за срыв Круга, не посылая своего представителя; по второму—послать тов. Волошина в Петроград за оружием, тов. Витковского и Зубца в Севастополь за подкреплением. Повести усиленную работу в 274 и 275 пех. п.п. за захват арсеналов.

Меня командировали в Ростово-Нахичеванский Комитет Партии за директивой, а также и за оружием. Приехав в Ростов н-Д. я застал там прибывших товарищей из Макеевки и Ясиноватой—Фролова и Вишневскую и мы, под председательством т. Васильченко, обсуждали вопрос, где взять оружие. Остановились на том, что необходимо взять из воинских частей или послать представителей в Тулу или Петроград.

Вернувшись обратно в Таганрог, я застал уже завод занятым казаками, которые, расхаживая по двору, боялись зайти в мастерские, где в то же самое время происходило обучение Красной Гвардии.

Вскоре нам удалось разложить казачьи полки, которые, бросив посты на заводе, потребовали эшелона для ухода из Таганрога.

В это время в воздухе пахло уже порохом. Юнкера держали себя вызывающе, ночью ходили по квартирам рабочих, арестовывая их.

Из Ростова прибыли т.т. Жаков, Ченцов и Жук встречать Севастопольскую флотилию, по приходе которой меньшевики созвали Совет с предательской целью помирить два враждебных класса, приготовившихся испробовать свои силы, примирить смертельных врагов, готовых друг другу нанести смертельный удар. Приглашают на заседание Совета моряков и Назарова. Последний заявил, что, если моряки начнут высадку или рабочие не приступят к разоружению, он оставляет за собою свободу действий. Мы, со своей стороны, потребовали вывода юнкерской школы и признания власти Советов. На заседании меньшевикам соглашения добиться не удалось. После заседания мы организовали Военно-Революционный Комитет, в каковой вошли и левые эс-эры и представители солдат от войсковых частей.

На следующий день после выборов Военно-Революционного Комитета им был издан приказ—обращение о неподчинении Каледину. В это время в Ростове вспыхнуло восстание, о котором нам сообщил, приехавший из Ростова, представитель Революционного Комитета, тов. Иванов (кажется, большевик), с директивой Ростовского Ревкома быть наготове к вооруженному выступлению, а также командировать представителя от Таганрогского Ревкома в Донской Областной Военно-Революционный Комитет. Постановлением Ревкома командируют меня. На утро, 26 ноября, мы с т. Ивановым приезжаем на станцию Ростов. В это время на вокзале происходила большая сумятица: под'ехал автомобиль с пулеметами, приступил к обстрелу вокзального помещения, где, как оказалось, находился генерал Потоцкий со своей свитой.

На автомобиле со станции мы направились к зданию Военно-Революционного Комитета, бывш. театр «Марс». Было приблизительно 12 час.

*) Орган. Рост.-Нах. Ком-та и Окружного Бюро РСДРП (б-ков). **Ред.**

дня; членов Ревкома в «Марсе» не оказалось, а находившиеся там несколько товарищей рассказали нам о том, что ночью театр «Марс» был подвергнут нападению со стороны белых; убит тов. Кунда и произведен разгром внутри самого здания. Картина разгрома была, действительно, ужасающей. Стулья и диваны были совершенно поломаны, обои со стен содраны; в общем впечатление таково, что производившие разгром настолько остервенели от злобы, что не застали главной добычи (Ревком), что излили свою злобу на стенах, стульях и диванах.

От товарищей мы узнали, что Ревком находится на шхуне «Колхида», которая стоит в гавани, против Николаевского переулка. Мы поехали на «Колхиду», но на Таганрогском проспекте у нашего автомобиля не хватило бензину. Тов. Иванов остался около машины, я же пешком направился к Ревкому. По дороге можно было наблюдать весьма интересную картину, как обыватели испуганно выглядывали из окон и глядели полные немого ужаса.

Подхожу к «Колхиде». Она отчалила от гавани, повернулась бортом к Нахичевани и—выстрелила. Звук орудия приподнял мое настроение, захотелось скорее в бой.

После выстрела «Колхида» подошла к берегу. Направляюсь в Ревком, меня не пускает часовой-красногвардеец. Пред'являю свой мандат от Таганрогского Ревкома. Прочитав таковой, лицо его сразу прояснилось и он, улыбаясь, спрашивает у меня: «как в Таганроге? Придут ли таганрогские рабочие на помощь ростовским рабочим в случае необходимости»? Отвечаю, что Таганрогские рабочие наготове и лишь только ждут распоряжения о выступлении. Часовой пропускает. Захожу в каюту Ревкома. Посредине стоит стол, около которого, немного сгорбившись, пишет что-то т. Сырцов, одетый в студенческую форму, слегка бледный, но спокойный. Когда я поглядел на него, у меня невольно промелькнула мысль: «не к смерти ли приготовился или к празднику, что так принарядился», ибо до этого я встречал его весьма небрежно одетым. Немного в стороне стоял т. Равикович. *) На диване полулежа сидел офицер, член Военно-Революционного Комитета, т. Арнаутов. Оказывается, что т. Сырцов писал приказ о разоружении юнкерской школы в гор. Нахичевани. Я сделал доклад, указав на то, что в Таганроге все подготовлено к выступлению и что рабочие лишь ждут сигнала. Полки 274 и 275 — малонадежны, но в Синельниково стоит отряд Черноморских матросов под командой Мокроусова, который направляется на помощь Дону, но его не пропускают. В это время входит в каюту тов. Турло, которого тов. Сырцов направил комиссаром почты и телеграфа. После обсуждения моего доклада решено было послать представителя в Синельниково за матросами, ибо ночью кадеты, по всей вероятности, будут наступать. За подкреплением в Синельниково командируют меня. Немедленно еду на станцию и по дороге узнаю, что Потоцкого арестовали. Часов в 11 ночи приезжаю в Иловайскую. Поезд задерживается казаками есаула Чернецова, которые начали свирепствовать в Макеевском районе. В Иловайской узнаю, что матросы повернули на Белгород против Корнилова, но в Никитовке стоит кавалерийская дивизия, которую можно будет направить на помощь Ростову. Железнодорожники дают паровоз и я немедленно еду в Никитовку, надеясь привезти во-время подкрепление. В Никитовке встречаю тов. Грузмана и от него узнаю, что дивизия настроена в нашу пользу, но полковые и дивизионный комитеты против.

*) Тов. М. Равикович в период Октябрьской Революции был секретарем Дон. Обл. В.-Р. Комитета. Погиб в период гражданской войны. **Ред.**

Пробуем вести переговоры с Комитетами, которые в категорической форме отказываются не только от посылки, но даже не согласились созвать общего собрания, мотивируя отказ тем, что они присланы охранять Украинскую границу. Нам все-таки на второй день удалось созвать собрание, но было уже поздно. Бежавший из Таганрога тов. Хильков сообщил, что в Ростове восстание подавлено. Поражение в Ростове было сигналом для наступления Чернецову, который и начал свою палаческую работу в Донецком бассейне над шахтерами и над рабочими Макеевских заводов, которые принуждены были отступить к Никитовке в количестве до 3.000 человек, разместившись на ближайшем руднике.

На рудниках в это время была ужасная картина: рабочие были босы, голы (стояли уже морозы), а также отсутствовало продовольствие. Требовалась немедленная помощь и вот тут-то нам повезло: в это время через Никитовку проходил санитарный поезд им. принца Ольденбургскаго. Мы его направили на рудники. В поезде оказалось изрядное количество обмундирования и продовольствия с полным штатом медицинского персонала. Поезд направлялся к Каледину. Все содержимое было нам как нельзя более кстати при формировании отряда. К этому времени в Никитовку прибыл тов. Фролов, и вагоны с винтовками и патронами; было также несколько пулеметов, которые понадобились для нападения на Ханжонково, но собрать их никто не сумел.

Через Никитовку в это время усиленно проходили эшелоны с казачьими частями по направлению к Дону и к Кубани. Мы приступили к разоружению проходящих частей и организовали Военно-Революционный Комитет.

В то время из Таганрога пришло известие, что большинство большевиков и много рабочих бежало от преследования белых, частью на пароходах в Мариуполь, частью рассеялись по разным сторонам. Белые праздновали победу. Меньшевики и эс-эры проливали крокодиловы слезы по поводу поражения рабочих, советуя на будущее рабочим воздержаться от вооруженных выступлений против буржуазии и предлагали выпрашивать пощаду, как милостыню, от генеральской клики, ползая на коленах перед рассвирепевшей буржуазией.

Мы же считали поражение временным и находили, что в данный момент, очередной задачей рабочих Дона — является восстановление растроенных рядов.

Приезжаю в Таганрог, иду в завод. В заводе осталось несколько товарищей из заводского комитета. У рабочих настроение подавленное. Меньшевики и эс-эры развели бешенную травлю против большевиков, говоря, что таковые бросили рабочих под удары белогвардейцев, сами же спасли свою шкуру бегством. На одном из общих собраний, назначенном меньшевиками, последние пытались доказать рабочим буржуазную ложь, будто большевики увезли ценности, но каково было их удивление, когда появляются на трибуне все те, которые, по их словам, скрылись, как-то: А. Глушков, Стернин (Мохов) и др. Эффект был поразительный. Провокация меньшевиков не удалась. Рабочие остались на нашей стороне и после этого случая близко не подпускали меньшевиков к Балтийскому заводу. Но зато и нам в город нельзя было показаться, по крайней мере, в одиночку, — юнкера ловили рабочих и на месте убивали. На завод же юнкера боялись появляться: Балтийский завод являлся недоступной крепостью для них. Нам приходилось ночевать в заводском комитете. Ночью группами в 15 — 20 человек мы выходили в порт за оружием, которое перед отступлением спрятали в рыбачий баркас, стоявший в порту. При

завкоме были организованы курсы сестер милосердия и здесь же происходили усиленные занятия с красногвардейцами и раздача на дом винтовок.

К концу декабря месяца 1917 г., меня командирует наш подпольный Комитет, (в котором работали: Глушков Антон, Стернин (Мохов), Володя Смирнов, Трусов, Росников, Лиза Волошина, Штыб, Кабкин и я), в Ростов для связи с Ростовской организацией. Эта поездка чуть было не стоила мне жизни. По приезде на ст. Ростов меня арестовывают вместе с меньшевиком Вейцманом, с которым я встретился на вокзале и который ехал на Войсковой Круг в Новочеркасск. Это только и спасло меня. В Вейцмане и во мне белые признали т.т. Сырцова и Равиковича. Помещение, в которое повели нас для допроса, было битком набито юнкерами, студентами и учащейся молодежью. Проходя мимо них, мы слыхали, как по нашему адресу сыпались всяческие угрозы, вплоть до немедленного расстрела. Я каждую минуту ожидал от них расправы, настолько они были озверевшими.

Пробыв там около 2-х часов, натерпевшись пыток, мы были освобождены. Связи с парторганизацией установить не удалось. Дня через два я вернулся в Таганрог. В это время положение рабочих в Таганроге было ужасным; заработная плата в течение трех месяцев не выплачивалась, продовольствие в городе отсутствовало.

Между тем, со стороны Харькова приближался отряд тов. Сиверса, с которым мы установили связь. Юнкера свирепствовали. Большевики организовали похороны одной из жертв юнкеров рабочего Балтийского завода; похороны эти вылились в демонстрацию. На похороны явились все рабочие с семьями в количестве до 50 тысяч человек. После зажигательных речей ораторов рабочие поклялись там расправиться с юнкерами. С этого момента начинаются бои. Рабочие отдельными отрядами в 15—20 человек начали устраивать набеги на юнкеров. В один из таких набегов погибло 12 челов. рабочих—балтийцев, во главе с тов. Ткаченко, которых юнкера окружили, продержав в осаде сутки, и, когда рабочие израсходовали все патроны, забрали их в плен и произвели над ними средне-вековую инквизицию: отрезали уши, нос, половые органы, выкололи глаза и, насытившись мучениями, закопали полуживых во дворе своего штаба (Европейской гостиницы), положив сверх тел убитую собаку и слегка сверху покрыв землею.

Но это были уже последние зверства: рабочие перешли в наступление.

Бой начался с котельного завода, при слабом вооружении рабочих и весьма ограниченном количестве патронов у них. Бои продолжались трое суток. Кадеты крепко засели в винном складе и на вокзале и дрались отчаянно, надеясь на скорое подкрепление со стороны Каледина. Засевших в винном складе рабочие осадили. Склад подожгли, выкурив их оттуда. На вокзале, засевшие кадеты пулеметом не подпускали близко к вокзалу. Тогда железнодорожники поднимают пар в паровозе и полным ходом пускают его в станцию, которая является тупиком. Паровоз прошел сажени 3 по земле и врезался в здание из которого юнкера, как мыши, выскакивали под выстрелами рабочих. Настроение рабочих было настолько возбуждено зверствами юнкеров, что из каждого двора рабочих кварталов стреляли в отступающих юнкеров. В боях принимали участие жены и дети. В последнюю минуту, когда на позиции около Балтийского завода не хватило патронов, на выручку явились дети, которые, собрав на квартирах патроны, принесли их на позицию своим отцам. Позиция около Балтийского завода являлась главной, так как там нахо-

дился штаб рабочих, и юнкера свой главный удар направили на завод. С патронами, полученными от детей, рабочие сделали вылазку на арсенал, захватив его в свои руки. Этим решено было сражение в пользу рабочих. Из полутора тысяч юнкеров отступило не более 200, остальные поплатились жизнью за зверства, учиненные над рабочими. Захватив Таганрог, 19 января рабочие выделили отряд под командой тов. Шольца, которого послали на встречу Сиверсу, ударив белым в тыл по направлению к Матвееву-Кургану, и, соединившись с Сиверсом, пошли на Ростов, который 10 февраля и был занят.

Занятием Ростова была решена судьба царствования Каледина на Дону, который при помощи прихлебателей—меньшевиков и эс-эров хотел организовать Донскую Вандею для удушения Октябрьской Революции.

В историю гражданской войны пролетарий Таганрога вписал кровью своих лучших товарищей (Стернина-Мохова, Вл. Смирнова, Ант. Глушкова, Лизы Волошиной и др.) страницу преданности рабочему делу, освобождения из под векового ига ненасытной буржуазии.

Г. В. Шаблиевский.

Фронтовое казачество и Каледин.

I.

Начало калединщины и ее расцвета фактически означало конец надеждам нашей и иностранной буржуазии—создать русскую Вандею на Дону, которая должна была потопить в крови Пролетарскую Революцию силами казачества под руководством, тогда наиболее умного защитника интересов капитала, Каледина.

Работа, проделанная к этому времени Калединым, по обработке фронтовых казачьих частей, присланных на Дон с фронта империалистической войны в качестве основного ядра для борьбы с большевизмом, дала отрицательные для его интересов результаты. Об'езд Каледина северной области в августе—сентябре м-цах, с целью восстановления казачьего населения против Революции, едва не окончился арестом самого атамана, преследовавшей его группой революционно-настроенных казаков, во главе с известным Голубовым, имевшим на это поручение от Царицынского Совдепа.

Попытка Каледина путем давления кадрового офицерства на фронтовые части вынести постановление на полковых собраниях о готовности выступить с оружием в руках против большевиков, также потерпела неудачу: казаки всюду выносили резолюции в одном и том же духе (я говорю о 2-х казачьих дивизиях—5 и 8-й, составлявших северный отряд для охраны подступа к Ростову со стороны Воронежа), а именно: желание отстоять власть Войскового казачьего выборного Правительства у казаков было, но воевать с большевиками вне пределов Донской области казаки соглашались только в том случае, если, во-первых, Войсковой Круг соберется и найдет это нужным и, во-вторых, если казаки других областей и горцы Кавказа будут действовать с донцами заодно (это была, конечно, скрытая форма отказа в поддержке Каледину).

Тогда Каледин организовал довольно внушительную и надежную в классовом отношении боевую силу из юнкерских и офицерских элементов для борьбы с большевизмом. Пользуясь этой силой, под командой голованова, есаула Чернецова, для разгрома рабочих организаций в Донецком Бассейне, атаман угрожал ею же неповинующимся ему, большевистски настроенным, казачьим фронтовым полкам. Фронтовики поняли, что Каледин с помощью созданных им белогвардейских отрядов может начать вооруженную борьбу с большевиками, а потом втянуть и казаков в эту борьбу, и крайне озлобились против него.

В результате 5-я и 8-я дивизии пред'явили ультимативное требование Войсковому Правительству о немедленном роспуске юнкерских отрядов, добровольческих дружин с выселением из пределов Донской области реакционного офицерства, слетевшегося на Дон со всех концев России.

Таким образом, фронтовое казачество, надежда и опора Каледина в

его контр-революционных планах, как это сначала казалось,—шло не за ним, а в момент восстания ростовских рабочих, против калединской власти, за власть Советов.

Каледин, в сущности говоря, оказался полководцем без армии, если не считать организованных им белогвардейских отрядов.

Но пользоваться этими отрядами для подавления восстания рабочих города Ростова, когда фронтовое казачество сочувствовало большевизму и требовало роспуска этих отрядов, было очень рисковано: возможно было вызвать со стороны фронтовиков выполнение ими самими же их ультимативных требований о разоружении и изгнании пришельцев на Дон, что было бы полной катастрофой для Каледина. По этим соображениям без одобрения казачества Каледин не хотел сразу подавлять ростовское восстание силами белогвардейских отрядов, чем и об'ясняется медлительность в решительных боевых операциях с его стороны, на первых порах непонятная. Каледин, искусный военный руководитель, не смог немедленно ликвидировать восстание рабочих, которые днем воевали, а ночью расходились по домам на ночлег; когда занять город можно было без всякого сопротивления, пользуясь самыми элементарными знаниями военного дела.

Большевистское восстание ростовских рабочих грозило не только свести на нет затею атамана—создать русскую Вандею на Дону—уничтожить большевизм в России, но и представляла непосредственную для него самого опасность. Надо было действовать немедленно и решительно, для чего и был об'явлен срочный созыв Большого Войскового Круга в начале декабря. Этот третий созыв Круга имел, действительно, огромное значение для судеб Пролетарской Революции. Быть или не быть русской Вандее, —вот вопрос, который был загадкой Каледина и для разрешения его в положительном смысле он со своими советниками Богаевским и Агеевым глубоко задумывался.

Прежде всего эта троица механически обеспечила за собой большинство на Круге, увеличив число представителей от офицерства, чиновничества и домовитого, т. е. кулацкого казачества и стариков, людей привыкших с благоговейной покорностью относиться к генералам и прочим сановным персонам.

В общежитии, отведенном для членов Круга (бывшая духовная семинария), шла их обработка самыми разнообразными способами, но имевшая все же определенную систему. Калединцы, по особому заданию, каждый в своей камере, выуживали большевиков, для чего самым наглым образом людям, заподозренным в большевизме, приписывали якобы совершенные ими преступления перед казачеством, перед Россией, вызывая со стороны их возражения. Этого достаточно было для установления наличия большевиков, чтобы затем травить их, грозить всяческими бедами, запугивая их арестами и расстрелами. Любящих «выпить», угощали в изобилии водкой (старались это делать после вечерних занятий Круга, чтобы не было пьяных во время заседаний, но и этого не всегда удавалось им избежать). Характерно отметить теснейшую идейную связь Каледина с Корниловым, в их затеях ликвидировать завоевания революции: откуда-то появился в общежитии членов Круга «адьютант Корнилова», певучим голоском, с указкой в руках показывавший по карте пройденный отрядом Корнилова путь. «Адьютант» восхвалял Корнилова, как мирового полководца, стратега, любвеобильного отца для солдат и таинственно заявлял в своих беседах, что Корнилов, как некий дух, витает среди них и может явиться в любой момент сюда к донцам на их зов.

На заседаниях, разбитых по округам, членов Круга, вырабатывались предварительные решения по вопросам, вносимым на рассмотрение пленума Круга. На предварительные окружные заседания являлись не менее 2-х «ответственных идеологов» Каледина, которые и влияли на решения всякого вопроса в желательном для калединского правительства духе.

На самом заседании Круга, разрешенные совещаниями по округам, вопросы зачитывались их представителями и возражения со стороны членов Круга от этих округов не допускались. Бывших на созыве этого Круга наиболее активных фронтовиков (4—5 человек), большевистски настроенных, Каледин с Богаевским вызывали к себе и так запугали их, что к концу заседания Круга сделали их немыми, как рыб.

Такими путями Каледину удалось на этом Круге (с большим, правда, трудом, под протест большинства представителей фронтовиков) вырвать от Круга для себя права «командующего вооруженными силами Дона» и иметь при себе 2-х походных атаманов в качестве непосредственных помощников. Помешать решению Круга, дававшему, по существу, Каледину с его офицерством право единоличной власти, и этим анулировавшему основную силу фронтовиков, силу полковых комитетов, как известно, бывших действительными руководителями полков,—помешать этому фронтовики—члены Круга не могли, ибо были в абсолютном меньшинстве. Сочувствующие же из числа стариков—членов Круга (были и такие, правда, в небольшом количестве), по своему политическому недомыслию, не поддержали фронтовиков. Надобно было присутствовать на заседании Круга в этот момент (я был на нем от революционно настроенного 44 казачьего полка), чтобы видеть ликование калединцев по случаю одержания «победы» над фронтовиками.

Фронтовики ясно сознавали, что Каледин теперь на законном основании может со своим офицерством, по личному усмотрению, перебрасывать полки с одного места на другое, что при звании Командующего Армией, роль полковых комитетов, бывших до сего времени главами полков, ставивших офицерство в зависимость от рядовых казаков, сводилась на нет; теперь Каледин больше, чем когда бы то ни было, имел право приказать казачьим полкам идти в наступление и на большевиков. Угроза гражданской войны (фронтовое казачество понимало под этими словами войну между трудящимися) нависла над головами фронтовиков. Мысль их интенсивно забилась, дабы скорее найти выход из этого затруднительного положения, и выход был найден: «предлагаем от имени Круга», прозвучал мощный голос фронтовиков «выслать делегацию в Москву для переговоров, чтобы мирным путем уладить создавшийся между Москвой и Доном конфликт, и до выяснения результатов этих переговоров не начинать никаких враждебных действий против большевистских войск». Разумеется, такое заявление фронтовиков, сводившее на нет победу калединцев на Круге, вызвало яростный рев негодования в лагере контр-революционеров, но к голосам фронтовиков прибавило свои голоса «домовитое» казачество, и предложение их было принято большинстом голосов. (Домовитые казаки опасались за целость своих хозяйств в случае открытия военных действий,—в этом и кроется секрет их солидарности с фронтовиками по этому вопросу).

Так же потерпел крах Каледин и в своих попытках об'единить все население Дона, и в первую очередь донское крестьянство для борьбы с большевиками, путем организации Донского Правительства на «паритетных началах». Признав необходимым образовать Войсковое Правительство из 14 представителей (7 от казаков и 7 от не казаков), Круг отверг настой-

чивое предложение прогрессивной и революционной части депутатов о предоставлении в числе 7 мест от неказачьего населения, места представителям городского населения, т. е. от рабочих, на том основании, что-де в настоящее время «горожане» заражены большевизмом и что только крестьянство является здоровой частью неказачьего населения и заслуживает быть допущенным к управлению Доном. Мало этого, паритет и по отношению крестьянства оказывался фикцией, так как председательствование в таковом Войсковом Правительстве предоставлялось помощнику войскового атамана—казаку, давшему этим перевес на один голос казачьему составу правительства; но, кроме этого, голос в пользу казачества давал, главным образом, войсковой атаман, избираемый представителями только от казачества и являвшийся старшим над Войсковым Правительством, решения которого он мог приостанавливать, если они противоречили «интересам» Донского края, т. е. казачества.

Преподнесение донскому крестьянству казачьим Кругом одинаковых политических прав на Дону с казачьим населением было лишь своего рода уловкой Каледина, агитационным шагом, так как все же высшей властью Дона по прежнему оставался казачий Войсковой Круг, впредь до созыва сессии его, вместе со с'ездом представителей от неказачьего населения. На об'единенном заседании этих с'ездов и надлежало создать тот законодательный орган, который бы состоял из представителей от всего населения Дона. Хотя такое об'единенное заседание с'езда из представителей донского крестьянства с казачьим Кругом предполагалось через 15 дней, 29 декабря, (заседание данного 3-го Большого Круга закончилось 13 декабря), все же созыв его к указанному сроку, за такой короткий промежуток времени, при происходивших тогда событиях, был весьма гадателен. Перед закрытием сессии Круга, Богаевский об'явил отсрочку созыва об'единенного с'езда до конца февраля 1918 года, в силу якобы технических затруднений и невозможности созвать за короткий двухнедельный промежуток времени. Таким образом, на 2 месяца, самое меньшее, по прежнему Каледин со старым правительством самовластно царствовал бы над неказачьим населением, будучи избранным казаками, да и то самой худшей частью их—кулацким элементом. Против такого положения дела фронтовая группа выразила сначала свой протест оставлением зала заседаний, а на следующем заседании внесла мотивированное заявление по существу своего протеста. Этот протест заставил принять существенную поправку, гласящую, что «Войсковому Правительству в его об'единенном составе (казаки, крестьяне, но без горожан и рабочих), предоставляется законодательная власть по вопросам неказачьей части населения и по общим вопросам, касающимся казачьего и неказачьего населения впредь до создания нормального законодательного органа на Дону».

Несмотря на то, что принятием такой поправки удовлетворялось до некоторой степени из неказачьего населения области одно лишь крестьянство, Каледин все же поспешил разослать от имени Круга представителей его по всем фронтовым казачьим полкам с вестью о том, что-де разногласий на Круге нет, и что все доверяют Войсковому Правительству. Только расчет на темноту и отсталость крестьянства давали Каледину надежду такого рода поправкой привлечь на свою сторону крестьянство, ибо по существу оно по прежнему не имело в Войсковом Правительстве равного голоса с казачьими представителями.

«Нездоровая» же часть, «зараженные» большевизмом, рабочие оставались под сомнением у Большого Войскового Круга и лишались им права участия в «паритетной» власти Дона. Это отметить необходимо, чтобы

лишний раз подчеркнуть лживость демократизма Каледина, которому приписывают это качество представители буржуазной демократии. Характерную оценку, сочиненной таким образом, паритетной власти на Дону дал один из большевиствовавших членов Круга, полковник Бирюков, который говорил, что за такое конструирование паритета, когда казачество в правительстве имеет на один голос больше крестьян, казаков, говорил он, называют реакционерами. С развитием большевизма пролетарского, руководителем которого является Ленин, стал развиваться собственный казачьий «большевизм», руководителем которого является «уважаемый» атаман Каледин и его товарищ Богаевский. Вне себя от яростной злобы по адресу Бирюкова «зубры» Круга, угрожая кулаками, удалили его на несколько заседаний Круга.

Каледин остался, таким образом, не смотря на «обработку» Круга, с разбитым корытом, обреченный вести борьбу с революцией одними своими белогвардейскими отрядами, при всеобщем со стороны фронтовиков враждебном к ним отношении, как к зачинщикам вовлечения казачества в гражданскую войну. Правда, Каледину удалось воспользоваться услугами Круга при подавлении восстания Ростовских рабочих, но в сущности Круг, как высший орган казачества, скорей дал Каледину моральную, чем реальную поддержку.

«Прикажите», обратился Каледин с покорнейшей просьбой к Кругу, «2-м казачьим полкам 46 и 48, стоящим под Аксаем, оказать поддержку отрядам юнкеров, изнемогающим в борьбе с ростовскими большевиками».

Круг дал такое согласие, при гробовом молчании со стороны фронтовиков, протест которых, как меньшинства, не имел решающего значения на голосование, но мог бы старикам дать основание считать фронтовиков предателями Дона, не желающими освободить главную часть его территории—Ростов, без которого «самостоятельность» и «казачья самобытность» казались пустыми фразами.

С помощью созыва этого Круга, Каледин оградил себя от уничтожения его большевистской ростовской волной, но в то же время созывом этого Круга похоронил навсегда свои надежды и надежды вождей контр-революции сорганизовать из трудового казачества антибольшевистскую силу, создать на Дону русскую Вандею, чтобы в огне и крови трудящихся потопить Пролетарскую Революцию и восстановить прежний строй помещиков и капиталистов.

С каждым днем Каледин убеждался в этом все больше и больше.

Революционные казачьи полки не только не признавали Каледина, но и требовали его отставки. 35-й полк, стоявший у ст. Миллерово и непосредственно соприкасавшийся с большевистским отрядом у станции Чертково, братавшийся с ним, получил распоряжение атамана Назарова, правой руки Каледина, передвинуться со станции Миллерово в свой родной Хоперский округ.

Назаров хотел поставить взамен его другой полк, способный вступить в борьбу с большевиками; этому распоряжению 35-й полк не подчинился и поклялся не сходить с места, пока не устранится угроза гражданской войны, в которую пытается втолкнуть казаков калединское правительство.

Все остальные полки 8-й и 5-й дивизии целиком одобрили действия 35-го полка и этим фактически вышли из повиновения калединскому правительству. А отцы и деды хоперцы, откуда происходили казаки 35-го полка, поспешили выразить радость от такого решения полка. Такое благожелательное отношение отцов и дедов было и к казакам 44-го и

других полков, энергично боровшихся против вовлечения их в вооруженную борьбу с Советскою властью.

Таким образом, случилось то, чего так боялся Каледин: отцы и сыновья об'единились для противодействия его контр-революционным замыслам.

44-й полк, в который мы еще не успели вернуться с заседания Круга, обманным образом был посажен в вагоны и направлен в сторону большевиков. Этот полк находился на ст. Глубокой, а 35-й полк на ст. Миллерово; Советский же 17-й пехотный полк был у Чертково. Наш 44-й полк обманным образом был посажен в вагоны и отправлен по направлению к ст. Чертково. Все протесты казаков, что они все равно не откроют бой с большевиками в Чертково, не приводили ни к чему, и поезд двигался. Ген. Толкушкин, начальник 8-й дивизии вместе с командным составом, вероятно, и руки потирали от удовольствия и, может-быть, лелеяли мысль, что, наконец-то, они с помощью этого стравят большевиков с казаками. Но неожиданно для них казаки во время хода поезда повыскакивали все из вагонов. И пустой поезд двигался на ст. Чертково...

Таким образом, не удалось стравить казаков и большевиков. Инициаторам этой затеи было очень круто; их едва не избили.

У генерала Попова и его начальника штаба Толкушкина сорвали погоны. И надо сказать, что они в общем не легко отделались.

Каледину больше ничего не оставалось, как распустить большевистски настроенные полки и попытаться создать вместо них другие из казаков, не бывших на фронте, не зараженных большевизмом. Под разными предлогами, сначала в одиночку, потом и целыми группами, калединские агенты—командиры полков отпускали в бесрочный отпуск наиболее «зараженных большевизмом» казаков, а затем уже и революционные полки один за другим, под косвенным или непосредственным воздействием калединских агентов, снимались со своих стоянок—подступов к Воронежу, уходя организованно или просто разбредаясь по домам.

Так, 35-й полк, (благодаря которому, можно сказать, и предотвращено было столкновение трудового казачества с большевистским советским отрядом), возмущенный наглым приказом правительства Каледина итти в немедленное наступление на станцию Чертково, занятую 17-ым Советским стрелковым полком, ушел со своей стоянки (станция Миллерово) в свой родной Хоперский округ.

Правда, хотя он и бросил свой революционный пост, он сделал это лишь потому, что за спиной его на 30 верст южнее стоял такой же революционный, 44-й казачий полк, который имел разницу с ним лишь только в том, что несколько позже революционизировался, благодаря территориальной отдаленности от станции Миллерово, где имелся подпольный Комитет большевиков, помогший непосредственно это сделать 35-му полку.

Другой полк, руководимый известным революционером, хор. Автономовым, был соблазнен калединскими агентами мыслями о прелестях семейной жизни и вкусных гусях на приближавшихся в то время рождественских праздниках, разбрелся по домам, несмотря на просьбы-мольбы Автономова не делать этого, не распылять свою революционную мощь, так необходимую в этот момент для борьбы с Калединым. Не было, повидимому, в то время активиста большевика, который бы мог пламенным революционным огнем зажечь снова казачьи сердца, чтобы заставить их остаться на революционном посту.

Тяжело было смотреть на проходившие эшелоны этого полка, мимо станций Глубокой, место стоянки моего 44 полка.

Такая раскассировка революционных казачьих полков наиболее сознательным, большевистски настроенным казакам ясно показала, что Каледин старался распылить их силы, убрать их с подступов к Воронежу, куда пустить свои белогвардейские отряды и уже с помощью их завязать бой с большевиками, чтобы потом втянуть в него и казачьи части..

Оставшийся «головным» 44-й полк, расположенный при станции Глубокой, с часу на час ожидал Чернецова с отрядом для ареста большевистски настроенных казаков и роспуска остальных по домам.

Так назрела потребность созвать казачий с'езд северного отряда, чтобы выработать срочные меры для предотвращения неизбежной борьбы с большевиками.

Инициатива созыва такого с'езда исходила от дивизионного комитета 5-й дивизии, в лице председателя его, вахмистра Елисеева.

По поручению инициативной группы по созыву с'езда, мною, Подтелковым и Елисеевым выработана была повестка дня этого с'езда, который созывался 10 января 1918 года в ст. Каменской, и должен был состоять из представителей 5-й и 8-й казачьих дивизий, 2-х гвардейских полков и одной гвардейской батареи. А на 7-е января Военно-Революционный Комитет Донской Области, преследуемый Калединым, и потому не могший собраться на территории Дона, назначил свой с'езд в г. Воронеже. Калединское правительство энергично повело кампанию, как против выборов делегатов, так и поездки их на с'езд в Воронеж. Но пламенный зов Донского Областного Комитета оказался сильнее.

В своем воззвании Комитет яркими мазками рисовал звериную политику Каледина, направленную против трудящихся с целью вовлечения фронтового казачества в борьбу с Советской властью, и призывал всех революционеров Дона сделать слет в г. Воронеж для выработки решительных мер борьбы с калединщиной.

Решения этого с'езда должны были служить руководящим материалом для казачьего с'езда в станице Каменской, назначенного через три дня после с'езда Донского Военно-Революционного Комитета в г. Воронеже. За такой короткий промежуток времени мы рисковали вернуться с опозданием в Каменскую, но ехать в Воронеж было необходимо. И я вместе с делегатом от 10-го казачьего полка подхорунжим Елисеевым двинулись поездом в Воронеж. Для каждого социалиста без ковычек невыразимо радостно было, при переезде границы реакционного Дона, попасть в «царство Ленина», как донские черносотенцы язвительно отзывались о Советской России.

Слово социализм, ясно еще не представляемое для претворения в жизнь, при виде каждого камня, каждой точки земли, быстро мелькавших при движении поезда, беспрестанно гнездилось в голове и доставляло особенно счастливые переживания. Погоны свои—хорунжего и подхорунжего нами были сняты скорее, под влиянием таких переживаний, чем из «практических» неудобств на социалистической земле.

Мы прибыли в Воронеж, этот важный ближайший к Дону организационный центр борьбы с Калединым, и еще более ощутили на себе результаты победы Красного Октября: одно отсутствие у военных и чиновников погон делало людей как-бы уже равными. Великие лозунги, казалось, уже воплотились в жизнь, а красные знамена труда, венчавшие собой огромные здания города, показывали на действительность—«царства Ленина».

Делегаты с'езжались в гостиницу Бристоль. В день с'езда 7-го декабря произведена была регистрация всем с'ехавшимся делегатам Дона, с отметкой партийной принадлежности каждого.

Инициаторами с'езда были Сырцов, Френкель и др.

С Дона явилось немного делегатов, так как Каледин принимал строжайшие меры, чтобы не пропустить их. По его мнению этот с'езд был большевистским и, кто туда был командирован, тот являлся «отщепенцем» Дона и его не пропускали. Делегатов было мало. И с'езд был назван совещанием.

В ожидании прибытия большего количества делегатов, устроено было под руководством тов. Френкеля предварительное совещание прибывших с Дона в здании бывш. дома губернатора—городского Комитета Р.С.-Д.Р.П. (б) для докладов с мест. Делегаты Дона повествовали о гулявшей у них калединщине; т. Безруких—о сидении своем в Новочеркасской тюрьме, Щаденко о притеснении, расстрелах рабочих в Донбассе, а я о попытках Каледина втянуть трудовое казачество в войну с Советской Россией и о противодействиях казаков этой попытке. Поместившись в одной комнате с товарищем Френкелем, редактировавшим орган Донского Военно-Революционного Комитета, я под его воздействием написал горячее воззвание к донским казакам с призывом восстать против Каледина с оружием в руках. Оно было в тот же день отпечатано и вместе с другой агитационной литерарурой, которую писал, главным образом, тов. Френкель, срочно направлена была на Дон.

За неприбытием достаточного количества делегатов с Дона, по причине помех к выезду их, чинимых калединскими агентами, с'езд был об'явлен совещанием, под председательством тов. Сырцова, при чем в президиум этого совещания введен был и я.

Выступавшие товарищи в общем были те же, что и на предварительном совещании; особенно сильное впечатление производил доклад Щаденко, живо нарисовавший притеснения и издевательства калединских агентов над рабочими. Совещание было прервано для приветствия огромной демонстрации, двигавшейся мимо гостиницы «Бристоль» (где проходило совещание), по случаю 9-го января.

Ораторы—демонстранты требовали немедленного похода на Дон для уничтожения усиливающегося Каледина, благодаря организуемым им в большом количестве белогвардейским отрядам. Я от имени 44-го полка заявил, что, во избежание возможного сопротивления со стороны казачества вторжению на Дон, Советским отрядам предпринимать такого похода не нужно. Я уверял демонстрантов, что фронтовики сами готовы расправиться с Калединым, для чего и созывается казачий с'езд в станице Каменской 10-го января.

На возобновленном совещании я предложил всем участвовавшим в нем выехать на казачий с'езд в станицу Каменскую для выяснения полного облика Каледина и его правительства, как опаснейших врагов революции и трудового казачества, чтобы скорее добиться от казачьего с'езда немедленного решения вступить в открытую борьбу с Калединым.

Это предложение было принято, и все участники совещания, во главе с председателем тов. Сырцовым, прибыли на с'езд с небольшим запозданием. С'езд уже был открыт под председательством тов. Подтелкова при членах президиума тов. Кривошлыкове и Ипполите Дорошеве.

На с'езде представителем от донбасских рабочих, тов. Щаденко, была нарисована картина отвратительной контр-революционной работы калединских приспешников на рудниках и шахтах; рабочим нарочито не выдавали содержание, владельцы умышленно останавливали и затапливали шахты, надеясь безработицией и голодухой заставить их думать о своем желудке или просто мстили им, как большевикам вплоть до арестов, избиений и рас-

стрелов. Говорил он много и о белогвардейских отрядах, которые сделались фактическими хозяевами Дона, и толкали казаков на вооруженное столкновение с советскими отрядами.

Чаша терпения казаков переполнилась недовольством калединским правительством, когда от него получилась телеграмма на имя с'езда с об'явлением его незаконности и аресте всех его участников. Как один человек, со сжатыми от злобы кулаками, застонали, закричали казаки: «Не быть этому»! «С'езд продолжит свою работу! Долой Каледина! Да здравствует Революция»! кричит прапорщик Кривошлыков. С'езд тут же образовал Военно-Революционный Комитет, председателем которого был избран тов. Подтелков, тов. председателя избрали меня, при секретаре Кривошлыкове и тов. секретаря Дорошеве. Наши силы были довольно внушительны: около 8-ми полков (тысяч до 10) набралось у нас хороших бойцов, революционно настроенных, а также гвардейские батареи, от которых представителем был т. Подтелков. Надо было дать вполне надежного командира для этих сил. Председателем В.-Р.К. был избран Подтелков, как популярный казак, за которым казачество с большой охотой шло. В частности гвардейская баттарея слепо ему верила и глубоко его уважала, как боевика, так и революционера. По существу же, организационной работой занимались т.т. Сырцов и Френкель, ибо мы — фронтовики могли больше вести казачьи массы на боевое дело, чем вести незнакомую нам организационную работу. Но чтобы массы считали В.-Р. Комитет своим казачьим Комитетом, мы держали на первых порах т.т. Сырцова и Френкеля на положении чуть-ли не писарей, чтобы показать, что все действия исходят от представителей казачества и что тут нет никакого подлога со стороны большевиков. Командующим мы выдвинули надежного человека, сотника Смирнова, который и в боевом отношении был рекомендован Комитетом 24-го полка.

Ревком обратился к правительству Каледина с ультиматумом (см. отдел документов. **Ред.**).

Но вместо ответа явился хитроумный «донской Одиссей», член Войскового Правительства Агеев, для улаживания конфликта мирным путем.

Он передал клятву Каледина ни одной пули не пускать в восставших трудовых казаков, так как, видимо, правда на их стороне, и предложил выделить делегацию из членов Военно-Революционного Комитета для посылки ее в Новочеркасск к Каледину и просил вместе с ним выехать туда. Искренности Агеева «социалиста-народника» была дана вера: такая делегация в лице лучших сил комитета—Подтелкова, Лагутина, Кривошлыкова и других была выделена и отправлена в Новочеркасск.

Но Каледин, классовый враг пролетариата, оставался верен себе: он усыплял Ревком переговорами о мире, а на самом деле судорожно готовился нанести удар нам в спину. Не успела делегация возвратиться из Новочеркасска, как Чернецов со своими бандами внезапно сделал нападение на передовые посты казачьих революционных полков при ст. Зверево и Лихой, привел этим их в замешательство и вынудил Военно-Революционный Комитет оставить ст. Каменскую и перейти в Миллерово. Быстро привести в порядок расстроенные казачьи части было невозможно и в этот момент Революционный Комитет своими силами не смог вести борьбу с наседавшим на него бандитом Чернецовым. Тогда Ревком и обратился к главнокомандующему Советскими отрядами тов. Антонову-Овсеенко за содействием. Рисковано Ревкому это было делать, так как впуск на Дон Советских большевистских отрядов давал в руки реакционерам-калдинцам хороший козырь для агитации, с целью восстановления темной казачьей

толщи против революционной власти путем обвинения последней в добровольной отдаче Дона на «поругание» большевикам, чтобы тем легче вызвать поход казачества против Ревкома. Но такая опасность со стороны защитников калединской власти была достаточно сильно ослаблена раз'яснением Ревкома казачьему населению о том, как вероломно поступил Каледин вместе со своим послом Агеевым против трудового казачества. Вместо клятвенного обещания ни одной пули не пускать в него, бросил на него свору белогвардейских беглецов под командой бандита Чернецова и этим показал, что кровь и жизнь трудового казачества Каледину не дорога, если оно не идет вместе с ним на защиту генеральско-помещичьей власти.

Согласие на оказание помощи было дано, но с условием, чтобы революционная власть на Дону признала Советскую власть.

В ответ на это последовала лаконическая телеграмма: «Да, Да, Да».

Позднее последовал на имя Совнаркома более подробный ответ: «Донской Областной Казачий Военно-Революционный Комитет, на основании постановления фронтового с'езда в ст. Каменской, постановил:

1) Признать центральною государственною властью Российской Советской Республики Центральный Исполнительный Комитет С'езда Советов Казачьих, Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов и выделенный им Совет Народных Комиссаров.

2) Создать краевую власть в Донской области из С'езда Советов Казачьих, Крестьянских и Рабочих Депутатов.

ПРИМЕЧАНИЕ: Земельный вопрос в Донской области разрешается тем-же Областным С'ездом.

За председателя прапорщик Кривошлыков. Секретарь Дорошев».

Вопреки расчетам Каледина, делегация Ревкома благополучно вырвалась из цепких лап его агентов. Члены ее, отправленные как-будто на волю для свободного возвращения в ст. Каменскую, были задержаны на ст. Лихой Чернецовским отрядом и заперты в вагоне.

Только решимость и бесстрашие спасло делегацию от гибели: все участники тайком оставили вагон и под покровом ночи окольными путями благополучно добрались в Миллерово, придав своими силами авторитет и кипучесть работе Ревкома.

Не надолго отдалили гибель от себя защитники помещичьей буржуазной власти: не прошло и месяца, как с помощью Советских войск казачьи полки захватили Новочеркасск (под командой Голубова), пленив заседавший малый Круг, вместе с новым атаманом Назаровым.

Ростов немного ранее был взят Советскими войсками, овладевшими им почти без всякого сопротивления, благодаря тому, что на самых подступах к Ростову корниловские отборные отряды уже были разбиты на голову под Матвеевым-Курганом и Чалтырем.

Донской Военно-Революционный Комитет сначала передвинулся в бывший областной центр Новочеркасск, а затем, в Ростов, признанный постановлением Ревкома действительным политическим и экономическим центром области.

В апреле был созван первый Областной С'езд Советов, выделивший Исполнительный Комитет, председателем которого был избран казак-шахтер, старый подпольный большевик, т. Ковалев.

Таким образом, благодаря широко и правильно поставленной организационной работе, агитации и пропаганде идей большевизма среди населения Дона, фронтовое и вообще трудовое казачество вырвано было из-под влияния Каледина, опоры у которого не было в борьбе с революцией, и

затеи которого создать Вандею на Дону лопнули, а Пролетарская Революция, пройдя благополучно опасный для своего развития путь, выпрямилась, окрепла и остается непобедимой.

Ив. Ермилов.

II.

«Эй, Каин, убийца рабочих,
Донской генерал Каледин,
Твой радиус стал уж короче,
И скоро ты будешь один»...
(Из стихотворения Г.*)

Наши потомки с величайшим отвращением будут вспоминать преступную роль, так называемой, «Калединщины», пролившей много, слишком много крови рабочих, крестьян и трудового казачества.

В то время Дон стал оплотом всей российской контр-революции. На Дон она возлагала самые большие надежды, ибо казачьи полки не раз выручали ее из затруднительного положения во время забастовок и революции 1905 года. Опомнившись от революционного толчка, контр-революция усиленно начала организацию обороны, естественным центром которой стал Дон, с атаманом Калединым во главе. На Дон были стянуты казачьи полки и образован, так называемый, Воронежский фронт, который должен был прикрывать от большевиков с'ехавшееся на Дон со всех сторон контр-революционное воронье и охранять их преступную деятельность против трудящихся масс.

В конце ноября Каледин созывает на 2-ое декабря 3-й, большой Войсковой Круг с целью об'единить все казачество, как станичное, так и фронтовое. Войсковым правительством были пущены в округа и казачьи полки лучшие контр-революционные силы для агитации в пользу незыблемости власти Каледина, причем старались играть на темноте трудящихся масс Дона наспех придуманными всякими своими добродетельными качествами и не существующими прелестями.

Тут необходимо указать на совершенно противоположные настроения, с одной стороны, казаков, приехавших из станиц и полностью поддерживавших Войсковое Правительство и, с другой стороны, казаков-фронтовиков, на половину большевистски настроенных и враждебно относившихся к наступательным стремлениям Каледина.

Мы, представители 35-го Донского казачьего полка 8-ой дивизии, в количестве 3-х товарищей—я, Закачурин и Кружилин с решающим голосом и 4 товарища с совещательным голосом,—прибыли на Круг с определенным наказом полка о том, что 35-й полк, соприкасающийся на Чертковском фронте с большевиками (штаб 8-й дивизии нашего полка стоял в Милерове), ни в коем случае наступать на них не будет. К слову сказать, наш полк в то время определенно держался комитетского режима и с офицерами мало считался. Офицеры в полку держались пассивно и многие даже заискивали перед казаками.

Мы побывали на первом заседании Круга. Послушали председателя Круга Агеева, рискнувшего в общих местах речей даже скромною революционностью, в роде заигрывания с донским казачеством и фронтовиками, по пословице: «и хочется, и колется, и бабушка (Каледин) не велит»; слушали товарища атамана-Богаевского, этого Донского «соловья» (Богаевский был один из крупных ораторов калединской эпохи), доводившего

*) Составленного в период борьбы с Калединщиной. **Ред.**

своими «вечевыми колоколами» и «вольными сынами Дона» длиннобородых станичников и «черкассию» (так называли самых ярых сторонников Каледина, делегатов Черкасского Округа, составивших правое крыло на Круге), до наэлектризованного воинственного настроения, как говорят «до белого каления»; слушали затем самого атамана Каледина, хваставшего успехами на Ростовском фронте (в то время он занял Ростов), выступавшего со своей знаменитой программой борьбы с большевиками не только оружием, но и идейно, открывая широко двери всем идейным противникам большевиков. Так-же использовывала контр-революция безмозглых меньшевиков и эс-эров в борьбе против рабочего класса. Было много «приятных» и «замысловатых» речей господ, вроде меньшевика Васильева, напоминавшего своей речью хитрого разбойника в горах, заметившего издалека борьбу своего товарища с врагом, и «нейтрально» дожидающегося, когда он победит, чтобы потом вместе с победителем поделить добычу.

Убедившись, что тут заранее созвана вся казачье-буржуазная знать, мы стали задыхаться в этой убийственной для нас атмосфере. Не даром встретивший меня на Круге начальник 8-й дивизии генерал Попов сказал мне: «Вот тут-то вы наберетесь «здорового воздуха», а то вы распустились в Миллерове». И правда, со своих гарнизонных собраний, где офицеры у нас ходили по струнке, считаясь с нашим авторитетом, мы попали в совершенно обратные условия: здесь—«наш брат особенно не забывайся», не то эти же офицеры призовут к «порядку»

Помню, как наш милый, вспыльчивый Закачурин (казак, делегат нашего полка) один раз взволнованный подошел ко мне и говорит:—«довольно слушать нам здесь всякую ерунду; их, смотри, собралось «до черта», а нас мало. Едем в дивизию и пойдем на них в наступление, с ними ведь добром ничего не сделаешь».

Фронтовое казачество не было сорганизовано и как-то бродило по углам, очевидно, решая таким способом вставшие перед ними эти самые трудные задачи момента. Правда, фронтовики частенько голосовали против некоторых предложений правительства и держали себя вызывающе. Через несколько дней работ Круга всплыл вопрос о 35-м полке. Дело в том, что наше решение не наступать на большевиков взбесило Каледина и Богаевского и они передали вопрос на решение Круга. Круг решил немедленно послать в полк трех своих делегатов с широкими полномочиями, причем было два основных задания: первое—передать приказание Круга немедленно выполнить приказ Каледина о наступлении в районе Чертково и второе—изъять зачинщиков неисполнения приказа Каледина и привести их на Круг. При вопросе кого послать—была предложена кем-то первой кандидатура, прибывшего с Киевского Казачьего с'езда, врача Попова, делегированного туда 35-м полком. Попов заявил Кругу, что он теперь утратил влияние над 35-м полком, и что там теперь имеет авторитет чиновник Глухов, которого и надо послать. Попов ждал вопросов: почему и отчего, но этого не случилось, и без всякого выяснения было решено послать меня, Кружилина (35-го полка) и одного представителя от Михайловской станицы, так как наш полк состоял на $^{7}/_{8}$ из Михайловцев. Таким оказался казначей ст. Михайловской Никулин, поклонник Каледина (не в обиду будь сказано—он был мой дядя). Мы с ним жили очень ладно вплоть до вопроса о Каледине, но тут мы всегда разговор обрывали. Поехали. Дорогой дядя все допрашивал меня, как же ему выступить перед полком: с прямой ли повелительной речью или несколько мягче. Я ему ответил, что по приезде в полк будет виднее.

Перед гарнизонным собранием ко мне зашел командир полка полковник Лесников и заявил, что пора бросить всякую комитетщину и взяться за выполнение приказов Каледина о наступлении, в противном случае, им будут приняты соответствующие меры. Переход его от растерянности к активности, вероятно, об'ясняется получением секретных распоряжений от Войскового Штаба. На гарнизонном собрании я доложил о цели нашего приезда. Было чудовищно смешно, что мы с Кружилиным приехали вылавливать самих себя. Сколько было смеху, острот! Убедившись в настоящей «добродетели» Войскового правительства, полк еще крепче закалился в в своем решении и дал нам наказ о своем отрицательном отношении к наступлению на большевиков.

На собрании за погромную калединскую речь командир полка, полковник Лесников был арестован, причем один урядник неожиданно для всех вскочил на эстраду и, отрезав ему погоны, швырнул их в собрание. Тут, наверное, мой дядя окончательно определил свою линию. Вскоре был избран командиром полка большевистски настроенный под'есаул Черкесов, расстрелянный впоследствии белыми на станции Арчеда, где он был комендантом.

Вопрос об избрании командира 35-го полка разбирался несколько позже в пресловутом областном военном казачьем комитете, где председателем был прапорщик Огрызков, а членом прапорщик Петров (тот Петров, который не особенно давно был начальником гормилиции в Ростове н/Д.)

«Приазовский Край» от 23-го декабря 17 года повествует об этом следующее:—«По поводу происшедшего выбора в 35-м полку на должность командира полка под'есаула Черкесова, военный Комитет вынес следующую резолюцию:—«выборное начало в воинских частях безусловно не допустимо. Указать 35-му Донскому Казачьему полку на все беззаконие происшедших выборов на командную должность. Комитет во имя спасения родины призывает граждан казаков на будущее время от этого воздерживаться. Все жалобы на командный состав должны направляться в областной военный комитет, памятуя, что комитет употребит все усилия к удовлетворению справедливых требований казаков».

Извиняюсь за отклонение. Мы уже с резолюциями полка мчимся на Круг. По пути от Миллерово к Новочеркасску мы встречали на всех станциях казаков различных полков, и все живо интересовались тем, что происходит на Войсковом Круге. Тут можно было заметить, что здесь на свободе, среди рядового казачества, правда, не везде одинаково, росла и крепла большевистская мысль и было ясно, что, несмотря на внешнюю пышность калединского величия в Новочеркасске, Войсковой Круг был одиноким, он не имел реальной опоры, он не мог скомандовать, как ему нужно было, фронтовому казачеству, «заболевшему большевизмом», как это было совсем недавно. Полки митинговали...

Я докладывал Кругу о поездке в полк и о результатах (доклад в «Вольном Доне» несколько искажен, как и моя фамилия, т. е. сглажена резкость мнения полка, и вместо «Глухов» напечатано «Луков»). Сущность доклада была такова, что полк считает большевиков своими братьями и в наступление на них не пойдет, и что уговоры для него совершенно излишни. Что касается 2-го пункта о выдаче зачинщиков, то полк заявляет, что из полка выдачи нет, как нет ее с Дона (Богаевский часто говорил, что «с Дона выдачи нет», а поэтому я громогласно заявил об этом). Под звериные крики толстобрюхой «черкассни»—«позор», и вызывающе громкие аплодисменты фронтовиков я ушел с трибуны. Товарищи мне сейчас же предложили уехать с Круга, во избежание всяких недоразумений; и тем

более, что до нас дошел слух, будто штаб дивизии усадил в вагоны казаков 44 полка и покушается силой посадить 35-й полк и везти их в наступление. Все это потом оказалось верным, но затея штаба провалилась, ибо оставшиеся в полку большевистски настроенные товарищи (Затямин, Ерохин и другие) сумели моментально с'агитировать казаков и они повыпрыгали из вагонов. Я с Круга уехал, но не тотчас, как мне предлагали, а несколько позже.

Вообще после Круга создалось совершенно неестественное положение. С одной стороны, был избран почти единогласно Каледин (только 70—80 фронтовиков не голосовало за него), в твердости которого уверяли такие матерые волки, как Мельников и Богаевский.

С внешней стороны было все будто гладко. Каледин в то время искренно поверил уверениям Богаевского и в знак удовольствия после выборов даже расцеловался с ним перед Кругом. Но, с другой стороны, фронтовики-то, хотя и голосовали в большинстве своем за Каледина (они были удивительно хорошо обработаны перед голосованием, для чего к каждому фронтовику были подосланы минимум по два уговаривающих голосовать за «Алексея Максимовича»), когда раз'ехались по полкам, выложили им всю политику правительства, как и то, что, находясь на Круге в меньшинстве, сделать что-либо против они не могли.

Ненависть к новому Войсковому Правительству росла среди казачества все больше и больше. Трещина в казачестве стала настолько велика, что из целого получились две половины. Фронтовое казачество окончательно отмежевалось от офицерского правительства и обывательщины и повело курс на устройство Советов на местах, в чем ему деятельно помогало крестьянство, ненавидевшее Каледина. Правда, несколько позже и крестьяне разделились на два лагеря, но теперь они в большинстве своем шли против Войскового Правительства.

По приезде с Круга мы решили сорвать фронт занимаемый нашим полком и 8-й дивизией. Почва для этого была самая благоприятная: стоило только сказать, что можно уехать домой в Хоперский округ, как никакое Войсковое Правительство не могло удержать наш полк. Немедленно были составлены эшелоны и мы в конце декабря отправились через Царицын в свой Хоперский Округ «раздувать революцию», как выражались тогда казаки. На с'езд в Каменскую, где родился в начале января 1918 г. Областной Военно-Революционный Комитет, мы послали товарища Ерохина, казака нашего полка.

В Царицыне наши эшелоны задержали, и меня, как начальника эшелона, очень внимательно допросил один из руководителей революции в Царицыне того времени, тов. Ерман. Сначала царицынцы отнеслись ко мне подозрительно и не напрасно, ибо очень часто казачьи части их подводили. Но после того, как я показал протоколы наших собраний и назвался большевиком, нам дали пропуск и мы расстались друзьями, обещая друг другу поддержку. По пути в Урюпинскую офицеры оживились и потихоньку стали надевать погоны, потому что известно было, что в Урюпинской сидит генерал Потоцкий с 7-ой дивизией и партизанским отрядом.

По приезде в Урюпинскую, я первым делом направился к Потоцкому, как к начальнику гарнизона и сообщил ему о прибытии наших эшелонов и о том, что шесть сотен казаков идут сюда походным порядком и что нам нужны немедленно квартиры и продовольствие. Ад'ютант Потоцкого, увидев, что я без погон и узнав, что я из 35-го полка, так и обрушился на меня: «как вы смели ослушаться приказа Каледина (речь идет о наступлении на большевиков на Чертковском фронте), разве вы не знаете,

что Вам за это будет?». Я ему ответил, что действия полка согласованы с единодушной волей казаков и что полк ни на какие комбинации не пойдет и разберется хорошенько во всем здесь дома, а теперь я, его представитель, прошу в срочном порядке отвести нам квартиры и продовольствие.—«А кто у Вас чиновник Глухов?», спросил адъютант. Я ему ответил, что есть и такой, но себя не назвал. Тут произошел комичный случай. В стороне от нашей группы с другими штабными офицерами стоит офицер и улыбается мне. Я сначала не узнал его, потом сообразил, что это мой товарищ по второклассной школе и бывший народный учитель Арефа Усов. Он не подошел ко мне и ничего не сказал своему начальству относительно моей персоны. Нужно сказать, что впоследствии Усов оказал мне существенную услугу, но об этом расскажу после.

От Потоцкого я отправился к товарищам и мы стали организовывать гарнизонное собрание и переворот, ожидая наших сотен, которые вступали в Урюпинскую одна за другой. Контакт мы имели еще с одним большевистски настроенным 18-м казачьим полком, пришедшем с фронта. Тут нужно пояснить, почему создались такие ненормальные взаимоотношения и странная уживчивость двух свирепейших врагов: во первых, мы-то, большевики, еще опыта имели мало и на все смотрели сквозь розовые очки, а генерал Потоцкий и бывшие с ним перепугались нашей смелости и побаивались выступить открыто, но следили, как я теперь узнал, за каждым нашим движением. Вот почему у нас на первых порах и было так много промахов. Об одном из таких промахов скажу вкратце.

Подготовив за несколько дней почву к перевороту и захвату штаба Потоцкого, 16-го января мы организовали Военно-Революционный Комитет, который должен был захватить штаб Потоцкого, Но Потоцкий, следивший за нами и почувствовавший нажим революц. казачества на его дивизию и особенно на партизан, заблаговременно уселся в автомобиль и удрал до осуществления нашего плана. Таким образом, мы сорвали еще один фронт. Мною был послан немедленно отряд под командой есаула Сальникова, который просто не захотел поймать «своего брата». Это тот Сальников, который потом у белых стал генералом и учинил расправу при занятии им Балашова.

Об этих событиях в Урюпинской, «Приазовский Край» от 1-го февраля 1918 года говорит следующее:

«1) Урюпинское Правительство.

Председателем Урюпинского Военно-Революционного Комитета состоит Глухов, бывший казначей 35-го Донского Казачьего Полка, в служебном прошлом которого насчитывается несколько темных дел.

2) Побег генерала Потоцкого.

По захвате власти в ст. Урюпинской В.-Р. К-том, первым делом насильников была попытка арестовать находившегося в станице Н-ка 7 Донской казачьей дивизии генерала Потоцкого, недавно командовавшего войсками Ростовского Округа и в дни Ростовского восстания сидевшего под большевистским арестом на «Колхиде». От урюпинских большевиков генералу Потоцкому удалось бежать. В догонку ему послан конный отряд. На глазах всадников Потоцкий перебрался на другую сторону Хопра и скрылся с глаз большевиков. Все поиски большевиков не увенчались успехом и они возвратились в станицу, привезя с собой лишь шины от автомобиля брошенного генералом Потоцким. Место нахождения генерала неизвестно».

Так рождалась в больших муках Советская власть на Дону, а вместе с тем увядала былая слава Каледина. Отовсюду стали напирать на Дон-

скую Область революционные отряды. Казачьи полки или совсем разлагались и расходились по домам или обращали оружие против Каледина.

Понял свою катастрофу Каледин и трусливо застрелился, как известно, 29 января 1918 года.

Советская власть восторжествовала на Дону.

Г. Глухов.

ПЕРВЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КАЗАЧИЙ ШТАБ.

Это было в конце декабря 1917 года. К нам на станцию В.-Донскую, что возле Сорокинского рудника, в момент занятия Чернецовым станицы Каменской приехал есаул Маркин в двух вагонах, в сопровождении нескольких красногвардейцев и с двумя агитаторами—покойными Полотебновым и Жоржем Курихиным-Донским.

Цель приезда Маркина на рудник была в том, чтобы навербовать среди рабочих-шахтеров отряд красногвардейцев. Это удалось им слабо, так как рабочие шахтеры здесь были преимущественно казаки, которые являлись коренными жителями хуторов и сел, лежащих вокруг рудника. И Маркину удалось завербовать всего несколько неоседлых рабочих-слесарей, в том числе и меня. Я только несколько недель назад прибыл в этот район Донбаса с одним из членов Р.С.Д.П. (большевиков) для организации на этих мелких рудниках ячеек Р.С.Д.Р.П. (большевиков).

На станции В.-Дуванной мы простояли дней 8—10. Все эти дни, конечно, Маркин в поте лица своего добивался как можно больше навербовать красногвардейцев. Я. А. Полотебнов и Курихин-Донской были посланы Маркиным в качестве агитаторов по селам Гундоровской станицы, где стояли вернувшиеся с фронта войсковые части в полном боевом вооружении.

Наша агитация подействовала. Все части держали себя нейтрально, занимая позицию выжидания, за исключением одной части из атаманского полка, которая тайком ночью минула фронт и ушла на сторону Чернецова в станицу Каменскую.

Со стороны Луганска и Дебальцево дружковские и брянские рабочие отрядами под командой Саблина двигались на подкрепление нашего фронта.

И вот мы получили по прямому проводу сообщение со станции Лихой о взятии ст. Каменской со стороны Глубокой и о смерти Чернецова. Сейчас-же тов. Маркин дает срочное распоряжение по эшелону приготовиться через час к от'езду в Каменскую. Приехав в Лихую, застаем полный разгром. Вагоны с товарами были разгромлены до нитки, в станции не было ни одного целого окна. Здесь же на Лихой были захвачены чернецовские пленные кадеты, в том числе несколько священников и 5—6 реалистов и гимназистов. Этих священников толпа красногвардейцев единогласно решила заставить убирать станцию от конского навоза. Прибыв в Каменскую, мы сейчас-же направились в бывшее помещение Военно-Революционного Комитета. Узнаем, что никто еще из членов Военно-Революционного Комитета не прибыл со станции Глубокой.

На вокзале в Каменской в этот момент работа кипела. Саблин, командующий дружковскими и брянскими отрядами, сидел у прямого провода и вызывал из Луганска артиллерию для подготовительного похода на Новочеркасск. На окраинах города происходили единоличные суды красногвардейцев над кадетами, взятыми в плен при занятии станции Каменской. Сочувствующие кадетам суток 5—6 не показывали и носа из квартир.

Случилось так: подходит группа красногвардейцев к дому какого-нибудь чернецовского офицера, сбежавшего в Новочеркасск к Каледину, на дверях дома висит замок, а в квартире оказываются по темным углам чернецовцы. Командующим Донскими казачьими революционными силами был назначен бывший есаул Смирнов, между тем как на этот пост метил бывший войсковой старшина Голубов. После этого назначения политика Голубова резко изменилась. Хорошо помню, когда я был ад'ютантом командующего Смирнова, распоряжения его по армии Голубовым не признавались.

Голубов в штабе не раз говорил открыто штабистам, что «наплевать мне на Смирнова, я сам своему отряду командующий». Перед тем, как уехать Голубову с отрядом на фронт в наступление на Новочеркасск, он зашел в штаб специально за тем, чтобы предупредить начальника штаба В. Синченко о том, чтобы не беспокоили его из штаба никакими приказами и распоряжениями, ибо он сам знает хорошо, как ему удобнее и лучше, с какого фланга наступать или отступать.

Смирнова все это, конечно, страшно бесило, но он ничего не мог сделать.

Военно-Революционным Комитетом было постановлено арестовать нашего командира Маркина, ибо как выяснилось, что никто Маркина не назначал уполномоченным Военно-Революционного Комитета по формированию отряда.

После ареста Маркина Военно-Революционный Комитет решил отряд наш влить в связь штаба командующего Смирнова. Меня и покойного Курихина-Донского тов. Подтелков послал ад'ютантами. Меня к Смирнову, а Курихина к Голубову. А покойный Андрей Полотебнов, бывш. редактор «Красного Дона», был оставлен в Военно-Революционном Комитете.

С первых дней организации штаба командующего Смирнова и моей работы в нем, наблюдая за всем офицерством штаба, я невольно почувствовал, что этот штаб скоро должен превратиться в штаб донской контр-революции.

В штаб пролезли офицеры не только те, кои до-занятия нашими войсками ст. Каменской держали себя выжидающе, но и те, кои были явно враждебно настроены против большевиков.

При такой публике работа штаба, конечно, была не без черных делишек. Все это стало постепенно известно Военно-Революционному Комитету. И вот в один прекрасный день, в момент получения известий о занятии Голубовым и Саблиным Новочеркасска, т.т. Подтелков и Кривошлыков перед от'ездом штаба донских казачьих Военно-Революционных сил и Военно-Революционного Комитета из станицы Каменской в Новочеркасск произвели основательную чистку штаба, после которой ряды штаба значительно уменьшились, а количественный состав контр-революционеров, сидевших в Каменской гауптвахте, значительно увеличился.

Но как только мы переехали в Новочеркасск и приступили к работе, сейчас-же та публика, которая была тов. Подтелковым из'ята из штаба, начала появляться в штабе и вновь устраиваться.

Голубов привез Богаевского, сдавшегося в плен. Военно-Революционный Комитет требовал его доставить в Ростов, а Голубов совместно с штабным офицерством посадили его на гауптвахту, поставили свой караул и ответили по прямому проводу Военно-Революционному Комитету, что Богаевского доставить в Ростов они не могут.

Почему Голубов не согласился доставить Богаевского в Ростов, было вполне понятно—Голубов хотел быть красным атаманом «Всевеликого Войска Донского», а для этого ему необходима была жизнь Богаевского.

Но Военно-Революционный Комитет из Ростова взял силой Богаевского.

Голубов-же, пытавшийся отстоять Богаевского, с несколькими своими приверженцами казаками из верхов удрал из Новочеркасска в Богаевскую станицу, где на станичном собрании был убит из толпы казачьим офицером.

Такова печальная память о первом революционном казачьем штабе.

Василий Дроздов.

22-й ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ ПОЛК В КАЛЕДИНСКИЕ ДНИ.

В конце ноября 1917 года 22-й Донской казачий полк, в котором я последний год служил зав. полковым обозом 2-го разряда, должен был перейти на ст. Алексиково и оттуда по Царицынской ветке перейти к Новочеркасску. Но благодаря Царицынской организации, наш полк был направлен на Владикавказскую ветку, да и казаки склонны были перейти сюда—ближе к домам.

Полку дана была задача: вести борьбу с мешочничеством на участке станции «Двойная» (где был и штаб полка) до ст. Жутово (2-й Донокруг). Таким образом, полк оказался в безвыходном положении. Во-первых, он попал не на усиление Новочеркасского гарнизона и, во-вторых, оказался в ловушке: с тылу Царицинская Республика, впереди 39-я пехотная дивизия (большевистская), которая расположена была при ст. Тихорецкая. На ст. Алексиково командный состав полка еще чувствовал себя господином положения, ему удавалось не допускать большевистских агитаторов, газет и проч. Но, несмотря на это, часть полка была настроена все-таки революционно, в чем большую роль сыграл вахмистр 4-й сотни тов. Чесноков (казак В.-Курмоярской ст. 2-го Донокруга, предательски затем казненный летом 1918 г. на кургане близ хутора Кривого Н.-Курмоярской ст., 1-го Донокруга, восставшими казаками, куда он ездил для поднятия казаков на борьбу с Красновым).

С переходом в Сальский округ комсостав окончательно потерял почву под ногами, офицеры здесь уже не могли избежать большевистских агитаторов. Пачками распространялась царицынская газета «Борьба».

В начале еще наш полк (4/XII-17 г.) пытался разобрать железно-дорожный путь, дабы прекратить следование царицынского эшелона на выручку ростовским рабочим, но чем дальше, он все больше революционизировался. И вот на рождественских святках, под руководством полкового комитета, членом коего состоял и я, полк стал разоружать помещиков—Лисицкого, Пишванова и др. Было известно, что политика Донского правительства была направлена в сторону охраны интересов коннозаводчиков, коим и было дано достаточно оружия для создания собственной охраны. Окрестное население, узнав об этом, было возмущено, ибо параллельно с вооружением коннозаводчиков само население Донским правительством разоружалось. В январе месяце комсостав полка, понимая свое бессилие в борьбе с большевизмом, стал под разными предлогами разбегаться: в очередные отпуска, по болезни, различные командировки и т. п. Более реакционный комсостав отправлялся в Новочеркасск и Великокняжескую; в последней формировалась офицерская добровольческая дружина. Все распоряжения, присылаемые из Донского центра на имя полка, казаками пере-

стали исполняться. Когда командир полка, Василий Васильевич Армейсков бежал в Великокняжескую офицерскую дружину, полковой комитет стал во главе полка. Более сознательная революционная часть казаков стала принимать активное участие в создании Совета станицы Орловской. На предложение командира Армейскова оставить полк и ехать в Великокняжескую, я предпочел остаться с казаками, работая в полковом комитете и активно участвуя в организации Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Посылкой делегации связались с Царицыном и 39-ой дивизией.

Войсковой атаман Каледин, узнав, что 22-й Донской казачий полк окончательно «разложился», потерял на него всякую надежду. В первых числах февраля 1918 г. нами была получена телеграмма о роспуске полка. Казаки как будто этого и ожидали. Полковой Комитет в своем заседании постановил предложить полку не сдавать оружия и не расходиться по домам, ибо Донское правительство заберет их по одиночке. Часть была согласна с предложением Комитета, а большинство решило: «Оружие не сдадим и здесь не останемся, все по домам! Надоело служить». Это было 5—6 февраля 18 года.

Полк разошелся.

С. Котельников.

Шахтеры Донецкого бассейна в борьбе с Калединым.

ВОСПОМИНАНИЯ ШАХТЕРА.

Это был самый кошмарный момент дикого разгула банд Каледина на Дону. Ростов был занят белогвардейскими и казачьими бандами, а мы на руднике Парамонова только смутно знали о случившемся. Красная Гвардия приняла ряд мер предупредительного характера; начались усиленные занятия учебной стрельбой, на рудниках патрулировали красногвардейцы. К нам в штаб милиции перебрался и штаб Красной Гвардии. Я и тов. Марчевский взяли на себя командование и, послав разведку в г. Шахты для связи, узнали, что есаул Чернецов внезапным налетом занял город. Тревожными гудками собрали мы рабочих и предложили им оказать активное сопротивление, если Чернецов со своими партизанами вздумает явиться на рудник. Призвали всех вооружиться. Меньшевики и эс-эры старались разложить рабочих и призывали к спокойствию Дебатам и разглагольствованиям не было конца. Тогда мы закрыли собрание и предложили желающим вместе с нами вооружиться и выступить активно; на завтра в 6 часов утра собраться в столовой.

На утро нам передают, что со станции Шахтной движется несколько эшелонов партизан. Разведка устанавливает, что до 1000 партизан с 6-ю пулеметами идут на Парамоновский рудник. В это время тов. Марчевского вызывает к аппарату есаул Чернецов и предлагает рудник сдать без боя, угрожая в случае сопротивления открыть артиллерийский огонь. Долго совещались мы в штабе и решили в целях сохранения рудника, приняв во внимание количественное превосходство противника, оружие спрятать, а самим оставаться до прихода Чернецова. Нам советывали бежать, но, не желая оставлять рабочих без руководителей, мы не ушли. В 3 часа ночи передовые отряды партизан Чернецова заняли рудник.

Ко мне ворвались 5 офицеров с винтовками в руках, с криком: «где здесь начальник Красной Гвардии Клейман»? Я совершенно спокойно ответил: «начальника Красной Гвардии здесь нет, так же, как и нет Красной Гвардии, а я—Клейман — начальник милиции».

— «Врешь, сволочь», следует ответ, а затем распоряжение обезоружить и арестовать меня. У меня был блестящий белый браунинг; я его, конечно, заблаговременно спрятал и партизанам, обыскивавшим меня, достал не стреляющий «Вильдог».

С этой ночи начинается дикий разгул банд в помещении рудника; везде роют, шныряют, идет обыск—ищут оружие и пулеметы. Меня арестовывают.

Я прошу разрешения попрощаться с женой, отказывают. Ночью повели меня на подковный завод, туда уже успел явиться и сам есаул

Чернецов. В помещении конторы собраны все арестованные. Местные казаки выдают многих рабочих, указывая: — «это большевик, это пулеметчик, это бомбометчик и т. д.». Начинаются допросы, после допроса арестованных направляют в вагоны, заранее приготовленные. Меня и еще двух товарищей повезли в особняк Парамонова. Кругом масса стражи, пешие и конные, при входе в дом нам встречается пьяный Чернецов. Узнав, что я Клейман, начинает издеваться, стараясь ударить, но выражение моего лица, повидимому, его парализует.

Через короткое время меня отправляют в арестантский вагон. Незадолго до ареста, я был ранен в руку и когда меня арестовали, то рана пришла в еще более худшее состояние. При посадке я никак не мог забраться в товарный вагон; приходилось держаться одной рукой. Партизаны и офицеры штыками и винтовками мне стали помогать; в результате их «помощи» кисть моей левой руки совершенно парализовалась. Нас собираются отправлять; около вагона собрались рабочие, с грустью провожают нас глазами и вслед машут шапками.

Повезли в Новочеркасск. Туда прибыли мы около 2 часов ночи. На станции ночью было светло, как днем.

Масса офицеров и юнкеров. Нас высаживают, раздается предварительная команда начальника этапа: «слушай мою команду, кто будет бежать — буду стрелять, кто будет сопротивляться — буду рубить, пошел вперед»! Нас провожают криками: «куда их везете, расстрелять красную сволочь здесь»! Толпа по пути, главным образом, белогвардейские жены и старые казаки стараются плевать в лицо, глумятся.

Наконец, привозят в тюрьму и рассаживают в отдельные камеры, а потом уже собирают в одну камеру всех вместе. Сидел я там полтора месяца; по ночам партизаны, охранявшие тюрьму, стреляли в окна — не давали нарочно спать. В это время Большой Войсковой Круг, под давлением революционного движения, вливает в свой состав представителей крестьян. Одним из первых требований обновленного Войскового Круга было требование освобождения всех арестованных на рудниках. Войсковое Правительство, учитывая настроение рабочих, согласилось, и мы вышли на свободу.

Клейман.

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ.

В напряженные дни октября 1917 г., когда над Ростовом уже вздымались тучи близкой кровавой развязки, мне приходилось работать в «Нашем Знамени», исполняя «должности» секретаря, пом. редактора, выпускающего и корректора. Работы было много, связь у нас была с областью, с шахтерами живая; много полной цифр и фактов корреспонденции. Письма от шахтеров и резкие стихи от них влекли меня, тогда очень еще молодого члена партии, в эту совершенно неизвестную мне среду угля, труда и страдания.

Вячеслав Крылов *), пользовавшийся тогда большим влиянием на нашу молодежь, в частности на меня, поделился своими впечатлениями от шахт, где он работал от партии.

*) Позже выяснилось, что В. Крылов был в период царизма провокатором. **Ред.**

1-го октября, в незабываемый день демонстрации за перевыборы Совета, был областной с'езд партии, куда попали также тов. Крылов и Антонов из сел Грушевского района.

Поговорив с ними, я решила отправиться на рудники, куда увлекла за собой и тов. Механика Григория.

Поздним вечером, в железно-дорожной теплушке мы прибыли на Парамоновский рудник и, утопая в снегу и грязи, в незнакомой обстановке темных казарм добрались до конторы.

Позднее прибыл тов. Антонов с Гончаровского рудника и провел здесь что-то, в роде делегатского собрания шахтеров по вопросу о борьбе с Парамоновым.

Положение было критическое. Парамонов назначил на местную ветку ж. д. своего агента, мерзавца, которого рабочие не задумываясь прогнали. В результате им было отказано в продуктах и платеже. Они остались в обстановке сырых и грязных помещений, тифозной эпидемии, отсутствия оружия и казачьего окружения.

Собрание прошло тревожно в сдержанном гневе рабочих и наглых предложений меньшевиствующей части-служащих.

Вопрос решено было перенести на разрешение Совета рудн. сел. и каз. депутатов. Ночью мы с Механиком и Антоновым отправились за 8 верст на Гончаровский рудник. Это был маленький рудник с 150 рабочими. Сам Гончаров сбежал, захватив кассу и оставив рудник в завалах. Несколько дней рабочие не выдавали угля, исправляя шахты и работая уже не на хозяина, а на себя и на «Питер», с которым у них были связаны все революционные надежды.

Я осталась работать в Гончаровке. Механик же, пробыв некоторое время на этом руднике, вернулся в Ростов.

В то время, как Антонов руководил хозяйством рудника и политической работой, я углублялась в кружковые беседы по текущим вопросам. Внимание рабочих на этих беседах было крайне напряжено и сосредоточено. Видно было, что они боялись пропустить хотя бы одно слово, раскрывающее перед ними новое, яркое будущее.

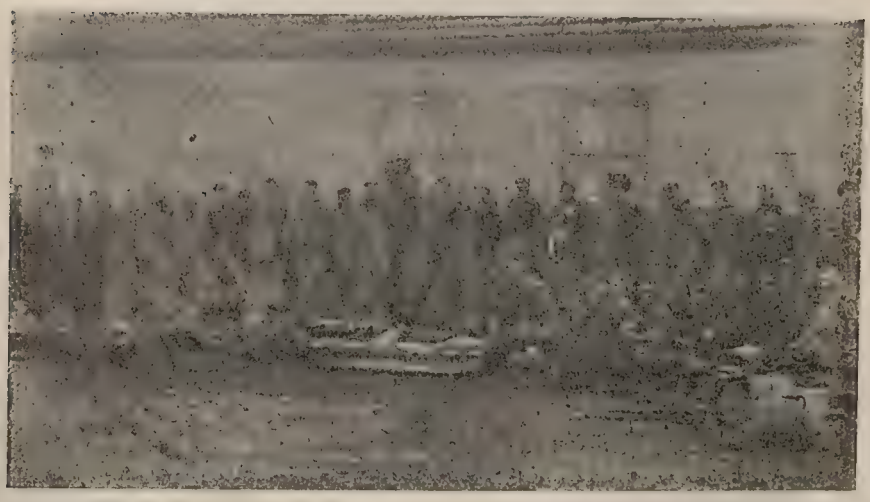
Это была напряженная и радостная работа в атмосфере полной оторванности от города и темной неизвестности о будущем, кроме одного—сознания неизбежности вооруженной борьбы.

Рабочая молодежь уже собирала сухари и пожитки, готовясь удрать в Красную Гвардию, старшие же молча вели свою Советскую и подземную работу, ожидая исхода.

И вот пришел момент, когда изсякла пища и истратился керосин. Шахтам грозила остановка работ. Поднялась тревога.

В эти дни Парамоновский рудник также переживал крайний момент борьбы с предпринимателем. Мы отправились туда и, собрав рабочих в Народном Доме, поставили вопрос о взятии рудника в свои руки. Помню потрясающее впечатление от разом поднятых более чем трех тысяч рук этих черных людей, полных энтузиазма и решимости.

Да, ведь, и положение было безвыходное. Парамонов лишил рабочих выдачи им продуктов из магазина и подачи медицинской помощи. С другой стороны, вооруженное казачество ежедневно грозило расправиться со всеми нами. Зная, что в Ростове организуется Красная Гвардия и надеясь на ее прибытие к нам, рабочие захватили в свои руки почти весь Большой и Малый Несветай, организовали Экономический Совет под председательством тов. Антонова и провели огромную экономическую работу. Они



Красногвардейский отряд шахтеров т. Рожкова *).

*) Редакцией были приняты все зависящие от нее меры к ясной пересъемке, имевшихся в ее распоряжении, весьма неудачных фотографий отряда тов. Рожкова. Это ей не совсем удалось, но все же редакция сочла необходимым их поместить, благодаря их историческому интересу.— **Редакция.**

разрушили всю технику эксплоататарского управления работой и поставили дело на началах товарищеского сотрудничества.

Этот период отмечен большим трудовым под'емом шахтеров. Работали не на себя—«на Питер», устраивали товарообмен с хуторянами, установив с ними дружественные отношения против казаков.

Хуторяне действовали осторожно, запуганные казаками, но сочувствие их было на нашей стороне, что и сказалось впоследствии.

Вскоре Ростов был взят Калединым и казаки не замедлили сообщить об этом Несветайским рабочим, предложив им отдаться в руки предпринимателей—хозяев. В ответ на это шахтеры еще крепче сплотились вокруг рудничного совета.

Этот период борьбы закончился вооруженной схваткой. Казаки напали на рудники. Рабочие отбивались посредством нескольких винтовок, каменьями, топорами, не употребляя динамита, жалея шахты. Хуторяне с вилами и косами поддерживали рабочих и подвозили им пищу. Но казаки одержали свою зверскую победу.

Во второй раз тов. Антонов вернулся в Несветай уже в 1918 г. при немцах и Краснове, и под его руководством 6000 рабочих организовали восстание. Первый маршрут при поддержке хуторян был ознаменован рядом побед над казаками, вплоть до взятия Ал.-Грушевска и ст. Сулин. Но впоследствии, оставшись одни, измученные, голодные и раздетые, окруженные со всех сторон немецкими отрядами, шахтеры решили сложить оружие.

Около 200 человек было взято немцами в плен, но разбежались и, как много других, были изрублены казаками по дорогам. Семьи их были беспощадно вырезаны.

Прибыв в Калединский Ростов, мы с т. Антоновым-Чалым розыскали в подполье Феню Веселовскую, Марусю Шевченко, Богуславскую и других партийных товарищей, оставшихся работать в подполье. Узнав от них о местопребывании членов В.-Р. комитета, мы отправились туда. В Харькове мы нашли т. т. Васильченко, Жакова, Крылова, Ченцова, Христенко, Равиковича и т. д.

Антонова направили на разведывательную работу, а мне предложили выехать в Ростов с прокламацией: «Мы еще прийдем».

Помню, что в ней бичевались, главным образом, меньшевики и эс-эры, предательски выдавшие ростовский пролетариат под шашки юнкеров и казаков Каледина и об'являлось, что мы не складываем оружия и скоро вернемся в Ростов на помощь ростовским рабочим. Подписана прокламация была членами Донского Ревкома: Васильченко, Жаковым и др.

Я согласилась с предложением Ревкома и, запаковав драгоценный материал вместе с письмами в подушку, обернула ее одеялами, связала, с револьвером за пазухой отправилась на вокзал. Провожал меня один тов. Равикович.

Поместившись в вагоне 1—2 класса, я вскоре увидала себя в обществе буржуазной и офицерской публики, удиравшей из Красной России к Каледину. Шли разговоры про обыски, расстрелы и замучивания большевиков казаками на ст. Никитовка, т. е. на границе между нами и белыми. На всякий случай я завязала со своими спутниками—двумя поручиками, студентом и пр. белогвардейской публикой премилые и веселые отношения. Не имея сил вторить им в поношении большевиков, я выдала себя за анархистку-индивидуалистку и в сем невинном образе дискуссировала со своими противниками, которые оказались родственниками генеральских верхов царской сыскной полиции и имели какое-то отношение в этом смысле к Ростову. Но один из них в течение всего пути оказывал мне

рыцарские услуги, вплоть до освобождения меня от обыска и переноски моего «багажа» на извозчика. Расставшись с моими любезными кавалерами, я отправилась по разным улицам, спутав следы, на конспиративную квартиру к Фене Веселовской. Исполнив все задания пославших меня товарищей, я, по их же поручению, захватила тов. Веселовскую и с ней вместе вернулась в Харьков.

Проработав там несколько недель в разведке у т. Антонова-Овсеенко. я, в качестве партизана, отправилась с 30 товарищами, большей частью анархистами, на Дон в Чертково, где мы влились в 1-ю Донскую армию, под командованием т. Петрова.

Зинаида Чалая.

Борьба с Калединщиной на фронте и работа Доноблревкома.

НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ СЪЕЗДА В СТАНИЦЕ КАМЕНСКОЙ *).

После разгрома ноябрьского восстания в Ростове, часть членов Военно-Революционного Комитета, учтя, что кампания еще не потеряна, что при помощи советских войск, направляемых из центра, можно и должно в ближайший период покончить с калединской контр-революцией, решила обосноваться в ближайших к Донской области центрах—Царицыне и Воронеже с тем, чтобы оттуда вести агитационную и военно-организационную работу. Главной базой, в которую стали стекаться беженцы из Донской области, донецкие и донские шахтеры, революционно настроенные крестьяне и казаки,—стал Воронеж. В Воронеже издавались «Известия Военно-Революционного Комитета», которые вел тов. Френкель и которые должны были явиться основным органом, связующим элементом. На границе Донской области, в Воронежской губернии в это время сосредоточивались, переброшенные с фронта по распоряжению Крыленко, революционные части, в Кантемировке был расположен штаб сводного отряда под командой капитана Зайцева. Воронежский Военно-Революционный Комитет при помощи своего штаба также пытался производить такие формирования, которые должны были, по нашей мысли, точно также послужить той силой, которая могла бы, продвигаясь по линии железной дороги Воронеж—Лихая—Новочеркасск,—обеспечить установление в Донской области Советской власти.

Мы всячески пытались раскачать воронежские власти на более активные действия по формированию и по отправке частей, указывая на то, что каждый день промедления создает угрозу и для самой Воронежской губернии, в которой с большим трудом в это время происходило организационное внедрение Советской власти.

Узнав о том, что Военно-Революционный Комитет отряда, стоящего на границе Донской области ведет переговоры с казачьими частями, причем переговоры эти далеко выходят за пределы военно-оперативные, а вторгаются в область политическую и что эти переговоры ведутся таким образом, что понижают боеспособность отряда и рождают в солдатах уверенность в мирной и бескровной ликвидации и возможности путем переговоров с казачьими властьями добиться какого-нибудь компромиссного решения, мы решили, что необходимо кому-либо поехать в отряд и внести там соответствующие коррективы в эти переговоры, и если можно, принудить к более активным военным действиям. Об этом мы вели переговоры

*) Стенограмма рассказа. **Ред.**

с Петроградом по прямому проводу, насколько я помню с тов. Сталиным. Наши намерения встретили там полное сочувствие.

Я отправился в Кантемировку, без труда разыскал штаб отряда, переговорил с Зайцевым, побывал на заседании Военно-Революционного Комитета, сделал соответствующее сообщение от имени Донского Военно-Революционного Комитета и, указав на те задачи, которые стоят перед нами, поставил перед Зайцевым вопрос о более активных действиях. Принципиальных возражений моя точка зрения не встретила, но я чувствовал, что имеется психологическое противодействие, которое об'яснялось, главным образом, тем, что солдаты и командный состав отряда, снятые с фронта, несмотря на достаточно революционное настроение, были утомлены предыдущими фронтовыми передрягами и настроение у них было достаточно пассивное. При таком пассивном настроении раскачать их на активные военные действия было чрезвычайно трудно. Зайцев осуществление моего предложения занятия Черткова, 1-ой станции на территории Донской области, оттягивал под различными предлогами, указывая на то, что необходимо подождать, пока подойдет обоз второго разряда, пока подойдут еще подкрепления и т. д.

Обозначились и другие опасные явления. У командного состава и у солдат были отпускные настроения и те солдаты, родина которых была невдалеке, рвались в отпуск, и Зайцев и его ближайшие помощники, как мне казалось, нисколько не боролись с этими отпускными настроениями.

Переговоры с казаками приняли совершенно иной характер. Задачей переговоров мы себе поставили максимально быстрое разложение казаков-фронтовиков, внести в их среду максимум недоверия к Войсковому Правительству и внушить максимальное доверие к солдатам Советской России, убедив их в том, что никаких намерений воевать с трудовыми элементами казачества у нас нет, что единственное, что мы себе ставим,—это борьбу с Войсковым Правительством—оплотом реакции не только Донской области, но и всей России, борьбу с партизанскими белогвардейскими отрядами, сформированными на территории Донской области из офицеров и юнкеров, бежавших на Дон,—указывая на то, что в этой борьбе с Войсковым Правительством интересы Советской Власти и трудовых элементов казачества нисколько не враждебны, но даже, наоборот, сходятся, так как в интересах трудовых казаков-фронтовиков, перенесших тяжести фронтовой окопной жизни вместе с солдатами, возможно более скорая ликвидация того правительства, которое втягивало и продолжает втягивать казачество в авантюры, грозящие ему неисчислимыми жертвами и громадными потерями крови.

Затем с делегациями, которые приезжали к нам и которые обычно состояли из 3—5 или больше человек, в которое обычно входили, наряду с рядовыми казаками, 1 или 2 офицера,—с этими делегациями мы и вели переговоры, придерживаясь этой общей линии, требуя от них либо предоставления нам возможности разделаться с Войсковым Правительством и поэтому беспрепятственного пропуска нас к контр-революционному гнезду Новочеркасску, либо предоставляли это сделать самим казакам, указывая, что в случае ликвидации контр-революционных центров в Донской Области руками самих казаков, Советским войскам не будет никакого смысла и надобности продолжать дальнейшее продвижение.

Эта точка зрения, несмотря на оффициальную сдержанность и холодность делегаций, встречала видимое сочувствие со стороны рядовых казаков и очень пугала и заставляла прибегать ко всяким уловкам тех офицеров, которые входили в состав делегаций. Нам удалось с несколь-

кими казаками, показавшимися наиболее нам сочувствующими, установить более тесные нелегальные связи по секрету от тех офицеров, которые являлись главарями этих делегаций. Мы снабжали их воззваниями Военно-Революционного Комитета, сообщениями о деятельности Совета Народных Комиссаров, о постановлениях Всероссийского с'езда Советов, о декрете, касающемся казаков, который гарантировал им максимально благоприятные условия, ряд привычных бытовых условий и т. д. Наши сообщения о ходе переговоров с немцами, надежды на близкое окончание войны, другие шаги Советской власти,—возбуждали среди казаков живейшее внимание и сочувствие, и, распространяясь по казачьим сотням и другим частям, эти сообщения вносили развал в военный аппарат Каледина и революционизировали настроение казачества. Не удовлетворяясь этими переговорами, мне очень хотелось попытаться проникнуть и в расположение казачьих частей с тем, чтобы там, на более или менее многолюдных собраниях, установить связь с казаками и провести соответствующую агитационную работу.

Скоро представился такой случай. Одна из делегаций нам сообщила, что 20-го декабря, если не ошибаюсь, на станции Миллерово должно будет состояться заседание дивизионного комитета, кажется, 8 дивизии вместе с полковыми комитетами, что было бы хорошо, если бы отряд прислал туда свою делегацию и что там можно было бы поставить вопрос о требованиях, которые пред'являют представители Советской власти к казачеству. Конечно, мы живо ухватились за это предложение. Я уговорил Зайцева составить делегацию таким образом, чтобы в нее вошел он сам, несколько наиболее развитых солдат, достаточно надежных, умеющих выступать и могущих установить и частные связи с отдельными революционными казаками, а также вошел бы и я. Условившись об этом, я уехал в Воронеж, чтобы запастись литературой, информировать Москву, а также получить наиболее точные последние политические информации.

В условленное время я должен был приехать на станцию Кантемировку, чтобы вместе с делегацией отправиться в расположение казачьих частей.

Поезд, с которым я ехал, опоздал, и я приехал на станцию Кантемировку, когда делегация со специальным поездом уже выехала. После минутного колебания я решил попытаться пробраться в Миллерово и там уже присоединиться к делегации. Это мне удалось. Поздно ночью я прибыл в Миллерово. Не остановленный никем, с опаской обходя казачьи и особенно офицерские фигуры, я при помощи железнодорожников и одной женщины очень быстро разузнал, где происходит собрание и отправился в приходскую школу, в которой уже в течение трех часов происходило многолюдное заседание представителей казачьих отрядов и сотен вместе с нашей делегацией. Не без труда мне удалось проникнуть внутрь и присоединиться к нашей делегации. Наскоро информировавшись у Зайцева о ходе переговоров, я выступил с большой речью, в которой, оглушая казаков последними сообщениями об успехах Советской власти, особенно в отношении хода переговоров с немцами, развернул перед ними ту программу, которой Советская власть намеревается держаться в отношении казачества, причем резко и прямо поставил вопрос о необходимости казачеству, дабы не навлечь на себя опасности гражданской войны, возможно быстрее покончить с Войсковым Правительством, с господствовавшими в Донской области казачьими помещиками, а самое главное, ликвидировать те партизанские, казачьи отряды, которые были сформированы из бежавших контр-революционеров.

Настроение собрания, за некоторым исключением, было достаточно благоприятно, и я чувствовал, что весь предыдущий ход событий достаточно подготовил казачьи массы и, при некоторых благоприятных условиях, нам удастся овладеть настроением казачества и вырвать его из под влияния Войскового Правительства.

К концу собрания, когда мы готовились уже в форме резолюции закрепить достигнутые результаты, в толпе сидящих произошло какое-то движение, в президиуме некоторое волнение и казачий врач Симаненков, председательствовавший на этом собрании (его я знал по предыдущим переговорам, в которых он держался достаточно неприемлемой для нас позиции), вдруг скомандовал: «встать! смирно!». Оказалось, что на совещание прибыл сводный атаман, генерал Назаров, главный наш враг в ноябрьские дни. Появление его для меня было полной неожиданностью и я почувствовал, что мы можем при благоприятных условиях добиться того, чтобы казаки арестовали Назарова, при неблагоприятных же условиях,— оказаться в таком положении сами.

Появление Назарова ободрило активную группу контр-революционно настроенных казаков и офицеров, которые с большой резкостью и смелее, чем до сих пор, начали выступать. Особенно мне помнится речь одного есаула, которая целиком была рассчитана на то, чтобы разрушить все впечатление наших предыдущих переговоров и натравить казаков на меня.

«До какого позора дожило казачество»,—кричал с эстрады этот есаул,—«если здесь, на чисто казачьем собрании безнаказанно может выступать уголовный преступник Сырцов, которого Войсковое Правительство хотело арестовать за те многочисленные преступления, которые он совершил. Его руки обагрены в казачьей крови, а между тем он спокойно выступает здесь, на казачьем собрании и ни одна честная казачья рука не осмелится схватить этого негодяя за глотку».

Я видел по физиономиям казаков, что речь производит значительное впечатление. Сообщение об уголовных преступлениях, видимо, готово было целиком парализовать все то впечатление, которое было произведено предыдущими речами и предыдущими выступлениями.

Чувствуя необходимость возможно быстрее преодолеть это настроение и, боясь, что психологический момент может быть упущен, я сейчас же после речи этого есаула, захватным порядком, не спроса слова у президиума, так как опасался, что мне в этом слове откажут, начал говорить:

«Да, в глазах Войскового Правительства я являюсь преступником. Да, за мою голову Войсковое Правительство ассигновало крупную сумму денег, и полиция Войскового Правительства с ног сбивается, чтобы меня схватить, запрятать в тюрьму или расстрелять. Но в глазах Войскового Правительства такими же самыми преступниками являются и те десятки честных казаков, которые сейчас томятся в Новочеркасской тюрьме, за то, что они вместе со мной, разделяя мои взгляды, шли против Войскового Правительства и говорили, что Каледин и Богаевский ведут казачество к гибели, втравляя его в войну со всем русским народом и с Советской Властью. В глазах Войскового Правительства является преступником и тот войсковой старшина Голубов, который вам всем хорошо известен, которого вы знаете за честного, прямого, открытого противника Войскового Правительства, за представителя фронтового казачества, и если эти казаки, если Голубов, если я являемся преступниками в глазах Войскового Правительства, то в глазах трудового народа этими преступниками являются Каледин и Богаевский. Все наше преступление состояло в том, что мы

вместе со всем рабочим классом, со всем крестьянством и с трудящимися казаками желали установления в Донской области такого порядка, при котором кучка казачьих помещиков и генералов, во главе с Калединым и Богаевским не могла бы измываться над рабочими массами, не могла бы посылать в рабочие районы к шахтерам кровавые экспедиции, партизанские отряды, которые должны были отстаивать интересы углепромышленника Парамонова и других; все наше преступление состояло в том, что мы считали, что между рабочими и крестьянами и между трудовым казачеством должен быть установлен тесный союз, и власть из рук спекулянтов и помещиков, казачьих генералов и бежавших из России промышленников,— должна перейти в руки трудового казачества, в руки рабочих и крестьян, которые сами между собой, на началах свободных договоров, сумеют установить свои взаимоотношения. В глазах Войскового Правительства мы являемся преступниками, потому что на удар Войскового Правительства мы ответили ударом, и когда войска генерала Каледина под командой генерала Потоцкого разгромили Ростовский Совет Рабочих Депутатов, убили членов Совета и нескольких рабочих,—мы подняли рабочих Ростова к восстанию и после несколько дней боев, разгромив юнкеров, разбив отряд Потоцкого, захватив его в плен,—мы в течение нескольких дней помогали обороняться рабочим Ростова от наступающих отрядов Каледина и Назарова,—тогда наше преступление состояло в том, что мы не сдались покорно на его милость, а приняли вызов и в этой борьбе казачьи массы очень часто были на нашей стороне. Те казачьи отряды, которые стояли в Ростове отказались повиноваться атаману Каледину и заявили, что убивать рабочих они не намерены и безропотно сдали Военно-Революционному Комитету свое оружие. Ни один из рядовых казаков этих частей не был нами задержан и каждый из них, вместе со своей лошадью и своим снаряжением, был отпущен в свою станицу. Преступление наше состояло в том, что несмотря на всю ложь и всю клевету, которую о нас распространяли казачьи генералы и офицеры, значительная часть казаков из наступающих на Ростов отрядов, отказались поднять против нас оружие, и ростовских рабочих убивали и расстреливали не казачьи трудовые руки, а банды юнкеров и белогвардейского сброда. Вот каково наше и мое преступление. Вот почему этот есаул так бешено выступал перед вами и натравливал вас на меня. Он боится, что если казаки послушают те правдивые речи, которые мы им говорим об их Войсковом Правительстве, то не найдется ни одного из трудящихся казаков, который оказался бы таким дураком, чтобы дальше продолжать слушаться генералов и помещиков, натравливающих казаков на рабочих и крестьян».

К концу речи я чувствовал, что план есаула и план Назарова не удался, что поднять настроение казаков против меня, чтобы добиться ареста или того хуже—самосуда, им не удастся. К концу речи начали раздаваться отдельные замечания о том, что «мы теперь не дураки, мы знаем чего хотят генералы, знаем, что за гусь Каледин, воевать против рабочих и крестьян мы не хотим». После моей речи какой-то казак произнес достаточно бессвязную, но горячую речь, в которой он заявил, что среди казаков теперь есть много большевиков и, что он сам, несмотря на присутствие атамана Назарова, не боится признаться, что он большевик. Мы чувствовали, что нами одержана крупная победа. Я торопил Зайцева возможно скорее использовать это настроение, закрепив соответствующие резолюции, ожидая выступления Назарова. Но атаман Назаров, учтя настроение, выступать не рискнул, ограничившись ролью немого свидетеля, злобно и презрительно оглядывавшего нас и казаков. Резолюция, предло-

женная нами, в которой мы развернули те условия, которые необходимы для того, чтобы избежать кровопролития,—резолюция эта была принята.

После заседания к нам потянулись десятки казаков, прося газет, прося раз'яснить те или иные вопросы. Как могли, мы их удовлетворяли литературой и ответами на вопросы. Среди этих вопросов было немало курьезных и нелепых, доказывающих, какая большая работа проделана казачьими верхами для того, чтобы затуманить небылицами головы казаков. Были курьезы и в другом отношении. Ко мне подошел жаловаться какой-то казачий офицер, который плакался на то, что казаки его сотни лишили его командования, выбрали другого командира, а его перевели на положение рядового. «Все бы ничего»,—говорил он,—«я не грущу, что меня лишили командования, но огорчаюсь тем, что меня лишили деньщика, и я теперь должен сам ухаживать за своею лошадью, а к этому я не привык. Не можете ли вы повлиять на казаков, чтобы они вернули мне моего деньщика».

После нашего от'езда мы через несколько дней узнали, что казаки той дивизии, на собрании которой мы выступали, выступили уже активно, хотя не особенно решительно, против Войскового Правительства. Они разрушили и разгромили ту студенческую дружину, которая была прислана к ним из Новочеркасска и которая должна была, в виду неустойчивого настроения в частях, произвести аресты. Казаки окружили помещение этой студенческой дружины, выставили пулеметы, потребовали сдачи оружия. Студенты без боя сдались, при чем некоторые из них довольно основательно пострадали, и вынуждены были пешком проплестись, отправясь в Новочеркасск и сеять там панику своими сообщениями о революционных действиях казаков*).

В начале января мы узнали, что комитет 5 дивизии, прибывший с фронта в конце декабря, созывает представителей всего фронтового казачества на с'езд в Каменскую. С'езд этот был запрещен Войсковым Правительством и, несмотря на это, казачьи сотни и баттареи производят выбор делегатов. Это сообщение говорило о том, что настроение значительно поднимается и что можно ждать в ближайшем будущем более или менее крупных событий. Мы решили на этом с'езде обязательно присутствовать и помочь революционным руководителям казачества решиться на достаточно активные действия.

Тот с'езд, который происходил в Воронеже собрал довольно много представителей рабочих, но от казаков там было всего несколько человек, в том числе и делегат от 44 полка Ермилов. Мы решили значительную часть этого с'езда, в том числе и с казаками, достаточно нами за это время обработанными, двинуть в Каменскую с тем, чтобы принять участие в с'езде. Щаденко, Ермилов, я и другие специальным поездом двинулись в Каменскую. Чертково в это время было уже занято нами. Мы снеслись с с казачьими частями, стоявшими на ближайшей границе, относительно нашего пропуска, как делегации, едущей на с'езд в Каменскую для переговоров. Нас беспрепятственно пропустили и мы вечером прибыли в Каменскую. Там мы узнали, что с'езд уже начался и что он происходит в школе. Мы немедленно направились туда. В президиуме с'езда я увидел казака, с которым еще раньше во время переговоров свел знакомство и который на меня производил очень благоприятное впечатление. Это был Подтелков, впоследствии председатель Совета Народных Комиссаров Донской Республики, и позже повешенный контр-революционерами в Верхне-Донском округе. Это меня успокоило, так как давало возможность сговариваться

*) Дружина окружила помещение, где собрался полк на митинг, но подоспевшей пулеметной командой этого же полка дружина была разоружена, раздета, наполовину высечена и изгнана из Миллерово. **И. Дорошев.**

Тов. С. И. Сырцов.
Член Доноблревкома.

ПРИМЕЧАНИЕ: Фотографии остальных членов Ревкома не помещены ввиду отсутствия таковых в распоряжении Истпарта. **Ред.**

с человеком более или менее знакомым, и к которому я чувствовал значительное доверие. Кроме него в президиуме сидел какой-то молоденький офицер, к которому я вначале отнесся довольно подозрительно, и другой офицер, бывший секретарем.

Сообщения казаков от разных частей говорили все об одном и том же: о том, что казаки воевать не хотят, что итти против Советской власти они не будут и отказываются, и что их послали сюда для того, чтобы выработать те меры, какими можно избегнуть кровопролития и избежать наступления на Донскую область со стороны красногвардейцев. Щаденко выступил от имени рабочих шахтеров с горячей речью, в которой указывал, что, несмотря на все те безобразия, которые творятся от имени казачества на рудниках, несмотря на те расстрелы, которые там производятся,—рабочие твердо знают и верят, что это дело рук не всего казачества, а только его верхушки и к борьбе с этой верхушкой призывают трудовое казачество. Если трудовые казаки, если фронтовики не раскачаются и не расправятся со своим правительством, которое их толкает к гибели, то неизбежно будет гражданская война, в которой погибнет все хозяйство казака, погибнет все народное хозяйство, так как рабочие бросят шахты, разбегутся, рудники остановятся, остановится промышленность, и казачество и крестьянство, вдоволь испытавшее прелесть царской войны, будут обречено на голод, на отсутствие необходимых предметов, на отсутствие мануфактуры, на отсутствие угля и т. д., и, кроме того, прольются потоки крови казачества, если его так же, как в 1905 году втянут в борьбу с народом. За Советскую власть стоят много миллионов рабочих и крестьян, и, конечно, не кучке казаков справиться с народом. Он говорил, что борьба будет не в пользу казачества, она его разорит и рассчитывать на выгоду могут только казачьи генералы, да русские помещики и русская буржуазия, которые хотят вернуть себе отобранные фабрики, отобранные земли.

Речь Щаденко произвела очень большое впечатление. Каждый чувствовал, что время слов кончилось, надо приступать к каким-то действиям. Нельзя сказать, чтобы на собрании не было оппозиции. Эта оппозиция была представлена в лице одного офицера и подхорунжего, который все время гнул к срыву с'езда, к тому, чтобы вернуть казаков в подчинение Войсковому Правительству и напугать всякими ужасами, грозящими казакам от наступления красногвардейских отрядов.

Когда сообщения от частей были закончены, поднялся секретарь, молодой офицер, показавшийся мне вначале подозрительным (это был Кривошлыков) и прочел перехваченную телефонограмму от Войскового Правительства, в которой начальнику дивизии предлагается не допускать с'езда казаков-фронтовиков в Каменской. В случае, если такой с'езд соберется,—арестовать его и если нужно, применить оружие.*) Эта телеграмма вызвала бурю возмущения и негодования. Учтя впечатление этой телеграммы, мы решили выступить с предложением о том, чтобы с'езд, гарантируя собственную безопасность, приступил к определенным действиям, обезвредил бы готовящиеся на него покушения. Но нас опередили.

Кривошлыков от имени президиума произнес горячую, краткую речь и предложил резолюцию, в которой об'являлась власть Войскового Правительства ликвидированной, правительство низложенным, власть перешед-

*) Эта телеграмма была адресована от Каледина командующему фронтом и попала в дивизионный комитет 5 дивизии, по желанию самого командующего фронтом, думавшего, что грозный тон телеграммы заставит только прибывший в Каменскую дивизионный комитет отказаться от с'езда. **И. Дорошев.**

щей в руки с'езда. Для принятия необходимых мер предлагалось выбрать Комитет. Это было как раз то, что нужно. Предложение было принято, причем возникли затруднения с вопросом, как назвать комитет. Мы предложили по примеру Советской России назвать комитет Военно-Революционным, и это предложение было принято. Несмотря на то, что это было принято единодушно, было встречено бурей восторга, со стороны многочисленных присутствующих—казаков, рабочих и т. д. чувствовалась некоторая растерянность. Видимо, значительная часть испугалась своих собственных шагов.

При таком положении продолжение с'езда могло бы быть помехой революционным действиям. Поэтому мы, пошептавшись с президиумом, решили, что самое лучшее с'езд сейчас прервать, Военно-Революционному Комитету начать заседание и принять необходимые меры до утра, из помещения с'езда никого не выпускать, дабы избежать предательства. Так и сделали. Военно-Революционный Комитет в соседней комнате при свечах наскоро стал придумывать план действий. Прежде всего, решено было выяснить, чем мы располагаем. Подтелков велел вызвать часть местной команды, были вызваны еще какие-то части. Очень быстро и деловито Подтелков отдал распоряжение об аресте ряда офицеров и тут же составили для этой цели список. В этот список вошел окружной атаман Краснянский, войсковой начальник, наиболее контр-революционно настроенные офицеры, причем офицеров, из наиболее скверно настроенного, запасного казачьего полка решили арестовать таким образом, чтобы вызвать их на следующий день на собрание под флагом выборов в полковой комитет. Позже это успешно удалось. На собрание явилось около 300 офицеров. В помещении, в котором должно было происходить совещание, они были окружены, обезоружены, наиболее контр-революционные были задержаны, в числе 60 человек, а остальные были отпущены под честное слово, что они не будут производить каких-либо действий, враждебных Военно-Революционному Комитету. Наскоро и очень толково отдав все распоряжения, поступившей в распоряжение Военно-Революционного Комитета, местной команде и сотне гвардейского полка, прикомандировав к каждому отряду членов Военно-Революционного Комитета, Подтелков дал приказ действовать, и к утру все необходимые аресты были окончены: большинство офицеров, в том числе и окружной атаман, совершенно не ожидавшие такого быстрого развертывания событий и спокойно спавшие у себя по домам, без всякого сопротивления были арестованы, и на следующий день были отправлены под соответствующим караулом в Луганск, так как держать их в Каменской, и без того переполненной контр-революционным офицерством,—было не рационально. В дороге, как мне потом передавали, атаману Краснянскому удалось бежать через окно. Остальные были доставлены в Луганск.

В то время, когда начались аресты, ночью Военно-Революционному Комитету сообщили, что прибыла делегация из Москвы*). Эта делегация скоро явилась. Оказалось, что это были тов. Мандельштам «Одиссей», командированный штабом Московского Военного Округа и Янышев,—посланные по распоряжению Советского Правительства и по нашей просьбе для участия в Воронежском с'езде. В Воронеж они прибыли поздно, когда с'езд окончился**) и, узнав, что происходит казачий с'езд фронтовиков в Каменской, двинулись сюда и прибыли к моменту окончания с'езда. Военно-Революционный Комитет собрал вновь заседание, и Ман-

*) Эта делегация прибыла раньше. **Редакция.**

) Московская делегация прибыла в Воронеж, когда с'езд еще происходил. На нем выступали с речами и Мандельштам и Янышев. **Редакция.

дельштам («Одиссей») и Янышев выступили с приветствием от имени Совета Народных Комиссаров и Московских рабочих с горячими речами. Мандельштам («Одиссей») в своей речи указал, что контр-революционные действия Войскового Правительства мешают Советскому Правительству наладить правильную жизнь, что Московские рабочие из-за Каледина не могут получать хлеба, голодают, а юг России и в частности Донская Область не может получать той мануфактуры и тех городских предметов, которые производятся в промышленной России и, в частности, в Москве. Сообщение о мануфактуре, о кѐросине и других предметах было встречено казаками с очень большим сочувствием.

Примерно в это же время, немножко раньше Мандельштама («Одиссея») прибыла делегация от Царицынского с'езда. В это время, по инициативе представителя Донского Военно-Революционного Комитета и Царицынского Исполкома, происходил с'езд представителей от северных казачьих округов в Царицыне. Там были приняты решения, аналогичные решению Каменского с'езда, и прибывшая делегация в лице нескольких казаков, в том числе одного старика казака, сделала об этом сообщение, подняв настроение с'езда, в котором было не мало струсивших и опасавшихся последствий своего шага. Чрезвычайно удачно совпало прибытие в Каменскую и трех казачьих эшелонов под командой офицера Смирнова, состоявших из одного казачьего полка, имевшего пропуск от Антонова-Овсеенко, который, получив гарантию, что полк настроен достаточно революционно, распорядился пропустить его на территорию Донской области с оружием, имея в виду желание полка вступить в вооруженное столкновение с калединскими частями. Выступление Смирнова, произнесшего ярко-революционную речь, с сообщением о том, что полк предоставляется в распоряжение Военно-Революционного Комитета и силой своего оружия заставит Войсковое Правительство капитулировать,—очень подняло настроение.

Военно-Революционный Комитет тут же дал боевой приказ Смирнову немедленно со своим эшелоном двинуться по линии ж. д. и занять Зверево и Лихую. Получив этот приказ, писаный на бумажке с печатью дивизионного комитета, так как печати Военно-Революционного Комитета еще не было, Смирнов немедленно отправился в путь, и к утру Военно-Революционный Комитет уже имел сообщение о том, что Лихая и Зверево заняты и, находившиеся там, части Каледина либо покинули эти пункты, либо частично перешли на сторону Военно-Революционного Комитета. Это занятие Зверева и Лихой, которое, по существу, было, конечно, совершенно случайным (ибо случайно к моменту образования В.-Р.К-та подвернулся революционно настроенный казачий полк), как мы позже узнали, в Новочеркасске произвело страшный переполох, так как говорило о величайшей организованности В.-Р.К., который едва только сформировавшись, уже через два часа мог производить такие крупные действия, как занятие такого значительного участка ж. д. пути от Каменской до Лихой и Зверева*).

По совету Мандельштама В.-Р.К. решил немедленно послать делегацию в Москву для переговоров с Советским Правительством. Делегаты были намечены; причем мы старались воздействовать на Подтелкова и Кривошлыкова в том смысле, чтобы они в качестве делегатов посылали толковых казаков, но таких, присутствие которых на месте не требовало необходимости, и категорически возражали против того, чтобы Подтелков, Кривошлыков или Дорошев в это время оставили Каменскую для пе-

*) Участок от Чертково до Зверева в 150 верст. **И. Дорошев.**

реговоров с Москвой, которые, по существу, ничего кроме агитационного значения иметь в данный момент не могли.

Утром В.-Р.К. решил устроить митинг и на этом митинге об'яснить каменским жителям смысл и значение совершившегося переворота. Переворот этот ударил всех своей неожиданностью. Многие жители, выйдя утром на базар, с тревогой слышали сообщение о том, что Каменская занята большевиками, причем откуда взялись эти большевики, совершенно не могли себе представить, не понимая, что этими большевиками являются казаки Каменского с'езда фронтовиков.

При помощи колокольного звона было устроено собрание на Базарной площади. На этом собрании выступил Подтелков с очень толковой и тактичной речью, заявляя, что власть перешла в руки Военно-Революционного Комитета, что В.-Р.К. не состоит из каких-нибудь неизвестных большевиков, а состоит из таких же казаков, которые решили договориться с большевиками, договориться с Советской Властью о том, чтобы избежать кровопролития и о том, чтобы с возможно меньшими жертвами и затруднениями разделаться с контр-революцией, которая свила себе гнездо в Донской области и втягивает казачество в кровопролитную авантюру.

Речь Подтелкова произвела очень сильное впечатление, хотя, конечно, большинство присутствующих совершенно было ошеломлено этими сообщениями и вряд ли сочувственно встретило сообщение о перевороте. Выступление Мандельштама сопровождалось инциндентами. Казаки, вообще настроенные очень антисемитично, встретили появление Мандельштама очень недружелюбно со всякими антисемитскими выкриками. Но ему удалось в своей речи загладить первоначальное неблагоприятное впечатление. Этот митинг и та резолюция, которая была принята там, была как бы санкцией населения Каменской на переворот.

Мы, конечно, не преувеличивали значения происшедших событий, знали, что предстоит еще очень большая упорная борьба, что в этой борьбе казакам революционерам понадобится помощь советских войск, понадобится помощь Красной Гвардии, но чувствовали, что тот перелом, который произошел в среде трудовых элементов казачества и начало которого было положено по инициативе казаков-фронтовиков, этот перелом должен окончательно выбить фронтовиков из под ног Войскового Правительства.

С. И. Сырцов.

ДО И ПОСЛЕ УХОДА ИЗ РОСТОВА*).

2-го декабря я дежурил в «Марсе». С утра были получены известия, что Войсковой круг, открывшийся в это время в Новочеркасске «благословил» наступление Каледина на Ростов и с фронта начали приходить сведения, что казаки повели решительное наступление. На совещании Военно-Революционного Комитета было постановлено о переводе штаба на яхту «Колхида». Туда же отправился и командующий т. Арнаутов. В Ревкоме я остался один. Все время с фронта приходят известия о наступлении казаков на Ростов со стороны Нахичевани. Несколько раз городской голова, меньшевик Петренко звонил мне по телефону с просьбой о снятии красного флага с городской Управы и отзыве отряда красногвардейцев с телефонной станции, на что я ответил ему категорическим отка-

*) Авторизованная запись беседы. **Редакция.**

Экстренный выпускъ № 7.

Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!

ИЗВѢСТІЯ Революціонныхъ Войскъ

Цѣна 5 коп.

Никитовка, Южн. ж. д. Донецкаго Бассейна. Телефонъ Рутштейна

Вторникъ 26 Февраля 1918 года.

Изданіе Штаба Народнаго Комиссар по борьбѣ съ Контр революціей

Распоряженіе Народнаго Комиссара по борьбѣ съ контръ-революц.

Всѣмъ военнымъ комитетамъ и всѣмъ революціоннымъ организаціямъ, точно руководствоваться распоряженіемъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ для безпощаднаго подавленія контръ-революціи организуя всѣ революціонныя силы и всѣ средства для спасенія нашего соціалистическаго отчества Республики Совѣтовъ Рабочихъ и бѣднѣйшаго Крестьянства

Немедленно принять мѣры къ разоруженію буржуазныхъ элементовъ, къ организаціи соціалистичекой арміи

Рабочіе рудниковъ и заводовъ необходимыя для продолженія производства, должны остаться на мѣстахъ при работѣ

Военноплѣннымъ совершенно воспрещается выѣздъ по направленію къ сѣверу неподчиняющіеся будутъ разсматриваться какъ шпіоны

Комендантамъ станцій принять соотвѣтствующія мѣры подъ страхомъ революціонной отвѣтственности

Народный Комиссаръ АНТОНОВЪ.

Воззваніе Сов. Народныхъ Комиссаровъ.

Отъ 21 Февраля 1918 г.

Соціалистическое отечество въ опасности!

Чтобы спасти изнуренную и истерзанную страну отъ новыхъ военныхъ испытаній, мы пошли на величайшую жертву и объявили нѣмцамъ о нашемъ согласіи подписать ихъ условія мира

Наши парламентеры 20 февраля вечеромъ выѣхали изъ Рязани въ Двинскъ и до сихъ поръ нѣтъ отвѣта. Нѣмецкое правительство очевидно медлитъ съ отвѣтомъ, оно ясно не хочетъ мира, выполняя порученіе капиталистовъ всѣхъ странъ.

Германскій милитаризмъ хочетъ задушить русскихъ и украинскихъ рабочихъ и крестьянъ, вернуть земли помѣщикамъ, фабрики и заводы банкирамъ, власть монархіи, германскіе генералы хотятъ установить свой порядокъ въ Петроградѣ и Кіевѣ.

Соціалистическая Республика Совѣтовъ находится въ величайшей опасности до того момента, какъ поднимется и побѣдитъ пролетаріатъ Германіи. Священнымъ долгомъ рабочихъ и крестьянъ Россіи является безпощадная защита республики совѣтовъ противъ полчищъ буржуазіи имперіалистической Германіи. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ постановляетъ:

1. Всѣ силы и средства страны цѣликомъ представляются на дѣло революціонной обороны.

2. Всѣмъ Совѣтамъ и революціоннымъ организаціямъ вмѣняется въ обязанность защищать каждую позицію до послѣдней и капли крови.

3. Желѣзнодорожныя организаціи связанныя съ ними совѣты, обязаны всѣми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратомъ путей сообщенія, при отступленіи уничтожить пути, взрывать и сжигать желѣзнодорожныя зданія, весь подвижной составъ, вагоновъ и паровозовъ немедленно направлять на востокъ въ глубь страны

4. Всѣ хлѣбныя и вообще продовольственные запасы, а равно всякое цѣнное имущество, которому грозить опасность попасть въ руки врага должны подвергнутся безусловному уничтоженію. Наблюденіе за этимъ возлагается на мѣстные совѣты подъ личною отвѣтственностью ихъ предсѣдателей

5. Рабочіе и крестьяне Петрограда, Кіева, всѣхъ городовъ, мѣстечекъ, селъ и деревень по линіи новаго фронта должны мобилизоваться. Въ эти баталіоны, должны быть включены всѣ работоспособные члены буржуазнаго класса, мужчины и женщины подъ надзоромъ красногвардейцевъ. Сопротивляющихся разстрѣливать.

6. Всѣ изданія противодѣйствующія дѣлу революціонной обороны и становящіяся на сторону нѣмецкой буржуазіи, а также стремящіяся использовать нашествіе имперіалистическихъ полчищъ—въ цѣляхъ свержения Совѣтской власти закрываются. Работоспособные редакторы и сотрудники этихъ изданій мобилизуются для рытія окоповъ и другихъ оборонительныхъ работъ

7. Непріятельскія агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контръ-революціонные агитаторы и германскіе шпіоны разстрѣливаются на мѣстѣ преступленія

Соціалистическое отечество въ опасности!

Да здравствуетъ соціалистическое отечество!

Да здравствуетъ международная соціалистическая революція!

Германскія условія мира.

ХАРЬКОВЪ Радіостанція 23—II Германія возобновляетъ мирные переговоры съ Россіей и заключитъ миръ на нижеслѣдующихъ условіяхъ

1. Германія и Россія провозглашаютъ прекращеннымъ состояніе войны. Обѣ націи убѣждены, что въ дальнѣйшемъ они будутъ жить въ мирѣ и дружбѣ

2. Мѣстности, лежащія къ Западу отъ указанной въ Брестъ-Литовскѣ русскими представителями, линіи, принадлежавшія ранѣе Россіи, не подлежатъ больше территоріальному протекторату Россіи. Въ районѣ Двинска эта линія должна быть передвинута до восточной границы Курляндіи больше къ Россійскому Государству. Ни одна изъ указанныхъ мѣстностей не повлечетъ за собой никакихъ обязанностей съ ихъ стороны по отношенію къ Россіи. Россія отказывается отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла этихъ мѣстностей. Германія и Австро-Венгрія намѣреваются опредѣлить будущую участь этихъ мѣстностей съ согласія ихъ населенія. Германія готова, послѣ всеобщаго заключенія и полнаго проведенія русской демобилизаціи, очистить всѣ, лежащія къ востоку отъ вышеозначенной линіи, мѣстности постолько, поскольку изъ параграфа 3-го не слѣдуетъ чего либо другого.

3. Лифляндія и Эстляндія очищаются отъ русскихъ войскъ и Красной Гвардіи и замѣняется германской полиціей вплоть до тѣхъ поръ пока устройство страны гарантируетъ намъ общественной безопасности и государственнаго порядка. Всѣ жители, арестованные по политическимъ основаніямъ должны быть немедленно освобождены

4. Россія заключитъ миръ съ Украинской Народной Республикой. Украина и Финляндія незамедлительно очищаются отъ русскихъ войскъ и Красной Гвардіи.

5. Россія по мѣрѣ своихъ силъ сдѣлаетъ все, что бы немедленно обезпечить Турціи планомѣрное возвращеніе ей восточныхъ Анатолійскихъ границъ, признаетъ отмѣну турецкой капитуляціи.

Полная демобилизація русской арміи вплоть до вновь образованныхъ теперешнимъ правительствомъ частей должна быть проведена незамедлительно.

7. Русскія военные суда въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ и Ледовитомъ океанѣ должны быть немедленно переведены въ русскія гавани и оставлены тамъ до всеобщаго заключенія мира, либо дезорганизованы. Военныя суда Атланты, находящіеся въ сферѣ русской власти, должны разсматриваться, какъ русскіе суда въ торговомъ плаваніи въ Черномъ и Балтійскихъ моряхъ, возобновленномъ, какъ это было предусмотрѣнно въ договорѣ при перемиріи. Очистка отъ минъ начинается немедлено. Блокада Ледовитаго Океана до заключенія всеобщаго мира остается.

8. Русско-Германскій торговый договоръ 1904 г. вступаетъ въ силу, какъ это указано въ § 11 пунктѣ 2 мирнаго договора съ Украиной за исключеніемъ предусмотрѣнныхъ въ параграфѣ 11 пункта 3 торговаго договора. Изъ особенныхъ привиллегій по отношенію къ азіатскимъ странамъ далѣе возстанавливается первая часть заключительнаго протокола, къ тому присоединяется гарантія свободы вывоза руды, незамедлительное начало переговоровъ о заключеніи новаго торговаго договора, гарантія наибольшаго благопріятнаго минимума до 1925 года даже въ случаѣ окончанія провизоріума и наконецъ утвержденіе соотвѣтствующихъ параграфовъ 11 пунктовъ 3 го и 4-го и 1 го и 5 го мирнаго договора съ Украиной

9. Правовыя и политическія отношенія регулируются на основахъ рѣшенія перваго чтенія нѣмецко-русской конвенціи поскольку рѣшеніе еще не принято, особенно возмѣщенія гражданскихъ предложеній. Возмѣщеніе расходовъ на военноплѣнныхъ на основаніи русскаго предложенія, Россія допуститъ и по мѣрѣ силъ поддержитъ германскія комиссіи о военно плѣнныхъ, гражданскихъ лицахъ и бѣженцахъ.

10. Россія обязуется прекратить всякую правительственную или правительствомъ поддержанную агитацію и пропаганду противъ правительства четвернаго союза, государственныхъ и военныхъ учрежденій даже и въ мѣстностяхъ, занятыхъ Центральными державами.

11. Вышеозначенныя условія должны быть приняты въ продолженіе 48 часовъ. Русскіе уполномоченные должны немедленно отправиться въ Брестъ-Литовскѣ и тамъ въ продолженіи трехъ дней подписать мирный договоръ, имѣющій быть ратифицированъ въ двухнедѣльный срокъ.

Берлинъ 21 Февраля 1918 г.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Фонъ Кюльманъ.

Генералъ Лейтенантъ и Главнокомандующій арміей отдѣленіемъ «А»

зом. В это же время я вызвал по телефону командира отряда, находившегося на телефонной станции, с указанием, чтобы он ждал особого моего распоряжения о времени ухода. Когда же было сообщено, что казаки уже находятся на границе между Ростовым и Нахичеванью мною было сделано распоряжение об оставлении телефонной станции и отправке отряда на «Колхиду». Тогда и я бросил Ревком и отправился на «Колхиду».

Подойдя к берегу Дона, мы увидели, что «Колхида» с черноморскими траллерами уже отчалила от берега.... Оставшиеся на берегу несколько матросов достали под угрозой буксир и я с товарищем Зубковой, также застрявшей в «Марсе», (до конца работавшей по хозяйственной части в Ревкоме), совместно с матросами отправились догонять своих на буксире. В это время со стороны города неприятель открыл по Дону огонь. Тов. Зубкова растерялась и стала проситься в город. Мы вынуждены были на встретившейся нам по дороге лодке причалить к берегу. В это время город был уже окончательно занят казаками. Они раз'езжали по улицам с обнаженными шашками и с винтовками на перевес. Я попрощался с т. Зубковой и окраинными улицами пробрался к себе на квартиру.

Придя домой утомленный, я лег спать. Вечером ко мне пришли переодетые т. Решетков и, погибший в 1918 году, т. Равикович. Мы стали обсуждать создавшееся положение и решать вопрос, что нам делать.

Для того, чтобы узнать, что творится в городе, мы решили отправить т. Решеткова. Но для того, чтобы ему выйти из дома, мне пришлось встать в домовую охрану, которую к этому времени сорганизовали обыватели. Вдруг около моего дома появился небольшой отряд казаков. Наблюдаю за ними. Они рассматривают номера домов. Я думал, что они, по всей вероятности, разыскивают мою квартиру и немедленно предложил товарищам спрятаться в доме; сам же остался у ворот. Но оказалось, что тревога была напрасной,—казаки искали находящийся невдалеке склад с фуражем. После этого небольшого инцидента, мы решили разойтись, а на завтра встретиться на квартире Зубковой.

На следующий день мы все собрались у Зубковой. Сидели и обсуждали план действий. Вдруг весь двор окружили казаки и начали повальный обыск. Нам об этом немедленно сообщили; мы спрятали все, что могло нас так или иначе выдать: оружие отдали сестре Зубковой. Но и эта тревога оказалась напрасной. Казаки по каким-то причинам в нашу квартиру и не заглянули. На этот раз мы тоже ни к чему не пришли, никаких планов действий не выработали. На третий день занятия города казаками я, как секретарь союза металлистов, отправился в союз. В этот же день я еще раз встретил своих товарищей и решил отправиться в Таганрог.

Мне достали билет, и я вечером отправился по Екатерининской ж. д. Поезд был переполнен, и я вынужден был устроиться на площадке. Вдруг вижу около вагона проходит с винтовкою один юнкер, которого в ноябрьские дни мы захватили в плен и чуть было не расстреляли, но по моему и т. Сырцова предложению, он был посажен только в тюрьму. Тут-то только я пожалел, что мы его оставили в живых. В вагоне была произведена проверка документов и тщательный обыск у пассажиров. У меня все прошло благополучно. До самой станции Гниловской мы ехали с вооруженной охраной. Дальше она была снята.

Приехав благополучно в Таганрог, я отправился в местный Военно-Революционный Комитет. Дверь в Ревком оказалась наглухо закрытой, я начал стучать... Какой-то солдат открыл мне и сообщил, что «все ушли

уже два дня тому назад». Утомленный, я решил отдохнуть у него. В разговоре с ним выяснилось, что Таганрог занял Назаров. Никакого сопротивления с нашей стороны ему не было оказано.

Видя, что в Таганроге делать нечего, я не другой же день отправился в Харьков. Там я нашел своих ростовцев— Васильченко, Жакова, Крылова, Ченцова и Веселовскую. Стали обсуждать, как направить свою работу по борьбе с Калединым и скорейшему освобождению Дона от Калединщины. Часть товарищей, как например, Васильченко и Жаков, втянулись в местную работу, другая,—в том числе и я, отправилась в штаб т. Антонова-Овсеенко, в то время чрезвычайного комиссара по борьбе с контр-революцией на Юге России, организовывавшего отряды и ими командовавшего против Каледина.

По предложению т. Васильченко, было решено отправить к рабочим Ростова листовку:—«Мы еще придем»! Васильченко ее и написал; она была подписана шестью членами Донского Областного Военно-Революционного Комитета, находившимися в Харькове. Транспортировать ее в Ростов согласилась т. Антонова-Чалая.

В штабе т. Антонова-Овсеенко я сначала работал по финансовой части. Затем мне предложили организовать фронтовую газету. Для этой работы я пригласил т. Веселовскую и т. Фролова. Вместе с ними отправились на станцию Никитовку. Реквизировали бумагу и первую попавшуюся типографию и приступили к выпуску «Известий Революционных Войск». Газета обслуживала не только наши красногвардейские отряды, но и весь местный шахтерский район, так как там больше никаких газет не издавалось. Тираж ее доходил до 5000 экземпляров. Было выпущено 5—6 номеров, так как, по занятии Ростова, она прекратила свое существование. И мы из Никитовки все переехали в Ростов. Руководство борьбой с Калединым вообще находилось в руках т. Антонова-Овсеенко. Его части состояли, главным образом, из шахтеров и местных крестьян; частью же из фронтовиков, большинство которых все же раз'езжалось по домам, будучи деморализованными на фронте.

П. Блохин.

КАК МЫ БОРОЛИСЬ ПРОТИВ КАЛЕДИНЩИНЫ.

После отступления из Ростова атмосфера еще более сгустилась, положение в городе оставалось неопределенное. Классовая борьба не ослабла, а достигла еще большей остроты.

Выбрался я из Ростова 2-го декабря, в Батайске встретил несколько товарищей, среди которых были т.т. Ставский, Ружанский, Симонов.

К вечеру в Батайск из Ростова прибыл эшелон кубанских казаков с фронта, которые своим прибытием натолкнули на целый ряд размышлений о причинах отправки из Ростова крупной боевой единицы.

По пути мы выяснили, почему Каледин отправил этот эшелон из Ростова. Настроение кубанского казачества можно было кратко формулировать так: «Домой! К сохе. К мирной работе».

Это говорило нам о том, что идея разгрома Советов среди фронтового казачества не встречает сочувствия, а потому Каледину предпринять что-либо серьезное не удастся.

Прибыв в Тихорецкую, мы разбились на несколько групп. Часть осталась в Тихорецкой, другая двинулась в Белую-Глину (Ставропольской губ.), куда отправились наши красногвардейские части и где находилась 39 дивизия.

В дивизии уже работал т. Турло и другие, направляя все свои силы к тому, чтобы убедить солдат 39 дивизии в необходимости поддержки ростовских рабочих путем выступления против Каледина.

Дивизия нашей агитацией была воспитана основательно, но двинуть сразу ее в борьбу с Калединым не удалось. Нужен был удобный случай, который бы убедил солдат, что если они не выступят, то тех завоеваний, которые удалось уже достигнуть рабочему классу и крестьянству не видать. Такой случай не заставил себя долго ждать.

Добровольческие части в тот момент, когда солдаты еще колебались, боясь их выступления, решили обезоружить дивизию и из-под самого носа увезли и сняли замки с орудий.

Этот случай убедил солдат в необходимости борьбы с Калединым, и участие с нами 39 дивизии было предрешено.

Так как ожидать выступления было еще долго, да и к тому мне оставаться там без дела было незачем, мы группой решили с Белой-Глины отправиться в Царицын, откуда предполагалось, по нашим сведениям, наступление на линии Лихая—Ростов и где развертывал свою деятельность наш Военно-Революционный Комитет.

Царицын был настолько воинствен, что говорить о возможности нашего поражения не приходилось.

Царицынские рабочие, испытавшие на своих плечах прелести белогвардейщины в лице карательных экспедиций, стойко стояли за Советскую власть, их ответом на выступление Каледина было усиленное формирование отрядов Красной Гвардии для должной встречи наступление Каледина.

Положение прибывших рабочих из Ростова было черезвычайно скверное, отсутствие средств, помещения, неимение одежды при морозах, все это плохо на них отразилось.

Военно-Революционный Комитет также не имел средств и не мог развернуть достаточно широко заботы и помочь, прибывшим вместе с ним, рабочим. Царицынские товарищи сумели поднять дух и поддержать материально прибывших товарищей.

В Царицыне мне пришлось пробыть недолго: по поручению тов. Френкеля, я поехал с письмом в Саратов (письмо было адресовано не то Антонову, не то Васильеву).

Настроение среди Саратовцев также было в пользу Советской власти и многие из них горели желанием померяться силами с белогвардейцами.

Выполнив поручение, я отправился в Воронеж, так как туда должен был приехать Френкель и уже там находился ранее выехавший туда Сырцов, которые организовывали прибывших с Дона рабочих, развертывали агитацию среди крестьянства и казачества за Советскую власть.

Ежедневно с Дона десятками прибывали шахтеры, которые испытали на своих плечах жестокость отрядов есаула Чернецова, требовали от Военно-Революционного Комитета немедленной дачи оружия для борьбы с Калединым.

Прибывающие шахтеры направлялись в помещение одной школы, отведенной для этой цели Воронежским Советом, там они обмундировывались; всех их обучали самым элементарным военным приемам, формировали в отряды и отправляли на поддержку нашим частям. Нужно было видеть, с каким энтузиазмом эта масса готовилась к схватке с калединскими башибузуками.

Положение было в общем таково: рабочие были на стороне Советской власти, крестьянство Донской области также в своем большинстве находилось на стороне Советской власти.

Оставалось одна опора у Каледина—это коренное население, казачье, но и среди этой части казачества дело обстояло не совсем благополучно для Каледина.

Экономическое неравенство и в казачьем землевладении, когда лучшие земли в южной части области, округах Черкасском и Донском принадлежали казачьим помещикам, а худшие в северной части области, округах Усть-Медведецком и Хоперском рядовому казачеству,—это неравенство порождало вражду и обостряло классовое и сословное противоречие среди казачества, толкая беднейшую часть на путь активной борьбы с помещиками. Особенно резко разбилось казачество на два лагеря,—молодое или фронтовое казачество, прибывшее на Дон с фронта, испытавшее все прелести империалистической бойни и уже затронутое нашей агитацией, и старое казачество, не видевшее прелестей имериалистической бойни, идущее со своими атаманами и старыми порядками управления и видевшее в атаманах единственную силу, могущую управлять государственным механизмом.

Таково в общих чертах было общественное соотношение сил на Дону в начале 1918 г.

Недовольство против Каледина среди молодого казачества, крестьянства и рабочих росло. Опоры среди широких масс Дона Каледин не имел, но в то же время и мы не имели организации, об'единяющей все недовольные политикой Каледина силы для общей борьбы.

Задачу организации всех сил и об'единения их взял на себя Военно-Революционный Комитет, назначивший в первых числах января 1918 г. в Воронеже с'езд рабочих, крестьян и казаков Донской области.

Намеченный с'езд, благодаря малочисленности прибывших делегатов, не состоялся, а было устроено совещание с'ехавшихся делегатов.

Горячую речь на совещании произнес приезжавший из Москвы тов. Мандельштам; из делегатов остались в памяти т.т. Щаденко, Иванов и Ермилов.

В то время в Каменской был созван казачий с'езд из стоящих казачьих фронтовых частей, и все делегаты Воронежского совещания прибыли на с'езд в ст. Каменскую, где был образован Военно-Революционный Казачий Комитет; в него вошли—Подтелков, Кривошлыков, Дорошев Ипол. Власть Каледина была об'явлена свергнутой, Войсковой Круг—распущенным.

После от'езда тов. Сырцова, в Воронеже остался тов. Френкель. Через короткое время я выехал в Каменскую, прибыл туда и тов. Френкель.

Очень интересно отметить один случай, имевший место во время нашего пребывания в Воронеже.

В общежитии, где помещались шахтеры, находились и товарищи Цеймах, Абросимов Василий, Орлов—все ростовцы. В школе находился и цейхгауз, где хранилось обмундирование. Раз ночью Абросимов и Орлов открыли отмычками замки, связали все вещи в простыню, вынесли во двор и уже готовились вынеси их на базар, но случайно вышедшая во двор тов. Цеймах помешала краже вещей. Утром кража была обнаружена. Абросимов бежал на Дон. Впоследствии, во время занятия в 1918 г. Ростова нашими частями, он присылал тов. Френкелю письмо с раскаиванием о своем проступке; но он к работе тогда допущен не был. В 1919 г. Абросимов работал в подполье и выдал всю подпольную Донскую организацию, в том числе двух своих родных братьев.

Этот случай с Абросимовым в Воронеже ярко характеризует подлость этого человека, уже в 1918 г. подававшего надежды на провокаторскую роль.

В Каменской я работал с тов. Сырцовым по организации ДСНХ. В аппарате работали, кроме тов. Сырцова, который был на правах заведывающего, один агроном, машинистка и я, работавший как управделами.

Работать приходилось нашим товарищам по 20 часов в сутки. Часто, приходя со станции, тов. Сырцов садился за стол работать и засыпал тут же над столом.

В скором времени был занят нашими частями г. Новочеркасск. Военно-Революционный Комитет перехал из Каменска в Новочеркасск.

В Новочеркасске мы занялись разборкой материалов Экономического Совещания, председателем которого был Парамонов. Очень характерно одно отношение, присланное на имя председателя Экономического Совещания Парамонова председателем городского самоуправления, меньшевиком—Петренко, просившим Парамонова притти для обсужденя вопроса о ликвидации безработицы.

Из остальных моментов характерно отметить допрос тов. Сырцовым и Френкелем полковника Грузинова, бывш. командующего Московским Военным Округом и Иоля, заведывающего Агитационно-Пропагандистским Отделом у Каледина, француза, свободно говорившего на нескольких иностранных языках и державшего себя во время допроса с большим достоинством и нахальством. На задаваемые вопросы Иоль отвечал с иронией.

После допроса, их было поручено караулу отвести на гауптвахту, где содержались все арестованные, а меня т.т. Сырцов и Френкель попросили сопровождать вместе с караулом их до гауптвахты.

Я взял винтовку, у них на глазах щелкнул несколько раз затвором, поставил на боевую и вместе с караулом вышел на улицу. До самой гауптвахты полковник Грузинов вертелся, как белка, ежеминутно оглядывался назад, предполагая, что его сейчас же расстреляют. Доведя до гауптвахты и сдав их караулу, я направился обратно. За мою выходку с винтовкой мне тогда попала от тов. Сырцова.

Через некоторое время Военно-Революционный Комитет переехал в Ростов; калединцы отступили в Астраханские степи.

Калединщина была побеждена и Советская Власть восторжествовала.

С. Зубов.

БОРЬБА НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ.

Безморозное, кислое, снежное утро 2-го декабря 1917 г. принесло с собой такое же скверное, подавленное настроение в революционные массы. Уже с утра мы знали, что фронт наш слабеет, что успехи на стороне противника, что удержать натиска не удастся. Донесения поступали неутешительные.

Нервность Ревкома и ответственных товарищей явно выражала неуспех и это отлично видели окружающие нас враги, которые с явным нахальством показывались на улицах и у здания «Марса».

В «Марсе» и на «Колхиде» шли экстренные совещания, изыскивались все мероприятия и способы отразить натиск врага, давались ответственные и решительные поручения, напрягались невероятные усилия.

Буржуазия группами собирается на Садовой ул. и о чем-то горячо рассуждает. Я, как комиссар политической охраны порядка в городе, разгоняю буржуев, но не успеваю проехать и квартала, как они вновь уже группируются. Видно было, что буржуазия чувствует нашу слабость и потому вызывающе держит себя по отношению охраны, чего не наблюдалось в прежние дни.

Наступление калединцев ожидалось со стороны Нахичевани и, как последний отпор, на границе Ростова—Нахичевани были поставлены баррикады, где и ожидалось последнее сражение.

Приблизительно около двух часов дня белые подошли с севера и вступили в город в районе Большого и Таганрогского проспектов.

Первым делом набросились на градоначальство на угл. Скобелевской и Таганрогского, где никого не нашли.

Затем казаки, руководимые офицерством, знавшим, очевидно, расположение города и адреса учреждений, набрасывались на эти учреждения с целью захвата их руководителей. Неожиданное вступление калединцев с севера дало им возможность проникнуть в город без сопротивления, и нашим товарищам, оказавшимся в одиночестве или в слабых группах, пришлось бросать оружие и прятаться по домам.

Еще до наступления вечера по городу стали носиться слухи, что вступившие войска Каледина беспощадно расправляются с большевиками и рабочими, расстреливая их на месте. Эти слухи подтверждались следующими фактами: по Таганрогскому пр. около винного склада и против богадельни лежали два трупа рабочих. У Пушкинского бульвара против городской ротонды был убит какой-то студент. Дальше видели еще трупы.

Уже к вечеру того же дня было известно, что штаб полковника Шебуева, расположившийся на вокзале, вел беспощадные расстрелы на Темернике, на Новом Поселении и на вокзале, куда доставляли арестованных по подозрению в большевизме.

С первого же момента вступления стали производиться обыски на квартирах. С наступлением же темноты эти обыски приняли массовый характер, и при тихой зимней погоде явственно слышались отдельные выстрелы наганов и винтовок, которые чаще всего доносились с вокзала и Темерника.

Эти зверские действия сразу показали, что у власти стал палач, который решил выместить свою злобу против трудового народа.

Власть рабочих до этого никаких расстрелов не производила, и в «Марсе», а также и на «Колхиде», где содержались арестованные контрреволюционеры, не было ни одного случая подобных действий.

Ночь со 2-го на 3-е декабря 1917 г. проходила напряженно, тревожно. По городу часто повторялись отдельные выстрелы, в квартирах большевиков шли повальные обыски, наглость пьяного офицерства переходила всякие границы.

Я в эту ночь спрятался в казарме 69 военного госпиталя на Скобелевской ул., где госпитальная команда дала мне свой приют. Здесь я был спокоен, что меня не выдадут. Революционная команда относилась ко мне с большим уважением.

В моей квартире по Сенной № 36 был ночной обыск, дом был оцеплен большим патрулем, а в квартиру вошли несколько полупьяных офицеров, предъявившие требования «выдать или указать местопребывание комиссара Чеботарева».

Семья в страшном испуге не знала, что отвечать, и заявила, что в течение трех дней она меня не видела и, где я, не знает. Посыпалась ругань, угрозы...

Деревенская старушка-мать, 80-тилетняя старуха, не видевшая в жизни подобных трюков, осмелилась заявить пьяному штабс-капитану, что сына, мол, не было дома уже три дня.

— «Врешь, старая ведьма», — крикнул офицер и наотмашь ударил ее рукояткой нагана по голове. Старуха упала на пол с разбитым виском. 12-ти летний сынишка, видя избитую беспомощную бабушку, поднял истерический крик. Жена в отчаянии должна была, скрепя сердце, сопровождать палачей по комнатам и открывать им столы, шкапы, сундуки и т. п. Не найдя меня, полупьяная орда офицеров, забрала из письменного стола все бумаги, взяла охотничье ружье с принадлежностями, революционную литературу и ушла.

Как-бы предчувствуя что-то неладное, я послал утром на квартиру узнать, все ли благополучно. Через полчаса надзиратель мне сообщил, что в квартире были «гости», и «натворили делов»... Иду домой и застаю кошмарную картину.

То, что я видел вызывало во мне бурю ненависти и проклятий. Зову членов домового комитета и требую об'яснить, как это все случилось и кто из них был свидетелем этого варварского произвола. Оказывается, что член комитета не приглашался, а при появлении не был допущен. Еще более возмущенный, я требую, чтобы домовой комитет отправился со мною в штаб калединцев для об'яснений, на каком основании разгромлена моя квартира и убита невинная мать. Допустимо ли подобное зверство?

Пришли на вокзал в штаб полковника Шебуева. У дверей канцелярии много ожидающих граждан, офицеров. Среди них в сторонке стоит полковник Иванов, разговаривающий с каким-то молодым офицером. Заметив меня, дьявольски измерил меня с ног до головы и иронически обратился:

— «Ну, что. Заведывать пулеметными командами? Расстреливать господ офицеров, производить обыски,—а теперь пожаловали сюда... Интересно, по какому делу».

— «Мы расстрелами не занимались. Это дело ваших рук. У меня лежит такая жертва в квартире».

С пеной у рта крикнул он казакам:

— «Отведите его к вагонам»...— и три казака нерешительно подошли меня взять к «вагонам».

Предчувствуя расправу, я начал кричать:

— «Где-же власть? Где-же закон и справедливость? Неужели вы вправе так распоряжаться чужой жизнью без допроса и суда?... Это произвол. Это варварство».

— «Ведите», повторил полковник Иванов, и казаки подошли ко мне вплотную...

В это время открылась дверь канцелярии и оттуда вышел человек в казачьих погонах полковника.

— «В чем дело? Что за шум»? — обратился он.

— «Меня отправляют к вагонам без всякого допроса и суда. Я понимаю, что это значит к «вагонам». Неужели власть не считается ни с какими законами человечности»,—возмущенно кричу я.

— «Кто вас отправляет»?

— «Полковник Иванов, бывший полициймейстер Ростова»...

Иванов, взяв руку под козырек, говорит:

— «Это, известный большевик, комиссар, с которым нечего нянчиться допросами, г. полковник».

— «Ну, хорошо, мы его допросим»,—проговорил Шебуев и приказал итти в канцелярию штаба, где и поручил другому офицеру произвести допрос.

Допрос продолжался более двух часов. Офицер старался узнать об участниках Военно-Революционного Комитета, о «Колхиде», о руководителях фронта, об арестах и расстрелах и т. п. Я отвечал на большинство вопросов незнанием, офицер начал грозить:

— «Вы, явно, уклоняетесь отвечать по существу, а потому должен вас предупредить, что это усугубляет вашу вину и вы за это ответите больше, чем за комиссарство».

— «Я это знаю»,—отвечаю ему,—«но не могу же я вам говорить того, чего не знаю».

— «Как вы могли стать комиссаром, если не принадлежали к организации большевиков».

— «Очень просто», — отвечаю я,—«в такой кошмарный момент мог каждый предложить свою инициативу и, если она не противоречила взглядам Революционного Комитета, значит каждый мог принять какое-то участие, не будучи большевиком. Я взял на себя инициативу, исключительно, по охране гражданского населения и по недопущению грабежей».

— «Каковы были ваши отношения к Ревкому»?

— «Почти аполитичны и я подчинялся ему постольку, поскольку это касалось охраны города. Здесь был только один контакт работы, не больше».

— «А по чьей инициативе производились ваши расстрелы офицеров».

— «Впервые слышу..... Это выдумка злых людей... Производились расстрелы уголовных разбойников — этого не отрицаю. Политических расстрелов не было».

— «А у нас есть заявления, факты».

— «Проверьте и вы убедитесь, что они ни на чем не основаны».

— «Кто может подтвердить о вашей деятельности и непричастии к Революционному Комитету и большевикам»?..

Этот вопрос, как будто бы решал мою участь и поэтому я решился сослаться на таких лиц, которые в глазах калединцев пользуются высоким политическим авторитетом:

— «Могут подвердить: Председатель Донского Комитета С.-Д. Р. П.— Васильев, *) местный гр. Колотилов, домовой комитет моей квартиры и другие».

— «Хорошо»,—понизив тон, говорит офицер,—«вы можете это изложить письменно»?

— «Конечно, могу»,—отвечаю ему, после чего мне предложено было написать. Я изложил это в форме моих показаний, отрицая, что я большевик, что к Революционному Комитету никакого отношения не имею, что комиссарство выполнял по личной инициативе и нес обязанности в контакте с Ревкомом и Городской Думой, а в конце указал на вышеприведенных лиц, которые якобы подтвердят изложенное.

Передавая заполненную бумажку, я обратился с просьбой выслушать мою жалобу, с которой я туда явился. Офицер выслушал и с целью отделаться от дальнейших разговоров, заявил:

---

*) Один из лидеров Ростовских меньшевиков. **Ред.**

— «Укажите нам фамилии тех офицеров, которые производили у вас обыск, тогда дело разберем».

После этого он переговорил с Шебуевым и меня при записке отправили арестованным в комендатуру (в дом «Проводника»). Здесь я встретил в качестве секретаря или адьютанта, знакомого прапорщика—Богоявленского, который был со мною в Совете Рабочих, Солдатских и Офицерских депутатов. Узнав о моем положении, он дал мне возможность уйти до отправления под арест.

Таким образом, я сумел обойти своих врагов и вырваться из их варварских рук, где, несомненно, меня ожидала расправа, по примеру других.

Штаб полковника Шебуева, прибывший в Ростов 2-го декабря 1917 года, свирепствовал как лютый зверь: офицерство в трезвом, а больше в пьяном виде, уничтожало рабочих даже по одному подозрению. Вакханалия расстрелов открылась во всю ширь. Такой произвол появился в Ростове впервые. Наибольшее число жертв от него понес Темерник. Офицерство чувствовало себя полным хозяином положения.

В январе месяце 1918 г. я получил от 69 военного госпиталя фиктивное удостоверение на командировку в Армавир. Удостоверение было на имя Михаила Куракинского. Поездка была намечена в Царицын.

Приезжаю на первую узловую станцию Тихорецкую и сразу мне представилась полная контрастов картина: там пьяный разгул, расстрелы, —здесь революционный котел кипел. Революционный Комитет, под председательством тов. Максимова, вел свои беспрерывные заседания. Рабочие железнодорожных мастерских проводили митинги, записывались на фронт, вели агитацию и т. п.

Иду в какой-то цех на митинг и там встречаю руководителя митинга т. Меньшикова, быв. рабочего ростовских мастерских, которого я знал. Далее встречаю т. Равиковича, быв. секретаря ростовского Ревкома, который подробно знакомит меня со всей обстановкой дела. Тут же познакомились с т. Автономовым, назначенным командовать войсками Юго-Восточной Революционной армии на Кавказе. Спрашиваю:

«Где же ваша армия и велика ли она?»

«Пока наша армия состоит из надежд и из 5—6 чел. руководителей, именуемых штабом»,—с улыбкой отвечает т. Автономов.

«Как же так»?—в недоумении спрашиваю его.

«Мы сейчас только в периоде организации, а через несколько дней будем иметь сильную армию,»—уверенно заявил он.

По предложению т. т. Равиковича и Автономова, я был зачислен Ревкомом в тот же штаб, который таким образом составился из т. т. Автономова, Бабкина, Равиковича, Короткова (Начштаба), Алехина, Меньшикова и меня. Все мы помещались в вагоне на ст. Тихорецкой, где и началась работа по организации армии. А создавалась она, по истине, чудом: т. Автономов выехал в Лабинский и Баталпашинский отделы для проведения организации добровольческих отрядов, где эту работу проводил с Сорокиным, который пользовался среди казачества и крестьянства большим доверием. Мне и т. Меньшикову дано было поручение об'ехать с агитацией для поднятия 39 дивизии и подготовить ее к наступлению на ст. Батайск. Остальные товарищи штаба занялись подготовкой вооружений, бронепоездов, продовольствия и т. п.

Работа быстро закипела во всех направлениях: паровозы и вагоны обшивались стальными бронями, по которым звучно стучал привычный молоток дни и ночи. На обшиваемые платформы устанавливались орудия.

Рабочие Тихорецких мастерских без устали отдавались этой работе, оставив всякую другую работу. Готовился санитарный поезд для раненых. Каждый участник горел пламенной надеждой на успех своего труда. Необыкновенный под'ем и порыв воодушевлял к этому всех.

39-я пехотная дивизия,—это, кажется, единственная воинская часть на Северном Кавказе, которая сохранила свой прежний состав, заменила прежних командиров выборными и стала дивизией Октябрьской власти. Ее полки: 153, 154, 155, 156—были разбросаны в Тихорецкой, Кавказской, Гулькевичи, Армавире и Ставрополе, где заняли ряд мукомольных, маслобойных предприятий и др. заводов, оставаясь таким образом в роли хозяев этих предприятий.

По распоряжению Тихорецкого Ревкома и командующего армией т. Автономова, мне и т. Меньшикову был поручен об'езд дивизии, с целью поднятия ее в наступление против Каледина и Корнилова.

С первого же нашего появления в одном из полков мы сразу почувствовали, что успех нашей задачи обеспечен вполне, что дивизия пойдет с нами. Наши выступления на полковых собраниях и митингах горячо приветствовались солдатами, а предлагаемые резолюции принимались единогласно. Появляемся в следующих полках и успех тот же. Помню, резолюция предлагалась одна для всех следующего содержания: «достигнутые завоевания трудового народа стоят сейчас пред грозной опасностью врага. Со всех сторон нас окружают бандиты, последыши царской власти, которые пытаются заглушить красную трудовую власть. Опаснейшая гидра контр-революции на Дону, руководимая генералами Калединым и Корниловым, задушила Советскую власть на Дону и намеревается это сделать на Кубани и Кавказе. Наш священный долг стать против врага, как одному человеку; мы должны сказать им: «Руки прочь». Мы даем священное обещание, что по первому клику мы пойдем защищать трудовую власть с оружием в руках, не щадя своей жизни. Да здравствует Советская Республика! Да здравствует трудовой народ, стойко идущий за трудовую власть! Смерть капиталу и его тунеядцам!».

Об'ехав все полки и получив полное согласие на выступление 39-ой дивизии против Каледина и Корнилова, мы возвращались в штаб с радостным настроением и под'емом.

Тов. Меньшиков говорит:

«Хотя приедем поздно, однако, сейчас же соберем штаб и Ревком обрадовать их своим успехом».

Около часа ночи было назначено экстренное заседание, где мы сделали доклад. Сейчас же была дана телеграмма в Царицын, в которой указывалось, что Юго-Восточная армия наготове и ждет распоряжений.

Поднятие 39-й дивизии еще более влило оживление в рабочих.

За получением распоряжений штаба из полков этой дивизии прибыли товарищи, которые на следующий день уже имели определенные приказания; «по распоряжению из Царицына, всей 39-й пех. дивизии об'единиться, погружаться эшелонами в поезда и в ночь на 1-е февраля 1918 г. прибыть на ст. Тихорецкую. Через полтора дня 4 больших поезда, нагруженных солдатами 39 дивизии были в Тихорецкой, а в назначенную ночь, во главе со штабом Юго-Восточной революционной армии и в сопровождении 2-х бронепоездов, они с песнями двинулись к Батайску выполнять серьезное задание. Благополучно добравшись до ст. Каял, мы остановили там железнодорожный транспорт и в сопровождении бронепоездов, ранней зарей 1-го февраля, пошли на Батайск.

Развернувшись рассыпным строем в форме полукруга, мы были встречены сильным огнем неприятеля, который врасплох схватился за свое оружие и в беспорядке засыпал нас свинцом и рвущимися снарядами. Наши снаряды еще с большей силой засыпали ст. Батайск. Весь штаб в в пешем строю шел вместе с бойцами 39-й дивизии и воодушевлял наступление. Уже мы в полуверсте от станции. Потери наши весьма незначительны (5—6 челов. убитых и более 10 челов. раненых). Зимнее солнце поднялось к полудню. Свинец и снаряды неприятеля стали быстро редеть и уменьшаться. Ясно было, что наш натиск выжимал врага, который отступает. Подошли к запасным путям и к селению Батайск. Стрельба началась из под вагонов; завязался бой на самой станции, где неприятель засел в хороших позициях. Наши потери стали увеличиваться. Некоторые солдаты, видя это, хотят укрыться за вагонами запасных путей. Тов Сосновский встречает их сначала уговором и бранью, а когда это не помогает, наставляет винтовку и грозит расстрелять каждого труса. Меры тов. Сосновского и его личный героизм воодушевляют охотников, которые смелым напором бегут к станции между вагонами и из под них начинают засыпать свинцом станцию. Выстрелы неприятеля стали умолкать, и мы с трех сторон окружили станцию. Один из наших смельчаков побывал уже в здании станции и сообщил, что внутри станции в полуподвальном этаже засел неприятель и входить туда опасно.

С какой-то будки соединяемся со станцией телефоном. После долгих звонков нам отвечают. Выяснилось, что есть засада и нас соединяют с ней телефоном.

Звоним. Предлагаем сдаться без боя, обещая при этом пощадить жизнь засевших. В ответ слышим трехэтажную брань по нашему адресу, и нежелание разговаривать. После этого т. Сосновский находит охотников, которые должны через окно пустить в засевших несколько бомб. В помещение удачно была брошена одна или две бомбы, после чего послышались крики «сдаемся». Сейчас-же было предложено выбросить через окно все оружие и по одиночке выходить с поднятыми руками. Стали бросать оружие. Один офицер, не желавший этому подчиниться, пускает себе пулю в лоб. Из засады выходит более 30 человек офицеров, юнкеров и казаков; двое было убиты и несколько человек раненых. Солдаты намереваются сейчас же с ними расправиться, но члены штаба и комсостав этого не позволяют и всех пленников ведут в особый вагон. Один из них иронически заявляет:

— «Все равно: не расстреляли сейчас,—расстреляют позже. Какая разница»?

Командир полка заявляет им, что вагон их будет строго охраняться и жизнь их в безопасности.

После этого, станция окончательно была занята к трем часам дня. Нужно было сейчас же привести ее в порядок, взять под охрану огромное количество скопившихся здесь вагонов с товарами, подобрать и подсчитать павшие жертвы, дать помощь раненым, привести в порядок воинские части, установить воинские посты и т. д.

В тот-же день возрождаются два Ревкома: один при станции и другой в селе Батайском.

Наш фронт дошел до большого каменного железнодорожного моста, где отступавший неприятель взорвал одну дамбу и тем помешал нашему успешному преследованию по направлению к Ростову. Мост был взорван по распоряжению Корнилова, который только что проехал через него на паровозе и пропустил отступающие войска. Это обстоятельство помешало

нам не только преследовать, но и лишило возможности вступить в Ростов до прихода войск т. Антонова-Овсеенко и т. Сиверса. Дальнейшая борьба по укреплению нашей позиции и отражению калединских и корниловских банд длилась в течение 9 дней и была поистине величайшим героизмом в этой кошмарной обстановке гражданской войны, при отсутствии организованного и стратегического плана, при отсутствии связи и при неблагоприятных условиях погоды.

Первая ночь прошла под усиленным обстрелом артиллерии, которая посылала свои снаряды прямо на станцию. Утомленные войска, штаб и комсостав должны были продолжать свою работу до глубокой полночи, не смыкая глаз и не думая о пище.

С 2-х или 3-х часов ночи канонада прекратилась и слышны были только отрывочные ружейные выстрелы патрулей и постов.

Утром на следующий день разведка донесла, что с восточной стороны, от ст. Ольгинской неприятель пытается зайти нам в тыл. Такое сообщение поставило в необходимость немедленно послать туда все наличие кавалерии, которой имелось в нашем распоряжении (около 150 сабель) и часть пехоты.

Бой возобновился.

В общем, самочувствие наше было хорошее, но неизвестность сил противника, его наступление с востока и отсутствие связи, вследствие порванных проводов телеграфа, поставило штаб в тревожное состояние.

Ведя, таким образом, борьбу на два фронта, мы нуждались в подкреплениях, которые можно было получить только с Кубани из Сорокинских отрядов.

Туда выехал т. Автономов, дабы наметить план преграждения пути войскам Корнилова, которые имели целью проникнуть на Кубань.

Слабость противника еще не наблюдалась, особенно в районе Батайска, и, таким образом, нужно было удержать позицию до прихода подкреплений. Но в это время на второй и третий день занятия Батайска, уже начались «шалости» и дезорганизация в дивизии. Солдаты начала увлекаться «контролем» товарных вагонов, самоснабжением товарами и гуляньем по селу. Это было самое опасное положение и штаб это учел надлежащим образом. Сейчас же была поведена решительная борьба, путем воздействия на сознательную часть войск, которая усилила охрану станции, выявила дезорганизаторов и установила строгий контроль и осмотр вагонов по эшелонам и, таким образом, порядок восстановился.

Первые три дня много поступало пленных, передаваемых штабу партиями по 10—15 человек, которых мы отправляли периодически в распоряжение Ставропольского Ревкома, в тюрьму. Всех арестованных и пленных было отправлено в Ставропольскую тюрьму более 100 человек, при чем, на ст. Батайск они, в лице штаба, имели полного защитника их жизни. Ни один человек не было подвергнут расстрелу или самосуду и революционная власть и тут еще смотрела на это с чувством строгой законности и человечности.

На третий день были назначены похороны павших жертв 39-й дивизии. Убитых оказалось с нашей стороны 18 человек, которым на Батайском кладбище была вырыта братская могила. 18 гробов в сопровождении войск и массы народа и под звуки похоронного марша были доставлены туда. Мне было поручено руководить похоронами и от имени штаба Юговост. России сказать последнее надгробное слово славным героям революции, павшим в борьбе за свободу и братство.

Неприятель своих убитых забрал в Ростов. Сколько их было, сказать трудно. Но по вступлении нами еще было подобрано около 20 чел.

На следующий день и эти жертвы были похоронены достойным образом.

Уже на третий день после занятия ст. Батайск туда стали приходить «депутации» от станичников и сельчан. Помню, первая «депутация» была от казаков Ольгинской станицы, в числе 4-х человек, из коих два было старика и два молодых. Это подразделение в возрастах об'яснилось двумя течениями в казачестве и потому назначались из тех и других поровну.

По приему «депутаций» и переговоров с ними штаб армии назначил меня, поручив отнестись к ним с полным вниманием.

Приглашаю в классный вагон; начинаю беседовать:

—«Ну, что хорошего скажете, товарищи-станичники»? задаю я вопрос.

—«Да, вот у нас сказывают, што Батайск заняли жиды, да немцы. Вот мы и пришли поглядеть: правда ли это»,—спокойно поясняет старик.

—«И еще молва есть»,—отвечает другой старик,—«что пришли и стали грабить и вешать, кого попало, без разбору».

—«Кто-ж это вам наговорил таких страшных вещей»?—спрашиваю их.

—«Да, хто. Приезжают люди из Черкасска, из Ростова и сказывают. Далее поэтому созывают сходы».

Догадываюсь, о ком идет речь, и раз'ясняю им все.

Приглашаю «депутацию» в вагон штаба, представляю:

—«Вот наш командующий, донской казак, быв. подхорунжий т. Автономов. А вот, начальник штаба армии, крестьянин Тульской губ., быв. рядовой царской службы, т. Коротков. А вот, член штаба, крестьянин, рабочий Тихорецких мастерских т. Меньшиков, а вот член штаба, тоже крестьянин, т. Алехин, а вот и я член штаба из крестьян Таганрогского округа. Ну, где-же тут немцы? Если не верите—поговорите с ними».

И между «депутацией» и штабом происходит короткий разговор, быстро открывающий ширму обмана со стороны врагов революции. Далее приглашаю их по вагонам, где расположены эшелоны дивизии. В это время идет обед, веселый говор солдат, которые под хорошим настроением успеха. Привожу в вагон командного состава. Представляю командира 153-го пехотного полка, быв. унтер-офицера, ротного, батальонного и политкома, —тоже из той-же братии. Из них есть также из быв. офицеров, которые частью выбраны в командный состав, а частью находятся в числе рядовых.

Депутаты интересуются, каждый в отдельности кого-нибудь расспрашивает, и, в конце-концов, выходят из вагона вполне удовлетворенные.

—«Ну, што, не наша правда»?

—«Вестимо дело. Тут ясно, што народ болтает зря»,—говорит старик.

Аналогичных «депутаций» было у нас около пяти: с Ольгинской, Атамановской, Александровской, Кагальницкой и др. Все они возвращались в свои станицы и села под самым хорошим впечатлением, убедившись, что против генералов идет никто иной, как трудовой народ. Перед уходом «депутация» благодарила меня за братский прием и давала заверения, что, по возвращении в станицу, «они рассеют эту брехню и растолкуют все, что видели».

Нельзя забыть того прекрасного отношения к нам крестьянства, которое было проявлено в дни занятия Батайска.

По занятии станции, нам некогда было заниматься с крестьянством и в этой области мы, своеобразно, по военному, держались своей тактики: бить и преследовать врага. Но, несмотря на это, расположение крестьянства чувствовалось на каждом шагу. Всякая услуга или содействие крестьян

носило отпечаток искренности и всемерного желания придти нам на помощь, кто чем может, побуждая к этому один другого.

Быстро охваченное заразительной волной большевизма, крестьянство помогало нам всем. Достаточно было появиться на селе солдату-большевику, как он был как говориться, «сыт, пьян и нос в табаке». Каждый зовет его в хату, угощает, распрашивает, дает харчей, табаку, белья и т. п.

В первые-же дни из ближайших сел и хуторов приходили узнать: не нужно-ли подвод, харчей, фуража, рабочих рук. Такие предложения ясно говорили за то, что поддержка с их стороны найдется всегда.

Уже на второй день занятия Батайска 39 пех. дивизией к нам тянулись подводы «добровольных приношений красным бойцам». Стали подвозить продукты питания, фуража, носильные предметы, топливо (кизяк). Тут были: и печеный хлеб, и мясо, и сало, битая и жареная птица, яйца, пирожки, вареники, огородные продукты в соленьях и т. п. На третий и четвертый день эти добровольные приношения запрудили станцию и составили большие очереди в приеме, вследствие чего пришлось назначить второй приемный пункт на ст. Каялы.

Одновременно с продуктами сдавались простые, незатейливые, но много говорящие сопроводительные записки, отношения или постановления, как например:

«Жители села Александровки, Ростовского округа, шлют своим братьям солдатам пять возов разных харчей, собранных добровольно. Сбор продолжаем и привезем еще».

Или вот постановление экстренного схода:

«В виду занятия ст. Батайск большевиками, сход села Кагальник единогласно постановил: об'явить всему населению притти на помощь войскам, кто чем может—с'естными продуктами, одеждой, обувью, табаком, фуражом и пр. Для сбора продуктов назначить об'езд подводами по дворам или сносить продукты в волость. Все принимать, кто что даст и сейчас же отвозить все в Батайск и там сдавать войскам». И при таком постановлении, смотришь везут периодически по несколько возов в день. Чего там только нет. Кроме всевозможных с'естных крестьянских продуктов в приготовленном и сыром виде, там можно найти и ложку, и полотенце, и валенки, и простую глиняную чашку, и шерстяные чулки, и рукавицы, и белье.

Крестьяне, привозившие продукты, особенно интересовались узнать, чтоб вернуться в село с новостями, фамилию командующего, начштаба, в в каком они чине, сколько убитых и раненых, сколько взято в плен. Побеседовав с солдатами, убедившись в их бодром, веселом настроении, не видя нигде вчерашнего белого террора, крестьяне в прекрасном настроении едут домой, обещая привести продуктов еще:

—«Мы дадим всего... У нас хватит... Только вы, братцы, не сплошайте... Не дайте тем, проклятым панам вернуться до нас»...—уходя, полушутливо говорят они.

Наполненные возы продовольствием и простая гостеприимная душа крестьянина не мало вносили воодушевления и под'ема в нашу революционную армию, которая видела, что народ идет с нами.

Успех нашей кампании, несомненно, ускорил занятие Ростова войсками т. Антонова-Овсеенко и т. Сиверса, которые вошли в Ростов без особых трудностей. Почти одновременно с ними вошла в Ростов и 39 пех. дивизия

со своим штабом Юго-Восточной революционной армии и церемониальным маршем с музыкой прошла по Б. Садовой и Таганрогскому проспекту.

В этот момент часть нашей дивизии вела еще усиленную борьбу с отступающим генералом Корниловым.

Г. Чеботарев.

ДЕЙСТВИЯ ШТАБА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АРМИИ.

Организации штаба Юго-Восточной армии предшествовала организация Военно-Революционного Комитета из революционных рабочих ст. Тихорецкой и прибывших частей 39 дивизии.

В последних числах декабря 1917 г. на ст. Тихорецкую прибыл штаб 39 пехотной дивизии с двумя батальонами войск. Остальные части дивизии были расположены вблизи ст. Тихорецкой.

По прибытии штаба и войск на ст. Тихорецкую, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов станции об'явил: «Вся власть Советам». Тут же была произведена реорганизация милиции и др. учреждений и организован Военно-Революционный Комитет в составе 5 лиц, с рабочим-слесарем т. Меньшиковым Михаилом во главе. Работа его сводилась, главным образом, к охране хутора и ст. Тихорецкой, как центра революционного движения Кубанской области.

Немедленно было приступлено к постройке в мастерских ВЛК. ж. д. броневиков; бронировались паровозы и пульмановские вагоны, и первый из таких броневиков—из одного бронированного паровоза и четырех вагонов с полным вооружением и командой—был готов в очень короткий срок—не более двух трех недель. Руководителем броневика был назначен т. Ачкасов. Под его руководством броневик вел неустанное наблюдение за охраной станции, маневрируя до границы расположения войск Каледина, до ст. Кущевка.

Ст. Тихорецкая имела связь с г. Царицыным, с частями войск 39 дивизии, со ст. Кавказской и др. пунктами.

Донской Военно-Революционный Комитет из Царицына учел появление на ст. Тихорецкой войсковых частей и решил организовать здесь военный центр, для чего командировал на ст. Тихорецкую организаторов в лице т.т. Автономова, Равиковича и Бабкина.

Прибыв сюда и явившись в Военно-Революционный Комитет, товарищи об'яснили цель своего приезда. Было созвано заседание, на котором обсуждался вопрос об организации штаба Юго-Восточной армии, был поставлен вопрос об организации войск и плане наступления на Ростов.

Штаб Юго-Восточной армии был организован в начале января 1918 г. В состав его вошли т.т. Автономов, Равикович, Бабкин, Меньшиков и от штаба 39 дивизии три человека: Внуков, Коротков и третий товарищ, фамилию которого не помню. Автономов, как командующий; Коротков,—как Начштаба. Приступлено было после организации штаба к выработке плана наступления на Ростов. С этой целью были пущены в ход все партийные силы для агитации среди бойцов 39 дивизии.

Тут вырисовалось другое положение: правители Екатеринодара ген. Бабич*), Филимонов задались целью во что бы то ни стало занять ст. Тихорецкую, как узловой пункт железной дороги. Войска белых при-

*) Хорошо памятный рабочим Кубани своей кровавой расправой в ст. Тихорецкой во время ноябрьской стачки 1902 года. **Ред.**

ближались к станции и были на расстоянии 40—50 верст. Как раз в тот момент прибыл на ст. Тихорецкую Сорокин с казаками около 200 человек и предложил штабу свои услуги—стать в ряды на защиту Тихорецкой и бороться с белыми. Предложение его было охотно принято, все казаки были снабжены оружием, деньгами, продуктами и тут же были брошены в бой с войсками Кубанского правительства, так как принимавший участие в бою батальон Куринского полка 39 дивизии начал на фронте разлагаться. Как только влились в бой казаки, дело скоро поправилось и войска Кубанского правительства были оттеснены, главным образом, при помощи красных казаков и рабочих под руководством штаба Ю.-В. армии.

С изменением положения на Екатеринодарском фронте в лучшую сторону для нас, при гарантии, что фронт оберегается боевыми надежными силами, приступили к выработке плана наступления на Ростов быстрым темпом, так как Царицын сообщил, что со стороны Украины движется на Ростов армия Сиверса. Организация наступления продолжалась недолго, и в первых числах февраля 1918 г. части уже были готовы.

Приняли участие батальоны Дербентского полка, Кубанского, Бакинского, а также 111 полк и артиллерия 39 дивизии. Все горели желанием итти на Ростов.

Наступление началось в первых числах февраля с революционным под'емом всех войск. Продвижение вперед шло средним темпом, и только в Батайске произошла задержка, так как мосты были взорваны калединцами. Но вскоре общими усилиями Ростов был взят.

Мне в дальнейшем не пришлось участвовать в боях. Как председателю Совета ст. Тихорецкой, мне необходимо было руководить советской работой, заботиться о раненых и больных бойцах, о снабжении с'естными и боевыми припасами и лишь от начальника штаба т. Короткова я получал по телеграфу информацию, из коей помню, что, вскоре после занятия Ростова, штаб Ю.-В. со всей армией были перекинуты на фронт для занятия Екатеринодара, который и был взят 1-го марта 1918 г.

В. А. Максимов.

ИЗ БОРЬБЫ У ЧЕРТКОВА.

Все было как-будто спокойно в Черткове и думалось, что до нас не скоро дойдет «Октябрь».

Как вдруг, в середине октября 1917 г. всполошилися все наши буржуи—кадеты: получились сведения о том, что со стороны Лисок на протяжении 40 верст, как говорили, «беспрерывной вереницей движется на Дон масса большевиков». Были созваны экстренные собрания граждан, исполнительного комитета и рабочих организаций, на которых предлагали не признавать власть большевиков и в знак этого бросить всякую работу на предприятиях и учреждениях, нечего не давать им из продовольствия и других предметов. По отношению же к тем, которые попытаются содействовать большевикам, принять самые суровые меры, вплоть до отправки в станицу Каменскую, где «знают, что с такими делать». Предложения эти приняты не были, потому что пролетарская масса знала, кто это идет и слушала «ленинцев» больше всего; на собраниях определенных решений вынесено не было, кроме, как организовать местный комитет «общественной безопасности», имевший целью только ограждать граждан на случай боев. В такой комитет вошли люди различных направлений—

пролетарии и буржуи. Последние и здесь спать не стали, хотя было постановлено по отношению борьбы казаков с большевиками держать абсолютный нейтралитет.

На местных хладобойнях в Черткове в то время находился большой запас мясных продуктов и буржуи, сидевшие в комитете, дабы не пропали от могущего быть внезапного боя, предложили выдавать эти продукты по ордерам и только одним казачьим частям, потому что, видите ли, продукты эти принадлежат Донскому продовольственному комитету. Оффициально это предложение принято не было, до этого не допустили другие члены комитета «общественной безопасности» из пролетариев, не оффициально же совместно с администрацией, тоже состоявшей из лиц буржуазного направления, враги большевиков принялись отправлять эти продукты вагонами и подводами в сторону казаков.

К вечеру третьего дня первые красные эшелоны достигли последнего полустанка к ст. Чертково—Зариновки. Буржуазная часть населения пуще прежнего заволновалась—она не расчитывала, что красные пойдут без остановки через Чертково на Дон. Совместно с находящимися на станции казачьими офицерами, буржуи принялись заграждать большевикам дорогу. Решение на сей предмет было определено постановлением общего собрания буржуазии и ей присных, созванного здесь же в зале 1 класса ж. д. вечером наспех. Решено было взорвать ж. д. путь на подступах к Чертково со стороны большевиков. Сделать это взялись казачьи офицеры. С перепугу эти ребята своим делом натворили себе же вреда: взорвали пути с обоих концов и, таким образом, очутились «в мешке». В результате среди казачьих частей началась большая паника—все разбежались, оставив на месте свое имущество.

Красные части остановились в Зариновке передними эшелонами и в сторону Чертково на 6 верст выставили посты. Казаки остановились на раз'езде Маньково—последнем на пути к Чертково. Наступательных действий ни одна сторона не предпринимала несколько дней. В это время досужие кадеты занялись усиленным натравливанием населения на большевиков. Сочинялись разные небылицы, вроде того, что движущаяся сюда часть большевиков—кучка вырвавшаяся от преследования войсками временного правительства и что они (большевики) не сегодня, завтра сдадутся казакам, а если и не сдадутся, то все равно их заберут другие казачьи войска, движущиеся со стороны Лисок им в тыл. Конечно, такие слухи успеха не имели потому, что местные большевики, в свою очередь, не спали—населению об'ясняли действительность.

Был праздничный день—воскресенье; публика необыкновенно рано выползла на улицы и вновь образовала свои бесконечные кучки.

Причина такого странного поведения понемногу выяснилась. В этот день не было абсолютно никакой власти в селе; даже сельский комиссар и тот заявил, что он больше не служит и уедет к большевикам за советом. В этот день обе воюющие стороны спешно к чему-то готовились.

Нужно было предотвратить бой здесь в Черткове, в особенности артиллерийский.

Для этой цели решили послать представителей в обе стороны—к большевикам и казакам. Таких представителей набралось человек 15: от гражданского населения, организации хладобоен и железной дороги—таким образом, и образовалась оффициальная делегация. Не успела еще решить делегация, каким путем ей отправиться,—на подводах, или организовать специальный поезд (комиссар села собрался, было, ехать на автомобиле), как со стороны казаков прибыл специальный поезд с делегацией от казаков

к большевикам. Нашей делегации к большевикам разрешено было проехать в этом поезде. Делегация с казаками не поехала. Казачья делегация состояла из 2-х лиц. Поезд охраняли шесть казаков. Один из делегатов—помоложе, устроил в зале 3-го класса митинг собравшейся публике и прямо со стола об'яснил, кто они и зачем едут к большевикам. Цель поездки их сговориться о мирной жизни и чтобы большевики не мешали им, донцам, устраивать жизнь и порядок по-своему.

Делегатский поезд остановили посты Советских войск, выставленных в сторону Чертково. Многие из делегатов еще не знали, как следует, что там за большевики и, напуганные буржуазией, представляли себе всякие нелепости. Свисток паровоза об остановке поезда заставил вздрогнуть этих слабеньких людей и прильнуть к окнам. Здесь, конечно, ничего не случилось, а только по распоряжению из Зориновки (о приезде делегации в Чертково—Зориновке телеграфировали), сменили охрану казачью на свою и проверили документы делегатов. В Зориновке поезд остановился, не доходя до пассажирского здания саженей на 100. Здесь делегатов пересчитали и под охраной 10 вооруженных повели в зал I и II класса, где находился штаб передовых частей. Там находилось десятка два-три солдат за чтением газет. При появлении делегации помещение немедленно очистили, осталось 5—6 руководителей отряда. По просмотру и зарегистрировании документов, делегаты принялись излагать цель приезда; этим, собственно говоря, и началось совещание. Первым взял слово один из делегатов от казаков, капитан Литвинов, который сказал: «К Вам нас прислал Большой Войсковой Круг Донской Области узнать, зачем Вы идете к нам на Дон, и заявить Вам, что мы с Вами воевать не собираемся и просим не мешать нам устраивать нашу жизнь по-своему».

Следующим выступил командующий передовым отрядом советских войск, командир 5-го пулеметного полка, тов. Зайцев, сказавший: «Цель нашего прихода сюда—установление на Дону власти Советов Рабочих, Солдат и Крестьянских Депутатов. Воевать мы с Вами также не собираемся, если Вы сами установите такую власть у себя. Дона же генеральского, Калединского мы не потерпем и завтра же пойдем на Вас войной. Об'ясните нам, что за порядок у Вас сейчас».

Капитан Литвинов взял слово и сказал: «Да, у нас еще во главе власти стоит генерал Каледин, которого мы выбрали на Кругу. Но в настоящее время на Дону созывается Большой Войсковой Круг, на повестке дня которого, главным вопросом, будет стоять вопрос об организации власти на Дону по-новому. Возможно, будет разрешен вопрос организации Советской власти, просим Вас не помешать нам хотя бы созвать и провести этот Круг. Давайте заключим с Вами мир до Войскового Круга». В этом месте оратор остановился, обвел взглядом присутствующих, как бы измеряя полученное впечатление, потом начал снова, только уж несколько в ином тоне. «Глядя на Вас, солдаты, я не верю, что Вы будете воевать с нами. Ведь мы—Ваши братья, ведь мы же с Вами вместе в окопах в империалистическую войну защищали наше общее дело—родину Россию («и офицерство», кто-то крикнул), голодными и холодными находились» (в толпе солдат слышны были голоса: «только не генералы и офицеры»). «Как члену комитета одной дивизии на фронте, мне самому пришлось с Вами переделывать жизнь солдата по-новому. А теперь, вдруг, войною на своих». (Опять возгласы: «на генералов и помещиков—за трудящихся»). «Вернитесь обратно, а Дон оставьте в покое!» закончил оратор.

Солдаты зашевелились, слышны были из толпы слова: «не надо нам такой агитации».

Следующим слово взял другой делегат от казаков, уже пожилой, как видно из старых кабинетных начальников—член Большого Войскового Круга Агеев, добавивший к словам Литвинова: «Вы еще молоды и не разбираетесь, как следует, что делаете, и потому идете на Дон войною. Дон—сила непобедимая и всякий, посягнувший на нас, разобьется, как вода о прибрежные скалы. Сейчас Дон перерождается и ему в этом не мешайте».

Последним выступил тов. Зайцев, (командир 5-го пулеметного полка). Он сказал: «Мир с вами заключим только до Войскового Круга вашего и если разрешит наш Совет Народных Комиссаров. Чтобы избежать и в дальнейшем кровопролития, советую вам самим на Круге признать власть Советов!». Оффициальную бумагу назвали просто «соглашением». Ее содержание таково:

«1917 г. декабря 12 дня. Мы нижеподписавшиеся, с одной стороны, представители Войскового Круга Агеев и Литвинов и, с другой, командующий передовым отрядом Северной группы советских войск и командир 5-го пулеметного полка Зайцев в присутствии представителей от населения ст. Чертково, железнодорожной и хладобойной организации (фамилии всех депутатов были проставлены) до разрешения вопроса на созываемом Большом Войсковом Круге и в Совнаркоме, постановляем военно-наступательные операции прекратить, установив следующий порядок:

1. Образовать нейтральную зону на протяжении Зориновка—Маньково, куда ни в коем случае не должны быть допущены ни одной стороной вооруженные отряды, или даже отдельные вооруженные лица. В проходящих поездах надлежит производить проверку документов и вооруженных разоружать. Порядок в населении ст. Чертково поддерживается самим населением, каковое, на случай появления с какой-либо стороны вооруженных лиц, обязано таковых разоруживать и отправлять в сторону их местонахождения. Имеющийся на Чертковских хладобойнях запас мяса должен быть отпускаем по требованию сторон в равном количестве. Само население должно держать по отношению враждующих сторон строгий нейтралитет—нарушение его будет строго наказано, вплоть до артиллерийского обстрела. Военные действия, по возможности, должны быть отведены от ст. Чертково, как того требует население данной местности. Настоящее соглашение входит в силу с момента его заключения, до рассмотрения его высшими органами,—в первую очередь—Советским Правительством, которому его содержание будет немедленно сообщено по телеграфу». На этом помнится совещание и закончилось. В договоре расписались—Зайцев, Литвинов, Агеев и представители организаций ст. Чертково.

«Соглашение» было прочитано в присутствии созванных специально для этого солдат, которые за исключением возгласов «держи ухо остро», отнеслись к нему равнодушно.

Делегатский поезд в Чертково вернулся уже поздно вечером. Пассажирская платформа и здание битком были набиты народом, ожидавшим делегатов. Здесь сделали делегаты доклад. Довольные таким «миром» остались только буржуазные группы, усмотревшие в таком соглашений слабость большевиков.

Как и следовало ожидать, казаки на другой или на третий день нарушили условия соглашения, появляясь вооруженными на станции. На протесты представителей населения не обращали ни малейшего внимания. Буржуйчики из населения также недолго соблюдали порядок и принялись всякими мерами помогать казакам. Первым делом у них было способствовать казакам по выкачке мясных продуктов хладобоен. Протесты рабочей

организации не имели силу этому воспрепятствовать, так как за буржуазией стояли казачьи пушки, да и администрация еще не была лишена права распоряжаться предприятием. Отдельным «строптивым» противникам выкачки грозили арестом и отправкой в Каменскую. Помню время, когда выкачка приняла широкие размеры. Администрация распорядилась погрузить 6 вагонов и, как выяснилось из справок, ночью их предполагала отправить казакам.

Советским войскам угрожала опасность остаться без столь ценного продукта. Надо было во что бы то ни стало помешать вывозу, что и было сделано через большевиков, находившихся в Чертково: частным образом было передано в штаб полка о случившемся для принятия надлежащих мер. В ту же ночь легко и свободно без всяких жертв была занята станция Чертково. Из нагруженных уже 4-х вагонов продуктов один только успел достаться казакам. Со стороны советских войск потерь не было. Дело произошло так: в тот вечер грузились мобилизованные пожилые казаки — «надежные войска», как их называли буржуи, для отправки на юг; при этом находилось не менее сотни вооруженных казаков с офицерами. Не успела еще, как следует, дать знать казачья охрана о приближении большевиков, как это «надежное войско» и сотня с офицерами бросились бежать кто куда. В результате панического отступления белые оставили вагон с лошадьми, оружием и аммуницией; улицы были усеяны седлами, сундуками, голыми шашками, винтовками, даже сани с отрезанной упряжью стояли у угла постройки. Дня за два, за три нашего селение — хутор Меловой был наводнен Советскими войсками. При чем с наступлением праздников рождества командованием было сделано распоряжение не стеснять население квартирами и др. делами в дни праздника. Дальнейшее наступление не предпринимали около недели. За это время заметна была дезорганизация солдатских масс. Каждый раз на собраниях чувствовалось стремление солдат уходить по домам. Видно их мучила тоска от безделья. На собраниях же задавались солдатами вопросы в роде: почему здесь остановились и сидим; если воевать, так воевать, а нет, так лучше разойтись по домам и т. д.

А в казачьем лагере шли приготовления к наступлению. Но вот и у нас наступил перелом: прибыл новый командир передовых советских отрядов тов. Шаповалов, а тов. Зайцева отозвали. Новый командир сейчас же на первом солдатском собрании заявил в категорической форме о том, что времена безделья уже прошли и настала серьезная работа. Слова его речи были просты, несвязны, как и сам он прост и мужиковат, но очень понятны и убедительны. Солдаты внимательно прислушивались к голосу своего начальника и конец его речи был покрыт громким «ура».

На этих же днях было предпринято наступление на казаков и вполне успешное. Завязалась в нашем районе настоящая война. Успех ее был переменный. В одном из боев, помнится, у станции Мальчевской, предательским образом был убит тов. Шаповалов и его адьютант. Насколько удалось выяснить, убийство Шаповалова произошло при следующих обстоятельствах: при выбытии из строя батарейной прислуги тов. Шаповалов поставил на их место казаков артиллеристов, добровольно перешедших на нашу сторону. Такая замена, действительно, была удачна, — артиллерия наша сразу осадила противника. Тов. Шаповалов с адьютантом своим во время артиллерийской стрельбы находился около пушек, — других солдат поблизости не было. Когда пушки замолчали, на платформе около них оказалось два трупа, павших, как видно, от холодного оружия. Это были тов. Шаповалов и его адьютант, а артиллеристы исчезли. Трупы перенесли

в отдельный вагон и через Чертково отправили на родину. Смерть товарища Шаповала глубоко тронула руководимых им солдат и вообще знавших его товарищей. Он был хорошим бойцом и верным начальником и другом. Потеря дорогого командира заставила солдат еще крепче держать в руках винтовку, внимательней относиться к перебежчикам.

С прибытием на фронт тов. Петрова, командира северной группы Советских войск, и с переходом на нашу сторону 26-го и 44-го казачьих полков дело борьбы изменилось и фронт откатился далеко на юг от нашей местности.

Так закончилось славное дело борьбы за Советскую Власть и наступила организационная работа.

А. Безродный.

ПОМОЩЬ ЧЕРНОМОРСКИХ МОРЯКОВ ДОНСКОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ.

В виду бешенного разгула Калединщины и ее кровавых потех над рабочими, для обеспечения пролетарской свободы и установления власти Советов на Дону, Севастопольский партийный комитет решил приступить к спешной организации отряда и посылки его на Дон для борьбы с врагами революции.

Решение было приведено в исполнение. В недельный срок отряд, организованный из моряков Черноморского флота, в количественном отношении представлявший собой полковую единицу, с небольшими средствами военной техники, с наименованием «1-й Черноморский Революционный отряд», во главе с тов. Мокроусовым—моряком Черноморского флота, выступил из Севастополя.

Дон, в частности город Новочеркасск, являлся гнездом черносотенства: сюда спешили все приспешники старого режима. Спешили одиночным порядком, группами и даже войсковыми соединениями, что хотел было сделать и генерал Корнилов со своей бандой.

Наш отряд боролся с этим, т.-е. соединением с бандами Каледина корниловцев. Встретив последних под Белгородом в конце ноября 1917 г., мы вступили с ними в бой. Бывши в то время одним из комиссаров нашего отряда и участником всех боев, я вспоминаю об ужасном бое с корниловцами моряков, о самоотверженности наших бойцов, проявленной ими в этом бою. Полные революционного духа, моряки не обращали внимания на свои ранения и некоторые сражались до потери сознания. Белые опричники на много превышавшие наш отряд, потерпели поражение—в продолжительном 3-х дневном горячем бою были разбиты на голову.

Революционный дух восторжествовал над их блестящей техникой и дисциплиной и послужил залогом дальнейших побед и несокрушимых ударов Калединщине.

В начале 1918 г. отряд вступил в пределы области Донского войска, и на своем пути к Новочеркасску—столице и гнезду белых, почти не встречал сопротивления. Против нашего отряда была поставлена во главе с Чернецовым белая банда, которая, вероятно, не надеясь на себя, как на войсковую часть, начала сеять провокационные слухи о том, что на Дон идут немцы и проч. вампиры. Прилетариат не верил этому и с нетерпением ждал нас, как своих освободителей. Моряки, мстя за потерю некоторых товарищей в бою с корниловцами, дали слово о беспощадной расправе с

белобандитами. Ненависть к белым у бойцов отряда усилилась еще более после гибели нескольких товарищей моряков и сестры милосердия от рук инквизиторов. Издевательства над пленниками были ужасны. Чернецовцы, поймав наших товарищей, находившихся в разведке у станции Зверево, выкололи им глаза, а сестре вырезали грудь.

Клятва наша о беспощадной мести исполнялась нерушимо; преследование калединцев велось по пятам до станции Каменоломни, где белые решили вступить с нами в бой, избрав опорным пунктом станцию Персиановку.

Население занимаемых нашим отрядом местностей организованным порядком встречало отряд, вынося ему благодарность за свое освобождение. Рабочие, вся молодежь, даже интеллигенция, старые и малые встречали отряд с красными знаменами, с пением революционных песен под звуки оркестра музыки.

Утром 4-го февраля наш отряд повел наступление на станцию Каменоломню и после упорного, но непродолжительного—пятичасового боя занял ее. С нашей стороны потерь почти не было.

Разрушенное полотно железной дороги заставило нас на несколько дней задержаться до приведения его в порядок, дабы иметь хорошую связь с тылом. К нам подоспели в эшелонах отряды 2-й Севастопольский под командой Рязанцева, отряд Сулинских рабочих и др. Бойцы «1-го Черноморского Революционного отряда», видя мощную и сильную революционным духом армию, до того уже было уверены в победе, что на месте стоянки стали пользоваться, благодаря теплым вагонам, ночным отдыхом в одном белье.

Ночью с 9-го на 10-е февраля белыми бандами на нас был произведен налет. Белые бандиты заняли было половину деревни Каменоломни, но наши борцы не упали духом и, выскочив из вагонов, кто в чем был, с криками «ура», приняли бой и перешли в контр-наступление. Завязалось горячее ночное сражение, длившееся несколько часов. В результате, пьяные банды были опрокинуты и понесли жестокое поражение убитыми и ранеными, хотя и нам, ввиду внезапности нападения, пришлось лишиться нескольких лучших товарищей.

Наши бойцы, также опьяненные, но только не алкоголем, а революционным энтузиазмом, дрались, как раз'яренные звери и по пятам преследовали последние остатки разбегавшейся мрази.

В этот же день Новочеркасск был занят нами. Установилась Советская Власть на Дону.

Так была оказана помощь Донскому пролетариату Черноморскими моряками.

Ойцев-Корнилов.

СОДКОВСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОТРЯД *).

После Октябрьской Революции я решил с фронта с'ездить домой, побывать у себя на родине в хуторе Содках, в то время принадлежавшем Новочеркасской станице.

При в'езде в Донскую область, я узнал, что здесь оперирует уже Каледин. Донская область была об'явлена на военном положении. В хуторе Содки в то время проводилась избирательная кампания в Учредиловку.

*) Воспоминания т. Кузина захватывают не только калединский период, но и последующие события. **Ред.**

Мне пришлось выступать со своим меньшим братом Александром на митинге. Брат мой тогда уже вел политработу среди крестьянства от имени социал-демократов большевиков. Выступать пришлось против члена партии народной свободы, некоего Макарова, приехавшаго к нам из города Шахт с целью агитации. Его мы разбили, как говорят, вдребезги, после чего он спешно ретировался. Хутор был казачий, а эта публика в то время симпатизировала власти Каледина, против которого мы с братом выступали.

Я был казаками арестован, как большевик, и направлен в г. Новочеркасск, где и был посажен в Пересылку, без малого на 1 месяц.

При перевозке из Новочеркасска в Ростов я бежал.

После побега я вернулся в свою часть на Юго-Западный фронт.

После больших мытарств на фронте, в марте 1918 г. я попадаю снова к себе на родину, т. е., в хутор Содки, где на следующий же день моего приезда меня избирают председателем хуторского Совета. Недолго пришлось сидеть за председательским столом. Подавленная Калединщина стала вновь подымать голову, реакция перебрасывалась с хутора на хутор, со станицу на станицу. Мы решили формировать отряд для борьбы с белогвардейщиной, имея в своем распоряжении 7 никуда негодных винтовок. Но революционный порыв вселял бодрость и надежду, отряд все увеличивался и увеличивался, вся Содковская молодежь по первому зову, как один, стала под ружье. Нужно сказать, что Содковский хутор был один из революционных хуторов и имеет право быть занесен на страницы истории революции. Впоследствии из маленькой кучки вооруженных 7 винтовками вырос отряд в шестьсот с лишним человек, при двух 3-х дюймовых орудиях, 4-х пулеметах и с конной разведкой.

Окруженный с трех сторон реакционными хуторами и станицами, отряд неоднократно выдерживал натиск контр-революционных войск, и, благодаря самоотверженности красноармейцев и меткости артиллерийского и пулеметного огня, Содковский отряд выходил победителем. Он неоднократно выступал также на помощь г. Шахтам. Он участвовал при подавлении восстания Голубова под Кривянской станицей, кроме того, он являлся северной заставой г. Шахт и рудничного района. Вооружением отряд обязан Шахтинскому Солдатскому Комитету, председателем которого был Панков Андрей, а членами Калюжный и др.

В апреле 1918 г. положение стало осложняться. Реакция начала принимать угрожающий характер. Маленькие группы белогвардейцев стали превращаться в тысячные отряды, как отряд полковника Семилетова, который оперировал в районе г. Шахт с восточной стороны.

Приближались также немцы к Донской области. Это заставило всех активных товарищей, из которых некоторые уже были ранены в боях, как-то Александр Рожков, задуматься.

28-29 апреля созвано было совещание начальников отрядов, на котором пришли к решению сгруппировать в 3 группы все отряды, находящиеся в г. Шахтах и его окрестности, дабы общими силами повести наступление.

Ввиду того, что наш Содковский отряд находился на левом фланге фронта, я был назначен начальником третьей группы. К нашему отряду было придано два эскадрона кавалерии украинцев «червонного казачества».

В ночь под 30 апреля я повел наступление на хутора: Дубовый, Грушевку и Семояшный в станице Верхне-Кундрючевской, которые были заняты с боем. Предполагал, что правее нас группа вторая и первая тоже ведут наступление, как было условлено на совещании, но оказалось совершенно другое.

Противник сумел захватить инициативу наступления, заняв рудники Петропавловский, Парамоновский и хутор Киреево.

Благодаря прорванной связи, я не во время получил донесение о происходившем на правом фланге. Получив сведения о происходившем на правом фланге, я начал отводить назад свою группу, теснясь ко второй группе, нанося поражение противнику. Наконец, противник был сломлен. Положение восточной стороны Шахтинского фронта было сносно, т. е., инициатива была на нашей стороне.

Что же касается северо-восточной стороны, то положение ее было катастрофическим. Немцы вели наступление интенсивно, не встречая на своем пути более или менее стойких препятствий, с каждым днем все ближе к г. Шахтам. Эвакуация стала неизбежна. 4-го мая нового стиля, на первый день старой пасхи, все советские учреждения и все шахтинские отряды погрузились в эшелоны, с целью эвакуации в г. Ростов. Мы со своим отрядом находились в это время в хуторе Содках, охраняя северную сторону Шахтинского района и ожидая распоряжения о передвижении отряда от военкома Гончаренко А., который, вероятно, в суматохе о нашем отряде забыл совершенно.

Нам пришлось присоединиться к мелким отрядам на ст. Горной.

Из них только и помню Макеевский отряд, с которым сообща мы повели наступление на занятый казаками Новочеркасск.

Но, благодаря превосходству сил противника, нам пришлось отступить к г. Шахты, где, соединившись с Сулинским Социалистическим полком, под командой Григория Савенко, мы решили все вместе принять последний и решительный бой.

И, действительно, это был последний и решительный бой.

Трое суток под градом пуль и снарядов, под дождем, как из ведра, мы мокрые, как лягушки, лежали в своих маленьких окопах, томимые голодом, ожидая продовольствия.

Помню следующее: меня разбудил сильный стук и крик. Придя в себя, я был поражен новой для меня обстановкой, неожиданной и непонятной. Я не мог отгадать, где я и что со мной творится. В суставах в теле чувствовалось какая-то необ'яснимая боль, в ушах беспрерывно слышался какой-то треск. Я с трудом спросил лежавшего сбоку меня товарища, где я и что со мной случилось. Он ответил: «Вы были контужены».

Разбудивший меня крик и стук не унимался. Товарищ об'яснил мне, что это казаки бьют окна в нашем санитарном поезде и добавил, что наши отряды сдались.

В это время у окна одного вагона показался немец, который ломанным русско-польским языком приказал сестре милосердия выводить из вагона больных, могущих идти. И сейчас же из вагона потянулись больные. Не желая оставаться с тяжело ранеными больными в вагоне, я стал просить знакомых мне красноармейцев взять меня с собой, ибо сам не мог идти.

Выходя из вагона, я увидел, как казаки, которые здесь же соединились с немцами, гнали группами пленных красноармейцев, в лес, и чинили над ними расправу. Попав под покровительствование немцев, мы, т. е. около четырех с половиной тысяч красноармейцев, были доставлены в Германию, где пришлось многим из нас столкнуться с западной «цивилизацией».

Многие замечали ее в голодовке, другие в непосильных работах, а многие в ружейном прикладе и в увесистом хлысте. Но, как в гостях не хорошо, а дома лучше. Около семи месяцев находясь в Германии, я часто

вспоминал эту нашу пословицу и часто «давал стрекача», который в большинстве случаев оканчивался для меня неудачно.

Но, в конце концов, мне удалось перескочить в Австрию, где пробыл около месяца. Благодаря австрийской революции, мне удалось вернуться в нашу Советскую Республику, куда и прибыл я через Москву.

М. А. Кузин.

ПЕРВЫЙ ТИТОВСКИЙ ПОЛК. *)

В разгаре борьбы за Советскую республику зародился и наш первый Титовский полк (ныне 138-й Титовский полк 16-ой, имени Киквидзе, дивизии).

Крестьяне слободы Титовки и смежных с нею слобод и хуторов решили до последней капли крови оборонять свою социалистическую республику. Образовался комитет по формированию полка, в котором деятельное и энергичное участие приняли граждане слободы Титовки: Шипулины, Симоненко, Иваненко, Кобыляцкий, Осипенко и другие.

Задача формирования полка в столь трудный момент была слишком тяжелой, но неутомимая энергия организаторов, активное участие в формировании самих граждан слободы Титовки, поставлявших продовольствие, а также массовая запись их в число красноармейцев полка и также неустанная агитация по вербовке добровольцев из других смежных слобод, станиц и хуторов помогли осуществиться великому замыслу.

Собралось всего 200 чел., которые и пошли в ст. Каменскую; там назначено было место формирования полка. И вот за каких-нибудь полмесяца неустанной работы появляется на красном горизонте, в числе других мощных отрядов красной гвардии, Первый Титовский Донской Революционный полк, как его тогда называли. В первых числах февраля 1918 г. наш полк начал свое служение социалистической родине.

Полк по сформировании поступил в распоряжение Ревкома Донской области, т. Подтелкова и командующего войсками тов. Смирнова.

Несмотря на малочисленность полка он был чрезвычайно боеспособным и за короткий промежуток времени действия его на фронте стали довольно известными.

В феврале и марте 1918 года 1-й Титовский полк принимает непосредственное участие в разгроме Каледина на Юге и совместно с другими отрядами красной гвардии заставляет Корнилова покинуть Новочеркасск и Ростов.

Во главе полка в то время стояли его организаторы. Председателем полкового комитета был тов. Симоненко и секретарем т. Кобыляцкий. Во главе каждой роты стоял ротный комитет в составе председателя и секретаря. Командовали в то время т. т. Горбачев и Иваненко—все титовцы, выбранные для несения этих обязанностей общим собранием полка.

Во время стоянки в Новочеркасске полк деятельно помогал организации Областного Советского Правительства, являясь непримиримым врагом всей казацко-соглашательской братии во главе с Голубовым.

Все гарнизонные собрания того времени носят отпечаток влияния 1-го Титовского Донского революционного полка и не удивительно, что

*) Воспоминания тов. Иваненко захватывают не только калединский период, но и последующие события. **Редакция.**

полк являлся грозой для всех сторонников соглашения с белыми и заставлял с собой счититься. Полк состоял из бедных, забитых и искони угнетенных казаками крестьян-украинцев, а также и рабочих-шахтеров Донского бассейна. Полк, руководимый умелыми политическими деятелями, стал ядром всех войск Донской Области. Находясь постоянно и неустанно в боях, как на позиции, так и в городах Новочеркасске и Ростове, полк не мог не иметь потерь. В одном бою под Новочеркасском выбыл командир полка тов. Горбачев, сраженный пулей на смерть и с ним несколько других стрелков. Но революционный дух бойцов 1-го Титовского полка не падал, а, наоборот, красные стрелки титовцы как-бы клялись дорогой ценой отдавать своих вождей. После смерти командира полка тов. Горбачева полком командует мощный сын Титовки—революционер и опытный вождь, получивший политическое воспитание в среде рабочих донских шахт, тов. Нырненко.

1-й Титовский Донской Революционный полк под его умелым руководством с каждым боем все прочнее закреплял за собой имя революционного. Действительно, полк не унывал при неудачах и не превозносился при удачах.

Разгорается гражданская война, полк усиливается. Казаки наступают; красные отряды, а вместе с ними и 1-й Титовский революционный полк стали отходить в направлении на Царицын. Все это отступление было самым тяжелым периодом в жизни полка. Беспрерывные бои и колоссальные переходы сильно отразились на бойцах полка, не нарушая однако качества, потому что каждого выбывшего из строя бойца заменял другой с двойной силой и энергией, с ясным сознанием своей правоты, а потому и с полной уверенностью в победе.

Весь период боев от Новочеркасска до Царицына—это лавровый венок обвитый красными розами. В обороне Царицына 1-й Титовский Революционный полк принимал горячее участие. За весь период времени до Новочеркасска и от Новочеркасска до Царицына полк в большинстве состоял из добровольческого элемента. Среди дезорганизованных, недисциплинированных отрядов того времени, наш полк был на редкость дисциплинированным. В нем не было ни одного случая бесчинства со стороны солдат. Несмотря на выборность комсостава, дисциплина была поставлена очень высоко, и маленький проступок со стороны бойца влек за собой строгое наказание. В первых числах июня 1918 года по предложению комиссара укрепленного района гор. Царицына Титовский полк пошел для занятия станицы Филоновской; по прибытии в указанный район полк влился в формировавшуюся там в то время первую советскую дивизию внеочередного формирования, впоследствии названную 16-й стрелковой дивизией. С этого времени полк начал действовать под общим руководством начальника дивизии тов. Киквидзе. На этом оканчивается история самостоятельного существования полка. И в дальнейшем Титовский полк не раз творил чудеса революционной храбрости.

Р. Иваненко.

В ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ БОЕВ.

В конце ноября 1917 года я прибыл из Харькова на излечение в Ростов. В Харькове я служил в отряде Сиверса, состоящего, почти сплошь, из солдат-фронтовиков. По прибытии, я был направлен в лазарет № 2, где был зачислен, как раненый империалистической войны. Здесь меня из-

брали раненые всего лазарета Председателем Лазаретного Комитета. Комитет сформировал из раненых боевую единицу, в составе двух рот при четырех пулеметах и одном грузовом автомобиле. При первом появлении партизанских отрядов генерала Каледина вблизи Нахичевани, я, согласно приказа Военно-Революционного Комитета, был назначен командиром боевого участка и выступил со своей боевой единицей по направлению к Балабановской роще, с целью обхода противника и удара ему в тыл.

Калединцы вели наступление со ст. Нахичевань по направлению к Ростовским баракам. Маневр обхода противника в тыл был удачен, и лихим ударом моего отряда он был опрокинут и обращен в паническое отступление в направлении ст. Александровской.

Во время боя в предместьях Нахичевани мой крошечный отряд все время пополнялся свежими группами революционных рабочих, хотя и плохо вооруженных, но смело действующих в бою. Свежие и большие пополнения и стойкость отряда дали возможность беспрерывного продвижения вперед левее полотна жел. дороги по направлению к ст. Александровский. В тот же день противник был выбит из станицы, где были захвачены пленные и одно полевое орудие без передка, винтовки и патроны. Во время этого боя я был ранен в правую ногу и на другой день уже находился в лазарете № 2. Через несколько дней под напором превосходных сил обнаглевшего противника наши части отступили из Нахичевани. Нас не забыли. Явились к нам около взвода с требованием сдачи оружия. Администрация лазарета не выдала ни одного бойца кадетам. На их вопросы отвечали, что мол у нас нет ни одного красногвардейца, а все раненые старой армии и что винтовки выданы нам для личной охраны нашего лазарета, сдадим мы их тому, кто нам выдал. На вопрос калединцев, кто их выдал, ответили несколько голосов бойцов, что винтовки выдал нам наш председатель Лазаретного Комитнта. Калединцы пришли в ярость и потребовали председателя. Несмотря на свою слабость мне пришлось взять костыль и спуститься на лифте вниз, где меня ожидали калединцы; они набросились на меня с криком: «немедленно сдай оружие». Я готов был возражать, но в то время из толпы калединцев-гимназистов и безусых реалистов посыпались по моему адресу грубые выкрики с примесью площадной брани: «эй, сволочь красногвардейская, с кем ты разговариваешь, возьми под козырек, мерзавец», я почувствовал на своем лице сильный удар разъяренного капитана. Потеряв равновесие я повалился на пол. Калединцы же начали бить меня ногами на полу. К счастью это прекратил врач Козлов. Серьезно и решительно он заявил, что как старший врач лазарета не позволит на своих глазах допускать издевательства над ранеными, ни в чем не замеченными. Калединцы покинули лазарет. Я был подобран санитарами. Недолго пришлось лежать в этом гостеприимном лазарете. Дня через 3—4 меня вместе с моими 8-ю бойцами арестовали и погнали из лазарета пешком под сильным конвоем на Скобелевскую ул., где помещался комендант Ростова. Здесь загнали во двор, где мы увидели у капитальной стены разношерстную шеренгу в 30 чел. Нас пригнали к этой шеренге и приказали раздеваться; тут я узнал несколько знакомых товарищей. Послышалась отрывистая команда офицеров: «взвод слушай, по живым мишеням». Напротив нас в шагах 7 заблистал стальной ряд, направленных на нас в упор винтовочных дул. Сразу у меня внутри все оборвалось; мысль перестала работать, я уже не слышал была ли команда «пли» или нет. Очнувшись немного от оцепенения, на момент охватившего меня, я услышал чей-то грубый бас, приказывавший «отставить» и сейчас же отправить в тюрьму. Из слов товарищей я узнал, что это был

адьютант коменданта. Нас погнали в тюрьму по Скобелевской ул. в одном болье, несмотря на то, что было очень холодно. Товарищи, которые были слабы от ран и медленно двигались, ежеминутно получали удары прикладов. Я еле передвигал ноги и по дороге мне казалось, что воздух был насыщен кровью, потому что я сам был весь в крови.

Наконец, мы добрались до тюрьмы. Тут мы услышали площадную ругань. Конвоиры угощали нас прикладами. Погнали на верхний этаж; вся тюрьма была забита нашим братом, в каждой одиночке было человек 10. Караул несли юнкера и кадеты; они по зверски обращались с заключенными. На просьбу в дверной волчек дать воды или парашу, заключенные получали в ответ выстрелы прямо в волчек камеры. Заставляли каждый день убирать камеры, но не давали ни тряпок, ни параш, приходилось убирать руками. За плохую уборку караул расплачивался прикладами. Умершие товарищи от зверских издевательств, побоев, голода и холода не выносились по двое и трое суток и находились вместе с живыми в тесноте камер. Когда обнаруживали в той или иной камере труп, то заставляли выносить его заключенных той камеры, в которой он был обнаружен и нередко товарищи понесшие труп в подвал не возвращались обратно, запирались в подвале живыми среди трупов или расстреливались. В этом кошмаре мне пришлось просидеть 8 длительных суток. На девятые сутки, часов приблизительно в 12 дня, меня вызывает начальник тюрьмы полковник Ершов к себе. Войдя в его кабинет, я неожиданно увидел своего врача Козлова и сестру Парамонову, которые разговаривали с полковником. После переговоров начальник тюрьмы заявил мне, что я свободен. Врач принес мне верхнее платье. Когда мы вышли на улицу, к тюрьме под'ехал автомобиль; выскочивший оттуда офицер моментально обратился с вопросам к нам, почему меня освободили и спросил фамилию. Тут же он сказал, чтобы я вернулся обратно в тюрьму и добавил: «я привез приговор на 130 человек», меня отправили в старую камеру. Пришел усиленный конвой и забрал с нашего этажа человек 70. Через пол часа вызвали меня в кабинет полковника, где опять увидел я Козлова и Парамонову, опять меня освободили и я вышел из тюрьмы.

На другой день нам удалось освободить только одного товарища,— секретаря Совета при госпитале Буркина, а остальных всех расстреляли. После своего освобождения, в Ростове я прожил полторы недели и направился по направлению к Таганрогу. Не доходя верст 7—8 до города я встретил отряд; меня раздели и хотели расстрелять, но в этот момент один из бойцов выругался в «бога», я тут догадался, куда я попал. Это были красные. Я сообщил им, кто я и почему у меня такие документы. Я был представлен в штаб т. Сиверса, где меня принял сам т. Сиверс, он назначил меня командиром Харьковского Кавполка, с ним я наступал на Ростов.

За одни сутки с боем я был около Ростова, но под сильным напором противника, по приказанию штаба, пришлось отойти обратно. После был получен приказ пробраться в тыл к маневрирующему на ст. Койсуг калединскому броневику, который огнем мешал нашему дальнейшему продвижению на Ростов. Я с одним эскадроном своего полка, надев погоны (я прицепил погоны и запасся документами убитого мною полковника Уварова), прорвавшись благополучно в тыл броневику и разобрав жел. дор. путь, в конном строю повел аттаку на прикрытую броневиком пехоту. Прикрытие нами было опрокинуто одновременно с другой стороны аттакой подошедшей нашей пехоты и броневик был взят. Прислуга броневика, состоявшая из офицерства была тут же уничтожена.

На другой день пришедшими нашими новыми Кавполками была сбита по всему фронту пехота противника. В конном строю были сбиты гусары «смерти» генерала Корнилова. Это был их последний бой. К вечеру Ростов был занят нами. В конном строю мы преследовали противника до Новочеркасска. Новочеркасск в то время был занят полком Голубова. Нас встретила делегация от Голубова, которая вместе с нами прибыла в Новочеркасск.

Через несколько дней отряд Сиверса начал грузиться в эшелоны с целью передвижения на Севастополь. Я вынужден был из-за ранения остаться в Ростове и продолжать лечение. Пробыв в Ростове после от'езда Сиверса дня 3—4, я получил сведения из Александрова-Грушевского, что после ухода отряда Мокроусова боевых сил там очень мало, а она необходима для сторожевой охраны от налета раздробленных калединских партизанских шаек. В Александрове-Грушевском встретились с товарищами А. Панниковым, Калюжным. В Исполнительном Комитете не было твердого руководящего военного организатора. Нам с Панниковым и Калюжным исполнительный комитет разрешил устроить собрание рабочих и солдат, чтобы организовать солдатский комитет. Последний взял военную организацию в свои руки. Я был назначен командиром Красной Гвардии. Наш отряд получил боевое крещение в бою под станцией Чирской. Когда меня отозвали из Белой Калитвы, где я охранял железнодорожный мост с малочисленными кучками партизан, я прибыл в распоряжение военного комиссара тов. Гончаренко, от которого и узнал, что Голубов изменил.

На следующий же день я выступил на Новочеркасск, где был сильно ранен; командование передал тов. Калюжному и отправился на излечение в г. Шахты. Отсюда я снова прибыл на фронт к Петропавловскому руднику. Затем поехал в Новочеркасск, где уже был наш отряд, который занял город. Здесь я был назначен начальником гарнизона. Через несколько дней меня вызвал на станцию тов. Сулишенко и приказал выехать на паровозе в Персиановку, на которую наступали партизаны со стороны Грушевки. Мы обстреляли рассыпавшихся у тюремного огорода белых. В это время мы только узнали, что впереди нас на путях бронéвик и нам угрожает крушение, но машинист не смог остановить паровоз. Я лег в угол тендера и ждал смерти. От столкновения паровоза с броневиком мне пришлось вместе с углем лететь к топке паровоза, но я, не потеряв сознание, раскидал уголь, чем и спасся, но весь был в крови, тяжело ранен и ушиблен. Я слез с паровоза и потерял сознание. Цепь отряда подобрала меня и отнесла в сторону. В это время загорелись вагоны со снарядами и бронепоезд. Я пролежал в балке под открытым небом под гул разрывающихся снарядов. Затем на площадке меня отправили в Шахты. Но до Шахт я не доехал, ввиду того, что на станции Каменоломня меня задержали матросы; здесь кто-то пустил слух, что якобы я предатель и контрреволюционер. Матросы хотели меня расстрелять, считая меня офицером. Но благодаря своим рабочим, которые хорошо меня знали, я был спасен. Товарищи Свежинский и Урывский взяли меня и перенесли на ст. Каменоломня, где меня опять окружили матросы, которые снова пытались расстрелять меня. Но комендант станции знал меня, как командира Красной Гвардии, запротестовал, его поддержал и командир бронепоезда. Тогда матросы возвратили мое оружие и взяли в штаб в Новочеркасск для выяснения личности.

А. Рожков.

Север в борьбе с Калединщиной.

ОБРЫВКИ ВОСПОМИНАНИЙ *).

В конце нояря 1917 года к нам в штаб Московского Военного Округа явились назначенные против Каледина и Украинской Рады бывший полковник Муравьев и Антонов-Овсеенко, чтобы посоветоваться, как организовать армию.

После этого совещания тов. Муралов поручил мне об'ехать весь Московский Округ, чтобы поднять клич среди солдат и рабочих: — «На юг за хлебом! Против Каледина»!

Я об'ехал весь округ. Во всех городах происходила одна и та же картина. Солдатские массы, скинув старых офицеров с их командных постов, оставили их простыми рядовыми. Эти г. г. очень умело и ловко повели свою контр-революционную агитацию. «Мы теперь власть, пойдем и потребуем у Советов, чтобы разделили водку и спирт из винных складов». Во всех городах кончалось одним и тем же: громили винные склады, и, — как Рыбинский, — был сожжен не один.

По приезде в Кострому я застал дикую картину. Губисполком, защищая склад, поставил там проволочные заграждения. Мы вечером назначили экстренное собрание Губисполкома, чтобы решить, каким образом спасти склад, и решили поручить водопроводному инженеру спустить вино и спирт в Волгу. В 3 часа меня разбудили сообщением о том, что спирт и вино пущены в водопровод города. Мы арестовали этого инженера и сказали ему, что если через два часа спирт не будет спущен в реку, мы его расстреляем. К счастью, это было в 3 часа ночи, город об этом не знал. К 5 часам спирт и водка были спущены в реку. Но в 5 часов утра водопровод еще пахнул водкой и город весь поднялся на ноги – почуяли запах, но спирт уже был спущен в реку. В 6 часов утра можно было наблюдать картину, как бабы, мужики из подо льда доставали воду, думая, что можно спасти спирт.

В такой атмосфере наша агитация против Каледина «за хлебом на Дон»—сначала успех имела очень небольшой. Первые отряды, которые мне пришлось организовать явились очень печальными. Это были авантюристы, в большинстве случаев, которые, доезжая до какой-нибудь большой станции, начинали ее громить.

В общем говоря, более или менее приличные отряды из всех больших фабричных городов удалось с'организовать в количестве не больше 2 тысяч.

После того, как я приехал назад в Москву, тов. Муралов предложил мне поехать в Воронеж на с'езд, так как там должны были собраться представители фронтовых казаков, рабочих Донбасса и крестьян. На этот с'езд мы отправились—я—от штаба Московского Военного Округа, тов. Янышев

*) Стенограмма рассказа. **Ред.**

от Московского Совета и рядовой солдат (его фамилию забыл)—от Всероссийского ЦИК'а. Когда мы приехали в Воронеж, то застали там печальную картину. На с'езд явилось всего 20 — 30 человек. Там мы узнали, что в станице Каменской собирается с'езд казаков-фронтовиков. Мы решили отправиться на этот с'езд в станицу Каменскую.

Станица Каменская — это был центр донских контр-революционных войск. Наши войска занимали станцию Кантемировку, откуда до станции Каменской 3 остановки. Нас нисколько в тот момент не пугала мысль о том, что мы поедем прямо, непосредственно в пасть к Каледину. Мы считали, что нужно поехать туда безоружными, но не забыли захватить целый вагон литературы, какая только нашлась в Воронеже.

В Черткове, где были расположены наши войска, покойный т. Петров, командующий нашими войсками, пришел в ужас от нашей поездки.

Отправились от станции Чертково. Приезжаем на первую станцию и ожидаем, что нас арестуют, но, повидимому, Каледин и его правительство растерялись и нас не арестовали. Под'езжаем ко второй станции — нас тоже не арестовывают.

Наконец, под'езжаем к станции Каменской. Смелости у нас оказалось настолько много, что мы наняли подводу и стали таскать литературу из вагона на эту подводу, так что растерявшиеся жандармы никак не могли понять, в чем дело. Узнали, где с'езд. Оказалось — в школе. Когда мы туда приехали, то не меньше неудомевал и президиум с'езда. Когда я председателю, покойному тов. Подтелкову, показал свой мандат из штаба Московского Округа, то он не знал, что ему делать, — так он растерялся. Я предложил, чтобы он дал слово для приветствий мне и приехавшим товарищам. Он слово дал.

Теперь два слова о с'езде. С'езд состоял из фронтовиков-казаков. Сразу это чувствовалось. Вместе с нами на с'езд приехали представители донских рабочих, крестьян и красных частей.

После наших приветственных речей настроение с'езда очень поднялось, а тут вдруг президиум получил телеграмму, перехваченную телеграфистами на станции Каменской. В телеграмме Каледин приказывает войсковому атаману станицы Каменской арестовать с'езд и приехавших большевиков доставить в Ростов на Дону. Подтелков, получив эту телеграмму, передал ее мне с вопросом, что делать. Я предложил ему устроить перерыв, причем предложил президиуму не выпускать никого со с'езда, пока перерыв не окончится. Президиум с моим предложением согласился, и Подтелков об'явил, что получена очень важная телеграмма, президиум с приехавшими гостями пойдет совещаться и, пока не закончится совещание, никого со с'езда не выпустят. Я предложил во время перерыва пригласить на совещание президиума маленькую группку коммунистов, бывшую в станице Каменской, а также и представителей от рабочих. Когда мы начали совещаться, то казаки сначала совсем расстерялись. Но, когда мы поставили вопросы ребром о том, что или нас сейчас арестуют или мы арестуем все власти в станице Каменской и об'явим себя правительством,—казаки сначала не хотели решиться на столь решительные действия, но донецкие рабочие нас поддержали, что дало больше уверенности казакам, президиум же с нашим предложением единогласно согласился.

Мы выходим к с'езду. Подтелков предложил мне об'явить о нашем решении. Очень большой агитационной речи мне не пришлось говорить. Когда с'езд узнал о телеграмме Каледина, о том, что нас собираются арестовать, настроение было настолько приподнятое, что второе наше предложение—об'явить себя правительством было принято с большим

под'емом. С'езд принял еще одно решение—не расходиться, пока не будет утверждена власть и поручил президиуму взять управление на себя. Всю ночь мы не расходились. Но нужно было полюбоваться на того же Подтелкова и весь президиум в их энергичных решениях.

Сейчас же были назначены полки, которым и было поручено арестовать все власти в станице Каменской и арестовать штаб дивизии на станции Глубокой, причем надо отметить, что нам удалось арестовать штаб дивизии на полчаса раньше, чем он хотел привести в исполнение приказ Каледина о нашем аресте.

В станице Каменской обошлось дело без всякого кровопролития, все это произошло за ночь. К утру у тов. Подтелкова и некоторых казаков начались колебания такого рода, как они мне заявили,—«что скажут старики».

Я вспоминаю тов. Подтелкова: здоровенный мужчина, лет 35, который убеждал меня, что он никогда без согласия стариков ничего не делал. Мне казалось это чрезвычайно непонятным тогда. Я его убеждал, что мы не испугались Каледина, не испугались об'явить себя правительством, неужели мы с «отцами и матерями» не сможем сговориться. Но я плохо знал быт донского казачества.

Мы все-таки решили набатным колоколом созвать сход в станице Каменской. На рассвете набат поднял всю станицу—и стариков, и женщин, и детей.

Около школы, где заседал с'езд был невиданный первый митинг в станице Каменской. Подтелков просил меня не говорить, боясь, что моя еврейская физиономия не понравится донским казакам.

Начался для меня совершенно непонятный митинг. Среди моря мужских, женских и детских голов на телеге встал Подтелков и давай креститься*) на все четыре стороны. Он начал свою речь с того, что «отцы-станичники, мы сегодня ночью, не спросясь вашего благословения, совершили революцию». Я долго слушал его очень спутанную речь, довольно трусливую, и чувствовал, что настроение толпы куда переросло речь Подтелкова. Я решился говорить. В начале моей речи, правда, раздавались крики:—«Жид, какой станицы—Жидовской» и т. д., но настроение толпы настолько росло, что в середине своей речи я заметил, как казачки стали сдирать погоны с офицеров. Ясно было сочувствие массы к совершившемуся факту.

Между прочим, один очень интересный факт. После моего выступления выступил один старик, и этот старик в своей речи рассказывал о Минине, председателе Царицынского Совета и своеобразно изложил теорию большевиков. Он говорил: «Я был у самого большого большевика—Минина, председателя Царицынского Совета, и он мне рассказал, что такое большевики в двух словах: «грабь награбленное». Вы станичники не поймете, что такое большевики и я сразу не понял, а вот мне Минин сказал одну фразу, так что я понял: «Грабь награбленное». Буржуи грабили, а мы будем грабить награбленное. Станичники, чего нам бояться, нас нечего грабить, мы сами голый народ, а у кого есть чего бояться,—те пусть**) и боятся». Это было очень эффектным выступлением и я помню, что оно произвело более сильное впечатление, чем все речи—и моя и Подтелковская.

---

*) Ряд товарищей, организовывавших этот митинг, оспаривают данный факт. **Редакция.**

) Это был казак Иванченко. **Редакция.

После митинга продолжался с'езд. У Подтелкова явилось второе сомнение: «революцию-то мы совершили, а где у нас средства».

Отклоняюсь немного назад. Революционное настроение казачества об'яснялось также и тем, что несколько месяцев не выдавали женам фронтовиков никаких пособий. В станице не было ни одного аршина мануфактуры, население ложилось спать, как только стемнеет, так как не было абсолютно ни одного фунта керосина.

С'езд не мог решиться об'явить себя с'ездом советов и, вообще, будущая форма правления была покрыта большим туманом. Мне казалось, что в голове Подтелкова было большое сомнение насчет установления Советской власти. Я предложил сначала президиуму, а потом это предложено было с'езду, послать делегацию в Петербург на происходящий 3 с'езд Советов,—делегацию от донского казачества. Не устанавливая окончательной формы правления Донской области, мы решили связаться с Всероссийским правительством и просить у него помощи. Президиум и с'езд с моим предложением согласились. Была выбрана делегация; с'езд постановил выбрать и меня в качестве не то делегата, не то заложника. Провожали нас жители станицы очень тепло. Сначала к нам относились очень недоверчиво и скверно, какие-то легенды про нас рассказывали, а провожали нас замечательно тепло, в особенности женское население. Оно относилось к нам весьма сочувственно, в особенности за лозунг «Долой войну» и за возвращение мужей с войны.

В станице Каменской была маленькая коммунистическая фракция. До нашего приезда она находилась в подполье. В этот же день она с'умела развить очень большую работу, в особенности при помощи рабочих, членов с'езда шахтеров. В этот день была проведена такая масса митингов, что к моменту от'езда нашего со станции нас сопровождали громадные толпы сочувствовавшего нам населения. Наш от'езд не был похож на наш приезд. Организованное казачье население было настолько велико, что наш маленький поезд встречали на станциях весьма торжественно.

Нужно было увидеть на станции Чертково удивленное лицо тов. Петрова, который был столько же поражен тем, что мы благополучно вернулись, сколько и тем, что произошло. Это же самое повторилось и в Воронеже. Воронежские товарищи никак не ожидали такого конца. В Воронеже же было первое мое разочарование. Я обещал на митинге в Каменской прислать керосину и мануфактуры, и, когда я в Воронежском Губисполкоме поставил условием обязательную отправку на станцию Каменскую цистерны керосина,—товарищи все были против. После очень больших трудов и чуть ли не угрозы раскассированием—эта цистерна все-таки была отправлена. Как я узнал после эта цистерна все-таки не попала в Каменскую, она «революционизировалась» где-то по дороге. Потом, будучи в Москве, мы просили, кажется, Муралова или Московский Совет послать туда мануфактуру. В конце концов, по постановлению Московского Совета мануфактура была послана, но, кажется, попала не туда, куда следует. Муралов послал военное обмундирование и снаряжение, так что я оправдал себя только в одном—в отношении военного ведомства, а в отношении гражданского—ничего, кажется, не послал.

По дороге в Москву настроение моих казаков, ехавших со мной, начало подниматься. Я просил их не говорить от имени Донского казачества, как органа советов, а фронтовиков-революционеров, помня, что на с'езде форма правления не была еще решена. Мои провожатые были недовольны этим и требовали от меня, чтобы я говорил о признании ими Советской власти.

Мы приехали в Петербург. Передо мной стоял вопрос, куда и как явиться. Я позвонил по телефону сначала тов. Подвойскому, тогдашнему Наркомвоену. Тот не разобрал, в чем дело, и нас не принял. Тогда я позвонил в Смольный по телефону Владимиру Ильичу Ленину, что я приехал с казаками Донской области. Владимир Ильич прислал нам свой автомобиль и сказал, что он сейчас же нас примет. В Смольном очень легко нас пропустили. Когда мы под'езжали к Смольному в автомобиле, Захаров (один из моих спутников) мне сказал, что он будет говорить от имени Советской власти Донской области. Помню, что, когда мы вошли в кабинет, то первая встреча казаков с т. Лениным произвела на них очень сильное впечатление. Когда нас ввели в кабинет, кажется, Захаров сказал: «От имени донского революционного казачества приветствую Председателя Совнаркома и Советской России», на что тов. Ленин ответил ему в тон, с достоинством: «От имени Советской России приветствую донское революционное казачество».

Мои казаки оказались плохими ораторами и мне пришлось рассказать тов. Ленину все происшедшее на с'езде.

Владимир Ильич предложил мне отправиться вниз на происходящее собрание Петроградского Совета и рассказать все, что произошло, предварительно написав записку покойному тов. Свердлову, чтобы он дал слово. На Петроградском Совете наше сообщение произвело большой фурор. Тов. Свердлов нас пригласил вечером на заседание С'езда Советов. На С'езде Советов мы тоже произвели большой фурор. И дальше была очень любопытная вещь.

Вечером, когда мы очутились в номере гостинницы «Астория», мы начали делиться впечатлениями, и мои казаки очень революционизировались и предложили мне сами на следующий день арестовать и разогнать Совет казачьего войска при ВЦИК'е. Несмотря на весь свой революционный темперамент, я не решился дать им на это ответ, позвонил Подвойскому и рассказал об этом плане. В Петрограде стояли донские казачьи полки. План был таков, чтобы устроить у них митинг и вместе с ними пойти и разогнать Совет казачьих войск при ВЦИК'е, состоявший из чиновников и офицеров. Подвойский, который уже иначе с нами разговаривал, на это согласился и на завтра все казачьи части, стоявшие в Петрограде и его окрестностях, были приглашены на большой митинг в цирке Чинизелли и после нашего доклада мы отправились большой демонстрацией во главе с казаками, разогнали Совет казачьих Войск при ВЦИК'е и создали казачью секцию при ВЦИК'е.

Вернусь немного назад. Когда мы вечером в номере «Астории» обсуждали дневные события, то на меня произвело большое впечатление, что прием т. Ленина имел прямо решающее значение. Я говорил своим казакам, что мы не имеем права действовать от имени Советской власти Донской области, потому что неизвестно, что примет С'езд Советов. А мне казаки говорят на это: «А, ну тебя к черту, если только мы приедем в Донскую область и скажем, что нам тов. Ленин даст и мануфактуру и керосин, то наверное будет Советская власть». И вот тогда-то они мне сами и предложили арестовать и разогнать этот Совет казачьих войск. Еще одно, когда я начал созваниваться с Подвойским по этому вопросу, то он тоже сразу не дал ответа, а пошел советоваться с т.т. Троцким и Лениным и через некоторое время дал согласие.

В заключение, должен сообщить, что петроградские казаки приняли наше предложение «вернуться на Дон и доканчивать революцию» с гро-

мадным энтузиазмом. Надо сказать, что эти три полка (1, 4 и 14) сыграли крупнейшую роль в революционной борьбе в Питере и на Дону.

Тут я считал свою миссию законченной.

Мандельштам («Одиссей»).

КАК РЕАГИРОВАЛ СЕВЕР.

Москва. Морозный день декабря 1917 года; на домах улиц еще следы недавней борьбы. С разных концов тогдашней Московской губернии с'ехались представители советов рабочих и солдатских депутатов на Губернский С'езд для решения ряда вопросов, поставленных победой Октября пред рабочими и крестьянами России, а значит и нашей Московской губернии. Среди участников С'езда много товарищей, несколько недель тому назад боровшихся с белой Москвой на баррикадах. Слушаем полный сил и энтузиазма доклад о борьбе тов. Усиевича и продолжаем занятия С'езда. (Тов. Усиевич убит на Вост. фронте).

Живет Советская Красная Москва и строит новое здание, но враги трудящихся, будучи разбиты в Петрограде и Москве, не имея сил выступить в северных городах, перебросились на юг, и в то самое время, когда сотни представителей рабочих и солдат Московской губернии собрались на свой с'езд, меньше всего для того, чтобы обсуждать военные дела, а для того, чтобы наметить пути Советского хозяйственного строительства — белогвардейцы организуют Калединщину.

Время не ждет, там на Юге уже льется рабоче-крестьянская кровь, там идет борьба, там нужна наша помощь, и некоторые участники в день получения известия от Московского Военного Округа покидают С'езд, едут на места для формирования добровольческих отрядов.

Комиссариат Московского Военного Округа берет на себя руководство этой работой, высылая членов своего штаба также на места.

Вечером уходит поезд — едут ярославцы, костромичи и с ними член штаба МВО тов. Мандельштам.

Мне, как ярославцу, пришлось остановиться в Ярославле и взяться за формирование отрядов.

Мандельштам проинструктировал, проехал в Кострому, а когда чрез несколько дней он возвратился, мы уже имели несколько сот записавшихся по своим частям добровольцев. «Опасность Октябрю», «Нужна помощь Югу», «Все на борьбу с Калединщиной»! вот наши лозунги, с коими мы шли к солдатам и рабочим Ярославля.

Нашей задачей являлось срочно сформировать один отряд и отправить его в Москву для дальнейшего направления и, если это будет нужно, то и переформирования, ибо эта работа проходила под руководством Московского Военного Округа. К формированию отряда приступлено было так: во всех частях нашего гарнизона были проведены общие собрания с раз'яснением стоящей задачи, после чего в течение нескольких дней велась запись добровольцев, по окончании каковой записавшиеся откомандировывались в отряд, который формировался при 210 пехотном запасном полку. Отряд формировался из солдат старой армии; все пехотные части гарнизона, 209, 210, 211, 254 запасные полки, дали в него добровольцев.

В течение недели организация была закончена и отряд численностью до 400 человек, снабженный всем необходимым был отправлен в Москву в распоряжение Московского Военного Округа.

Начальником отряда был назначен член полкового Комитета 210 пехотного зап. полка (фамилии его я уже не помню). До Москвы отряд сопровождался членом Исполнительного Комитета Ярославского Совета товарищем Афанасьевым.

Так рабочие и солдаты Ярославля почти одновременно с Питерцами (27-го окт.), отняв у буржуазии власть, создали власть Советов и чрез несколько недель, услышав опасность с Юга, красные Ярославцы берутся за оружие, туго набивают патронташи и едут на помощь трудящимся Юга.

Д. И. Гарновский.

Наши мертвецы.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА ФАДЕЕВА-ВАСИЛЬЕВА.

В ночь с 6 на 7 февраля 1918 года был убит белогвардейцами Председатель Союза «Игла» и товарищ Председателя Ростово-Нахичеванского городского Совета Рабочих Депутатов периода Калединщины, тов. Фадеев-Васильев. На него покушения белых были неоднократны и последнее удалось при следующих обстоятельствах:

Возвратясь домой в 2 часа ночи с заседания правления Союза, тов. Фадеев-Васильев сейчас же был арестован пьяными офицерами, которые повели его в управление милиции на Скобелевскую ул. Там белобандиты его пытали, допрашивая, где находится комитет большевиков и требовали, чтобы он выдал активных большевиков, но этого им от него добиться не удалось и они решили с ним расправиться.

Часов в 5 утра офицеры вывели тов. Фадеева-Васильева на улицу и сказали «уходи», а сами вслед начали стрелять и бить шашками.

Утром он был подобран с пробитой головой и несколькими огнестрельными и штыковыми ранами на теле.

Вспоминая об этом, я до сих пор хорошо помню, как в тот роковой вечер мы с тов. Фадеевым-Васильевым шли во 2-м часу ночи домой. Он, совершенно ничего не думая о смерти, обсуждал со мной план работы, в связи с тем, что на Ростов со всех сторон надвигались красные войска.

На второй день после убийства «Приазовский Край» в отделе происшествий написал, что при попытке бежать убит такой-то, а меньшевистское «Рабочее Дело» написало плаксивый некролог и пожаловалось на бесчеловечное поведение власти, и тем дело закончилось.

Тов. Фадеев-Васильев, работая около 10-ти лет в революционной борьбе, был истинным и стойким революционером и практическим работником—бойцом за идею коммунизма.

Григорий Прокофьевич Фадеев-Васильев родился в 1888 г. в Ильинской волости, Дмитровского уезда, Московской губ. Отец его был бедный крестьянин Фадеев Прохор (фамилию Васильев тов. Фадеев приписал себе сам во время Калединщины, смыв на паспорте свою и поставив—Васильев). 12—13 лет тов. Фадеев попал в учение в качестве портного в Москву и 19 лет уже вступил в революционную борьбу. В 1908 году тов. Фадеев за забастовку в мастерской готового платья фирмы Чернышева был арестован, просидел в тюрьме три месяца, после чего, как организатор, был выслан в административном порядке из столицы. В 1910 года тов. Фадеев опять попадает в Москву и ведет работу по подготовке к празднованию 1-го Мая. За пять—шесть дней до 1-го Мая работа по подготовке к празднованию 1-го Мая шла быстрым темпом; собирались конспиративные кружки, делались доклады и пр. Тов. Фадеев в этой работе принимал самое живое

участие, он неоднократно выступал на собраниях, делал доклады. Массовка хотя и состоялась, но была скоро раскрыта жандармами и многие участники и руководители ее были арестованы. Тов. Фадеева арестовать не удалось, он успел скрыться.

Вскоре тов. Фадеев опять появился в Москве и повел свою работу между швейниками, организовывая их в Союз. За проведение общего собрания снова попадает в тюрьму на 1 год, после чего высылается в Харьков, где конец 11 и 12 года работает активно в своем Союзе, занимая долгое время место председателя Союза. В Декабре 1912 года тов. Фадеев, узнав, что некоторые члены Правления Союза арестованы, и что его ждет та же участь, уезжает в Ростов, где также участвует в работе своего Союза.

В Члены партии большевиков тов. Фадеев вступил в феврале месяце 1913 года, будучи активным работником Союза, который был почти сплошь большевистский. Тов. Фадеев еще глубже повел работу, уже как агитатор-большевик.

Все это время тов. Фадеев работал в Ростове до дня его смерти. Во время революции тов. Фадеев был одним из активнейших работников, как Союза, так и партии: он работал в Совете Рабочих Депутатов и в Партийном Комитете.

Во время Корниловского мятежа тов. Фадеев активно работает по организации Красной Гвардии и вооружает рабочих. В Октябре он работал членом Партийного Комитета и вел горячую инициативную работу в президиуме Совета Рабочих Депутатов и Союзе. После поражения большевиков тов. Фадеев остается в Ростове, и чтобы кое-как скрыться, он меняет себе фамилию и поступает в милицию в качестве милиционера, неустанно продолжая работу в Партийном Комитете и Союзе. В декабре тов. Фадеев едет в Воронеж на с'езд Советов Донской области. Там он участвует во всей работе с'езда, агитирует некоторое время в казачьих войсковых частях.

По возвращении в Ростов, тов. Фадеев на фракции большевиков, затем на пленуме делает доклад о с'езде. На пленеуме меньшевики поднимают скандал, говоря, что не уполномачивали его на этот с'езд и потому не хотят его слушать... Кроме того, тов. Фадеев принял деятельное участие в 3-х дневной мертвой стачке и вел усиленную работу, способствовавшую быстрейшему продвижению красных войск к Ростову.

Прихода Советских Войск тов. Фадеев-Васильев не дождался в неравном бою с пьяной белогвардейской сволочью.

После смерти тов. Фадеев лежал две недели непохороненным.

Ростовские рабочие были заняты работой по организации и укреплению Советской власти на Дону и о нем позабыли. Похоронить его с должной честью удалось только по окончании этой работы.

Д. Шинкаренко.

М. И. ЖУРАВЛЕВ.

Михаил Иванович Журавлев родился в 1887 году. Сын крестьянина Владимирской губернии. Отец Михаила Ивановича Журавлева приехал в город Ростов на Дону со всею семьею в 90-х годах и работал сперва на берегу Дона грузчиком, а позже в пароходстве Парамонова в качестве кочегара.

Михаил Журавлев 10-ти лет отдан был в завод фруктовых вод, где он выполнял разнообразную работу, начиная с обмойки бутылок и кончая уборкой конюшни. До 15-ти лет он пробыл в заводе фруктовых вод и пришел к убеждению, что дальше развозчика он ничему не выучится, и решил переменить службу; начал просить отца, чтобы тот отдал кому-нибудь его для ученья ремеслу. Отец согласился отдать одному знакомому портному в качестве ученика. Михаил Иванович Журавлев начинает учиться быть портным, но и здесь ему не повезло. Умер отец, остались мать с малолетним братом и 2-мя сестренками без всяких средств к дальнейшему существованию. Михаил Иванович решил бросить ученье портняжеству для того, чтобы помочь своей семье. После смерти отца должность кочегара заменил юноша 16-ти лет — Михаил Иванович Журавлев, как будто по наследству. Памятуя о том, что отец сильно выпивал, устраивая дома скандалы в семье, и получивши по наследству от отца кочегарство и узнав прелести непосильного труда для 16-тилетняго юноши, у него созрела мысль—не итти по пути отца (что приводило отца к пьянству). Он себя стал чувствовать главою семьи, но сознавая, что, получая гроши за свой тяжелый труд, не мог дать все то, что нужно семье, Михаил Иванович начал задумываться о том, как-бы ему выучиться грамоте и быть машинистом, зная, что только наука даст ему знание. Купил себе азбучку за 5 копеек и на досуге, после каторжного труда, начал просить грамотных рабочих, чтобы они ему показывали азы. Молодые рабочие сперва над ним подтрунивали, но видя, что парень взялся прилежно за азбуку, они ему помогли. Для упражнения и чтении, он начал выписывать газету «Донская Речь», прочитывая ее ежедневно с передовицы и кончая об'явлениями. Он острил, — «плачено за все страницы, а потому нужно и читать все». В течение года он научился бегло читать и приучил себя к постоянному чтению газеты. Газета для него была вторым хлебом, без нее он не мог обойтись в своей повседневной жизни. Михаил Иванович Журавлев, читая газету вслух перед рабочими, пускался в рассуждения и рабочие палубы уже на него смотрели, как на умного парня.

В 1905 г. в навигацию Михаил Иванович получил повышение — с должности кочегара переведен в масленщики. Прийдя домой, он подскакивал на одной ноге и об'явил семье, что он старший масляк и тут-же матери сказал, чтобы она отдала сестренку учиться в частную школу, и поучительно добавил: «Ученье свет, неученье слепота».

Но Михаил Иванович Журавлев не ограничился только исканием профессионального знания, у него зачастую созревала мысль о той тяжести, которая пала на рабочих. Он искал пути и задавал не раз себе и другим рабочим вопрос: «почему поставлен так дурацки мир, что те, которые все создают, ничем не пользуются, даже наука для одних доступна, а для других нет».

И вот сплошной год борьбы рабочих с предпринимателями заставил Михаила Ивановича Журавлева окунуться в активную политическую борьбу 1905 года.

В октябре месяце он принял самое активное участие в борьбе с погромщиками, не только словом, но и делом. Он уже узнал, что травля национальности является оружием к затемнению рабочих масс и отвлечению их от борьбы с самодержавным строем. Веру в царей и богов он потерял после расстрела рабочих Питера помазанником Николаем Кровавым 9-го Января.

Восстание рабочих 13-го декабря в Ростове. Михаил Иванович Журавлев был в летучем отряде. Он гарцовал на лошади во всю; проби-

ваясь в Нахичевань, привозил оттуда патроны, принимал в боях самое активное участие. 15-го декабря Михаил Иванович направился с товарищем Жарковым—донским матросом на вылазку на станцию. Вылазка увенчалась успехом; из-за вагонов начали они выслеживать врагов. Михаил Иванович предлагает Жаркову в знак доказательства своей вылазки во что-бы то ни стало привести пленника. Сказано и сделано — он пробирается ближе, к станционной уборной. Жарков остается для наблюдения за вагоном, стоящим вблизи; и вот, казак Денисов идет в уборную. Журавлев, спустя несколько минут вскакивает в уборную, забирает винтовку, снимает шашку и предлагает казаку следовать за ним. Приведя к баррикадам казака Денисова на Коцебу, он заявляет «Максу»—начальнику боевой дружины с легкой остротой:—«Вот, Вам—музыкант, а скрипка—мне», указывая на казака и на винтовку, «смычек могу отдать Вам» — и передает шашку начальнику. Журавлеву дается пять человек для разведки и он шествует с ними ночью по Садовой. Выяснив, где находятся составы казацкие, возвращаясь в штаб, по пути случайно замечает, что в гостинице «Москва» на Большом проспекте греется отряд казаков в 7 человек и 1 городовой. По команде Михаила Ивановича быстро вскакивает вместе с ним дружина с 4-мя человеками. Командуя «руки вверх» овладевают винтовками и спускается по направлению Дона, и таким путем благополучно доставляет в штаб винтовки, городового, казаков-же не тронули, только приказали им в течение получаса не трогаться с места.

Итак тов. Журавлев от 13 дек. по 19 дек. все время был в боях. И вот, 19 декабря вечером, пробираясь в Нахичевань по поручению штаба, он был арестован городовыми отведен в 4-й участок, где и был подвергнут избиению. Его выводили из камеры в канцелярию для допроса по 3 раза в день и заставляли влазить на стол и кричать «товарищи, не расходись» и петь марсельезу. Он становился на стол и заявлял: «марсельзу» петь я буду, но «боже царя»—никогда. За такую смелость подвергался жестокому избиению и когда был переведен в тюрьму, то он уже ничего не видел, у него сильно были повреждены глаза, иссечена голова и тело все в синяках. Товарищи заключенные старательно за ним ухаживали. Был приглашен глазной доктор Гуревич, который его до некоторой степени вылечил.

Но и в тюрьме тов. Журавлев немало вел борьбу с администрацией, за что неоднократно сидел в карцере, а также выдерживал стойко тюремные голодовки.

Михаил Иванович Журавлев обвинялся по 100 и 102 статьям 2-й части, на ряду с группой других товарищей. Сидя в тюрьме и ожидая суда, он изучал русский язык, арифметику и политэкономию. Настал суд. Михаил Иванович Журавлев перед группой 43 человек настаивал вести себя прилично на суде, в смысле достоинства революционера. На суде его революционность была доказана на деле. Когда председатель военного Одесского суда генерал Иванов начал стучать по столу и кричать на свидетеля Акимова за то, что тот в своем показании подчеркнул о диких расправах казаков и бесчинствах, в это время подсудимый т. Голдинский, соскочив со скамьи подсудимых, крикнул на председателя: «Подлец. Это не суд, а место терпимости», и добавил иронически,—«когда свидетели защиты говорят не в пользу палачей, то вы им зажимаете рты. Позор». Председатель суда удаляет Голдинского. Михаил Иванович Журавлев поднимается и говорит: «Я вполне присоединяюсь к высказанному тов. Голдинским». За ним следуют с такими же заявлениями товарищи—Рейзман, Алеша Беленец, Хаевский Исаак и Рахманов. Председатель не замедлил удалять

и выводить присоединявшихся к Журавлеву. Но видя, что продолжают подниматься один за одним и удалившись уже 6 человек, сделал немедленно перерыв и после перерыва предложил 5-ти человекам войти, кроме Гольдинского. Все 5 человек отказались войти в суд и в результате Журавлев получил 15 лет каторги, но, ввиду его несовершеннолетия, применили «скидку» 1/3—а после суда заковали. Михаил Иванович занялся упорно изучением марксистской литературы. Учителем его был тов. Семен Филиппович Васильченко, с которым он сидел после суда вместе в одной камере.

Прибыв из ссылки в 1917 г., он вступил в социал-демократическую рабочую партию (большевиков). В 1918 г. был арестован в Старочеркасске белой нечистью. Бежал. Все время в революционный период выполнял самые разнообразные задания коммунистической партии, начиная от заданий Казанского Губисполкома по борьбе с чехо-словаками и кончая Донской Областью по работе в ЧК.

В 1920 г. заболел тифом и во время прорыва белыми Ростовского фронта*) был эвакуирован, но попал в руки белых палачей около деревушки Каменоломни, которые его раздели до нога, рассекли ему голову и бросили на произвол. Крепкая и закаленная натура Михаила Ивановича Журавлева выдержала. Он пролежал голый при сильном морозе на снегу, около 5 часов. Когда уехали белые палачи, его подобрали крестьяне, но вскоре опять появилась банда белых, которая всячески издевалась над ним. Вот один из эпизодов, который он сам перед смертью мне рассказывал: «Я пришел в сознание. Меня спрашивает один офицер: «скажи, ты комиссар»? — Я ему отвечаю. Дальше, — «ты видишь вот эту шашку»? Вмешивается в разговор другой казак и продолжает: «эта шашка отрубила десять комиссарских голов, твоя-же будет одиннадцатая, если ты не скажешь, где у тебя закопано в Ростове золото, а также адреса других комиссаров». «Я отвечаю: «у меня был револьвер системы «Наган», и я этим наганом прострелил таким оболтусам голову — 11 человекам, но, к сожалению, не имею возможности прострелить твою 12». За что и подвергся сильному избиению ногами и выброшен былв холодный корридор. Хозяева дома начали упрашивать, чтобы они его не убивали (со слов хозяйки и мальчика, где он помещался). Один из офицеров заявил: «пусть он подохнет, зачем его убивать. Мы знаем большевистскую уловку. Это брошен вызов для того, чтобы избавиться от дальнейших мук».

После того, как отступили казаки с офицерской сворой, Журавлев был перевезен ко мне на квартиру, но уже было поздно. При осмотре доктором признано было заражение горла и что на спасение мало надежды. Через 2 1/2 дня, по прибытии ко мне, Михаил Иванович скончался. До самой смерти он был в полном сознании. Вот его последние слова:

«Жалеть мне не о чем. Я глубоко убежден, что мы победим. Мать, брат и сестры вымерли от голода еще при царизме, да и если бы были в живых, у коммуниста забота не о своем мещанском счастьи, а толкать рабочие массы на путь революции во всем мире»...

Видно, что не докончивши мысль задает вопрос: «слушай, Гриша, тебе дышется легко?». Не дожидаясь ответа заявляет, что ему не посильно тяжело дышать. Вздохнул, вытянулся и уснул навсегда.

Спи, дорогой мученик, герой Пролетарской Революции. Ты не жил для себя. С полным сознанием ты погиб за дело трудящихся и стойко стоял на часах Революции до конца своей жизни. Ты не знаешь, что над

*) в феврале м-це. **Ред.**

твоей скромной могилой на Софиевской площади в Ростове в ознаменование наших революционных праздников снимают шапки тысячи рабочих и преклоняют обнаженные головы над твоей могилой за твои заслуги перед Революцией.

История революционного движения также для тебя уделит место на страницах Революции за твои героические заслуги.

Ученики твои, которые остались в живых, имя Михаила Ивановича Журавлева будут передавать из поколения в поколение.

Г. Черепахин.

ТОВАРИЩ М. И. ЖУРАВЛЕВ.

Ниже среднего роста, плотный, коренастый, блондин, лет 37, с кругловатым, слегка усеянным рябинками и конопатинками лицом, с маленькими, быстро бегающими, прищуренными глазками (один, левый глаз его был поражен полицией при аресте по делу вооруженного восстания в Ростове на Дону в декабре 1905 г.), с саркастической улыбкой на устах, встретил меня Михаил Иванович Журавлев в Ростове на Дону в 1920 году и стал рассказывать, с особо игривым настроением, о своих приключениях, где ему за последнее время пришлось побывать. Рассказал о трудности отступления из Ростова через Ставропольскую губернию, Астраханские песчанные степи на Царицын в 1918 г., о том как дрался он с бандой колчаковцев, как попал к ним в плен и бежал оттуда.

Много и живо говорил о преследованиях генерала Мамонтова, Врангеля и другой подобной нечисти.

Рассказывая о последних путешествиях и боях, он начал сравнивать их с нашими Ростовскими боями против Потоцкого на станции Ростов*) за Нахичеванью, против своры деникинских приспешников. Сморщив немножко нос и прищурив глаза, помолчав, с тяжелым вздохом сказал: «а все же ростовского декабрьского восстания 1905 года я забыть не могу, —ведь это мое первое боевое крещение», и глубокомысленно умолк.

Наконец, лицо его сделалось суровым, он поднял кулак и, погрозив «им» по направлению к Батайску, куда ушли отступившие из Ростова белогвардейцы, воскликнул: «ну, собаки, будете вы меня помнить»!

Обращаясь снова ко мне, стал продолжать рассказывать, как он за свой глаз и 15-летнюю каторгу, полученную им за участие в ростовском вооруженном восстании в декабре 1905 г. отомстил «им». А потом, повысив голос и схватившись обеими руками за голову, многозначительно покачивая ею, сказал: «ах, если бы ты видел, сколько их собачьей крови пролили мы в боях за кровь рабочих, ими пролитую, и сколько этой мрази перетопили в Черном море, то сума бы сошел от радости. Теперь уже капут... Все кончено, мы должны кончить и Николай-«чудотворец» не спасет их».

Но не суждено было ему до конца дождаться победы над своими противниками и палачами рабочего класса. Вскоре на работе он простудился, получил тиф и больным отступил, когда белые ворвались из Батайска в Ростов. Попал больным и безоружным в руки белой банды, которая, избив его, бросила в снег. Будучи больным и избитым, он не мог без посторонней помощи вылезть оттуда. Пролежав в снегу более двух часов, отморозил себе конечности и, получив осложнения, умер.

*) В ноябрьские дни 1917 года. **Ред.**

Похоронен он с почестями, как истинный революционер, старейший член партии РКП, на площади Революции*), что против Управления Влк. ж. д. и куда в дни революционных праздников и торжеств стекаются десятки тысяч рабочих; там происходит парад и красным, пролетарским войскам. И если-бы он встал в эти дни революционных праздников, он, несомненно, крикнул бы: «ну, собаки, попы, буржуи, палачи, теперь мы пойдем вас бить и за Черное море».

Да, это был, действительно, глубоко сознательный и преданный революции и партии пролетарий, кристаллически чистый и смелый товарищ. Его решимость, самоотверженность и преданность делу освобождения рабочего класса должны служить нам образцом.

Иван Лисицын.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ТОРСКИЙ.

Сын священника глухой провинция Польши, он с самых ранних лет проявлял сосредоточенность, вдумчивость и бунтарство. 11 лет, будучи помещен в духовное училище, исключается оттуда за дерзкое молчание.

Без чужой помощи подготовляется в гимназию и держит экзамен во 2-й класс в г. Люблине. Затем переходит в Варшавскую гимназию. Здесь его застает предреволюционная полоса пятого года. Юношей 15 лет он начинает работать в польской социал-демократической рабочей партии. В ее группе-боевиков принимает участие в покушении на пристава г. Варшавы. Для покушения готовит взрывчатый материал. Благодаря неумелому обращению с капсюлем бомбы, во время работы происходит взрыв, в результате чего Владимир лишается четырех пальцев на левой руке. Взрыв проваливает его, и он с группой товарищей попадает в руки царских жандармов. В результате—заключение в Ново-Георгиевской крепости. После полуторагодовой отсидки, приговаривается военным судом к повешению.

Но тут в защиту «заблудшей малолетней овцы» встает, благодаря просьбе отца Торского, епископ Подольский Евлогий. Он просит у царя помилования малолетнего преступника. В результате—замена смерти на высылку заграницу.

16½ лет попадает В. Торский в Швейцарию. Через несколько времени туда же эмигрируют из России его брат Сергей и сестра Галина.

Тут Торский много времени уделяет работе над собой, проходит курс средней школы, изучает теорию марксизма.

В девятом году он возвращается в Россию. Сдает экстерном на аттестат зрелости и поступает в Варшавский Политехникум. Но и двух месяцев ему не удалось проучиться; в административном порядке его высылают в Архангельскую губ. К началу 11 года Торский опять появляется в Варшаве, но двери в университет для него закрыты. Тут вспыхивает волна студенческих забастовок, и Торский по заданиям комитета партии становится во главе их в качестве председателя стачечного комитета, а в результате ссылка в Туркестан. В начале 14 года он опять в Варшаве. Устраивается вольнослушателем юридического факультета. Живет все время под надзором полиции, но продолжает работать в организации. Во

*) «Площадь Революции»—быв. Софиевская площадь между Ростовом и Нахичеванью. **Ред.**

время империалистической войны скитается в разных местах (его гоняет полиция): то Крым, то Тула и, наконец, Дон.

Момент февральской революции застает его в глухих степях Дона. Он начинает там кропотливую работу.

Но тут в его мировоззрении происходит кризис. Не воспринимает он линии большевиков по отношению к Учредительному Собранию. Он против Учредительного Собрания и под влиянием этого выходит из партии, но, уходя, говорит, что он твердо знает, что большевики придут к разгону «Учредилки» и тогда он опять придет к ним.

Но, уйдя от большевиков, он не может быть вне партии: двенадцатилетний стаж за спиной. Активная политическая натура берет свое.

И тут он совершает одну из крупнейших ошибок в своей жизни, так мало согласующихся с его складом ума и и всей его психикой. Он—марксист до мозга костей, не только по интуиции, но и по солидной научной подготовке, идет к анархистам и является организатором ростовской группы анархистов. Конечно, марксистский склад его мышления сквозит в каждом его выступлении, в каждом его поступке и здесь, в группе анархистов.

Тов. Торский остался верен своему слову. Разгон Учредительного Собрания был переходным моментом его кризиса. Он вновь фактически и юридически стал большевиком.

С первого момента занятия Ростова красными войсками (а до этого он вел подпольную работу по заданиям Комитета, держа, главным образом, связь с т. Дунаевским) он погружается в самую активную работу и встает во главе борьбы с контр-революцией в революционной следственной комиссии при штабе ростовской Красной Гвардии.

Затем, с образованием Ревтрибунала, он работает в нем. Кроме своей работы в комиссии, Торский, все время считаясь лучшим оратором, ведет работу на фабриках и заводах и является организатором Красной Гвардии Темерницкого района.

После отступления из Ростова, он попадает в Сочи. Здесь он быстро выдвигается и становится председателем Горсовета, но ненадолго. Фронт приближается и—опять армия. Он председатель следственной комиссии армии южного фронта (т. е. по теперешнему—Начособого отдела армии). Затем эти его функции после введения комиссара соединяются с комиссаром армии. После ликвидации армии Южного фронта, ЦИК Северного Кавказа отзывает Торского в свое распоряжение и назначает Политкомом при Главкоме Сорокине. (Том самом злополучным Сорокине, который впоследствии расстрелял многих наших лучших товарищей).

С Сорокиным Торский работает несколько месяцев и в процессе работы завоевывает большую любовь красноармейцев и уважение Сорокина. Вот эта популярность Торского в армии явилась основной причиной, благодаря которой Сорокин не решился из'ять Торского, не смотря на то, что последний был одним из немногих активных работников, который во время сорокинщины не ушел в подполье и даже, пожалуй, единственным.

После организации Р. В. С. 11-й армии, Торского с поста политкома при главкоме Сорокине снимают и он организует в Пятигорске Бюро военных комиссаров (через Бюро военных комиссаров, в процессе строительства, подошли мы к ПОАРМ'у). После того, как из центральной России приехала группа товарищей для организации ПОАРМ'а, Торский уходит с военной работы на чисто партийную, в качестве секретаря С-КЦК партии. Вдвоем с председателем т. Меньшиковым ведут они все работы. Ведь аппарата партийного тогда не было. Работает в Комитете до

момента отступления из Пятигорска. Тут сваливает его тиф, и он больной, в жару, не желая оставаться в руках белых, идет пешком от Пятигорска до Прохладной. Но тут силы его оставляют и он в течение нескольких дней валяется без памяти, без всякой помощи на полу Прохладненского вокзала. Наконец, его подбирает кто-то из опознавших его товарищей, и он попадает в санитарный поезд (в котором было мало чем лучше вокзала).

К моменту эвакуации из Кизляра я случайно нашла его. Тиф уже прошел, но результатом перенесенной болезни в таких ужасных условиях у него было психическое, правда, легкое расстройство.

Затем степи..... Несмотря на все ужасы переживаемого, выздоравливающий организм берет свое, и Торский начинает приходить в себя, но не надолго. Кошмар степей не давал возможности укрепить силы. Торский раньше времени начал ходить, рыскать за куском хлеба. Это сломило его больное сердце, и он скоропостижно умер в марте месяце 1919 г. Его похоронили со своеобразным почетом. Два калмыка за руки и ноги вытащили его из хаты и, как бревно, швырнули на воз, полный такими же безымянными трупами. Могилы Торского нет, но в сердцах многих товарищей на многие времена осталась о нем светлая память.

И, несмотря на то, что был в его жизни короткий момент шатания, он все-же своей работой для партии в течение 14 лет заслужил, чтоб имя его было занесено в летопись нашей революционной борьбы.

Нина Торская.

РЕВОЛЮЦИОНЕР ГЕРОЙ, ПАВШИЙ МУЧЕНИКОМ.

(В. Ф. Гайдуков).

Василий Федорович Гайдуков был пожилой 46-летний крестьянин Ейского укрепления Ростовского округа Донской области. Но он был пламенный революционер с горячей, юной душой. Проявил большие способности, как организатор красных партизанских отрядов.

В 1917 году после Октября он первый поднял красное знамя борьбы в Ростовском округе. Оставив семью и трех детей, он вместе с 16-летним сыном идет в ряды Красной Гвардии. За свои организаторские способности и боевую отвагу В. Ф. Гайдуков назначается командиром отряда.

Под Торговой он ведет ожесточенную борьбу с генералом Алексеевым. В бою он был всегда впереди. Когда в опасные и трудные минуты ему говорили, что следует беречься, он отвечал:—«Всех нас не убьют, а если меня убьют, сын мой, преданный революции, сумеет отомстить за смерть отца».

Но этим словам не суждено было сбыться. Сын его пал скоро в бою. В 1918 году В. Ф. Гайдуков командовал 1-ым Коммунистическим полком. В декабре он попадает под Царицыном во время ожесточенных боев в плен к белым палачам.

О судьбе его я узнал впоследствии от жителей слободы Карповской. Товарища В. Ф. Гайдукова белые палачи сожгли живым на костре.

Вечная память революционному герою, павшему мучеником.

И. Е. Игнатьев.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. КРИВОШЛЫКОВА.

В Верхне-Донском Округе почти все хутора разбросаны по оврагам над какой-нибудь маленькой речушкой. Вот в одном из таких хуторов родился т. Кривошлыков. Хутор этот называется Ушаков. Разбросан он по обе стороны речушки—Кривуши.

Семья, в которой родился Миша, состояла из 5 человек: деда, бабки, отца, матери и самого Кривошлыкова. Родители его занимались хлебопашеством. Жили они в то время небогато. Кроме хлебопашества, отец его занимался в свободное время работой в кузнице, дабы хотя немного поднять свое хозяйство. Кривошлыков с детства рос вялым, тихим мальчиком, он боялся всего окружающего. Воспитывался он вместе с деревенскими детьми без нянек и мамок. Так как мать его была еще молода и сильна, она все время была в поле, а его оставляла на произвол судьбы. До 7 лет он так жил. Отец его послал учиться в школу. Мальчик очень обрадовался и с жаром стал воспринимать, что преподавалось в сельской школе. Учился он отлично. По окончании начальной школы, он стал просить отца учить его дальше, но отец говорил, что для продолжения образовании у семьи нет средств. В конце концов Миша убедил своего отца и тот отдал его в двухклассную школу в 30-ти верстах от хутора Ушакова. Здесь он учился опять таки почти первым. Хотя очень больших трудов стоило отцу учить его, но тот на это решился. По окончании школы мальчик усиленно стал просить отца еще учить его, но отец категорически заявил своему сыну, что больше учиться нельзя, ибо все деньги, которые он зарабатывал в кузнице, шли на ученье сына. Тогда учитель 2-х классной школы взял Мишу, как хорошего ученика и сам повез на станцию Персиановку, чтобы зачислить его в среднюю сельско-хозяйственную школу. Миша выдержал экзамен на первый курс блестяще—из 30 человек выдержал вторым по своим знаниям и как хороший ученик был зачислен на казенный счет, чего никто не ожидал. Бедный отец до глубины души остался этим доволен. Миша остался в Персиановке и еще прилежнее принялся учиться. По рассказам его товарищей, он целые ночи не спал, а все учил лекции и читал всякие книги. 6 лет он там проучился и по окончании этой школы был назначен агрономом в Сальский Округ. Прослужив там несколько месяцев среди калмыков, он, желая продолжить свое образование, подал заявление в Киевский Коммерческий Институт и был туда зачислен.

Но в то время была германская война и 3 года студентов было мобилизовано в юнкерское училище; в числе их был мобилизован и тов. Кривошлыков.

Когда он уезжал из дому, то отцу передал несколько неизвестных книг и просил куда-нибудь зарыть их, чтобы никто не нашел (после его смерти эти книги сожгли). И еще сказал отцу, что через несколько времени не будет царя. Отец, как человек темный, забитый был поражен его словами.

Кривошлыков пошел добровольцем на австрийский фронт. Поступил он во 2-й Донской казачий полк. Казаки его очень любили, потому что он со всеми обходился по-товарищески. По воскресеньям у него собирались казаки, он читал им газеты и все об'яснял. Один раз было так: Кривошлыков гулял где-то по улице, а навстречу ему шел командир полка. Кривошлыков, сделав вид, что не заметил командира, прошел мимо, не

отдав ему честь. Тогда на собрании всех офицеров и командиров этого полка постановили услать Кривошлыкова куда-нибудь на фронт за неподчинение. Кривошлыков пошел и все об'яснил казакам. Казаки, как один, заявили, что Кривошлыкова никогда не отпустят, пусть едет сам командир, куда хочет. Это все происходило, когда полк стоял в Донской области.

Немного времени он пробыл на фронте. 2-й полк возвратился в Донскую область. В это время уже начался Октябрьский переворот. Каледин стал распускать казаков, и многие из них разошлись. Кривошлыков тоже приехал к своему отцу, но только 3 дня он здесь пробыл. Уехал и окунулся в революционную борьбу и работу. Пал на посту, повешенный контр-революционерами,—22 лет от роду.

Н. К.

АЛЕКСАНДР ДОРОШЕВ.

Октябрьская революция провела глубокие борозды в нашем общежитии, взрыхлив благодатную революционную почву, подняв к новой жизни миллионы трудящихся и выдвинув из них новые творческие силы. Александр Дорошев был один из многих, ставших в ряды борцов революции вполне сознательно и погибших на тяжелом пути.

Александр Антонович Дорошев родился в 1897 г. 25-го мая близ станицы Каменской (ныне г. Каменск, Донецкой губернии), в одном из казачьих хуторов Донской области.

Воспитывался товарищ Александр в семье низшего служащего и, несмотря на нужду семьи, он смог получить среднее образование.

С 1909 г. Александр учился в Каменском реальном училище и в последних классах уже в период империалистической войны выявляет, еще недостаточно оформлено, но вполне определенную революционность в оценке окружающего царского режима и в частности в отношении к свирепому самодурскому режиму министра просвещения Кассо. В эти годы в школе он числится «неблагонадежным», особенно после крупного инцидента с классным наставником и директором, когда Александр ведет себя слишком «свободно». Уже гораздо позже, будучи активным партработником, товарищ Александр с омерзением вспоминал Кассовскую школу и жалел потерянного времени. Окончив среднюю школу, Александр поступает в Московский Коммерческий Институт (ныне Институт Нархоза имени Карла Маркса).

Москва окончательно укрепляет революционные тенденции Александра, он принимает участие в левых студенческих организациях.

Наступившая февральская революция захватывает его полностью. Он с головой уходит в работу в различного рода общественных организаций. На короткий промежуток времени его революционное сознание не идет дальше коалиционного министерства. Необходим был Корниловский мятеж, чтобы дать окончательный и последний толчок в революционном сознании Александра.

В дни Корниловского мятежа он, будучи в станице Каменской, активно выступает в подавлении контр-революционных попыток Каледина. И если он еще сохраняет некоторые иллюзии насчет «социалистического правительства» Керенского, то очень скоро фактически, а потом и формально пошел с большевиками по пути завоевания власти. Октябрь, как захват

власти Советами на казачьем Дону, датируется 23-го января (нового стиля) 1918 г., если не считать декабрьского выступления в Ростове, кончившегося кровавой баней, учиненной Калединым. Для Донской области день 23-го января—исторический день. В этот день (вернее ночь) в станице Каменской был сформирован Областной Военно-Революционный Комитет во главе с впоследствии зверски повешенными белогвардейцами, товарищами: Подтелковым и Кривошлыковым *). Старший брат Александра и сам Александр принимают деятельнейшее участие в Каменском перевороте. Он с солдатами занимает телеграф, арестовывает военные власти и офицеров, подстреливает сопротивляющегося начальника гарнизона и т. д.

23-е января 1918 г. и для Александра был историческим днем. Своей активной работой он рвал с прошлыми иллюзиями и окончательно и бесповоротно становился в ряды партии большевиков.

При поддержке воронежских товарищей и красногвардейских частей, а также при поддержке некоторых казачьих частей, Военно-Революционный Комитет повел борьбу против Калединщины.

После разгрома Калединской контр-революции, Александр возвращается в Каменскую, где ведет ход работы по установлению Советской власти и, в частности, для голодающей Москвы формирует эшелоны хлеба из Донских элеваторов. Работа по Советскому строительству захватывает Александра, и на ней он разворачивает свою революционную энергию.

Но белогвардейские восстания и наступления немецких войск принуждают отступить еще неокрепшую молодую Советскую власть. При беспрерывных боях с наступающими империалистическими германскими войсками и с тыловыми восстаниями контр-революционного казачества отступали местные Советы и красногвардейские отряды.

Александр пешком успел уйти, за несколько часов до вступления немцев и казаков, по направлению к станции Лихая, откуда вместе с Подтелковым, Кривошлыковым и другими направился с отступающими частями на Белую-Калитву. Александр отступал на Морозовскую и Царицын. Потом направился в станицу Великокняжескую, где в то время стоял штаб донских революционных частей и ЦИК Донской Советской Республики, организовавшие борьбу против белых. Александр вошел целиком в гущу борьбы.

Ст. Великокняжескую и железнодорожную линию почти до Царицына пришлось очистить под напором белогвардейцев. Белые угрожали «Красному Вердену», т. е. Царицыну.

После расформирования донских организаций в Царицыне, Александр уезжает в Москву, а из Москвы едет в прифронтовую полосу в Воронеж, где работает в политотделе 8-й армии в качестве представителя организовавшегося Донбюро РКП(б.).

Наступление наших частей в конце 1918 и начале 1919 г. ставит задачу организации Советской власти в освобожденных частях Донской области. Донбюро переезжает в Миллерово и разворачивает свою работу по организации Соввласти. Александр активно участвует в этой работе. На организационной работе обнаружил он недюжинные способности и энергию.

Он организует Ревкомы, Исполкомы, отделы, инструктирует их, беспрерывно раз'езжает. По постановлению Донбюро, он направляется в Цымлянский район, где организует уездный исполком и становится фактическим руководителем жизни районов. Но новое наступление белых прервало

*) См. «Орлы Революции» тов. Френкеля.

горячую работу. Вновь приходилось отходить с боями и тяжелыми потерями на север. Во время отступления Александр тяжело заболевает и больной, в горячке едва не попадает в лапы белогвардейцев. Тотчас же по выздоровлении, он вновь принимается за работу. На станции Графская он участвует в формировании бригады.

Второе наступление Советских войск окончательно очищает Донскую область от белых и организованный в начале наступления Донисполком (пребывание его были сначала в Саратове и Борисоглебске) во главе с товарищами Сырцовым, Решетковым и другими прибывает в Ростов. Александр вместе с Донисполкомом и Донкомом, организованными после Донбюро, также прибывает в Ростов, где ведет исключительно партработу, заведуя разными отделами в Донкоме РКП(б.).

С освобождением Дона и наступлением тяжелейшего периода Советского строительства на Дону, разрушенного до нельзя, и при беспрерывных бандитских наступлениях и заговорах, Александр во всю ширь разворачивает свои организационные способности. Он раз'езжает по области, организуя Советы, Исполкомы, парткомы и работая в них. В середине 20-го года он состоит секретарем Новочеркасского Окружного партийного комитета, а потом председателем Исполкома там же. В конце 20-го года он избирается в Бюро Донкома РКП(б.) и работает там в качестве Заворга и в Президиуме Донисполкома.

На протяжении 1920—22 г. Александр состоит бессменным членом Донкома РКП(б.) и Донисполкома. Связь Александра с партийной массой всей организации, знание специфических особенностей Донской области, близость к массам—дают об'яснения частой переброске с одной работы на другую. К тому же организационные способности Александра отмечали его, как одного из видных организаторов в области.

Вследствие этого, Александр сначала перебрасывается секретарем парткомитета в рабочий Нахичеванский район, а потом в 1-й Донской округ, станицу Константиновскую председателем Исполкома и секретарем парткомитета.

Последней его работой была кооперативная работа в правлении Донобсоюза.

За время партийной и советской работы на Дону, Александр является участником VIII-го и XI Всероссийских С'ездов Советов, а также постоянным делегатом и членом президиума донских советских и партийных с'ездов и конференций. Несмотря на свои молодые годы (умер 25 лет), Александр вполне оформился, как крупный организатор. Все свое время он отдавал работе и выбывал из строя только в период тяжелых заболеваний.

Кипучая энергия, бившая ключем, революционный темперамент Александра и его революционный же оптимизм выработали в нем работоспособного и быстро ориентирующегося работника. Как практический работник, Александр был незаменим.

В личной жизни Александр был чрезвычайно общительный и поистине коллективист. Его квартира была всегда полна товарищами. Вся донская организация хорошо знала Александра.

Трагическая смерть его последовала в ночь на 25-го мая 22 г. при весьма странных обстоятельствах, до сего времени невыясненных.

Погиб молодой революционер, полный сил и решимости служить делу пролетариата.

А. И. Д.

ТОВАРИЩ ОТТО ФИЛИППОВИЧ.

Он был известен всем рабочим полякам, беженцам, жившим в Ростове в 1917 г. Худощавый, больной на вид он проявлял изумительную энергию, настойчивость и отвагу на протяжении всей своей партийной деятельности.

Родом из Лодзи, предместье Бакут. По профессии ткач. С юных лет пришлось ему работать за станком. На фабрике в 1905 г. он стал втягиваться в партийную работу социалистов-демократов Польши и Литвы.

Военная служба на Кавказе и война 1914 г. окончательно подорвали здоровье тов. Отто Филипповича, несмотря на то, что ему в 1917 г. было только 27 лет.

Я с ним в первый раз встретился на первом организационном собрании Соц. Дем. Польши и Литвы, на котором его избрали секретарем группы.

Вооруженный папкой, в которой хранились все важнейшие корреспонденции нашей группы, список членов и проч., он неутомимо помогал мне в организационной работе.

Я с полным правом скажу, что без Отто Ф. мы бы не смогли и наполовину того сделать среди польских рабочих, что мы успели в 1917 г. Он был бесменным секретарем нашей польской большевистской организации, вплоть до полного ее слияния с Ростово-Нахичеванской организацией РСДРП (большевиков).

Он лично занимался доставкой газеты «Трибуна» товарищам, работавшим на фабриках. В Совете Рабочих и Солдатских Депутатов тов Отто Филиппович был представителем большевистской польской группы. В ноябрьские дни 17 года он, как солдат революции, состоял членом боевой дружины. Он принимает участие в арестах польской буржуазии и в захвате их комитета помощи жертвам войны.

Не взирая на свое плохое здоровье, он сражается на Нахичеванской окраине с юнкерами.

С разгромом Совета в дни Калединщины тов. Отто уходит в подполье.

Он принимается за дело восстановления боеспособности партийного фронта большевиков. При его участии происходит первое нелегальное собрание группы соц.-дем. П. и Л. в здании бывшего клуба «Огниво» внизу.

Благодаря доносу польского шпика, офицерская контр-разведка арестовывает его. Филипович вздумал в последнюю минуту спрятать бумаги, но строго за это поплатился, его до смерти избили офицеры.

На утро всех выпустили, а тов. Филипповича отвели под конвоем в тюрьму, где я и встретился с ним.

С нашим освобождением из тюрьмы в 1918 г. тов. Филиппович снова принимается за партийную работу и ведет ее до нашего ухода из Ростова.

Отступали мы с боем. И вот на пути под станицей Сосыка, наши эшелоны атаковали казаки под командой генерала Эрдели.

Мы бой приняли, но не выдержали и, потеряв все имущество, оставив раненых, обратились в бегство. Товарищ Отто Филиппович, раненый не мог следовать за нами. Преследовавшие нас казаки зарубили его на месте.

Мы потеряли одного из ценнейших работников.

Петр. Жук.

СТАНИСЛАВ ЦУДОВСКИЙ.

Он происходил из Белостока. Работал в Варшаве на фабрике Альбамов. Приехав в Россию в Ростов на Дону, т. Цудовский работал на табачной фабрике. С момента организации группы социал-демократии Польши и Литвы он является ее членом. За посильную работу т. Станислав брался с охотой, например, за распространение летучек, расклейку плакатов, и особенно за агитацию на подписку на газеты «Трибуна» и «Наше Знамя».

В дни Каледина контр-разведка его арестовывает, но скоро освобождает. В 18 г. в мае он остается в Ростове. До осени ему удается кое-как прятаться, но осенью его снова арестовывают, предают суду и осуждают на 10 лет тюрьмы.

По слухам т. Станислав Цудовский вместе с группой других товарищей белыми был вывезен в Армавир. Но какова дальнейшая судьба его до сих пор осталось неизвестным.

П. Жук.

ТОВАРИЩ ГАПСАРСКИЙ.

Он был рабочий, мельник, член группы соц. дем. Польши и Литвы с момента ее возникновения в Ростове на Дону.

В ноябре 1917 г. он с винтовкой в руках несет обязанности красногвардейца. Потом при Каледине он скрывается. В 1918 г. он работал на фабрике. В критические майские дни он был опять в наших рядах. В отступлении к Батайску. Оттуда, сопровождая эшелон, т. Гапсарский дерется под Сосыкой вместе с цветом коммунистических сил против контр-революционных казаков. При отступлении он скрылся в деревню, потому что был ранен в ногу. Там его белые отыскали; казаки вытащили его на двор и зарубили шашками.

П Жук.

МАРЦЕЛИ БОРОВСКИЙ.

Он был членом Ростово-Нихичеванского на Дону социалистического союза молодежи.

Родился в городе Варшаве 29 апреля 1901 г. Воспитывался только матерью; благодаря ее заботам, Марцели посещает техническую школу имени Вареньберга.

Уже на школьной скамье свободный ум ребенка трудно мирится с фанатиками ксендзами. Не раз ему грозили исключением из школы за его непочтение к религии.

В 1915 г. Марцели вместе с матерью и родными перебирается в Россию, в Ростов н-Д. Сначала он учится в приходской школе, а потом поступает в местное реальное училище.

Мартовская революция сильно повлияла на юного М. Борковского. Он был одним из первых и преданных членов союза молодежи. Когда инициативная группа проводила митинги на местных заводах, фабриках и школах, то Марцели Борковский в этой подготовительной работе не отставал от других. Он состоял членом комитета союза. Комитет союза молодежи наметил своей задачей повести агитацию против бойскаутов, но практическую борьбу против бойскаутов-поляков, приютившихся в доме, где жил ксендз, повел товарищ Марцели.

Июльские события в Петрограде находят отклик и в Ростове. Рабочие и молодежь вооружаются. В памятную ночь, в среду, товарищ Марцели Борковский дежурил в ротонде с 7-ю другими товарищами.

На здание ротонды, где помещался Ростово-Нахичеванский Комитет большевиков, а также Комитет союза молодежи было произведено нападение. Дежурившие товарищи едва спаслись. Здание подверглось полному разгрому. В этом принимали участие, главным образом, черносотенцы казаки. Все растерялись... Что делать ночью? Только товарищ Марцели Б. пустился бегом сообщить обо всем в солдатские бараки и раздобыть винтовок. Его смелость и находчивость сразу-же обратили на него внимание.

Пришли ноябрьские дни, дни борьбы за Советскую Власть в Ростове на Дону. Рабочая молодежь покинула фабрики и школы и стала организоваться в боевые дружины. Нападение на Совет калединских башибузуков усилило приток молодых ребят в ряды красной гвардии. Товарищ Марцели Борковский не расстается в те дни и ночи с винтовкой. В течение 7-ми дневной схватки на Нахичеванском фронте, в роще, наш герой только 2 раза заглянул домой. Ему некогда было думать о себе. Опасности он не страшился. Всегда впереди. Он счастлив был на баррикадах; вместе с рабочими он стрелял неумелой рукой в заядлых юнкеров белогвардейцев. В разгар сражения под Александровкой т. Марцели Б. лежал в балке вместе с другими красногвардейцами. На минуту пальба утихла, казаки были отбиты. Наши лежали молча.

Несколько человек раненых валялось впереди. Выходит из балки наша работница, молодая сестра милосердия, к одному из раненых и хочет ему наложить перевязку.

С противоположной стороны выскочил какой то юнкер и в 2—3 прыжка он очутился около нашей сестры. Одним взмахом штыка он заколол ее. Увидя это, тов. Марцели выбежал на поляну навстречу врагу, но куда же ему мальчику было справиться с белым душегубом. Он хотел защитить безоружную работницу, но сам погиб от калединского штыка.

Светлая память о товарище Борковском должна быть сохранена.

П. Жук.

В. И. ИВЛИЕВ.

Когда теперь я вспоминаю товарищей, с которыми мне пришлось вместе побывать в разных переделках в борьбе с донской белогвардейщиной, то ярче всех встает в памяти истинный сподвижник народа, положивший свою жизнь за него и за идею раскрепощения его,—Владимир Иванович Ивлиев. Это студент 5-го курса Харьковского университета, сын казака землероба станицы Арчадинской, Усть-Медведицкого округа. До Февральской революции он состоял в социал-демократическом кружке университета. После Февральской революции бросил учение и приехал в свою станицу «поработать для станичников», как это он всегда говорил. И, действительно, он поработал среди темных масс казачества своей станицы. Он пешком обошел все хутора, везде собирал митинги и собрания, где простым народным языком об'яснял значение революции для трудовых масс. И все от малых ребят до преклонных лет стариков знали его, с большой охотой приходили слушать его рассказы и глубоко верили ему. Нередко можно было услышать от возвращавшихся с митинга сгорбленных стариков такие разговоры: «значит все это правда,—ведь и Володя сказал, а ему то лучше знать—он ученый»... А вся хуторская молодежь просто

обожала его и всегда после собрания осаждала разными вопросами, которые он раз'яснял просто и ясно.

Когда с фронта возвратились казаки, то ни один из них не миновал Володю и все только его и слушали. При выборах делегатов на Войсковой Круг он большинством был избран, несмотря на всевозможную гнусную агитацию местных заправил и интеллигенции. На круге все знали делегата в студенческой куртке и очках, которого не смущали окружающие его офицерские погоны и сановитые бороды других делегатов. Он резко и горячо высказывал свои мнения, направленные против калединской политики, за что официоз Всевеликого Войска Донского в отчетах своих всегда отмечал его выступление эпитетом «маленький большевик» или даже «прихвостень большевизма». Не видя нечего путного в пустых словопрениях круга, он самовольно бросил его и уехал опять в свою станицу, с целью прочнее заложить революционный фундамент в умах станичников. И результаты были видны.

Когда взбунтовавшиеся отряды Голубинцева стали раз'езжать по станицам, вербуя повстанцев, Арчадинская станица не дала ему ни одного казака. Даже по мобилизации, подкрепляемой арестами и поркой, Арчадинская долгое время отделывалась постановлениями не выступать до тех пор, пока не был арестован Ивлиев. Судил его Усть-Медведицкий военно-полевой суд, открывший на нем свои функции первым процессом и приговорил к смертной казни, как активного большевика. Но, ввиду протеста местного населения, эту меру ему заменили 6-тью годами каторги, после чего отправили в Новочеркасск.

Володя и здесь не унывал. Во время опустошающей эпидемии тифа он добился разрешения от тюремного начальства ухаживать за больными арестованными. Целые дни он обходил камеры, заменяя врача и фельдшера на всю тюрьму. Спросите у кого-нибудь из сидевших в Новочеркасской тюрьме—кто не знал его!

В халате, с врачебной трубкой за поясом, здоровенный детина, заросший бородой, в очках на большом приплюснутом носу, он каждого арестованного больного выслушивал, осматривал и давал лекарство. А лекарствами служило у него, главным образом, теплое товарищеское слово, внушавшее надежду, что светлое время впереди.

По освобождении из тюрьмы красными войсками, он первые дни был членом Новочеркасского Ревкома. Но вскоре его снова потянуло в свою станицу проверить плоды своих когда-то брошенных там трудов.

По дороге он простудился и организм, надорванный тюремной жизнью в белогвардейском застенке, не выдержал. Он умер 20-го мая 1920 года в своей станице.

Так незаметно прошла трудная, упорная и скромная деятельность «маленького большевика», не успевшего порадоваться освобождению казаков.

Красный казак.

В. К. СКОПЦОВ.

Василий Корнилович Скопцов окончил семинарию, а в попы не пошел, чем весьма огорчил родных и озадачил станичников; он пошел в «студенты», в те самые студенты и курсистки, которых начальство заставляло пороть плетями.

Благоговейный взгляд на Скопцова-семинариста резко изменился, как на «пропащего человека».

С первых же дней своего студенчества (Харьковский Ветеринарный Институт), он принимает горячее участие в работе революционного кружка в подполье, а когда нужно—и в демонстрациях. Я помню рубцы от плетей, которые Скопцов скрывал от всех, особенно от полиции и гордо, с непоколебимой верой юного энтузиазма в победу и торжество правды революции, показывал своим друзьям.

Разгром студенчества за демонстрацию в 1902 г. бросает Скопцова в Сибирь, подальше от нашей полиции. Там он поступает в университет. Но эта школа является для Скопцова не целью, а средством для политической работы. Но вот и канун 1905 г. Скопцов приезжает в родные края и здесь принимает участие в Новочеркасском социал-демократическом кружке.

В последовавшие черные дни реакции Скопцов не участвует в политической работе и поступает всеми правдами и неправдами в харьковский университет, где, наконец, к 37 годам кончает курс по историческому отделу.

О службе здесь не могло быть и речи, а потому он уезжает подальше отсюда, в Польшу и там работает учителем. При первой возможности, во время войны, Скопцов пробирается в Новочеркасск и, кроме школьной работы в реальном училище, работает во всех кружках содействия народному образованию.

Наконец наступил 1917 год, а с ним необ'ятные революционные перспективы. Покойный сразу решил, что нужна колоссальная работа в деревне. План уже готов. Скопцов едет в Раздорскую на Дону станицу, открывает гимназию в составе четырех старших класов, становится во главе ее. Через молодое, не зараженное старыми предрассудками, поколение начал покойный лить революционные идеи в толпу народную.

Одновременно Скопцов создает целый ряд проектов культивирования края, и самый интересный из них это — проект трудовой школы городка, которая, за исключением инвентаря и некоторых учебных материалов, должна быть сооружена самими учениками. Но эта большая и сложная работа захватила покойного только отчасти. Главное внимание было сосредоточено на продолжающейся освободительной борьбе, которая глухими отзвуками доходила до наших захолустьев. Выяснение смысла происходящих событий тов. Скопцовым поставило на ноги всю черную сотню во главе с местным попом—Воронковым. Началась ожесточенная неравная борьба, почти одного против всех. Поп Воронков, помимо обработки населения на дому во время всяких «треб», обрушивался на Скопцова и его малочисленных товарищей с погромными проповедями, призывая свою «паству» к борьбе с народившимся и появившимся даже среди них «антихристом». (Это относится уже к началу 1918 г.). А тут большевики напирают и все «предают огню и мечу».

Жуткая была атмосфера, окружавшая покойного. Но он мужественно выдерживал неравную борьбу и оставался на месте. Наконец, и большевики... Поджала хвост подлая белая свора, завиляла хвостом, как провинившаяся собака. Но тов. Скопцов не стал сводить счеты с гнусными предателями, а набросился на организационную работу. Работы было много. К организации новой власти никто не приступал, боязливо рабски поглядывая по сторонам. Тов. Скопцов смело взял дело в свои руки, — появился первый Раздорский Совет Депутатов, он же вошел и членом первого Исполкома. Но жизнь первого советского органа была чрезвычайно кратковременна.

Страшная распутица... Связи ни с кем и никакой. Только что пошли пароходы сверху в Ростов. Провожая на пароход своего сотрудника и

друга, Скопцов не скрыл своего предчувствия, что увидеться больше, вероятно, не придется. Это было 22-го марта ст. стиля, а 2-го апреля в станицу вошли «молодцы» под командой атамана Попова.

И началась расправа. В первую очередь, конечно, был взят Скоцпов, в тот момент, когда он исполнял свой гражданский долг пред Республикой: давал Центру по телефону последние сведения о станице. Вместе с Скопцовым было взято несколько человек; один из них, Александров, старик уже за 60 лет, был там-же убит, а Скопцов с другими был посажен в арестантскую при станичном правлении, которая была битком набита арестованными... Несколько кошмарных дней здесь, а затем баржа и Новочеркасская тюрьма. Там теребило старого революционера черное воронье.

Где и как убит тов. Скопцов, сказать точно не могу. Есть слухи, что убит конвоем по дороге из новой тюрьмы в город; а есть слух, что около старой тюрьмы, на лугу был ему сбит череп и рассыпался мозг честнейшего революционера.

В. Варламов.

ДОКУМЕНТЫ.

Воззвание Войскового Правительства *).

3-го декабря 1917 года.

Войсковое Правительство просит всех граждан г. г. Ростова и Нахичевани н-Д. не пускать красногвардейцев, как во дворы, так и на крыши домов.

Войсковое Правительство также просит, чтобы граждане советывали красногвардейцам нести добровольно оружие в помещение «Марса», дабы избежать кровавых столкновений.

От Войскового Атамана *)

Город занят войсками Войскового Правительства.

Жители приглашаются сохранять полное спокойствие, т. к. имущество и безопасность граждан будут охраняться всеми мерами.

Введенные в город войска останутся до полного разоружения красной гвардии и ухода моряков.

Все граждане, имеющие оружие от Военно-Революционного Комитета, приглашаются сдать оружие в 24-х часовой срок в помещение градоначальства.

Несдавшие оружия будут судимы по закону военного времени.

Войсковой атаман **Каледин.**

Войска в Ростове **).

Все пехотные части Ростовского гарнизона добровольно сдали оружие и разъезжаются по домам.

Скрывшийся большевистский военноначальник подпоручик Арнаутов, в письме опровергает газетные сообщения о несостоятельности красной гвардии. «Силы красноармейцев не сломлены»,—пишет Арнаутов. «Роль красной гвардии еще не сыграна. Сейчас совершился только первый этап гражданской войны».

---

*) Из газеты «Приазовский Край», изд. в Ростове н-Д. от 3 декабря 1917 г. за № 234. **Редакция.**

**) К занятию Ростова Калединым.

Из «Известий Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» от 8-21 декабря 1917 года. **Редакция.**

КО ВСЕМУ НАСЕЛЕНИЮ.

О контр-революции на Дону и об'явлении Дона на осадном положении Совнаркомом*).

В то время, как представители Рабочих, Солдатских и Крестьянских Советов открыли переговоры, с целью обеспечить достойный мир измученной стране, враги народа—империалисты, помещики, банкиры и их союзники—казачьи генералы предприняли последнюю попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, а землю—из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания. Калединская буржуазия дает им необходимые средства для борьбы против народа. Родзянко, Милюковы Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть и при помощи Калединых, Корниловых и Дутовых превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей. Каледин ввел на Дону военное положение, препятствуя доставке хлеба на фронт и собирает силы, угрожает Екатеринославу, Харькову и Москве. К нему на помощь прибыл бежавший из заключения Корнилов, тот самый, который в июле ввел смертную казнь и шел походом на Революционный Петроград. В Оренбурге Дутов арестовал Исполнительный и Военно-Революционный Комитет, разоружил солдат и пытается овладеть Челябинском, чтобы отрезать Сибирский хлеб, направляемый на фронт и в города. Караулов громит чеченцев и ингушей на Кавказе. Политическим штабом этого восстания является центральный комитет кадетской партии. Буржуазия предоставляет десятки миллионов контр-революционным генералам на дело мятежа против народа и его власти. Буржуазная Центральная Рада Украинской Республики, ведущая борьбу против украинских Советов, помогает Калединым стягивать войска на Дон, мешает Советской власти направить необходимые военные силы по земле братского украинского народа для подавления калединского мятежа. Кадеты, злейшие враги народа, подготовившие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую бойню, надеются извнутри Учредительного Собрания притти на помощь своим генералам Калединым, Корниловым, Дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ.

Рабочие, солдаты, крестьяне!—Революция в опасности. Нужно народное дело довести до конца. Нужно смести прочь преступных врагов народа. Нужно, чтобы контр-революционные заговорщики,—казачьи генералы, их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа. Совет Народных Комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контр-революционное восстание будет подавлено и виновники понесут кару, отвечающую их преступлению.

Совет Народных Комиссаров п о с т а н о в л я е т:

1. Все те области на Урале, Дону и других местах, где обнаружатся контр-революционные отряды, об'являются на осадном положении.

2. Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.

3. Какие бы то ни было переговоры с вождями контр-революционного восстания или попытки посредничества безусловно воспрещаются.

*) Из органа Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б-ов) «Социал-Демократ» за № 219 от 28 ноября (11 декабря) 19 года.

4. Какое бы то ни было содействие контр-революционерам со стороны местного населения или железнодорожного персонала будет караться по всей тяжести революционных законов.

5. Вожди заговора об'являются вне закона.

6. Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти.

Совет Народных Комиссаров.

Кадетский заговор*).

Буржуазия, руководимая к.-д. партией подготовила к моменту созыва Учредительного Собрания все свои силы для контр-революционного переворота. На Урале и на Дону Корнилов, Каледин и Дутов подняли знамя гражданской войны против крестьян, рабочих и солдат. Богаевский, помощник Каледина, открыто заявляет, что восстание начато по прямому требованию к.-д. партии, которая давно уже связала себя оффициально с контр-революционной частью казачества. На Урале к.-д. буржуазия поддерживает контр-революционный мятеж деньгами и продуктами. Под Белгородом произошло первое кровавое сражение революционных войск с отрядами буржуазии. Таким образом, прямая гражданская война открыта по инициативе партии к.-д. Центральный комитет этой организации является сейчас штабом всех контр-революционых сил страны. Эта работа, непосредственно угрожающая делу мира и всем завоеваниям революции, ведется под прикрытием защиты Учредительного Собрания. Кадетская избирательная комиссия вела свою работу, прячась от Советов и скрывая все данные о выборах, чтобы не дать возможности обнаружиться провалу к.-д., прежде чем закончится Милюковско-Корниловско-Дутовская кампания.

Совет Народных Комиссаров постановил открыть Учредительное Собрание, как только соберется половина его членов, т. е. 400 человек на 800. В этом постановлении заключается опровержение злобной клеветы, будто Совет Народных Комиссаров, опирающийся на все трудящиеся массы страны, не хочет созыва Учредительного Собрания. Именно, потому буржуазия не могла дождаться спокойно законного созыва народных представителей. Несколько десятков лиц, назвавши себя депутами, не пред'являя своих документов, ворвались вечером 27 ноября в сопровождении вооруженных белогвардейцев и юнкеров, нескольких тысяч буржуев и саботирующих чиновников в зал Таврического дворца. Задача к.-д. партии состояла в том, чтобы создать яко-бы законное прикрытие для кадетско-корниловского контр-революционного восстания. Голос нескольких десятков буржуазных депутатов они хотели представить, как голос Учредительного Собрания. Совет Народных Комиссаров доводит о заговоре до сведения всего народа. Все завоевания народа и близкий мир поставлены на карту. На юге Каледин, на востоке Дутов, наконец, в политическом центре стрены, в Петрограде, заговор Центрального Комитета к.-д. партии, которая непрерывно направляет на юг помощь Каледину и Корнилову. Малейшая слабость народа может закончиться крушением Советов, земельных реформ и новым всевластием капиталистов.

В полном сознании огромной ответственности, которая лежит сейчас на Советской власти за судьбы народа и революции, Совет Народных

*) Из органа М. К. Р. С.-Д. Р. П. (б). «Социал-Демократа», № 221 от 30/XI (13/XII)—1917 г. **Ред.**

Комиссаров об'являет к.-д. партию, как организацию контр-революционного мятежа, партией врагов народа. Совет Народных Комиссаров призывает не слагать оружия в борьбе против к.-д. партии и калединских войск. Политические вожди контр-революционной гражданской войны будут арестованы, буржуазный мятеж будет подавлен во что бы то ни стало. В этой борьбе Совет Народных Комиссаров твердо расчитывает на поддержку и несокрушимую верность революции со стороны всех революционных рабочих, солдат и крестьян, сознательных казаков и со стороны всех честных граждан. Для буржуазии—врагов народа, помещиков и капиталистов, не должно быть места в Учредительном Собрании. Спасти страну может только Учредительное Собрание, созданное из представителей трудового и эксплоатируемого класса народа. Да здравствует революция, да здравствует мир.

Совет Народных Комиссаров.

Материалы о 3-ьем Большом Войсковом Круге в г. Новочеркасске.

(2—15 декабря 1917 г.).

I.

Выдержки из речи Б. С. Васильева*).

Приветствую Большой Войсковой Круг.

Мне трудно говорить сейчас. Я из доклада Вашего атамана не узнал, что делается в Ростове. Речь атамана много сказала Вашему сердцу, но мне сказала только часть.

При первой же вести о захвате власти большевиками, Городская Дума созвала чрезвычайное собрание для выяснения своего отношения к происшедшему. Тов. атамана Богаевский, присутствовавший на заседании, может засвидетельствовать, что вынесена резолюция о непризнании власти Народных Комиссаров. В этом отношении Думой была занята непримиримая позиция. Тов. атамана Богаевский на этом заседании заявил, что военное положение не будет введено без предварительного оповещения о том Думы и будет вводиться в контакте с городским самоуправлением. Но через день военное положение было введено без всякого предварительного оповещения.

Вскоре же в Ростове образовался «Комитет Спасения Революции», постановивший действовать в контакте с комиссаром Временного Правительства Зеелером.

Одновременно возник и Военно-Революционный Комитет, избранный лишь большинством 2-х голосов, при чем партии соц.-рев. и меньшевиков, к которой я принадлежу, отказались принять в нем участие и отозвали своих представителей из Сов. Раб. и Солд. Деп. Весть, что атаман взял на себя всю полноту государственной власти в области, была встре-

*) Б. С. Васильев один из лидеров ростовских меньшевиков.

Приводим выдержки из его речи на 3-м Большом Войсковом Круге, в Новочеркасске, из газеты «Вольный Дон» (изд. в Новочеркасске и б. органа Войскового Правительства) от 5 декабря 1917 года, как характеризующие линию поведения меньшевиков в период калединской реакции на Дону. **Ред.**

чена нами с полным равнодушием, потому что одновременно с этим газеты принесли вести, что сделано это было по соглашению со Ставкой и Керенским. Заняв определенную позицию борьбы с большевизмом, мы встретили это как нормальную меру, но из «Вольного Дона» мы узнали, что такого соглашения не было, что власть была взята ради охраны порядка края.

Закономерным это признать мы не могли. Мы не могли признать такой власти в крае, которая выбрана лишь одной частью населения, хотя бы и очень большой и хорошо организованной.

Мы, таким образом, очутились между молотом и наковальней.

Позиция Ростовского гарнизона оказалась очень характерной. Он все время шел с большевиками и крайне недружелюбно встречал всех ораторов, пытавшихся разбить иллюзии, создаваемые большевиками. Перед городским самоуправлением стояла тяжелая задача, сохранить завоевания демократии. В это время в Ростов приехал Областной Военный Комитет. Он пригласил представителей «Комитета Спасения Революции» и городских самоуправлений на совместное совещание. Зная, что эта организация пользуется авторитетом среди серых шинелей, мы пошли и прежде всего подняли вопрос об отношении к Народным Комиссарам. Было вынесено постановление о непризнании их власти. В это время было получено известие, что большевики и казаки двигают свои силы к Ростову. Стало ясно, что за счет Ростова будет бой между совершенно чуждыми Ростову черноморцами, воронежцами и такими же чуждыми кубанцами. Мы поставили своей целью предотвращение во что бы то ни стало гражданской войны и добиться ликвидации вопроса не оружием, а путем переговоров*). Но наши попытки остались тщетными. В Военно-Революционном Комитете отвергли большинством одного голоса всякое соглашение. В 6 часов должна была состояться встреча между членами Военно-Революционного Комитета и представителем Войскового Правительства Елатонцевым для переговоров, а в 5 часов Военно-Революционный Комитет постановил: в соглашение не вступать, а предъявить просто ультиматум и в случае отказа через 24 часа открыть военные действия. Представители городского самоуправления сейчас же вышли из состава Военно-Революционного Комитета. Что произошло дальше, вы знаете. Отряд юнкеров явился в помещение Военно-Революционного Комитета и, найдя там лишь кучку красногвардейцев, все разгромил.

Когда начинается перестрелка, у мирного населения может создаться две линии поведения. Наиболее сознательная часть будет требовать разоружения Красной Гвардии и упразднения Военно-Революционного Комитета. Другая же часть населения берет винтовки и открывает в свою очередь огонь в ту сторону, откуда слышны выстрелы.

Не зная, зачем и для чего они стреляют, мы хотели прекращения военных действий. В Военно-Революционном Комитете мы получили горделивый отказ от всяких переговоров. Атаман же, когда мы к нему пришли спросил: «Вы воюете?»—«Нет». «Так о чем же нам с вами разговаривать» Нас в «Нашем Знамени»**) ругали сводняками, а мы лишь метались от одной стороны к другой с тщетной мольбой «пощадите».

---

*) Во главе депутаций, посылаемых меншевистско-эс-эровскими Думами Ростова и Нахичевани, в период ноябрьских боев в Ростове в 1917 г., был тот же Васильев! **Ред.**

) «Наше знамя»—орган Рост.-Нахич. Комитета и Дон. Окружн. Бюро РСДРП (б.) в 1917 г., издавалось в Ростове н-Д. после Февральской Революции. **Ред.

II.

Полемика Нижне-Чирской станицы с Царицыном *).

Командующий войсками 2-го Донского Округа Максимов.

Председатель Царицынского Исполнительного Комитета Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов Ерман.

Максимов: Мы получили сведения, что над тружениками телеграфа в Царицыне чинятся насилия и что громадное число их покинуло телеграф. Вы понимаете, что всякое насилие в Российской Республике не только осуждается, но с ним и борятся. Мы работаем в тесном контакте со служащими почты и телеграфа. Если вы не оставите телеграф и будете вмешиваться в распоряжения железнодорожных агентов, особенно в наряде вагонов в пределы нашей области, мы поймем это, как выявление чисто враждебных действий к донскому казачеству и должен вас просить убедить ваших товарищей не делать из Царицына второго Ростова и Нахичевани.

Царицын: Я — председатель Исполнительного Комитета. В ответ на Вашу телеграмму сообщаем:

1) Никаких насилий над тружениками телеграфа нами допущено не было и не будет. Что же касается контр-революционеров, служащих на телеграфе и саботирующих работу Рабочей и Крестьянской власти, то с ними будет поступлено по всей строгости революционного закона.

2) Революционному Комитету железнодорожников в его работах мы не чинили никаких препятствий. Больше того. Мы работаем с ним в полном согласии в деле укрепления основ революции и освобождения пролетариата и крестьянства от буржуазного господства. Революционный Комитет железнодорожников точно выполняет приказания «Викжеля» и принимает все меры, чтобы преступная авантюра, затеянная Калединым, была по возможности быстро и бескровно ликвидирована.

3) В Российской Республике не должно быть места насилиям и произволам. Это положение мы лучше, чем кто бы то ни было другой, отстаивали в своей политической деятельности и мы рекомендуем вам вместо того, чтобы обращаться к нам с подобными высокогуманными словами, прекратить раньше самим эту систему произвола беспардонных расстрелов, насилий, зверств и насилия, которые вы практикуете в завоеванном Ростове. Только в таком случае возможно будет без улыбки выслушать заявления подобные Вашим.

4) Вы грозите участью Ростова и Нахичевани. Вашу угрозу мы принимаем к сведению и постараемся обеспечить себя от подобной участи. В то же время всем тем, кто в безумном ослеплении бросает вызов всем трудовым классам России, мы напоминаем об участи Николая II, Керенского и Духонина.

5) Войны с казачеством мы не хотим. Мы напоминаем, что у Великой Трудовой России есть достаточно средств для того, чтобы оказать противодействие тем, кто пользуясь темнотой ее, играет в темную и, надеемся, последнюю игру.

Член Центрального Исполнительного Комитета С.Р.С. и К. Депутатов **Ерман.**

---

*) (По прямому проводу). Выписка из газеты, изд. в Новочеркасске «Вольный Дон», орг. Войскового Правительства, от 9 (22) декабря 1917 г. за № 202. **Ред.**

III.

Речь А. М. Каледина *).

Я хочу дать общий очерк обороны области и остановиться на будущем устройстве управления Областью.

Область сейчас находится в угрожающем положении.

Хотя вне области мы не выступали активно, но большевистское правительство идет на Дон, как на очаг старого режима, восстановляя против нас население всякими самыми гнустными измышлениями. Кроме агентурных сведений у нас есть на это и официальные документы.

Борьба с большевиками внутри области — это только начало.

Большевики об'явили войну Украине и Дону.

Если до сих пор мы не испытали большого нашествия, то не из нежелания большевиков.

До настоящего времени дело было в невозможности организовать отряды. Никому не охота итти на казачью землю. Пока удалось двинуть только моряков.

К нам отряды могут двинуть по 3 направлениям: от Царицына, Воронежа и Харькова.

С наступлением зимы Царицын большой опасности не представляет. Его значение в железнодорожном узле, так необходимо для нас.

В Воронежском направлении тоже нет особенной опасности. Украина решила не пропускать войска, идущие против нас. Но могут употребить силу.

На Харьковском направлении тоже пока больших сил нет.

Кроме внешней опасности есть внутренняя. О настроении Ростова мы знаем.

Каковы наши силы и где они расположены.

По количеству войск у нас много, за глаза достаточно.

Мы вызываем части Северного фронта, идут они и самочинно, некоторые походным порядком.

Некоторые части уже прибыли.

Тревожит мысль, что наши части задерживаются на фронте.

Но я убежден, если будет у донцов достаточно сердца, чтобы дойти до родного Дона, то средства у них найдутся. Уже приходили части и части малые. Дело в решимости.

Сейчас мы ждем подкреплений. Я убежден, что и после моей отставки казачеству придется продолжать борьбу с большевиками.

Перехожу к власти войскового атамана. Атаману нужны особые полномочия. Сейчас у нас сосредоточивается много войсковых частей. Управлять ими одному и заниматься гражданским управлением невозможно.

Атамана надо поставить вне правительства для гарантии казачества.

Поставить его, как президента республики с правом останавливать решения об'единенного правительства, если они будут вредить интересам края.

Конечно, такая организация будет до образования постоянного правительства.

По военной части предстоят крупные реформы. Атаману нужно для них дать власть, предоставив ему права командующего армией. Только прав, не содержание, ибо атаман получает достаточно.

---

*) Из газеты, изд. в Новочеркасске, «Вольный дон», орг. Донского Войскового Правительства от 7 (20) декабря 1917 г. **Ред.**

Власть должна быть полная в отношении личного состава, реорганизации и расформирования частей, единоличного употребления и дислокации войсковых частей.

В помощь атаману нужно поставить походного атамана и учредить полевое управление, конечно, сокращенное и самое дешевое, подчиненное ему. Тогда у нас будут правильно организованы и инженерная, и артиллерийская части, и довольствие. Походный атаман получит возможность свободно распоряжаться частями.

Другая задача поднять дисциплину. Сейчас было много трений. Они об'ясняются не только упадком дисциплины и энергии командного состава, но и темнотою, политической неосведомленностью. Надо устранить эту темноту, осведомить и войска и население.

Надо усилить власть командного состава. Вся распущенность армии вызвала паралич его воли.

Необходимо поднять его энергию. Неподходящих надо безжалостно удалить в сторону.

Усиление власти начальников должна касаться, главным образом, командного состава. В офицерской среде надо восстановить офицерский суд.

Все, что не желает работать, — в сторону. Все, что не разделяет взглядов казачества, — долой. Не должно быть ни полков Автономова, ни полков Мамонтова, ни т. п.

Нам необходима пехота. Ее у нас мало. Без нее мы неустойчивы.

Производятся новые формирования, и я предупреждаю Круг, что они будут сведены до минимума. Но распоряжения в этом отношении войскового правительства. Круг должен поддерживать всеми силами, если желает отстоять нашу независимость.

Теперь перейду к конструкции войскового правительства и власти атамана. То, что я буду говорить, принимайте, как голос со стороны.

Атамана надо поставить иначе, чем он был до сих пор.

Сейчас исключительный момент. Чтобы справиться со страшно сложным положением, нужна власть сильная не только атамана, но и войскового правительства.

Нельзя довольствоваться призраком власти. Это гибель. Лучше тогда не подымать борьбы и не говорить пустых слов.

Предостерегаю Круг от вынесения резолюций без уверенности в возможности их проведения в жизнь и без желания их претворить в дело.

Конструкция войскового правительства обсуждалась в особой комиссии. Боюсь, что эта комиссия стала на ложный путь.

К Верховной Власти в области надо привлечь все население. И с этим надо спешить.

Дорог каждый день.

Немедленное представительство окажет огромное влияние на позицию не только крестьян, но и рабочих и городов.

При настоящих условиях игнорировать рабочих нельзя. Хотя комиссия решила иначе, но Круг должен сказать на этот счет свое слово.

Я не мыслю сейчас управления без немедленного представительства всего населения. Но, конечно, мы не потерпим в нашем правительстве большевиков.

Должны быть части, исполняющие волю казачества, выраженную в его правительстве. Что касается рядовых казаков, то Кругу надо подумать о воздействии на них.

Круг должен осветить им положение, и тогда их можно будет двинуть.

Далее я намечаю следующее.

Нельзя в нашей борьбе с большевизмом отгораживаться от тех, кто к нам пришел, уходя от революционного движения.

Эти силы мы должны использовать на благо России.

С ними нас связывают самые крепкие узы—узы общей борьбы с общим врагом.

Конечно, среди приходящих есть люди не подходящие, их надо будет отбросить.

Но силы русского народа надо использовать для всей России.

Необходимо будет принимать регулярных офицеров, прикомандировывая к частям.

Только срочно проводя эти меры, мы создадим нечто прочное для борьбы с большевиками.

На первом же плане должно быть единство всего казачества и сплочение его с остальным населением области.

Тогда будет твердая опора для борьбы с большевизмом. Мы стоим на твердой почве: быть хозяином в собственном доме и непрошенного гостя мы отбросим в сторону.

IV.

Доклад М. П. Богаевского*).

24 октября представители Войск. Правительства, в том числе и я, выехали на областной продовольственный с'езд в Ростов, а 25-го нас застал там переворот. Я не буду подробно рассказывать Вам, как в Петрограде назрели события, подготовившие восстание. Уже 25-го стало известно, что нет прежних министров, что некоторые из них посажены в крепость, а Керенский бежал и организует отряд против Петрограда. Дело сложилось таким образом, что как в первый раз наши казачьи части шли с Корниловым на Петроград, так теперь им пришлось итти с Керенским и охранять его от самосуда матросов и солдат.

Власть большевиков признали только большие города. Позиция железнодорожников оказалась предательской. Они заявили «нейтралитет» и перевозили только войска большевиков. Большие города: Самара, Саратов, Баку и др. после более или менее упорного сопротивления перешли в руки большевиков. Мы не сомневались, что Ростов, как важный узел, привлечет к себе внимание их. В это время в Ростове было созвано совещание различных организаций. Там выступали представители всех социалистических партий, кроме большевиков, которые там хотя и были, но упорно молчали. Выступал там и я. Настроение было противобольшевистское.

После этого Войсковое Правительство выпустило свое воззвание, которое и навлекло на него много нареканий.

М. П. Богаевский оглашает об'явление Войскового Правительства о принятии им всей полноты власти в области.

Войсковое Правительство, избранное демократически, считало себя вправе это сделать.

---

*) К материалам о калединской контр-революции.

Доклад М. Богаевского взят из издававшейся в Новочеркасске газеты «Вольный Дон», орг. Войскового Правительства; от 5 декабря 1917 года. **Ред.**

Никаких властолюбивых стремлений и корыстных целей мы не преследовали. Войсковое Правительство исходило из мысли, что всякая власть может быть сильной, если она опирается на реальную силу. Мы не думали, что кризис может затянуться так долго. Но оказалось, что Россия не выдержала гражданского экзамена и не могла уберечь свое временное правительство так, как это сделали большевики, которые сумели защитить свой Совет Народных Комиссаров штыками. Затем большевики решили найти себе опору и в широких народных массах. Они бросили в народ лозунги: «мир, земля и воля». О мире они сейчас же завели переговоры. Однако, они от германцев еще ничего не добились. Другие лозунги, как «земля и воля», нашли себе отклик в Донской земле.

Местные общественные организации протестовали против нашего захвата и называли нас большевиками, но правительство решило поддержать порядок. 25-го октября мы об'явили военное положение в Макеевском районе. Это вызвало там большое волнение, но затем все успокоилось, когда рабочие увидели, что мы на их свободу не покушаемся.

Не надо забывать, что наш угольный район самый важный теперь в России. Между тем, рабочая масса там толкалась на эксцессы людьми, которым место на скамье подсудимых. Рабочие в угольном районе еще с самого начала революции вооружилась всеми возможными способами.

Если казаки удержались в Макеевке, то это потому, что они не вмешивались в местную общественную жизнь.

Наша мера предосторожности не понравилась многим, но мало и очень мало фактов, доказывающих, что мирное население терпело стеснение от военного положения.

Положение в Ростове все время было неладным. Тамошний 10-ти тысячный пех: гарнизон перестал быть военным. Все караулы и службы несли 150 казаков, которых это сильно утомляло. Между тем, Ростов является очень крупным торговым узлом. Страшный развал поразил солдат. Они были сильно развращены. Теперь только это мелкие торгаши бродяги, ездящие бесплатно на трамвае и обременяющие мирное население.

Они начали выносить резолюции чисто большевистского характера, в которых требовали передачи всей власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов. Это заставило нас послать туда подкрепление из казаков и назначить ген. Потоцкого. Там также жил и старшина Войскового Правительства И. Ф. Поляков. Три недели поддерживался там порядок. Мы надеялись, что как-нибудь переможимся до Учредительного Собрания. Мы не собирались нападать на Ростов, где есть демократическая Городская Дума. Однако, туда начали заезжать матросы и солдаты из Петрограда. Что же мы делали? К атаману обращались с требованиями, чтобы оружие было выдано населению для самозащиты. Атаман заявил, что он этого не может сделать, ибо не хочет вызывать столкновения.

На выборах в Учредительное Собрание мы не мешали никаким партиям, даже большевикам, вести агитацию за свои списки.

Наша позиция, может-быть, была не очень выдержанной. Но мы знали положение дел в казачьих частях, где тоже было неблагополучно.

Затем, узнав что в Киеве собрался общефронтовой казачий с'езд, мы снеслись с ним. Оказалось, что фронт в своих убеждениях не расходится с казачьим тылом. В подтверждение этого Богаевский оглашает резолюцию фронтового с'езда о признании им только коалиционной власти.

Ни одно войско казачье не признало и не признает власти большевиков. Когда мы узнали, что все казаки думают одну думу, нам стало легче.

Между тем, Украинская Рада заняла как-будто странную позицию в выступлении большевиков. Поэтому фронтовому с'езду пришлось переехать в Новочеркасск.

Большевики, между тем захватывали поволжские города, взяли и Москву. Затем стало известно, что идет набор войск для экспедиции на Дон. Однако, эти экспедиции не увенчивались успехом, ибо матросы и солдаты не выражали желания послужить Ленину и Троцкому.

За все время смуты только одна организация оказалась на высоте своего призвания. Это, так называемые, «почтовые клячи». Почтово-телеграфный союз не поддержал большевиков. Это привело к тому, что мы, сидя в Ростове, знали что делается во всей России. Наша осведомленность была возможна только при помощи этой организации, при том не буржуазной, ибо ее члены получают грошевое жалованье. И они, когда уже матросы орудовали в Ростове, вынесли резолюцию, что поддерживают войсковое правительство.

М. П. Богаевский оглашает воззвание войскового правительства с заявлением, что оно решило принять все меры к борьбе с большевиками.

— Когда мы здесь всеми силами поддерживали порядок, то старались охранять все свободы. Нам бросают упрек, что мы закрыли «Наше Знамя»*). Да. Мы его закрыли, когда оно открыто начало призывать к погромам.

В это время Черноморский флот, который мы приветствовали на майском Кругу, теперь осенью изменил свои мысли. Он стал совершать те преступления, которые делал и Балтийский. Банды матросов явились к нам; они, конечно, уйдут отсюда, но оставят за собой кровь. 9-го ноября от Совета моряков Черноморского флота к нам поступила телеграмма с требованием снять военное положение и сдать всю власть Ростовскому Совету Депутатов. Эту резолюцию моряки подкрепили делом. Ее мы оставили без внимания, и положение в Ростове стало ухудшаться. Против нас стали из России снаряжаться экспедиции. Наши люди сумели разузнать, как снаряжались эти экспедиции. В Москве было приказано снарядиться на нас 183-му полку. Полк явился на Рязанский вокзал в полном боевом снаряжении. Увидели, что им поданы теплушки и потребовали классных вагонов. Вагонов им не дали. Тогда они промитинговали и разошлись, бросив все снаряжение, которое пришлось прибирать за ними городскому союзу.

В Балтийском флоте был сделан клич добровольцам итти на Дон. Желающих нашлось очень немного. Тогда начали наряжать матросов от судов пропорционально количеству экипажа. Из них на пункт отправки явилось немного, да и эти заявили, что они завернут по дороге домой.

Тем не менее, теперь большевикам удалось соорганизовать банды с блиндированными поездами. Экспедицию подготовил Крыленко. Мы имеем доказательство, что Крыленко вел переговоры с Радой, чтобы пропустить войска на Дон. Генеральный секретарь Петлюра переговаривался с Крыленко в присутствии наших комиссаров. Рада заявила, что никаких карательных экспедиций она не пропустит. Но дорога на Дон идет не только со стороны Украины, но и со стороны Великороссии.

Почему же большевики хотят взять Дон? Потому, что и большевики и немецкий генеральный штаб знают, что казаки представляют им огромную опасность.

---

*) «Наше Знамя» орган Ростово-Нахичеванского Комитета и Донского Окружного Бюро РСДРП(б.) в 1917 году, после Февральской Революции. **Редакция**.

Наш комиссар в Ставке Шапкин был арестован, однако он успел дать телеграммы по казачьим частям. Все казачьи части засыпали Ставку телеграммами с требованием освободить Шапкина и им удалось отстоять своего комиссара.

В это время союз казачьих войск вел переговоры с Лениным, который, наконец, согласился переговорить по прямому проводу с Атаманом или со мной и послать к нам делегацию. Однако вслед затем Совет Народных Комиссаров выпустил декрет, в котором нашу область об'явили на осадном положении.

Наши комиссары уведомляли нас, что экспедиция на Дон не шутка и не пустая угроза.

Когда под Таганрогом появились траллеры, то вы знаете, что их там хотели встречать с хлебом-солью. Однако ген. Назаров заявил иное. Матросы тогда послали нам делегацию, которая пробыла здесь два дня. Эта делегация собственно явилась с такими требованиями: подчинитесь власти Совета Раб. и Солд. Депутатов. В конце концов матросы заявили, что им здесь делать нечего.

Мы никому здесь не мешали. Пропаганда велась беспрепятственно. Указывали казакам, что надо убрать Каледина, Агеева и Богаевского. Поэтому-то у атамана увеличена охрана и наш Круг проходит при вооруженной страже.

Наши оренбургские братья поступили проще. Они очень хорошо почистили Оренбург: сделали там повальный обыск и выкурили вредных лиц; затем Дутов об'явил поголовную мобилизацию.

Когда траллеры пришли в Ростов, мы не могли оставаться спокойными. В эти годы, когда везде пролилось столько крови, лить ее еще надо было осторожно. Поэтому, только когда моряки бросили нам вызов, мы его приняли. Кровь уже теперь пролита. Наш отряд, занимавший Нахичевань, должен был ее оставить. Здесь обнаружилась глубокая трещина. Наши части заколебались. В них начался разброд. Мы до конца надеялись ошибочно, что матросы все-таки стыд и совесть имеют. Пришлось, наконец, подтягивать дружины и отдельных казаков, воспользоваться услугами офицеров и юнкеров. При отсутствии компактных частей верх взять не удалось. Тогда мы начали организовывать маленькую армию. Ростовцы повели организованную борьбу. Сведения, что солдаты не принимают участия в боях, до сих пор подтверждались.

Многие солдаты разошлись домой. Затем часть солдат присоединилась к большевикам. Кровавая операция стала неизбежной и необходимой.

Я указывал уже на попытки переговоров. Я уверен, что атаман не откажется от попытки уладить дело миром.

Подробно говорить вам о наших постановлениях не буду. Я в общих чертах лишь обрисовал вам положение Дона. Дон находится в опасности: 1) нам угрожает внутренняя опасность, которая идет из некоторых частей и станиц и 2) внешняя опасность. Мы знаем, что план организации борьбы не только пушками, но и разложением входит в число планов Германии.

Вы не раз слышали, что на Дон возлагаются большие надежды. Надеются, что казачество, два раза спасавшее Россию, спасет ее и в третий раз. Войсковое правительство это поняло.

Я уже указывал вам, что Дон в опасности. Поэтому, когда мы сначала, было, решили послать экспедицию в Воронеж, то затем отменили ее, ибо пока мы не укрепим свои позиции, нам необходимо устремить

все свое внимание на область, поэтому и Юго-Восточный союз*) и войсковое правительство решили сначала закрепить у себя порядок, крепко связаться между собой и тогда уже делать общероссийское дело. Теперь у нас ведутся переговоры с украинской радой, чтобы это дело совершить не одними только казачьими руками.

Наше последнее упование—Учредительное Собрание. Оно должно немедленно дать законную власть Эта власть предоставляется нам тем якорем, за который мы можем уцепиться.

Я с тоской и мукой стоял над гробами этих юношей, которых мы похоронили. Я искал ответа: лежит ли эта кровь на моей душе? Да; эта кровь пусть не на мне только одном. Я принимаю ее на свою душу, но если потребуется моя кровь, то я отдам ее за казачество. К этому я готов.

Нет, не преступление то, что мы делаем, а осуществление гражданского долга. Мы, рискнувшие на наш шаг, совершаем его во имя тех целей, которые надо достигнуть во что бы то ни стало. Я не стану призывать вас проливать и свою, и чужую кровь. Но когда приходят чужие и отнимают у нас Ростов, я заявляю: не боюсь я этой крови, ибо на ней строится великое будущее, так как пришел смертный час России, а мы и Россия еще не хотим умирать.

От Совета Народных Комиссаров—трудовым казакам.

Братья казаки!

Вас обманывают. Вас натравливают на остальной народ. Вам говорят, будто Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов—ваши враги, будто они хотят отнять вашу казацкую волю, вашу казацкую «вольность». Не верьте, казаки. Вам лгут. Вас преступно обманывают. Ваши собственные генералы и помещики обманывают вас, чтобы держать вас во тьме и кабале. Мы, Совет Народных Комиссаров, обращаемся к вам, казаки, с этим словом. Прочитайте его внимательно и судите сами, где правда, а где злой обман. Жизнь и служба казака были всегда неволей и каторгой. По первому зову начальства казак обязан был садиться на коня и выступать в поход. Всю воинскую «справу» казак должен был создавать на свои кровные, трудовые средства. Казак в походах, хозяйство расстраивается и падает. Справедлив ли такой порядок? Нет, он должен быть отменен навсегда. Казачество должно быть освобождено из кабалы. Новая, Народная Советская власть готова придти к трудовому казачеству на помощь. Нужно только, чтобы сами казаки решились отменить старые порядки, сбросить с себя покорность крепостникам офицерам, помещикам, богачам, скинуть с своей шеи проклятое ярмо. Поднимайтесь, казаки. Об'единяйтесь. Совет Народных Комиссаров призывает вас к новой, более свободной, более счастливой жизни.

В октябре и ноябре происходили в Петрограде Всероссийские С'езды Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов. Эти с'езды передали всю власть на местах в руки Советов, т.-е. в руки выборных от народа людей. Отныне не должно быть на Руси никаких правителей и

*) Донское Областное Войсковое Правительство утвердило 1 ноября 1917 года проект Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев кавказа и вольных народов степей.

чиновников, которые сверху командуют народом и помыкают им. Народ сам создает свою власть. У генерала не больше прав, чем у солдата. Все равны. Рассудите, казаки, дурно это или хорошо. Мы призываем вас, казаки, присоединиться к этому новому народному порядку и создавать наши собственные Советы Казацких Депутатов. Этим Советам должна принадлежать на местах вся власть. Не атаманам в генеральских чинах, а выборным представителям трудового казачества, своим доверенным, надежным людям.

Всероссийские С'езды Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов постановили все помещичьи земли передать в пользование трудового народа. Разве же это несправедливо, казаки? Корниловы, Каледины, Дутовы, Карауловы, Бардижи всей душой стоят за интересы богачей и готовы утопить Россию в крови, только бы отстоять земли за помещиками. Но вы, трудовые казаки, разве же вы сами не страдаете от бедности, гнета и земельной тесноты. Сколько есть казаков, у которых не больше 4—5 десятин на двор. А рядом с ними казаки-помещики, у которых тысячи десятин своей земли и которые сверх того прибирают к рукам войсковые земли и угодья. По новому Советскому закону земли казаков-помещиков должны без всякой платы перейти в руки казаков тружеников, казачьей бедноты. Вас пугают тем, будто Советы хотят отнять у вас ваши земли. Кто вас пугает? Казаки-богачи, которые знают, что Советская власть хочет помещичьи земли передать в ваши собственные руки. Выбирайте же казаки, за кого вам встать: за Корниловых и Калединых, за генералов и богачей, или же за Советы Крестьянских, Солдатских, Рабочих и Казачьих Депутатов?

Избранный Всероссийским С'ездом Совет Народных Комиссаров предложил всем народам немедленное перемирие и честный демократический мир, без обиды и ущерба для какого либо народа. Все капиталисты, помещики, генералы корниловцы восстали против мирной политики Советской власти. Им война давала барыш, власть, чины. А вам, рядовым казакам? Вы гибли без смысла и без цели, подобно вашим братьям-солдатам и матросам. Вот уже скоро $3^1/_2$ года, как тянется эта проклятая бойня, которую капиталисты и помещики всех стран затеяли из-за своих выгод, из-за мировых грабежей. Трудовому казачеству война принесла лишь разорение и гибель. Из казачьего хозяйства война высосала все соки. Единственное спасение для всей нашей страны и для трудового казачества в частности—это скорый и честный мир. Совет Народных Комиссаров заявил всем правительствам и всем народам: «мы не хотим чужого и не хотим отдавать свое». Мир без аннексий и контрибуций. Каждый народ должен сам решить свою судьбу. Не должно быть никакого притеснения нации над нацией». Такой именно честный, демократический, т.-е. народный мир, предлагает Совет Народных Комиссаров всем правительствам, всем народам, союзным и враждебным. И первый результат на лицо: на русском фронте уже установлено перемирие. Там уже не льется солдатская и казацкая кровь. Теперь, казаки, решайте сами: хотите ли вы дальше вести пагубную, бессмысленную, преступную бойню? Тогда поддержите кадетов—врагов народных, поддержите Чернова, Церетелли, Скобелева, которые бросили вас в наступление 18-го июня, поддержите Корнилова, который ввел на фронте смертную казнь для солдат и казаков. А если хотите скорого и честного мира, тогда становитесь в ряды Советов и поддержите Совет Народных Комиссаров.

Ваша судьба казаки, в ваших собственных руках. Наши общие враги: помещики, капиталисты, корниловцы-офицеры; буржуазные газетчики

обманывают вас и толкают вас на путь гибели. В Оренбурге Дутов арестовал Совет и разоружил гарнизон. Каледин угрожает Советам на Дону. Он об'явил там военное положение и стягивает туда войска. Караулов расстреливает туземцев на Кавказе. Кадетская буржуазия снабжает их своими миллионами. Их общая цель: задушить Народные Советы, подавить рабочих и крестьян, ввести снова палочную дисциплину в армии и увековечить рабство трудового казачества. Наши революционные войска двинулись на Дон и на Урал, чтобы положить конец преступному восстанию против народа. Начальникам революционных войск отдан приказ, ни в какие переговоры с мятежными генералами не входить, действовать решительно и беспощадно.

Казаки! от вас зависит теперь, будет ли дальше еще литься братская кровь. Мы вам протягиваем руку. Об'единитесь со всем народом против его врагов. Об'явите Каледина, Корнилова, Дутова, Караулова и всех их сообщников и пособников врагами народа, изменниками и предателями. Арестуйте их собственными силами и передайте их в руки Советской власти, которая будет их судить гласным и открытым революционным судом. Казаки! об'единяйтесь в Советы Казацких Депутатов. Берите в свои трудовые руки управление всеми делами казачества. Отбирайте земли ваших собственных помещиков богачей. Передавайте их зерно, их инвентарь на обработку земель трудового казачества, разоренного войною.

Вперед казаки, на борьбу за общенародное дело!

Да здравствует союз казаков, солдат, крестьян и рабочих!

Да здравствует власть Советов Казацких, Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов!

Долой войну! Долой помещиков и генералов-корниловцев.

Да здравствует мир и братство народов!

Совет Народных Комиссаров.

Заговор*).

Уличено американское посольство в том, что оно непосредственно подготовляло заговор и находилось в полной связи с Калединым и Корниловым.

Казачеству**).

Властью революционных рабочих и крестьян Совет Народных Комиссаров об'являет всему трудовому казачеству Дона, Урала и Сибири, что рабочее и крестьянское правительство постановляет отменить обязательную воинскую повинность казаков и заменить постоянную службу краткосрочным обучением при станицах, принять на счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу, отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагери, установить полную свободу передвижения казаков, вменить в обязанность соответствующим органам при народном комиссаре по военным делам по всем проведенным пунктам представить подробные законопроекты на утверждение Совета Народных Комиссаров.

*) Из органа Москов. Ком-та РСДРП (б). «Социал-Демократа» от 9 (22) декабря 1917 года. **Ред.**

**) Из органа М. К. РСДРП (б). «Социал-Демократа» от 13 (26) декабря 1917 г.

Ко всему трудовому казачеству *).

Властью революционных рабочих и крестьян Совет Народных Комиссаров об'являет всему трудовому казачеству Дона, Кубани Урала и Сибири, что рабочее и крестьянское правительство ставит своей ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе Советской программы, принимая во внимание все местные и бытовые условия и в согласии с голосом трудового казачества на местах.

В настоящее время Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Отменить обязательную воинскую повинность казаков и заменить постоянную службу краткосрочным обучением при станицах.

2) Принять на счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу.

3) Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагери.

4) Установить полную свободу передвижения казаков.

5) Вменить в обязанность соответствующим органам при Народном Комиссаре по военным делам по всем перечисленным пунктам представить подробные законопроекты на утверждение Совета Народных Комиссаров.

Председатель Совета Народных Комиссаров—В. Ульянов (Ленин).

Народный Комиссар по военным делам—Н. Подвойский.

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров—Вл. Бонч-Бруевич.

Секретарь Совета Народных Комиссаров—Н. Горбунов.

Наказ красногвардейцам, едущим на Дон **).

Товарищи и братья наши!

Вы несете свои молодые жизни на борьбу с последним оплотом угнетения замученного трудового люда, вы идете против засевших с ген. Калединым на Дону и Украине помещиков.

Вы идет туда и наши глаза, не отрываясь, все будут смотреть в ту сторону; наши помыслы, наши тревоги, наши радостные надежды будут тянуться за вами и наши сердца будут биться вместе с вашими сердцами.

Как пролетариат во всех революционных выступлениях идет впереди восставшего народа, так и вы, дети пролетариата, идете впереди революционных войск и открываете беспощадную борьбу с кровавыми угнетателями трудящихся, с буржуазией.

Помните: во всей России сломлена сила помещиков и капиталистов и последнее свое убежище они нашли на Дону и на Украине, у донских и украинских помещиков и богатеев.

Помещик-генерал Каледин поднял восстание против рабочих, крестьян и солдат. Он старается захватить на юге каменноугольные шахты, чтобы не дать городам, фабрикам, и заводам угля,—пусть, мол, вымерзнут жители городов; пусть остановятся фабрики и заводы, и нельзя будет наладить снабжение крестьян землеробов мануфактурой и железом. Он старается захватить железные дороги и уже не пропускает в Россию и

*) Из органа М. К. РСДРП (б). «Социал-Демократ» за № 231 от 15 (28) декабря 1917 года. **Ред.**

) Из органа М. К. Р. С.-Д. Р. П. (б), »Социал-Демократ», № 234 от 15 (28) декабря 1917 года. **Редакция.

на фронт хлеб,—пусть, вымирает население, пусть, вымирают от голоду солдаты в окопах. И, когда эту разруху он доведет до высшего предела, снова возьмут власть в свои руки помещики, капиталисты, генералы, архиереи,—вернут себе земли и огромные барыши, затопят народной кровью русскую землю, наденут на шею трудящимся еще невиданное ярмо бесправия, и застонет русский народ от невыносимых налогов.

Как это всегда бывало, донские помещики и капиталисты, и украинские, и прибежавшие к ним наши российские ведут борьбу за власть, за землю, за капиталы обманом. Как прежде при царской власти обманутые, темные солдаты, не ведая что творят, стреляли в своих братьев рабочих, так казаки и украинцы ныне обманываются своими генералами, офицерами, помещиками, которые их пугают тем, что будто бы рабочие и крестьяне хотят отнять у них земли, хотят отнять у них волю.

Товарищи красногвардейцы, громким голосом скажите вашим братьям-казакам, вашим братьям-украинцам — это подлый обман. Никто на их земли не посягает, ибо они такие же труженики, как и рабочие; они также потом своим поливают родную землю, как и крестьяне. И они также страдают от гнета своих генералов, офицеров, помещиков и капиталистов, как и весь трудящийся люд России. И они также несут всю неизмеримую тяжесть государственных расходов, как рабочие и крестьяне остальной России, в то время, как помещики и капиталисты пожинают обильные плоды ими не сеянного.

Пусть же подымутся братья-казаки и братья-украинцы, пусть стряхнут с себя кровавых обманщиков, пусть не дадут надеть всероссийское ярмо беспощадной помещичьей власти на шею великому русскому и украинскому народу. Пусть помнят братья-казаки и братья-украинцы, у них свобода, у них воля, у них неутесняемая земля только до тех пор, пока свобода у всего рабочего класса, у всего российского крестьянства.

Идите же, вы молодые стройные ряды красной гвардии, идите выбивать помещиков и капиталистов из их последнего убежища, идите с великим сознанием, что боретесь не с обманутым тружеником-народом, казаками и украинцами, а с злыми угнетателями всего русского трудящегося люда—с капиталистами и богатеями.

Когда царское правительство сдало свои войска на бой, духовенство с молебнами, с водосвятием, с хоругвями об одном только старалось—переполнить сердца воинов кипучей, неугасимой ненавистью, и это для того, чтобы ненавистью погасить сознание и братское чувство между людьми.

Пролетариат же посылая вас, громко говорит: товарищи, не злобу и жестокость несете вы братьям-казакам и братьям-украинцам, а боль сердца и ласковое просветленное слово убеждения.

Помните: казаки и украинцы—ваши братья, ваши также веками замученные братья, как и вы. Протяните же им братскую горячую руку и этой братской любящей рукой перетяните их на сторону трудящегося русского народа.

Пусть и у них широко откроются глаза на мир, пусть и они, замученные и усталые, полившие землю своей кровью в угоду богачам, пусть они увидят, что и для них пришел великий день освобождения от помещиков, от богачей, от генералов, от офицерства, ото всех, кто кормился их кровавым трудом.

И вместе рука об руку вы свергнете последнюю заговорщическую кучку помещиков и капиталистов.

Совершите же ваш подвиг и засияет невозбранно знамя свободы и счастья трудящихся над всей русской землей от края до края.

Да здравствует борьба рабочих, крестьян и солдат против капиталистов и помещиков!

Да здравствует международная революция!

Да здравствует социализм!

Моск. Комит. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков).

Секретно, не подлежит оглашению.

Приказ*) Войску Донскому № 1052.

Г. Новочеркасск 15 декабря 1917 г.

§ 1.

Анархия и насилия большевиков все больше и больше распространяются по территории государства Российского.

Самочинные народные комиссары угрожают мирной жизни Донской области разорением и расхищением ее и полным уничтожением старых донских свобод.

Перед всем населением Донской области ныне стоит святая и великая задача защиты своего родного края.

Всем предстоит большая и трудная работа, не терпящая отлагательств, а потому, с утверждением Большого Войскового Круга, приказываю: реорганизовать управление войсками области на следующих началах:

I. Полнота военной власти в пределах области остается в моих руках на правах командующего отдельной армией (ст. 489, Положение о полевом управлении войсками в военное время изд. 1914).

II. По делам военного управления мне непосредственно подчиняются:

1) Походный атаман войска Донского по управлению всеми вооруженными силами (кроме запасных и местных войск и военно-учебных заведений), всеми военными учреждениями и заведениями области.

2) Начальник войскового штаба области по мобилизационным и военно-административным вопросам вооруженных сил области. Ему же подчиняются все запасные и местные войска.

3) Главный начальник снабжений Донской области по всем административно-хозяйственным вопросам.

III. Походный атаман назначается мною и ведает:

1) Разработкой всех оперативных заданий и соображений.

2) Организацией обороны области, как против организованного наступления извне, так и против наступления вооруженных банд внутри области.

3) Вызовом казачьих частей с фронта, их размещением и содержанием в необходимой боевой готовности, в зависимости от условий, создаваемых обстановкой.

4) Реорганизацией существующих воинских частей и формированием новых.

5) Мобилизацией потребного числа возрастов для формирования пеших казачьих частей.

---

*) Из приказов ген. Каледина, хранящихся в политической секции Донского Областного архивного бюро. **Редакция.**

6) Сбором сведений, как о численном составе войск, так и о настроении частей.

Походному атаману подчиняются все войсковые части области (кроме запасных местных и военно-учебных заведений).

По отношению к подчиненным частям походный атаман пользуется правами командира отдельного корпуса, применительно к ст. 600 Положения о полевом управлении войск в военное время, изд. 1914 г.

IV. При походном атамане сформировать штаб походного атамана и двух обер-квартирмейстеров по прилагаемым штатам (приложение 1).

Права и обязанности начальника штаба походного атамана применительно к ст. 601, Полож. о пол. упр. войск. в военное время изд. 1914 г.

Права и обязанности прочих должностных лиц—применительно к соответствующим статьям того же Положения.

V. Войсковой штаб оставить в существующем виде с соответствующими изменениями, вызываемыми новыми формированиями по моим указаниям.

VI. Главный начальник снабжений Донской области назначается мною и руководит снабжением войск, учреждений и заведений области всем необходимым и устройством их общего тыла.

Права и обязанности главного начальника снабжений области к таковым же главного начальника снабжений армии фронта (ст. ст. 146, 155, «Полож. о пол. управл. войск в военное время» изд. 1914 г.).

В состав управления главного начальника снабжений области включить: 1) канцелярию, 2) управление начальника артиллерии, 3) управление интенданта, 4) управление начальника инженеров,—5) управление врачебного инспектора и 6) управление ветеринарного инспектора.

Права и обязанности всех чинов управлений и отделов применительно к соответствующим ст.ст. Полож. о пол. упр. войск в воен. время изд. 1914 г.

Штаты управления главного начальника снабжений области и подчиненных ему отделов и управлений будут об'явлены дополнительно.

Управление начальника артиллерии, врачебного инспектора и ветеринарного инспектора развить из существующих уже управлений с необходимыми к ним дополнениями по моему указанию.

§ 2.

К формированию штаба походного атамана и управления главного начальника снабжений приступить немедленно, дабы все формирования закончить в кратчайший срок.

Всем отделам, управлениям и отделениям приступать к работе немедленно по мере назначения должностных лиц.

§ 3.

На формирование штаба походного атамана отпустить единовременно 10.000 рублей.

Войсковой атаман войска Донского, генерал от кавалерии Каледин.

Приказ*) Войску Донскому № 1058.

Г. Новочеркасск, 20 декабря 1917 г.

В последнее время в городах и поселениях Донской области начинают возникать по почину, как общественных организаций, так и частных

*) Из приказов ген. Каледина, хранящихся в политической секции Донского Областного архивного бюро. **Ред.**

лиц, добровольческие дружины и отряды разного наименования и назначения, при чем некоторые из них обращаются ко мне за денежною помощью и вооружением.

Признавая, что самочинное создание вооруженных отрядов вносит беспорядок и может угрожать в некоторых случаях безопасности граждан, об'являю, что все формирования дружин и отрядов, как в городах так и в селениях области могут быть допущены только с моего разрешения и на точных, определенных для каждого случая, основаниях.

Все сформированные до настоящего времени без моего разрешения и распоряжения дружины и отряды обязуются со дня опубликования настоящего приказа в «Вольном Доне» заявить о себе в городах, начальникам гарнизона, а в селениях окружным атаманам, которым срочно донести мне, как о составе, так и назначении этих формирований.

Распоряжение это распространяется и на все рудничные поселения.

Неузаконенное существование вооруженных дружин и отрядов будет преследоваться со всей строгостью.

(По войсковому штабу).

Войсковой атаман войска Донского, ген. от кавалерии Каледин.

Приказ*) Войску Донскому № 1062.

Г. Новочеркасск, 20 декабря 1917 г.

В дополнение к приказу войску Донскому от 15 декабря № 1052 назначаются с 15 декабря.

§ 1.

Походным атаманом начальник штаба 7-го Кавказского отдельного корпуса генерального штаба, генерал майор Назаров.

§ 2.

Начальником штаба походного атамана, генерального штаба полковник Сидорин.

Войсковой атаман войска Донского, ген. от кавалерии Каледин.

Приказ**) Войску Донскому № 1063.

Г. Новочеркасск 28 декабря 1917 г.

Исключительные обстоятельства требуют исключительных мер: обстановка внутри и вне Области известна.

Напор большевиков тянет наши силы от центра к окружности. В Ростове и Новочеркасске не хватает войска для окарауливания учреждений и складов, между тем города эти переполнены незанятыми службой и не отставленными от нее, а значит, имеющими право на получения содержания офицерами.

---

*) Из приказов ген. Каледина, хранящихся в политической секции Донского Областного архивного бюро. **Ред.**

) Из приказов ген. Каледина, хранящихся в политической секции Донского Областного Архивного Бюро. **Ред.

Призыв начальника гарнизона г. Новочеркасска о добровольной записи офицеров в очередь несения караульной службы не дал положительных результатов: из 700 человек записалось 32.

Пополнение караульного наряда казаков и дружинников возлагаю на свободных от службы офицеров г.г. Новочеркасска и Ростова. Установление очереди нарядов офицеров в г. Ростове возлагаю на командующего войсками, в Новочеркасске беру на себя, для чего начальнику Войскового Штаба представить мне список офицеров, проживающих в г. Новочеркасске и его окрестностях с отметками должностей и адресами.

Начальнику гарнизона г. Новочеркасска представить мне расчет наряда офицеров.

Уклонение офицеров от несения караульной службы повлечет за собою увольнение от службы.

Войсковой Атаман Войска Донского, генерал от кавалерии Каледин.

На борьбу с Калединым*).

29 декабря 1917 г. В ответ на некоторые сообщения Антонова об успехах борьбы с Калединым, Ленин послал ему следующую телеграмму.

«От всей души приветствую вашу энергичную деятельность и беспощадную борьбу с калединцами. Вполне одобряю меры, применяемые к местным соглашателям, сбившим, кажется, с тольку и часть большевиков. Особенно одобряю и приветствую арест миллионеров-саботажников в вагоне I и II класса и советую отправить их на полгода принудительных работ в рудники. Еще раз приветствую за решительность и осуждаю колеблющихся. **Ленин**».

РЕЗОЛЮЦИЯ

Инициативной Группы Членов Новочеркасского Совета Рабочих Депутатов**).

30/XII-1917 г.

30 декабря 1917 г., очередное заседание Новочеркасского Совета Рабочих Депутатов не состоялось, т. к. не явились не только некоторые рядовые члены Совета, но даже и сами члены Президиума, составлявшие наиболее интеллигентную группу в данной организации. Пришедши на заседание, группа членов Совета, возмущенная подобным нерадением, считая, что Президиум, как центральная и ответственная часть Совета, повинен в общем развале организации, т. к. не проявил до сего времени той плодотворной и связывающей деятельности, которая обязательна для Советской власти, организации единственно способный отстоять в момент решительной классовой борьбы кровные интересы революционной демократии.

Результатом бездеятельности Президиума является постепенное умирание Новочеркасского Совета Рабочих Депутатов, давно уже неспособного отвечать интересам и требованиям демократии. Мало того, период напряженной революционной борьбы, период недвусмысленного посягательства со

*) Из органа М.К.Р.С.Д.Р.П. (б-в) «Социал-Демократа»; № 245—1917 г. **Ред.**

) Из документов, доставленных в Истпарт Дон. Обл. К-та Р. К. П. **Ред.

стороны Войскового Правительства на демократические организации, этот организационный развал Новочеркасского Совета не мог не отразиться самым пагубным образом и на самодеятельности Новочеркасских рабочих, что, в частности, сказалось в их инертном отношении к перевыборам в Советы, назначенным еще в ноябре м-це 17 года.

На основании сего вышеизложенного группа членов Новочеркасского Совета Рабочих Депутатов на частном своем совещании от 30/XII, детально обсудив создавшееся положение, постановила:

Выразить порицание данному Президиуму за его бездеятельность, породившую развал демократической организации Новочеркасского Совета Р.Д., способного к живой плодотворной и революционной борьбе. Инициативная группа призывает всех товарищей рабочих города Новочеркасска, их организации, профессиональные союзы и всех, кому дороги интересы революционной демократии, воспрянуть духом и деятельно приступить к творческой созидательной работе, к созданию Совета Рабочих Депутатов, мощному оплоту трудового народа.

Инициативная группа наметила следующие задания и план работы по созданию и реорганизации Совета Рабочих Депутатов.

Инициативная группа считает необходимым:

1. Энергично способствовать скорейшему созыву наиболее полного собрания.

2. Огласить и комментировать резолюцию Инициативной группы на ближайшем заседании Совета настоящего состава.

3. На заседании Совета мотивировано настаивать на новом назначении перевыборов в Совет.

4. Деятельно способствовать правильному и скорому перевыбору членов Совета путем устной и печатной агитации среди рабочих города Новочеркасска и в их организациях и профессиональных союзах, и

5. Непосредственно и деятельно участвовать в реорганизационных работах.

Инициативная группа.

Резолюции с'езда неказачьего населения Донской области.

(29 декабря 1917 г.—4 января 1918 г.) *).

1. О создании областной власти.

1. Исходя из того, что краевая власть должна быть организована всеми слоями населения, как казачьего, так и неказачьего, Областной с'езд представителей неказачьего населения Донской области считает безотлагательно необходимым созвать Донской Народный Совет, избираемый всем населением области путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, на основе пропорциональных выборов.

2. Донской Народный Совет является высшей областной народной властью, правомочной решать все вопросы, касающиеся Донской области, впредь до установления Российским Учредительным Собранием формы государственного и краевого управления Российской Республики.

*) Из подлинного протокола с'езда, найденного в г. Новочеркасске в 1923 года и доставленного в Истпарт Дон. Обл. К-та Р. К. П. (б). **Редакция.**

3. Донской Народный Совет избирает исполнительный орган — Донское Областное Народное Правительство, ответственное перед Народным советом.

4. Права и обязанности Донского Народного Совета и его исполнительного органа устанавливаются самим Донским Народным Советом.

5. Донской Народный Совет должен быть созван не позднее 20 февраля 1918 года.

(Принята на заседании 31 декабря 1917 года).

2. О вхождении в войсковое правительство.

С'езд неказачего населения Донской области считает возможным, впредь до созыва Донского Народного Совета, принять предложение Войскового Правительства, основанное на постановлении Большого Войскового Круга о создании в области временного правления, лишь на следующих основаниях:

1. Немедленное освобождение всех арестованных по политическим и аграрным делам, как казаков, так и неказаков, и прекращение возбужденных против них дел.

2. Разоружение и расформирование добровольческой армии.

3. Согласие Войскового Правительства на перемирие между отдельными враждующими сторонами и восстановление свободного транспорта впредь до созыва Донского Народного Совета или Всероссийского Учредительного Собрания, если последнее соберется ранее созыва Донского Народного Совета.

4. Снятие военного положения во всех местностях Донской области, непосредственно несвязанных с районом военных действий, и вывод воинских частей из местностей с неказачьим населением, а также рудников, фабрик и заводов, где эти части расквартированы по соображениям не военного характера.

5. Неприкосновенность крестьянских, рабочих и других демократических организаций.

6. В об'единенное временное Донское правительство входят представители от казачьего и неказачьего населения в равном количестве. Председатель избирается этим Правительством из своей среды.

7. Право Войскового Атамана приостанавливать решения об'единенного областного правительства в части его, ведающей делами неказачьего населения, отменяется.

8. Впредь до созыва Донского Народного Совета все дела, касающиеся неказачьего населения, разрешаются лишь представителями неказачьего населения.

(Принята на заседании 1 января 1918 года).

3. Об Учредительном Собрании.

С'езд неказачьего населения Донской области в составе представителей крестьян, рабочих и городских самоуправлений считает самой насущной, самой священной обязанностью всех слоев и всех классов населения активную защиту и поддержку всенародного полновластного Учредительного Собрания от всяких покушений на его полновластие, откуда бы они не исходили.

Не признавая правительства народных комиссаров, с'езд вместе с тем заявляет, что ни одна область, ни одна часть России не может, не должна

и не смеет отделяться от остальной России, помимо воли и согласия Всероссийского Учредительного Собрания.

Все власти на протяжении всего пространства России обязаны признать Учредительное Собрание и беспрекословно подчиниться его верховной воле.

Все члены Учредительного Собрания, к какой бы партии они ни принадлежали, и каких-бы убеждений ни придерживались — неприкосновенны. Они отвечают перед своей совестью и непосредственно перед своими избирателями.

Никакая партия, никакая организация не смеет покушаться на неприкосновенность и независимость Учредительного Собрания, избранного всем без исключения населением России.

Только Учредительному Собранию, точно выявляющему народную волю, и никому больше, принадлежит право разрешить вопрос о прекращении войны и о заключении мира.

Только Учредительное собрание может и должно разрешить вопрос о вековечной мечте крестьян, о земле и воле. Только оно должно установить форму правления, закрепить завоеванную свободу и разрешить все важнейшие вопросы, терзающие Россию.

И первым словом Учредительного Собрания должен быть решительный приказ немедленно прекратить гражданскую войну на всем протяжении России и сплотить все силы, весь разум и все помыслы вокруг полновластного хозяина земли русской — Учредительного Собрания, и пусть отойдет прочь каждый, кто поставит какое либо препятствие на пути к этой последней надежде, если он не хочет навлечь на себя великий и справедливый гнев русского народа.

(Принята на заседании 2 января 1918 года).

4. О закрытии рудников.

Ввиду того, что фабрики, заводы, рудники и предприятия закрываются с каждым днем и об'являются промышленниками локауты, при чем говорят, что рабочие повинны в создающейся катастрофе, мы, рабочие, учитывая, всю тяжесть положения нашей родины, и видя, что это умышленный со стороны промышленников саботаж, в круговороте которого рабочий класс почувствует себя в костлявых руках голода, мы просим с'езд неказачьего населения Донской области и от имени с'езда требуем от временно созданной краевой власти на Дону, как казачьего, так и неказачьего населения:

1) демобилизации промышленности, 2) введения немедленого рабочего контроля над производством, 3) снабжения рудников, заводов, фабрик предметами, необходимыми для продолжения дальнейшей работы, т. к. остановка последних грозит гибелью нашей родине с надвигающимися катастрофическими последствиями, 4) мы требуем независимости в проведении в жизнь на местах всех постановлений и решений центральных рабочих организаций, как советов рабочих депутатов, так и профессиональных союзов.

(Принята в вечернем заседании 3 января 1918 года).

Ответ Войскового Правительства с'езду.

В с'езд неказачьего населения Донской области.

Войсковое Войска Донского правительство, на условия вступления представителей от неказачьего населения Донской области в состав об'единенного Войскового Правительства, пред'явленные Войсковому Правительству в форме ультиматума от с'езда неказачьяго населения Донской области, заявляет последнему нижеследующее:

1) Войсковое правительство есть исполнительный орган Войскового круга Войска Донского и обязано всецело выполнять его предначертания; кроме того, Войсковое Правительство, юридически не связанное решениями фронтового с'езда Всероссийского казачества и с Донской фракцией, тем не менее считается с голосом фронтового казачества.

2) Принимая же во внимание, что Большой Войсковой Круг Войска Донского, имевший место в декабре месяце 1917 года, и Всероссийский фронтовой казачий с'езд, происходивший в октябре и ноябре месяцах того же года, совершенно определенно и единогласно вынесли осуждение вооруженному захвату власти большевиками, непризнание всероссийского характера власти Советов Народных Комиссаров и утверждение той незыблимой для всех казачества истины, что вся полнота Верховной Государственной власти на всем пространстве Государства Российского должна принадлежать исключительно Всероссийскому Учредительному Собранию, Войсковое Правительство Войска Донского, прежде рассмотрения отдельных пунктов условий с'езда и дачи по ним ответа, считает себя обязанным и вправе услышать точный и ясный ответ с'езда неказачьяго населения Донской области на три следующих вопроса:

а) Признает ли с'езд иногороднего населения Донской области Всероссийское Учредительное Собрание единственною верховною властью Российского государства?

б) Признает ли с'езд иногороднего населения Донской области обязательную активную борьбу за Учредительное Собрание с большевизмом и контр-революционным элементом страны, срывающими Учредительное Собрание.

в) Признает ли с'езд ныне Совет Народных Комиссаров Верховною властью Российского Государства, обязательного и для Донской области?

(Заслушан на заседании 2 января 1917 года).

НАКАЗ

членам Областного Правительстве от неказачьего населения Донской области *).

1. Наблюдение за проведением в жизнь требований, пред'явленных неказачьим с'ездом 29 декабря Войсковому Правительству, в частности — немедленная посылка делегаций во все места, где происходит вооруженная борьба, в целях прекращения ее.

*) Из подлинного протокола с'езда неказачьего населения Донской области найденного в 1923 г. в г. Новочеркасске и доставленного в Истпарт Дон. Обл. К-та Р. К. П. (б). **Ред.**

2. Принятие всех мер к восстановлению взаимоотношений со всеми частями России, в целях урегулирования денежного хозяйства, продовольственного дела, сношений и пр.

3. Всемерная поддержка земельных комитетов в деле осуществления поставленных им задач; принятие мер к созданию их там, где они еще не организованы и решительная борьба с земельной спекуляцией.

4. Принятие мер к безотлагательному введению земства во всей Донской области.

5. Признание Исполнительных Комитетов властью на местах для неказачьего населения и организация их в тех местах, где они еще не организованы.

6. Отмена посаженной платы.

7. Ревизия Областного земского распорядительного комитета.

8. Принятие мер к прекращению агитации и разжигания страстей с церковных кафедр.

9. Немедленное создание правительственного органа печати. Свободный пропуск в область всей печати, независимо от партийного направления, и право создавать новые органы беспрепятственно.

Соглашение достигнутое Войсковым Правительством с представителями С'езда неказачьего населения Области войска Донского по вопросу об основаниях вступления в состав членов Войскового Правительства представителей неказачьего населения*).

§ 1. Войсковое Правительство принципиально соглашается на освобождение арестованных по делам политическим и аграрным, но, принимая во внимание борьбу с большевизмом, Войсковое Правительство оставляет за собою право в составе об'единенного правительства обсудить вопрос об освобождении отдельных преступников, виновных в преступлениях совместно с политическими, также и в общих уголовных. Освобождение арестованных за большевизм должно считаться актом помилования.

§ 2. Добровольческая армия, существующая в целях защиты Донской области от большевиков, об'явивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное Собрание, должна находиться под строгим контролем об'единенного правительства. И в случае установления наличности в этой армии элементов контр-революционных, таковые элементы должны быть немедленно удалены за пределы Донской области.

§ 3. Против заключения перемирия Войсковое Правительство принципиально не возражает. Войсковое Правительство признает свободу транспорта и препятствий транспорту не ставило. Если же под свободой транспорта подразумевается свобода вывоза из области продовольственных грузов, то Войсковое Правительство полагает, что в первую очередь оно обязано удовлетворить все нужды Донского края.

§ 4. Против снятия военного положения тех пределов, которые указаны с'ездом неказачьего населения, Войсковое Правительство не возражает. Что же касается вопросов о расквартировании воинских частей по

---

*) Из подлинного протокола с'езда неказачьего населения Донской Области, найденного в 1923 г. в г. Новочеркасске и доставленного в Истпарт Дон. Обл. К-та Р.К.П.(б.). **Ред.**

местностям с неказачьим населением то таковые вопросы решаются в общем собрании об'единенного Правительства, за исключением случаев, когда расквартирование частей производится по соображениям военного характера.

§ 5. Против требования с'езда неказачьего населения о неприкосновенности крестьянских, рабочих и других демократических организаций Войсковое Правительство не возражает.

§ 6. В об'единенное Донское Правительство входят представители от казачьего и неказачьего населения в равном количестве. Председательствует в об'единенном Правительстве товарищ войскового атамана (вне паритета).

§ 7. Право войскового атамана приостанавливать решения Войскового Правительства не распространяется на дела, касающиеся исключительно неказачьего населения; для общих же дел право приостановки ограничивается семидневным сроком.

§ 8. Впредь до созыва Донского учредительного собрания (Народного Совета) все дела, касающиеся неказачьего населения, разрешаются лишь представителями неказачьего населения.

(Подписи: М. Богаевский, Старшины войскового правительства: С. Елатонцев, Б. Уланов, Павел Агеев, Г. Карев).

(Зачитано на заседании с'езда 4 января 1918 года).

Заявление членов об'единенного Правительства от неказачьего населения*).

Заслушав и обсудив ответ Войскового Правительства на условия, поставленные с'ездом неказачьего населения Донской области по поводу образования областного правительства и принимая во внимание громадное значение: 1) немедленного освобождения заключенных по политическим и земельным делам, 2) отмены военного положения в области, 3) возможности принятия решительных мер к прекращению гражданской войны и к заключению перемирия, 4) установления надзора народных представителей над образованием и деятельностью добровольческих дружин и обеспечения удаления из области контр-революционных лиц, 5) обеспечения неприкосновенности крестьянских и рабочих организаций, укрепления и развития деятельности земельных комитетов, 6) действительную возможность освобождения рудничных, заводских и крестьянских районов от воинских частей, раздражающих своим присутствием рабочее и крестьянское население, 7) обеспечения скорейшего и правильного созыва Донского народного совета**), который окончательно и справедливо решит вопрос об организации областной власти, мы перед лицом С'езда по долгу своей революционной совести заявляем, что считаем возможным принятие на себя обязанностей членов об'единенного правительства, если таковые с'езд найдет нужным на нас возложить. Вместе с тем мы заявляем, что вопрос о мобилизации неказачьего населения может быть решен лишь постановлением с'езда народных представителей области.

---

*) Прочитано на заседании с'езда неказачьего населения Донской области, в г. Новочеркасске, 4 января 1918 г.

Из подлинного протокола с'езда, найденного в 1923 году в г. Новочеркасске и доставленного в Истпарт Донского Областного Комитета Р. К. П. (б.). **Ред.**

) Местного учредительного собрания. **Ред.

Копия.

Декларация об'единенного Войскового Правительства Донской области.

5 января настоящего года свершилось событие, имеющее громадное значение в жизни нашего родного края: две части населения Донской области—казачья и неказачья—впервые об'единились в общем управлении областью. Отныне в Об'единенном Войсковом Правительстве Донской области участвует через своих представителей все население области: казаки, коренные крестьяне, иногородние, горожане и рабочие. Об'единенное Правительство, исполняя волю всего населения, признает необходимым создать областной законодательный орган для рассмотрения общих дел, касающихся казачьего и неказачьего населения Донской области, причем предварительное положение об этом законодательном органе будет представлено на утверждение Войскового Круга и С'езда неказачьего населения, созываемых одновременно в течение февраля месяца.

Впредь же до созыва Круга и С'езда, в интересах поддержания в крае порядка, обеспечивающего населению сохранение всех гражданских свобод, Об'единенное Правительство Донской области:

1. Будет охранять свободу слова, печати, собраний, передвижения, свободу союзов и учреждений в их законной деятельности от всяких насилий, откуда бы таковые не исходили.

2. Всемерно желая и добиваясь прекращения гражданской войны на границах Донской области, Об'единенное Войсковое Правительство в ближайшие дни пошлет делегации в составе представителей от казачьих и неказачьих своих частей к большевистским отрядам, стоящим на границах области, а в частности и в ее пределах с предложением остановить наступление и вторжение их в Донскую область, а также вывести из области отряды, уже вторгнувшиеся в область.

Об'единенное Правительство, выражая волю всего населения Донской области и приступая к переустройству местной жизни на демократических началах, полагает, что это переустройство должно быть совершено лишь одним местным населением без всякого вмешательства посторонних в области сил, а потому Об'единенное Правительство об'являет, что оно будет бороться самыми решительными мерами против насильственных попыток Совета Народных Комиссаров навязать свою волю населению Донской области.

3. На основании соглашения между неказачьим С'ездом и Войсковым казачьим Правительством, Об'единенное Правительство издало распоряжение в порядке амнистии об освобождении всех заключенных по политическим и земельным делам, за исключением тех, кто, сверх того, подлежит привлечению к суду в общем порядке по обвинению в уголовных преступлениях.

4. В целях обеспечения гражданских свобод населения Донской области, Об'единенное Правительство сняло военное положение во всей области, оставив таковое на линиях, и в полосе отчуждения железных дорог, в целях обеспечения свободы транспорта и для борьбы с насильственными действиями и с призывами к таковым. При этом всем агентам власти, коим будет поручено осуществлять особые полномочия, вытекающие из военного положения, предложено не чинить препятствий железнодорожным организациям, находящимся в полосе отчуждения, в их законной нормальной деятельности.

5. Добровольческая армия, существующая в целях защиты Донской области от большевиков, об'явивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное Собрание, будет находиться под строгим контролем Об'единенного Правительства и, в случае установления наличности в этой армии элементов контр-революционных, таковые элементы будут немедленно удалены за пределы Донской области.

6. Озабочиваясь охраной жизни и имущества граждан от покушений на них злоумышленников, Об'единенное Правительство в первую очередь займется разработкой вопроса о милиции и о надлежащей организации охраны в области при деятельном участии органов местного самоуправления.

7. Вместе с тем, Об'единенное Правительство полагает, что об'единение всех групп населения, начавшееся сверху, не будет полным и прочным, если не будет осуществлено об'единение всего населения на местах, путем введения в ближайшем будущем земства на Дону.

Об'единенное Войсковое Правительство Донской области, только что избранное народом—казачья группа в заседании Круга 13-го декабря 1917 г., а неказачья в заседании С'езда 4-го января с. г.,—опираясь на оказанное ему этим избранием доверие, обращается ко всему населению Донской области с призывом помочь Правительству в его трудной работе в переживаемую краем тяжкую годину и, в частности, просит доводить до сведения Правительства через есаулов и комиссаров Правительства, а также и непосредственным обращением к Правительству, о всем, что волнует население, чтобы работа Правительства, почитающего себя лишь слугою народа, вполне соответствовала нуждам избравшего его населения.

Подписали: Председатель Об'единенного Войскового Правительства Донской области Богаевский, Члены Об'единенного Войскового Правительства Мельников Н., П. Агеев, И. Поляков, Б. Уланов, В. Светозаров, Г. Васильченко, А. Шишников, Н. Кожанов, Д. Мирандов и Г. Боссэ.

С подлинным верно: Секретарь **Сычев.**

Анафема Новочеркасского священства большевикам *).

По прочтении передавайте другим.

Патриарх Московский и всея России в послании к возлюбленным о господе архипастырям, пастырям и всем верным чадам православной церкви христовой обнажил меч духовный против извергов рода человеческого—большевиков и предал их анафеме.

Глава православной церкви российской заклинает всех верных чад ее не вступать с этими извергами в какое-либо общение.

---

*) Настоящая анафема издана епископом Гермогеном, но вследствие епископской трусости она средактирована так, что не всякий поймет, кто ее составлял—патриарх ли Тихон или еще кто либо. Автор предусмотрительно не поместил своей подписи. **Редакция**.

Они за свое дело сатанинское прокляты и в сей жизни и в будущей.

Православные. Святейшему патриарху дано право вязать и решить по слову спасителя нашего: «Истинно говорю Вам: что вы свяжете на земле, то связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе».

Не губите же душ ваших, прекратите общение с сатанинскими слугами—большевиками.

Родители, если дети ваши—большевики, требуйте властно, чтобы отреклись они от заблуждений своих, чтобы принесли покаяние в великом грехе, а если не послушают вас, отрекитесь от них.

Жены, если мужья ваши—большевики и упорствуют в служении сатане, уйдите от мужей ваших, спасите себя и детей от заразы губящей душу.

Не может быть у православного христианина общения с слугами дьявола.

Помните слова господа нашего: «Всякий кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца или мать, или детей, или землю ради имени моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную».

Не бойтесь страданий за дело христово.

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за меня: радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах».

Церковь христова призывает вас на защиту православной веры.

Иуды-предатели растерзали нашу земную родину, а теперь жаждут лишить нас благодарного крова церкви православной, разрушают, оскорбляют и оскверняют храмы божии.

По грехам нашим, по маловерию нашему ниспослал нам испытание господь.

Забыли мы бога, и бог оставил нас. Земли наши исполнены крови, и города исполнены неправды. «Оставил господь землю сию, и не видит господь».

Но милосерд вседержитель. Покайтесь, горячей молитвой призовите помощь господа сил и стряхните с себя «руку чужих»,—исконных врагов веры христовой, об'явивших себя самозванно «народной властью».

Церковь православная обращается к вам, православные: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне святой матери нащей.

И если вы не послушаете церкви, будете не сынами ее, а участниками жестокого дела сатанинского, творимого явными и тайными врагами христовой истины.

Да воскреснет же бог в сердцах ваших и расточатся враги его.

Встань, Русь православная, за веру христову, и сгинет диавольская рать; рассеются, как болотный туман, козни мнимых друзей народа, влекущих его к гибели.

Как тает воск перед лицом огня, так погибнут нечистые изверги силою креста христова.

Дерзайте же. Не медлите. Не губите души своей, не передавайте ее дьяволу и его приспешникам.

ПРОТОКОЛ*)

об'единенного собрания Советов Боково-Хрустальского, Ровенецкого и Чистяковского горных районов, профессионального союза и представителей Украинской Рады, совместно с представителями казаков от 10-го Донского полка 1-й сотни и представителей от сел и волостей.

Председатель Высоцкий, его товарищ Шестаков.
Секретарь Павлов, его товарищ Суриков.

Доклад представителей Центральной Рады тов. Попинского и Коваленко:

Из доклада представителей Центральной рады выяснено, что таковые секретариатом Центральной Рады делегированы в Донецкий бассейн для получения сведений о ходе работ в угольных предприятиях, о ходе организации рабочей силы, о всех возникающих эксцессах и недоразумениях между рабочими и предпринимателями и т. д. После чего предлагается общему собранию, чтобы каждый из членов горных районов осветил вопрос жизни и деятельности каждого в отдельности рудника или шахты.

Предложение принимается, слово просит докладчик тов. Высоцкий.

Доклад товарища Высоцкого:

Касаясь всего Боково-Хрустальского горного района, тов. Высоцкий говорит: рабочие находятся в самом униженном и самом безвыходном положении, предприниматели, не интересуясь добычей антрацита и косо смотря на рудничные организации, стремятся всеми силами разрушить таковые, вплоть до остановки рудников и своими действиями внести в среду рабочей массы желанный для них развал, дабы таковых же и обвинить в этом. Для чего приводится в исполнение их затеянный план действий в следующих рамках:

Бросая на произвол судьбы рудники, администрация, не отдавая себе в том отчета, бежит неизвестно куда, оставляя сотнями рабочих без денег и с'естных припасов на неизвестное время. Сотни семей обречены на голод, холод и безденежье. Продовольствие падает до самого минимума, по несколько месяцев рабочие не получают за труд деньги, спросить не от кого. Хозяева и администрация, разрабатывая свои подпольные планы прячут, как змей в норы, свои головы, чему то нагло улыбаясь.

Видя в этом ихнюю злорадную игру, рабочие, стремясь поддержать производительность, проэктируют контроль над предприятими, но в это время в районе появляются казаки.

Почуяв приближение защитников и хранителей буржуазных классов, предприниматели, получив давно ожидаемое постановление атамана Каледина о военном положении, сразу же высовывают свои запрятанные головы из нор. При посредстве некоторых шпионов от администрации и предпринимателей начинают производиться казаками обыски, аресты и отобрания у населения оружия. Тут же происходит и убийство председателя Боковского района тов. Переверзева. Начинается паника, рабочие и служащие рудни-

*) Из документов, доставленных Истпарту Дон. Обл. Ком-та РКП (б).
Даты собрания в протоколе не имеется.
Этот материал характеризует обстановку в Донбассе, революционизировавшую шахтеров и толкавшую их на борьбу против Калединщины. **Ред.**

ков, боясь попасть под власть нагайки и штыка, бросая работы, бегут из района, рудники становятся, жизнь каждого в опасности, необходима помощь.

Товарищ Бобкин говорит:

В районе залежи на поверхности угля огромны, вывозу нет, а фабрики и заводы терпять недостатки в топливе, почему, об'яснить трудно, но все-таки утверждаем, что топлива, если бы была погрузка, хватило бы на долгие месяца в отправку на заводы и фабрики, даже не поддерживая добычей.

Казаки на рабочих напускают страх, рабочие бегут, рудники становятся; хозяева, почуяв силу на своей стороне, положительно ни с чем не считаются, лишь бы привести рабочих и их органы в ничтожество. Заявляю от имени рабочих: «под казацкой плеткой и штыком работать мы больше не можем».

Доклад товарища Горбова:

Касаясь убийства Переверзева, товарищ Горбов, с свой стороны, делает заключение.

Убийство тов. Переверзева и Черевченко совершилось при посредстве начальника милиции 16-го участка Кузнецова совместно с казаками, которые поспешили увезти тела убитых из дома Кузнецова.

Ясно, что убийство совершено казаками, каковые вообще успели уже доказать на деле свои действия в связи с арестом и разгоном, например, Александровско-Грушевского Совета Рабочих Депутатов и других.

Доклад товарища Позднякова.

Освещая вопрос о прибытии казаков в Боковский район, докладчик вместе с тем же пояснил о шествии казаков с убитыми телами тов. Переверзева и его товарища Черевченко.

Обращаясь со словами: «товарищи, не давите мне ноги, не тяните язык», Переверзев, будучи еле жив, просил не мучить его, но грубая и площадная брань последовала ему в ответ: «Какой ты нам товарищ» и так далее.

Совет рабочих Депутатов Хрустальского горного района, получив сведения о происшедшем убийстве, командировал членов в Боковский район, которые после недолгих поисков нашли обезображенный труп, в котором признали тов. Переверзева, о чем сейчас же заявили Боковскому району и начальнику милиции 15 участка Захватову. Судебный следователь, получив сообщение о происшедшем, выехал на место убийства, совместно с выделенной от Советов следственной комиссией, но в полной форме расследовать дело не представлялось возможности, ввиду явного давления со стороны казаков совместно с Кузнецовым, которые ходу следствия делают свой тормаз, дабы не дать понять сути дела.

Положение лиц, знающих всю тонкость политики убийц Переверзева крайне опасно, рискуют попасть под ту же расправу, под какую попал и сам покойник. Чуть малейший намек на раскрытие преступления, свидетель рискует жизнью.

Идут розыски Красной Гвардии, делаются казаками распросы о ее существовании и т. д., но, к сожалению, в нашем районе таковой не существует, за исключением людей находящихся при охране Совета.

Доклад жены товарища Переверзева.

Заявляя общему собранию о том, что тов. Переверзева знает детально всю сущность дела в связи с убийством своего мужа, она тем не менее просит представителей от казаков дать ей полную гарантию в том, что ее личность впоследствии тронута не может быть.

Получив от казаков довольно неудовлетворительный ответ, товарищ Переверзева заявляет: «бояся участи той, которую понес мой покойный муж, я в данном случае перенесу эту страшную катастрофу в своем сердце, зная отлично, что за мною назначена от казаков слежка, и что на каждом моем слове и шагу меня ловят, дабы предать в руки несправедливости, ввиду чего убийцы пока пусть торжествуют».

Докладчик Асламов заявляет:

Казацкий офицер об'явил товарищу Переверзеву о его аресте; на вопрос, почему, «по приказанию Каледина»,—последовал ответ. Переверзев подчинился.

Докладчик Киргизов говорит:

Будучи у Кузнецова, тов. Переверзев случайно нашел лежащий на столе приказ Каледина, в котором говорится: «арестовать и доставить Переверзева, хотя бы и убитого».

Показание девочки, бывшей у Кузнецова в доме.

По прибытии в дом Кузнецова Переверзев был врасплох настигнут казаками, которые скомандовали ему «руки вверх». Переверзев сказал «сдаюсь», но в него начали стрелять.

После докладов с мест и вопроса об убийстве Переверзева представителям Украинской Рады даны были оригиналы записей ораторов и их речей, прочитано было товарищем Высоцким постановление Каледина, заявление продовольственного комитета, протокол об убийстве Переверзева, каковые документы представители Украинской Рады пожелали взять с собой для представления в их секритариат.

Резолюция, предложенная товарищем Высоцким и принятая собранием:

Ввиду создавшегося трагического положения с зверским убийством товарища Переверзева и рядом с этим уничтожения рабочей организации, мы просим:

1) Немедленно снять военное положение;

2) Освободить рабочих из под насильственной опеки Войскового Правительства.

3) Мы требуем независимости от власти Войскового Правительства.

4) Просим представителей Центральной Рады прибегнуть к нам на помощь в освобождении из-под гнета военного положения.

5) Мы требуем предать военно революционному суду преступников в незаконном убийстве товарища Переверзева, дабы преступное клеймо не распространилось на все трудовое казачество.

6) Мы требуем немедленного освобождения всех товарищей, арестованных по воле Войскового Правительства во главе с Калединым.

Об'единенное заседание советов Боково-Хрустальского, Чистяковского, Ровенецкого и других районов с представителями от казаков 10-го Донского полка 1 сотни, представителей от профессиональных союзов и крестьян сел и волостей.

Телеграмма из Юзовки Центрального Штаба № 106.

Сборная военная без слов *).

Только по трем адресам Сулин Власовка Грушевка Всем Рабочим Советам Депутатов Донецкого и Криворожского бассейна антрацит Алмазная Амвросиевка Бахмут Белая Калитва Бердянск Варвараполье Власовка Щуково Грушевка Гришино Дружковка Дебальцево Долманская Енакиево Зверево Краматорская Константиновка Криндачевка Лисичанск Луганск Лихая Марьевка Макеевка Мариуполь Мелитополь Матвеев Курган Никитовка Попасная Перевозная Ровеньки Славянск Сулин Таганрог Харьков Чистяково Иловайск передаю копию приказа чрезвычайного штаба Военного Округа Донецкого и Криворожского бассейна копия финансового отдела при чрезвычайном Штабе Донецкой и Криворожской Республики предлагает снабдить всех членов армии членскими книжками при выдачи таковых обязательно отмечать когда поступил видом довольствия и обмундирования и..... удовлетворен и по какое время и так далее а также снабдить свои соответствующими документами для получения пособия все члены армии. Все члены армии не получившие членских книжек до 1-го марта сего года не могут быть удовлетворены жалованием и пособием семейств. Все члены армии командированные в другую часть должны снабжаться аттестатами членскими книжками и аттестаты можно получать в Центральном Штабе Юзовка № 48 за Начальника Штаба Глузман. Заведывающий мобилизационным отделом Соколов.

Телеграмма из Юзовки Центрального Штаба № 115*).

В. Н. только Сулин Грушевка Власовка Белая Калитва Начальникам отрядов район. Штабов Донск. Криворожск. бассейна предписывается кратчайший срок подробное сведение месте нахождения обоих частей отрядов о количестве всех кто находится Начальником как именуется часть или отряд. Заведывающий Отдела и обучения Пименов.

Телеграмма из Юзовки Центрального Штаба № 121*).

Десять адресов. 1. Грушевка. 2. Сулин. 3. Власовка. 4. Б. Калитва 5. Бердянск. 6. Милитополь. 7. Матвеевка Курган. 8. Лихая. 9. 10.

Екатеринослав Совету всем Начальн. Отделов всем организациям Донец. Криворожского бассейна приказ дать сведения о всех сформированных и обученных красногвардейцах указать число людей название части и их начальников. Такие же сведения присылать в дальнейшем в отдел сформированных и обученных Центроштаб гор. Юзовка Екат. губ. Совет отдел. формирования обучении Пелехов. Зав. отд. Севд. Михайлов.

*) Из документов, доставленных в Истпарт Дон. Обл. Ком-та Р. К. П. (б.); характеризующих борьбу донецких шахтеров с Калединщиной. **Ред.**

Исполнительному Комитету г. Шахты*).

Ввиду несущихся слухов, что станица Раздорская занята кадетами, то просим комитет дать разрешение, а также просим узнать это все фактически, если возможно то спросить по телефону ближайших хуторов или же из товарищей солдат, берет на себя миссию сделать разведку в станицу тов. Карп Прилепо, который был в Голубовском отряде и ночевал в станице.

Тов. Председатель Исполнительного Комитета прошу на это отнестись с самым точным и решающим ответом сию минуту время не ждет.

Председатель Временного Солдатского Комитета Панников.

Секретарь Акимов.

Постановление **) Общего Собрания граждан поселения рудников Т-ва Е. Т. Парамонова С-ья,

под председательством Я. Г. Марчевского и Секретаря И. А. Дьячкова, состоявшегося 1-го февраля 1918 г.

1) Вопрос о целях местного революционного комитета.

По выяснении товарищем Я. Г. Марчевским положения настоящего времени постановлено санкционировать избранный Военно-Революционный Комитет, а потому собрание находит нужным доизбрать еще одного члена. Избранным оказался Председатель Совета Рабочих Депутатов Иона Андреевич Дьяков. Прежних членов утвердить.

2) Вопрос об организации Красной Гвардии. Постановлено допустить прием лиц в состав Красной Гвардии по удостоверении не менее 2-х товарищей—свидетелей о благонадежности, в настоящее и прошлое время, лица, желающего вступить в ряды Красной Гвардии.

3) Вопрос об избрании комиссара по милиции Власовского района.

Ввиду заявления бывшего начальника милиции Ивана Павловича Есаулова о нежелании продолжать службу, единогласно постановлено: избрать комиссаром милиции Власовского района Якова Григорьевича Марчевского, а помощником комиссара милиции Павла Никитича Шуплякова. Голосование было произведено открытое. Марчевский избран единогласно, а Шупляков большинством голосов при меньшинстве воздержавшихся.

Председатель Марчевский. Секретарь Дьячков.

Революция на Дону***)

Телеграмма из Харькова от 13-го января (н. с.).

Всем—Совету Народных Комиссаров. 10-го января в станице Каменской открылся с'езд фронтового казачества. На с'езд прибыли в полном составе участники открывшегося 7-го января в городе Воронеже совещания трудо-

*) Из документов, доставленных в Истпарт Дон. Обл. К-та Р.К.П. (б.), характеризующих борьбу донецких шахтеров с Калединщиной. **Ред.**

) Из докумеитов, доставленных в Истпарт Дон. Обл. К-та Р.К.П. (б.), характеризующих борьбу донецких шахтеров с Калединщиной. **Ред.

***) Из органа МКРСДРП (б.) «Социал-Демократа». **Ред.**

вого казачества. Каледин приказал разогнать с'езд и арестовать его организаторов. С'езд единогласно постановил об'явить войну Каледину и захватить всю власть Донской области в свои руки. Был выбран Военно-Революционный Комитет. Посланы отряды для занятия Лихая и Зверево. Арестованы 18 высших военных властей. При занятии станции Зверево штаб дивизии бежал вместе с полковником Михайловым. В помещении штаба найдена записка Каледина об об'явлении железной дороги на осадном положении. Посланный для ареста 10-й полк опоздал. На следующий день в Каменской был грандиозный митинг. Казаки горят энтузиазмом, они стремятся покончить с Калединым своими руками.

Армия революции, армия Рабочего и Крестьянского Правительства Народных Комиссаров приветствует пробуждение казачества; она удвоит усилия, чтобы положить конец буржуазной реакции на Дону, чтобы привести к победе великую революцию.

Народный Комиссар Антонов.

Воронежское совещание *).

10/23 января 1918 г..

С'езд рабочих, солдат и крестьян и трудового казачества Донской области, назначенный в Воронеже на 7 января, ввиду малочисленности с'ехавшихся делегатов, не состоялся. Состоялось только совещание, на котором принята была следующая резолюция:

«Признавая, что в то время, когда по всей России идет борьба между трудовым классом и буржуазией, и в то время, как эта борьба увенчалась переходом власти в руки трудящихся,—власть на Дону продолжает оставаться в руках войскового правительства, которое состоит преимущественно из офицеров, помещиков, духовенства и не отражает интересов трудового казачества, так как оно было избрано тогда, когда трудовое казачество находилось на фронте. А между тем воля трудового казачества и всего трудового населения Донской области ясно сказалась в многочисленных решениях, которые признали власть Совета Народных Комиссаров и его мероприятия.

Помещичье-генеральско-войсковое правительство, офицерский войсковой круг, несмотря на то, что под их крыло и к ним на помощь сбежались контр-революционеры со всей России,—Корнилов, Алексеев, Савинков, Родзянко и др.—вынуждены были под напором трудящихся признать свою слабость и поднять вопрос о соглашении с зажиточными крестьянами. Это соглашение является обманом, которым войсковое правительство хочет одурачить трудящихся Дона; этим самым мужицкий кожух призван прикрыть прореху в царском мундире генерала Каледина.

Под прикрытием этого соглашения контр-революционеры мобилизуют все свои силы для того, чтобы подавить волю трудящихся Дона, потом двинуться на север и сковать в помещичье-генеральские цепи всю русскую революцию.

Совещание трудового населения Донской области обращается ко всему трудовому казачеству с предложением об'единиться с крестьянами и рабочими и единым революционным фронтом повести борьбу против Новочеркасского гнезда контр-революции.

*) Из органа МКРСДРП(б.) «Социал-Демократа», от 10/23 января 1918 г.

В целях быстрого перехода власти на Дону в Руки Советов трудового казачества, рабочих, солдат и крестьян, в целях уничтожения искусственного отделения трудового казачества от остального трудового населения области, которым пользуются помещики и капиталисты, в своих интересах, совещание считает необходимым немедленное и совместное создание Советов Казачьих Депутатов, которые отстранили бы от управления на Дону все чиновничьи, буржуазные элементы, враждебные трудовому казачеству, которые начали бы борьбу с партизанскими отрядами Каледина для защиты совместно с рабочими рудников. Совещание признает желательным создание революционных казачьих отрядов.

Долой власть эксплоататоров! Да здравствует власть трудящихся! Да здравствует единение всех трудящихся! Да здравствует власть Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих депутатов!

Об'единенное заседание сотенных комитетов 28 Донского казачьего полка*).

Заседание обращается к трудовому казачеству: «Товарищи—казаки. У нас на Дону нет средств для существования. Мы спрашиваем: на какие средства ведется набор добровольческих партизанских отрядов, враждебных трудовому народу? Мы не должны больше молчать. Войсковое правительство не может открыто и честно опереться на силу казачьих полков, которые не колеблясь $3^1/_2$ года терпели все ужасы войны. И этим казакам не доверяют, их величают изменниками и предателями Дона. На кого-же Каледин и войсковое правительство хотят опереться? На отряды юнкеров, кадетов, беглых офицеров и отдельных казаков, прельстившихся обещанными наградами и большим жалованьем.

Мы протестуем против организации контр-революционных отрядов и призываем все казачьи полки сплотиться и дружно поддержать наши требования».

Собранием выработан следующий наказ делегату на с'езд в г. Воронеж:

«Я, представитель 28 Донского казачьего полка, урядник Лагутин, являюсь выразителем воли всего полка и заявляю здесь открыто пред всем собранием, что мы не желаем пролития братской крови и во избежание этого хотим выяснить, чего добиваемся мы и узнать, к чему стремитесь вы и поэтому мы заявляем.

Вольные донские казаки не раз в былое время со своими славными атаманами Стенькой Разиным, Булавиным поднимали красное знамя восстания среди закрепощенного русского народа против его угнетателей—помещиков и чиновников.

Теперь к нам на Дон стеклись со всей России помещики, генералы, кадеты, юнкера и хотят нас втравить в братоубийственную войну со всем трудовым русским народом.

Братской крови мы не желаем и требуем всех этих непрошенных пришельцев удалить от нас.

Мы желаем жить свободно, не посягая на свободу других. С помещиками же, с отставными царскими генералами и капиталистами, которые

*) Из органа М. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-в), «Социал-Демократ» за № 16, за 1918 г. **Редакция.**

пришли к нам со всей России под покровительство атамана Каледина и правой части войскового правительства,—нам не по пути, проливать кровь из-за их интересов мы не согласны.

Председатель М. Кривошлыков. Секретарь Рубашкин.

В станице Каменской *).

С'езд в Каменской.

10-го января в станице Каменской состоялся с'езд фронтового казачества, на котором вынесена следующая резолюция:

«С'езд фронтового казачества, учитывая создавшееся положение на Дону, обсудив его, решил взять на себя революционный почин освобождения трудового населения и прежде всего трудового казачества от гнета контр-революционеров из войскового правительства: генералов, помещиков и капиталистов мародеров и спекулянтов.

С'ездом образован Военно-Революционный Комитет, который войдет в историю славного Дона, к которому впредь до образования новой власти трудового казачества, с этого числа, переходит власть Донской области.

С'езд и Военно-Революционный Комитет призывает все казачьи части, все трудовое казачество, все трудовое население Донской области отнестись с доверием к нему, сплотиться и с'организоваться для поддержки Военно-Революционного Комитета, который воскрешает лучшие страницы истории вольнолюбивого Дона.

Братья и товарищи! устраивайте собрания сотенных, полковых и других комитетов, собрания частей, станичные и сельские сходы, выносите резолюции о поддержке, отстраняйте контр-революционеров, арестовывайте мешающих делу создания трудовой власти, устраивайте перевыборы командного состава, присылайте ходоков для связи.

Приказа о роспуске годов, как контр-революционного, направленного на то, чтобы обессилить казачество, не выполнять, казакам не расходиться и докончить начатое дело. Части, не имеющие своих представителей, немедленно посылают своих делегатов. Поддержите нас фронтовиков, положивших все свои силы в окопах и не вытерпевших такого непорядка, которым опоганили наш светлый, тихий Дон.

Товарищи рабочие и крестьяне! Мы своим выступлением разрушаем последние преграды между вами и казачеством. Мы уверены в вашей полной поддержке.

Военно-Революционный Комитет, справившись при поддержке всего трудового казачества и трудового населения и при поддержке его успеха со стороны трудового казачества Кубани, Терека, Урала и Сибири и всех трудящихся, созовет с'езд всего трудового казачества, рабочих и крестьян для организации на Дону трудовой власти.

Да здравствует трудовое казачество!

Смело за свободу и счастье трудящихся!

Правда на нашей стороне!

Председатель Военно-Революционного К-та подхорунжий **Подтелков.**

Секретарь **Кривошлыков.**

---

*) Из органа М. К. Р. С. Д. Р. П. (б.) «Социал-Демократ» за № 11 от 17-30 января 1918 года. **Редакция.**

События в Каменской.

Это совершилось на днях.

Станица Каменская была внезапно об'ята страхом. Спешно закрывались лавки, торговцы с базара разбегались—на вокзале, в буфете убирали посуду, запирали тарелки. Пронесся по станице слух, что в Каменскую едут, или уже приехали: «большевики».

Ночью с 10-го на 11-е января фронтовой с'езд казачьих полков Северного фронта об'явил себя верховной властью на Дону. За ночь были арестованы все административно-должностные лица. На утро в станице состоялся грандиозный митинг. Казаки-станичники митинга этого сначала побаивались: они не знали, как отнесутся к этому старики—отцы и деды. По звону колокола начал стекаться на митинг казачий люд. Собралось больше пяти тысяч. С речью к собравшимся обратился председатель основавшегося в ночь Военно-Революционного Комитета, который и об'явил о происшедшем за ночь и об'яснил, почему казаки взяли в свои руки верховную власть.

Затем выступил престарелый казак Иванченко, рассказавший народу, как он сделался большевиком.

— Отправился я к Каледину узнать у него, когда будет земля дана народу казачьему. Отвечал мне помощник войскового атамана Богаевский и отвечал так: «через трупы наши получите вы землю».

Дальше Иванченко поведал, как на обратном пути из Новочеркасска он повстречался с эшелоном большевистских войск. Из разговоров с солдатами он убедился, что то, о чем они говорят, есть его самого заповедная думка, и что сам он думает, как они.

Но Иванченко захотел дойти до самой сути дела, узнать, доподлинно правду ли ему говорят солдаты-большевики. Для этого он поехал в Царицын к тов. Минину, городскому царицынскому голове.

Разговор их был таков:

Иванченко: Говорят, что вы большевики грабители?

Т. Минин: Правда, дедушка, только грабим мы ограбленное буржуазией у народа, а грабим так: возвращаем ограбленное народу.

И Иванченко после разговора с Мининым стал настоящим большевиком и собравшемуся люду на митинге поведал, что истинная правда только у большевиков.

Речь старика-казака была встречена с восторгом.

На митинге в 5000 человек была единогласно принята следующая резолюция.

«Ввиду создавшегося положения и организации Военно-Революционного Комитета Донской области станицы Каменской, мы граждане: трудовое казачество, крестьяне, солдаты и рабочие, выносим полное доверие и поддерживаем настоящий Военно-Революционный Комитет и протестуем против существующего в г. Новочеркасске, Донской области, Войскового круга во главе с Калединым и Богаевским.

Долой конт-революционеров—Каледина и Богаевского и всю свору и прихвостней их! Вся власть Народным Комиссарам в лице Совета Казачьих, Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Резолюция принята единогласно числом пять тысяч человек.

После митинга на состоявшемся заседании Воен.-Рев. Комитета было постановлено послать делегатов для установления сношений с Московским Советом и Штабом Моск. Воен. Округа, а также с Советом Народных Комиссаров.

Был заслушан доклад представителя 39-й пехотной дивизии с Кавказского фронта и представителя Кубанско-Терского казачества. Они доложили, что Каледин послал их против большевистских войск. В Кубанской области текинцы и чеченцы корниловского отряда производят грабежи и набеги на мирных жителей. 39-я дивизия и казаки кубанцы и терцы ведут борьбу с ними. Приехали же они на Дон, чтобы заключить союз с донцами, с трудовым казачеством. И этот союз был заключен.

Затем явился делегат от Новочеркасского Совета Р. С. и Кр. Д., который сообщил, что состав его большевистский.

На с'езде отрядов северного фронта был заслушан доклад представителя крестьян Донской области, присутствовавшего на войском кругу в Новочеркасске, который в яркой форме изобразил полемику трудового казачества и крестьянства с Богаевским.

До переворота существовал и существует блок между кадетами и помещиками Кубанской, Терской и Донской областей, который об'явил активную борьбу с трудовым казачеством и крестьянством.

На с'езде принимали участие рабочие-шахтеры, положение которых было почти безвыходным. Партизанские отряды Каледина терроризировали жизнь шахт Власовского и Парамоновского рудников. Рабочие между собой решили дождаться казачьего с'езда и от него ждать помощи, если же не будет оказана помощь со стороны трудового казачества, то бросить шахты и уйти.

Военно-Революционный Комитет послал 4 сотни казаков с комиссаром для поимки партизанских отрядов Каледина имени Стеньки-Разина, мешавших вывозу 27 мил. пуд. каменного угля из Александро-Грушевского рудника, нагруженного в вагоны.

Каледин распорядился открыть на Дону винную торговлю; везде, в районах его действий можно купить бутылку водки за 5 руб. 50 коп. В станице Каменской Военно-Революционный Комитет торговлю вином запретил.

В заключение можно сказать, что только теперь Великая Трудовая Революция докатилась к Дону.

Казачество восстало на угнетателей и своими силами сметет их с лица земли.

Ультиматум Донского Военно-Революционного Казачьего Комит-а Войсковому Правительству *).

1) Вся власть в области войска Донского над войсковыми частями в ведении военных операций от сего 10-го января 1918 года переходит от Войскового атамана Донскому Казачьему Военно-Революционному Комитету.

2) Отозвать 15-го января сего года все партизанские отряды, которые действуют против революционных войск, и разоружить, как их, так и добровольческие дружины, юнкерские училища и школы прапорщиков, выслать всех участников этих организаций, не живших на Дону, из пределов Донской области в места их жительства.

ПРИМЕЧАНИЕ: Оружие, снаряжение и обмундирование должны сдать комиссару Военно-Революционного Комитета. Пропуск на выезд из Новочеркасска должны получить от комиссара Военно-Революционного Комитета.

---

*) Из материалов, доставленных Истпарту Дон. Обл. Ком-та РКП (б.). **Ред.**

3) Город Новочеркасск должны занять казачьи полки, по назначению Военно-Революционного Комитета.

4) Об'явить членов Войскового Круга неправомочными с 15-го января сего года.

5) Отозвать всю полицию, поставленную Войсковым Правительством из рудников и заводов Донской области.

6) Об'явить по всей Донской области станицам и хуторам о добровольном сложении Войсковым Правительством своих полномочий, во избежание кровопролития, и о немедленной передаче власти Областному Казачьему Военно-Революционному Комитету впредь до образования в Области постоянной трудовой власти всего населения.

Председатель Военно-Революционного Комитета Подтелков.

Секретарь прапорщик М. Кривошлыков.

Ответ Войскового Правительства Военно-Революционному Комитету *).

Войсковое Правительство войска Донского, обсудив требования Военно-Революционного Казачьего Комитета, представленные депутацией комитета от имени Атаманского, лейб-казачьего 44, 28, 29, части 10, 27, 23, 8 и 43 полков, 14 отдельной сотни, 6-й гвардейской, 32, 28, 12 и 13 батареи, 2 пешего баталиона и Каменской местной команды, об'являет, что Правительство является представителем всего казачьего населения области. Избранное населением, Правительство не имеет права сложить своих полномочий до созыва нового Войскового Круга.

Войсковое Правительство войска Донского признало необходимым распустить прежний состав Круга и произвести перевыборы депутатов, как от станиц, так и от войсковых частей. Круг в своем новом составе, свободно избранный (при полной свободе агитации) всем казачьем населением на основании прямого, равного и тайного голосования, собирается в городе Новочеркасске 4-го февраля сего года одновременно со с'ездом всего неказачьего населения. Только Круг, законный орган, восстановленный революцией, представляющий казачье население области, имеет право сместить Войсковое Правительство и избрать новое. Этот Круг вместе с тем обсудит вопрос и об управлении войсковыми частями и о том, быть или не быть партизанским отрядам и добровольческим дружинам, защищающим область. Что касается формирования и деятельности добровольческой армии, то об'единенное правительство уже раньше приняло решение взять их под контроль Правительства при участии Областного Военного Комитета.

По вопросу об отозвании из горнозаводского района яко-бы поставленной Войсковым Правительством полиции, Правительство заявляет, что вопрос о милиции будет поставлен на разрешение Круга 4-го февраля.

Правительство заявляет, что в устройстве местной жизни может принимать участие лишь местное население, а потому оно считает, выполняя волю Круга, необходимым всеми мерами бороться против проникновения в область вооруженных большевистских отрядов, стремящихся

*) Из материалов, доставленных Истпарту Дон. Обл. Ком-та РКП (б.). **Ред.**

навязать области свои порядки. Жизнь свою должно устроить здесь само население и только оно одно.

Правительство не желает гражданской войны, оно всеми мерами стремится покончить дело мирным путем, для чего предлагает Военно-Революционному Комитету принять участие в депутации к большевистским отрядам.

Правительство полагает, что если посторонние области отряды не будут итти в пределы области, гражданской войны и не будет, так как Правительство только защищает донской край, никаких наступательных действий не предпринимает, остальной России своей воли не навязывает, а потому не желает, чтобы и Дону кто-нибудь посторонний навязывал свою волю.

Правительство обеспечивает полную свободу выборов в станицах и войсковых частях и каждый гражданин сможет развить свою агитацию и отстаивать свою точку зрения на назначенных уже выборах в Войсковой Круг.

Для обследования нужд казаков во всех дивизиях должны быть теперь-же назначены комиссии из представителей от частей.

Войсковое Правительство войска Донского предлагает всем частям, пославшим своих депутатов в Военно-Революционный Комитет, возвратиться к своей нормальной работе по защите Донского края.

Войсковое Правительство не допускает и мысли, чтобы свои Донские части выступили против Правительства и тем начали междуусобную войну на Тихом Дону.

Военно-Революционный Комитет должен быть распущен избравшими его частями, и все части взамен этого должны послать своих представителей в существующий Областной Военный Комитет, об'единяющий все войсковые части области.

Войсковое Правительство требует, чтобы все арестованные Военно-Революционным Комитетом были немедленно освобождены, а администрация, с целью восстановления нормальной жизни в области, должна быть возвращена к исполнению своих обязанностей.

Являясь представителем только незначительного числа казачьих частей, Военно-Революционный Комитет не имеет права пред'являть требования от имени всех частей, а тем более от имени всего казачества.

Войсковое Правительство считает совершенно недопустимым сношения Комитета с Советом Народных Комиссаров и пользование его денежной поддержкой, так как это означало бы распространение влияния Совета Народных Комиссаров на Донскую область, а между тем казачий Круг и С'езд неказачьего населения всей области признали власть Совета неприемлемой, также как и Украина, Сибирь, Кавказ и все без исключения казачьи войска.

Председатель Войскового Правительства, товарищ войскового атамана Богаевский. Старшины войска Донского: Елатонцев, Поляков, Мельников.

Ответ неказачьей части Об'единенного Правительства Донской области *).

Неказачья часть Об'единенного Правительства Донской области, ознакомившись с требованиями, пред'явленными Военно-Революционным Ко-

*) Из материалов, доставленных Истпарту Дон. Обл. Ком-та РКП (б.). **Ред.**

митетом ст. Каменской казачьей части Об'единенного Правительства, считает своим долгом указать, что, согласно постановления Об'единенного Правительства, 4 февраля созывается С'езд и Круг и, таким образом, лишь 2 недели отделяют нас от того времени, когда население области сможет свободно решить все основные вопросы жизни на Дону.

Этих двух недель едва хватит для проведения выборов по области, а потому, в интересах действительной правильности, необходимо избегать сейчас какого-либо обострения в нашей областной жизни.

Неказачий отдел призывает представителей казачьих частей к совместной работе по созыву Войскового Круга и Областного неказачьего С'езда по немедленному прекращению гражданской войны, охраны области от давления извне и осуществления через будущих народных избранников устроения жизни Дона на демократических началах.

Копия.

Протокол допроса *).

1918 г. января 19 дня и. д. Суд. Следователя Ростовского на Дону Окружного Суда М. К. Павлов в г. Ростове на Дону допрашивал нижеименнованного, с соблюдением 307, 443 ст. Суд. в качестве потерпевшего и он показал:

В больнице Влк. ж. д. на Новом Поселении.

Мягков Александр Еремеевич, 18 лет, православный, грамотен, не судился, живу на Темернике по Луговой ул. д. № 6, быв. рабочий механических мастерских Влк. ж. д.

Сегодня 19 января, около 12 часов дня я пришел в столовую Глав. Мастерских на собрание по вопросу об'явления забастовки; зал столовой был полон рабочих. Внезапно в зал с правой (и ход) двери вошло несколько юнкеров или кадетов; говорили, что их вошло около 15 человек. Кто-то из них крикнул дважды «смирно». В толпе послышался испуганный крик «кадеты», в виду чего я бросился в ближайшую ко мне левую дверь выходную. Около этого времени, почти непосредственно за командой «смирно» снаружи перед зданием послышался звук залпов, выстрелов. Когда я выбежал на площадку, перед дверью там уже были другие, раньше меня выбежавшие из числа собравшихся в столовой. Выбежав, увидел стоявших в некотором растоянии от дверей, сбоку у беседки, в садике, юнкеров или кадетов, которые стреляли в упор нам, выбежавшим из дверей. Сколько было стрелявших и сколько было выстрелов, не помню. Я был ранен в левую ногу и бросился назад, забежал в дамскую уборную, затем по лестнице вниз, где отхожее место и потом назад в зал, где уже было меньше людей отделившихся кучками, я забежал на сцену, а отуда задним ходом в садик, где больше не видал уже военных. Внутри зала столовой перед стрельбой никаких одиночных выстрелов я не слыхал.

Более показать нечего.

Читано Мягков.

Испол. должность Суд. Следователя Павлов.

Присутствовал Тов. Прокурора П. П. Смирнов.

---

*) Из «дела пострадавших убитых и раненых на собрании в столовой Главных Мастерских Владикавказской железной дороги, 19 января 1918 г.», найденного в архиве Ростовского Линотдела и переданного в Истпарт Дон Обл. Ком-та Р. К. П. (б-ков). **Редакция.**

Протокол допроса *).

1918 года января 19 дня, исп. дол. Суд. След. Ростовского на Дону Окружного Суда М. К. Павлов в гор. Ростове на Дону, допрашивал нижепоименованного с соблюдением 307 и 443 ст. уст. уг. Суд. в качестве потерпевшего и он показал:

В больнице Влк. ж. д. на Нов. Пос. Капитанов Алексей Никонорович, 36 лет, православный, грамотный, не судился, старш. унтер-офицер 176 пехот. Лидского полка, отпущенный совсем домой. Живу в Рязанской губ., Ясиновской вол., село Дензина; временно в Ростове для приискания работ. К мастерской Влк. ж. д. не имею я никакого отношения и в Ростове я временно нахожусь с воскресенья для приискания работ.

Сегодня около полудня я пришел на вокзал узнать об отходящих на Кавказ поездах. Какие-то студент и господин, узнав, что в столовой Гл. Мастерских идет собрание решили пойти, послушать, я тоже пошел. По какому поводу будет собрание я не знал. Комендант станции тоже отправился на собрание. Придя на собрание я нашел зал переполненным и сел, заняв место у второй двери близ сцены. Публика волновалась, требуя скорейшего начала речей. Вышедший из-за занавеса человек просил успокоиться, т. к. есть какие то серьезные дела. Вдруг сзади послышался крик: «Смирно», я оглянулся к правой двери откуда послышался крик «Смирно». Из-за толпы пока не мог увидеть, кто вошел и кто кричал; никто из собравшихся не двигался с места. Вдруг грянул внутри столовой в первой двери сзади меня залп винтовочных выстрелов.

Многие бросились к двери и я тоже выбежал. Я услыхал, что стреляют залпами и в садике я не видал военных. Я бросился бежать вниз, влево из садика и при этом почувствовал, что ранен в левую ногу, ранен я двумя пулями. Я и несколько человек стали прятаться в подвал под столовой среди ящиков с опилками. Я просидел 5 минут, причем минуты 3 была сильная винтовочная стрельба. Затем я вышел и увидал перед зданием столовой около 6 офицеров, находившихся перед зданием; разбегавшихся уже не было видно. Сбоку садика лежал раненый в руку казак, которому офицер задавал вопрос: «А ты чего попал сюда?». Что казак ответил не знаю. Я заявил офицерам, что попал на собрание случайно и меня пропустили. Я пошел в приемный покой и на откосе видал во рву за садиком сбоку дорожки одного лежавшего убитого. Выстрелы начались залпами сначала внутри, а когда я и другие выскочили через дверь в садик, то тогда и снаружи в садике. Под залпами, отдельных выстрелов не было. Не помню был ли с оружием виденный мной раненый казак; не знаю куда девался этот казак; он был одет в солдатском казаком, с красными лампасами по форме казака. Более показать нечего. Читано. Зачеркнуто «вышедшей» верить. Капитанов.

Ультиматум железнодорожников **).

Перед об'явлением всеобщей забастовки собрание железнодорожников постановило пред'явить об'единенному Правительству следующие требо-

*) «Из дела пострадавших убитых и раненых на собрании в столовой при главных мастерских Владикавказской железной дороги 19 января 1918 г.», найденного в архиве Ростовского Линотдела и переданного в Истпарт Дон. Обл. К-та РКП (б.) **Ред.**

) К расстрелу рабочих в столовой главных мастерских 19 января 1918 года. Из газеты «Приазовский край», изд. в Ростове н-Д; от 25-го января 1918 года за № 18-м. **Ред.

вания: 1) Немедленно отстранить от командования с преданием суду контрольного начальника сопровождавшего красногвардейцев и за угрозу в Батайске в присутствии служащих расстрелять конвоируемых им пленных. 2) Немедленно отстранить от должности с преданием суду присяжных главного начальника, давшего приказание воинскому отряду на разгон собрания мастеровых и рабочих ростовских мастерских и привлечь к уголовной ответственности действительных виновников расстрела безоружного собрания с безотлагательным их арестом. 3) Потребовать от войскового правительства обеспечить за свой счет семьи убитых мастеровых в достаточном размере, установленным совместно с представителями союза, кроме того потребовать от войскового правительства выдать каждому получившему ранение при расстреле 19-го января единовременное пособие и помимо этого вознаграждение каждого потерпевшего за потерю трудоспособности в размере установленного врачебной комиссией. 4) Правительство обязуется гарантировать полностью неприкосновенность железнодорожников и их профессиональную жизнь, будет ли это исполнение служебных обязанностей или исполнение общественной работы. 5) Об'единенное донское правительство не должно перекомандировывать паровозы на другие дороги без согласия союза. 6) Все свои мероприятия в сфере своего железнодорожного мира войсковое правительство обязуется согласовать с союзом железнодорожников в лице—главного. 7) Правительство войска Донского должно дать полную гарантию в немедленном представлении железнодорожной администрации денежных знаков в вполне достаточном количестве, что бы их хватило для уплаты по декрету, как в настоящее время, так равно и в будущем. 8) Пред'явив вышеперечисленные пункты об'единенному правительству, настоящее совещание постановляет, временно до получения ответа от об'единенного правительства срок выполнения правительством наших требований устанавливается до трех часов дня 23-го января 1918 г.

Протокол *).

1918 года января 19 дня, 3 часа дня исп. должность судебного следователя Ростовского н-Д Окружного суда 3 уч. гор. Ростова н-Д.

Составил настоящий протокол в том, что по телефону начальник Ростовской н-Д военной железнодорожной милиции сообщил о происшествии, имевшем место около 1 часа дня сего числа на станции Ростов н-Д. ВЛК ж. д. для суждения по вопросу, касающемуся об'явленной накануне на дороге забастовки. Явившийся в помещение столовой отряд юнкеров стал очищать помещение и в возникшей при этом стрельбе пострадало несколько человек рабочих убитыми и ранеными, при чем последние отправлены в приемный покой и больницы ВЛК ж. д.

Одновременно с получением этого сообщения последовало от господина прокурора Ростовского н-Д. Окружного суда предложение, приступить впредь до выяснения подследственности дела, к предварительному следствию по признакам преступления, предусмотренного 1455 ст. Улож. Нак. для производства нетерпящих отлагательства следственных действий.

Исполн. должность Судебного Следователя—Павлов.

---

*) Из «дела пострадавших убитых и раненых на собрании в столовой при Главных мастерских Владикавказской железной дороги 19 января 1918 года», найденного в архиве Ростовского Линотдела и переданного в Истпарт Дон. Обл. Ком-та Р. К. П. (б). **Ред.**

Ответ Правительства*).

Об'единенное Правительство Донской Области, рассмотрев 21 января с. г. заявление Главного Дорожного Комитета Владикавказской жел. дор., постановляет:

1) Признать необходимым произвести расследование по бывшему в Батайске случаю угрозы со стороны начальника конвоя по отношению конвоируемых и, в случае установления наличия преступного деяния, поступить с виновниками по закону.

2) Признать необходимым: а) ввиду важности происшедших 19 января с. г. событий на ст. Ростов включить в состав назначенной командующим войсками Ростовского района комиссии под председательством В. Ф. Зеелера двух представителей от Об'единенного Правительства и б) в случае выяснения действительной виновности начальника караула и других лиц, в срочном порядке предать их суду.

3) признать необходимым обеспечить семьи убитых и пострадавших в установленном порядке.

4) Об'единенное Правительство признает свои обязанности ограждать неприкосновенность железнодорожников в их законной работе и общественной жизни согласно постановления от 6 января с. г.

5) О'бединенное Правительство признает за собой право направлять через установленный им орган работу всего подвижного состава железных дорог Области в соответствии со своими задачами.

6) Признавая в принципе желательным согласование предполагаемых мероприятий в области железнодорожной работы и жизни с органами общественного представительства железнодорожных служащих, Об'единенное Правительство оставляет за собой право осуществления мероприятий, направленных к поднятию производительности транспорта, тесно связанного с интересами всего населения области.

7) Признавая в принципе необходимым произвести выплату денег железнодорожным служащим в счет декрета Временного Правительства от 24 сентября н. г. за декабрь и январь месяц, открыть кредит Управляющему Влк. жел. дор. на ростовскую контору Государственного Банка в сумме 8.000.000. рублей. Вместе с тем Об'единенное Правительство признает необходимым и в будущем приходить на помощь названной дороге в оказании ссуды на указанную надобность при условии непрерывной работы железнодорожных служащих при выполнении задач, выдвигаемых интересами Об'единенного Правительства и населения области.

Председатель Об'единенного Правительства М. Богаевский.

Члены Правительства: Агеев, Боссэ, Шошников.

Упр. Делами Канцелярии (подпись неразборчива).

22-1 с. г.

Телеграммы с Красного фронта **).

ДЕБАЛЬЦЕВО. 18. I. 18 г. У ст. Лихой происходят бои между партизанским отрядом Чернецова и революционными казаками, обратившимися к нам с призывом поддержки.

---

*) Из газеты «Приазовский Край», изд. в г. Ростове на Дону; от 25 января 1918 года за № 18-м. **Ред.**

**) Из органа Моск. К-та Р.С.Д.Р.П. (б)., «Социал-Демократа».
Даты в телеграммах указываются по новому стилю. **Редакция.**

У Зверево наши передовые посты ведут бои с юнкерскими частями противника. Станция дважды переходила из рук в руки, при последнем занятии станции перебито более пятидесяти защитников ее. По линии Иловайское — Таганрог авангард войск Сиверса, продвигаясь с боем, находится в пятнадцати верстах от города. Настроение войск, в связи с революционным движением внутри казачества, особенно повышенное, все время поступают требования отдельных частей резерва выслать их на линию боя.

Команд. войсками Саблин.

ДЕБАЛЬЦЕВО. (23. I). Бюллетень на 21 января по 2 участку Юго-Восточного фронта. Начавшиеся 16 января бои в направлениях на Лихую и Зверево продолжались с переменным успехом весь день 17 и 18 января, когда нашими передовыми частями удалось занять ст. Лихую и ст. Замчалово и вплотную подойти к ст. Зверево. Дальнейшее продвижение вперед было остановлено наметившимся глубоким обходом противника от ст. Сулин. Авангард частей противника вступил в бой с нашими частями у ст. Гуково. Одновременно под давлением крупных сил противника с артиллерией на броневых площадках от ст. Каменской и обхода его наших передовых частей от ст. Гундоровская на ст. Изварино Северо-Донецкой ж. д. наши передовые, части оставив Лихую, отошли на ст. Изварино и Плешаково. 19 января бои возобновились с новой силой, причем противником со стороны ст. Зверево были введены свежие силы офицерского батальона, действовавшего под прикрытием артиллерии. К ст. Гуково подошли главные силы обходной колонной. Благодаря этому наши передовые части, стоявшие на ст. Замчалово и у ст. Зверево, должны были с боем у Гуково отойти на ст. Должанскую. Наши потери значительны. Потери противника превышают в несколько раз наши. Среди убитых офицерского батальона граф Ростовцев и князь Семенов—Тяньшанский. Из показаний многочисленных пленных выясняется, что казачество в его целом отшатывается от Каледина и окружающих его юнкеров и офицеров, боевыми действиями которых руководят в Таганроге Корнилов, а в Новочеркасске Алексеев и Деникин. Кроме известных уже лиц вроде Баткина, Грузинова, в Новочеркасске находятся многие видные деятели из либерально-буржуазного лагеря.

Командующий войсками 2 участка Юговосточного фронта Саблин.

ЛУГАНСК. (24. I). 21 и 22 января боевые действия ограничивались лишь небольшими стычками и поисками разведчиков района Должанское-Провалье, Изворино-Плешаково. В ноч с 22-го на 23-е января противник отрядом силой около одной тысячи человек при двух орудиях занял ст. Провалье и повел наступление на ст. Должанская. Задержанный нашим передовым отрядом силой около двухсот пятидесяти штыков, противик целый день 25 января вел яростный натиск, с успехом отражаемый нашим авангардом. Вечером под давлением подошедших к авангарду около двух отрядов, численностью в 400 штыков, должен был отступить от Провалье, оставив там пулеметы и один паровоз. Наши потери: 4 убитых, 48 тяжело раненых, учесть число легко раненых затруднительно, они не желают покинуть ряды революционных войск. Потери противника, отступающего под нашим пулеметным огнем, громадны.

Командующий войсками Саблин.

НИКИТОВКА. Получен оф. приказ № 1 за подписью генерала Назарова о самоубийстве генерала Каледина, ввиду отказа населения Донской области помогать в его контр-революционных замыслах. Войсковой Круг

сложил свои полномочия, передав управление земствам и городам. Заместитель Каледина генерал Назаров об'явил всеобщую мобилизацию от 18 до 55 лет для борьбы с большевиками, но приказ этот в большинстве станиц отвергнут. Наши войска в 30-ти верстах от Ростова.

Пом. Ком. революц. войсками 3-й колонны
Юго-Восточного фронта Калюжный.

ШАХТНАЯ. 18 февраля. Вчера авангардом революционных войск, в составе отряда Черноморского флота, 192 Московского отряда Красной Гвардии, партизанской конной сотни Свиридова, пролетарского взвода артиллерии тяжелой батареи, после пяти часов боя с противником, силой в 5 эшелонов с артиллерией, была занята нами ст. Каменоломня, в 22 верстах от Новочеркасска; противник отступил; наши потери: 52 раненых, 9 убито.

Командующий войсками Саблин.

В СМОЛЬНОМ ПОЛУЧЕНА СЛЕДУЮЩАЯ ТЕЛЕГРАММА:

(12) 25 февраля, после ожесточенного боя под Персиановкой наши войска, наступавшие фронтом свыше 40 верст, заняли Новочеркасск. Первым в Новочеркасск вошел действующий на крайнем левом фланге первый северный революционный казачий отряд 27 и 10 полков. Противник отступил к Аксайской станице, откуда под командой Алексеева и Корнилова походным порядком пытается уйти в глубь Области Войска Донского. Нами захвачен целый ряд видных контр-революционных деятелей.

Командующий Северным фронтом Саблин.

Письмо генерала М. В. Алексеева во французскую миссию *).

(Письмо перехвачено в Миллерово Донским Военно-Революционным Комитетом).

На конверте дословно написано:

«Киев. Во французскую миссию. Письмо от 27 января (9 февраля) 1918 года гор. Ростов на Дону».

Письмо гласит:

«Дорогой генерал . . . . . .

Начальник французской миссии в Новочеркасске, полковник Гюше, вероятно, передавал вам в своих донесениях положение дела в Донской области и вытекающие из сложившейся обстановки мои просьбы.

Я — генерал Алексеев. Донская область была избрана мною для формирования добровольческих армий, как территория, достаточно обеспеченная хлебом и входящая в состав, казалось, очень сильного своими средствами и своими богатствами Юго-Восточного союза.

Казалось, что эта мощная политическая организация защитит без труда свою самостоятельность от большевизма. Я предполагал, что при помощи казачества, мы спокойно создадим новые прочные войска, необходимые для восстановления в России порядка и для усиления фронта. Я рассматривал Дон, как базу для действий против большевиков, зная, однако, что казаки сами не желали итти вперед для выполнения широкой государственной задачи водворения порядка в России. Но я верил в то, что собственное свое достояние и свою территорию казаки защищать

*) Было опубликовано в «Известиях Революционных войск», органе штаба Народного Комиссара по борьбе с контр-революцией. **Ред.**

будут и тем обеспечат безопасность формирования и время для обеспечения новых войсковых частей, но я ошибся.

Казачьи полки, возвращающиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения своего достояния. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов — буржуазии и интеллигенции, а не против области, где сохранился порядок, где есть хлеб, уголь, железо, нефть.

Уже 26 ноября 1917 года мы принуждены были бросить в бой под Ростовом своих 400 человек, а с 12 января этого года, мы бросили в бой все, что подготовляли. Ведем мы эти бои с упорством до настоящей минуты. Так как казаки не хотят сражаться, вся тяжесть защиты Донской области, выполнение главнейших задач легли на плечи, слабых числом, добровольческих войск, и потому мы потеряли возможность развивать формирование и вести боевую подготовку. Мы не можем получить материального снаряжения и патронов, так как все наши сообщения с Румынским и Юго-Западными фронтами отрезаны сильными по числу большевистскими отрядами. Мы могли бы уйти на Кубань. Но и Кубанское войско выдерживает натиск большевизма только при помощи добровольческих частей, так как и Кубанские казаки нравственно разложились.

Простой взгляд на карту подскажет, что Кубань не может служить выходной базой для будущих действий. С уходом туда, мы надолго отсрочим начало решительной борьбы с большевизмом для восстановления порядка на территории государства. Вот почему, изнывая в неравной борьбе за Доном, мы не отказываемся от борьбы. Но силы не равны, и без помощи мы будем вынуждены покинуть важную в политическом и стратегическом отношении территорию Дона, к общему для России и союзников несчастию. Предвидя этот исход, я давно, но безнадежно, добивался согласия направления на Дон, если не всего Чешско-Словацкого корпуса, то хотя бы одной дивизии. Этого было бы достаточно, чтобы вести борьбу и производить дальнейшее формирование добровольческой армии. Но, к сожалению, корпус бесполезно и без всякого дела находится в районе Киева и Полтавы, а мы теряем территорию Дона. Сосредоточение одной сильной дивизии с артиллерией в районе Екатеринослав-Александровск-Синельниково уже оказало бы косвенную нам помощь, хотя бы в виде далекой угрозы тылу большевистских войск. Обеспечение указанного района достигалось бы оставлением в нем трех батальонов, остальные силы дивизии следовало бы направить в район Никитовки-Дебальцево-Макеевки.

Это решило бы вопрос, и Донская область была бы освобождена от напора в наиболее опасном направлении с запада. Удар с севера, даже с востока, не столь опасен. Наконец, получив обеспечение с запада, мы могли бы нанести мощный удар большевизму в других направлениях и покончить местную борьбу в нашу пользу. Весь корпус сразу поставил бы на очередь решение широкой задачи.

Зная ваше влияние на генерала Макса и, вообще, на чехов, я обращаюсь к вам с просьбой принять изложенное мною решение. Быть может, еще не поздно. Через несколько дней вопрос может решиться бесповоротно не в пользу Дона и русских интересов вообще. Уход добровольческих частей из Донской области ухудшит общее положение и уменьшит шансы борьбы с большевиками и достижения победы. Если вы признаете справедливость моих соображений и необходимость принятия решения, то я просил бы сообщить условной телеграммой полковнику Гюше, дабы знать

время, когда начата перевозка войск. Я не говорю уже о том, что занятие чехами указанных районов сразу обеспечит подвоз угля для румынского фронта и оттуда к нам материальной части и патронов.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении к вам и преданности».

Генерал А. Алексеев.

Последнее воззвание А. М. Каледина*).

«Граждане казаки! Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью казачеству, я, ваш войсковой атаман, обращаюсь к вам с призывом, быть может, последним.

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска красногвардейцев, наемных солдат, латышей и пленных немцев, направляемые правительством Ленина и Троцкого.

Войска их подвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противников угрожают станице Каменской и ст. ст. Зверево и Лихая. Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и в союзе с вторгнувшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами сделали нападение на отряд полковника Чернецова, направленный против красногвардейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков, участников этого гнусного и подлого дела, рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество.

В Усть-Медведицком округе вернувшиеся с фронта полки, в союзе с бандами красногвардейцев из Царицына, произвели полный разгром на линии железной дороги Царицын — Серебряково, прекратив совершенно всякую возможность снабжения хлебом и продовольствием Хоперского и Усть-Медведицкого округов.

В слободе Михайловке, при ст. Серебряково, произведено избиение офицеров и администрации, при чем погибло до 80 одних офицеров.

Развал строевых частей достиг последнего предела и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение.

Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского Края.

В таких обстоятельствах до завершения начатого переформирования полков, с уменьшением их числа, и оставлением на службе только четырех младших возрастов, войсковое правительство, в силу необходимости, выполняя свой долг перед родным краем, принужено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и, кроме того, принять предложение других частей населения области, главным образом учащейся молодежи, об образовании партизанских отрядов.

---

*) Из белогвардейского журнала, изд. в г. Ростове н-Д. в 1918-19 г.г. под ред. Виктора Севского «Донская Волна» (№, 18 июня 1918 г.) Воззвание Каледина распространялось по станциям и хуторам Донской области, 28 января 1918 г., за день до самоубийства А. М. Каледина. **Редакция.**

Усилиями этих последних частей и, главным образом, доблестной молодежи*), беззаветно отдавшей свою жизнь в борьбе с анархией и бандами большевиков, и поддерживается в настоящее время защита Дона, а также порядок в городах и на железных дорогах.

Ростов покрывается частями особой добровольческой организации. Поставленная себе войсковым правительством задача—довести управление областью до созыва и работы 4-го февраля Войскового Круга и с'езда неказачьего населения—выполняется указанными силами, но их незначительное число и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки не придут немедленно в состав добровольческих частей, сформированных войсковым правительством.

Время не ждет: опасность близка. И если вам, казакам, дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видет Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников, изменников долгу перед Доном, то спешите на поддержку войсковому правительству.

Посылайте казаков-добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство—только тяжкий долг, и остаюсь я на посту по глубокому убеждению необходимости сдать пост при настоящих обстоятельствах только перед Кругом».

А. М. Каледин.

Письмо Каледина генералу Алексееву*).

(В кабинете Каледина было найдено письмо адресованное генералу Алексееву датированное от 29 января в 2 ч. 12 м.).

«Многоуважаемый генерал Алексеев, волею судьбы и желанием казачества, Тихий Дон Вам вверил судьбу казачества и предложил избавить Дон от ненавистников свободного и здорового казачества, от врагов всякого национального самоопределения, от большевиков. Вы, с вашим горячим темпераментом и боевой отвагой, смело взялись за свое дело и начали преследование большевистских солдат, находящихся на территории области Войска Донского. Вы отчаянно и мужественно сражались, но не учли того обстоятельства, что казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого проводителя своих интересов и отходят от него.

Так случилось со мной, и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага; но мне дороги интересы казачества и я вас прошу щадить их и отказаться от мысли разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы вольность и спокойствие; избавьте Тихий Дон от змей, но дальше не ведите на бойню моих милых казаков. Я ухожу в вечность и прощаю вам все обиды, нанесенные мне вами с момента вашего появления в нашем кругу. Уважающий вас **Каледин».**

---

*) Буржуазной молодежи, главным образом из студентов и учащихся средних школ. **Редакция.**

) Из материалов, доставленных Испарту Донского Областного Комитета Р. К. П. (б). **Редакция.

Приказы генерала Назарова*).

Приказ походного атамана войска Донского № 1.

Новочеркасск, января 29 дня 1918 г.

Войсковое Об'единенное Правительство, избранное Большим Войсковым Кругом и С'ездом неказачьего населения области, исполняя волю своих избранников, принимало меры к охранению независимости внутреннего управления в области и вело оборонительную войну с вторгшимися в область войсками Совета Народных Комиссаров. В заседании своем 29-го января Правительство, выяснив отсутствие реальной помощи со стороны населения и войск исполнять волю кругов и с'езда, а также невозможность управлять всей областью ввиду перерыва связи с Новочеркасском, постановило: всему Об'единенному Правительству во главе с войсковым атаманом сложить полномочия и передать управление в городах—городским самоуправлениям, а в округах—окружным управлениям и, впредь до созыва должных собраться 4-го февраля большого войскового Круга и с'езда неказачьего населения, управление общими делами области возложить на временный областной Общественный Комитет порядка.

Через полчаса после этого решения Об'единенного Войскового Правительства войсковой атаман генерал от кавалерии Каледин покончил свою жизнь самоубийством.

Не видя власти, неся ответственность пред которой я мог бы продолжать работу защиту родины от посягательства на нее со стороны наших врагов и не желая быть единоличным правителем я тоже сложил свои полномочия на собрании выборных Новочеркасской станицы с представителями Грушевской станицы и хуторов.

На этом же собрании я был избран походным атаманом войска. После пятикратного отказа я согласился на временное избрание лишь ввиду последовавшего заявления сбора Новочеркасской станицы выставить 2000 бойцев и Кривянской, Богаевской, Ольгинской, Грушевской, Аксайской и Гниловской станиц о решении продолжать борьбу с большевиками.

Сего 29 января я вступил в должность походного атамана войска по выборам.

Приказываю всем станицам произвести ополчение, сформировав конные и пешие дружины, по числу имеющегося в станицах вооружения и использовав для этого оружие стоящих в станицах войсковых частей, подлежащих расформированию или же отказывающихся защищать родной наш край.

Орудия, стоящих в станицах батарей, присоединить к станичным дружинам, забрав их с казенными лошадьми, аммуницией и обозом от батарей, если таковые откажутся присоединиться к дружинам.

Всем станичным и окружным атаманам донести о получении этого приказа, о сборе ополчения и выступлении дружин на сборный пункт к Новочеркасску.

Не будучи в состоянии обмундировать ополчение, приказываю выступать в собственном обмундировании произвольного образца, вопрос о возмещении убытков будет внесен на рассмотрение Войскового Круга.

Походный атаман генерал-майор Назаров.

---

*) Из «Изв. Рев. Войск», орг. Народного Комиссара по борьбе с контр-революцией. **Редакция.**

Приказ походного атамана № 2.

Новочеркасск, 29 января 1918 г.

Приказываю всем способным носить оружие стать на защиту Дона. Об'являю всеобщую мобилизацию. Станицам и хуторам тот же час по об'явлении сформировать пешие и конные дружины, которые направлять в г. Новочеркасск в мое распоряжение.

Генерал-майор Назаров.

С Дона *)

Ростов переживает тревожные дни. Здесь получено сообщение, что Советские войска, двигающиеся с Кавказского фронта, находятся в нескольких верстах от Ростова. Вновь избранный, вместо ген. Каледина, атаман Области Войска Донского генерал Назаров отдал приказ, на основании которого все мужское население Ростова в возрасте от 18 до 50 лет обязано стать на защиту Дона от вторжения Советских войск. Этот приказ вызвал ряд протестов и, несмотря на суровость кар за его нарушение, выполняется вяло. В Новочеркасске Войсковым Правительством выделена особая комиссия для выяснения причин самоубийства генерала Каледина. По распоряжению этой комиссии, вся квартира, в которой жил ген. Каледин, и все документы в его кабинете опечатаны. Весть о самоубийстве Каледина произвела на генерала Алексеева удручающее впечатление. Из его отрядов, по его распоряжению, выделена особая делегация для отдачи последнего долга покойнику. Комиссия, осматривавшая документы ген. Каледина, установила его тесную связь со старой центральной Радой и многими видными русскими финансистами, главным образом, москвичами. В Войсковом Правительстве по этому поводу говорили, что ген. Каледин без их ведома предпринимал рискованные шаги для казачества. Похороны его ожидаются завтря.

На Дону 21-го и 22-го января производилась очистка района Глубокая—Каменская от остатков чернецовского отряда. Положение В.-Р. К. стало укрепляться.

29-го января революционные части заняли Тарасовку. Глубокая к этому времени была совершенно свободна от войск 23-го января была об'явлена мобилизация по волостям, хуторам и станицам. Старики от 35 до 45 лет остаются с оружием в руках защищать новую Советскую власть на местах, а молодые от 20 до 35 лет формируют отряд для решительной схватки.

24-го января был захвачен удиравший в тыл на Урюпино организатор нападения и разгрома Ростовского Совета, генерал Потоцкий с ад'ютантом. Они были переданы в распоряжение Саблина. По словам последнего, Таганрог в руках восставших рабочих.

Первый день мобилизации дал удовлетворительный результат. Являлись с хорошим настроением. Чувствуется недостаток агитаторских и организаторских сил.

25-го января из Царицына сообщили, что революционное движение широко разлилось по Северным округам. Был с'езд, постановивший бороться с Калединым. Образованы Советы в Котельникове, Урюпине, Усть-Медведицкой, Михайловской, Морозовской и др. В Урюпине, Усть-Медведицкой

*) Из «Социал-Демократа», орг. М. К. Р. С. Д. Р. П. (б). № 28 и 29 за 1918 год 31 января. **Редакция.**

образованы окружные Военно-Революционные Комитеты, которые взяли власть в свои руки. Северные казачьи части и население признают Советскую власть и решили также бороться с Калединым и партизанами, против которых сильное возбуждение.

39-я дивизия заняла ст. Торговую установила контроль поездов, телеграфа, почты.

В Царицыне организован военный штаб во главе с казачьим офицером Автономовым, членом бывшего Войскового Круга. Последний избран командующим революционных войск Северных округов области.

26-го января были получены сведения, что революционными отрядами, состоявшими из 175 Царицынского взводного отряда, 2-го пешего казачьего батальона частей 23 и 40 каз. полка были очищены без боя ст. Чир, станица Чирская от партизан, убито трое. Есть арестованные. В революционных частях потерь нет. Из Царицына были посланы подкрепления. Им было предложено присоединить к себе по пути революционные казачьи части. Этим отрядам было приказано двигаться дальше по Донецкой линии, давить на ст. Северную и Лихую, соединиться с каменскими революционными войсками и действовать заодно. Одновременно были получены сведения, что Саблин также производит давление на Лихую. Наступление на Каменскую начато 25-го, продолжалось 26-го, 27-го и 28-го января. Каменская ожесточенно обстреливалась с обеих сторон.

29-го января Донской В.-Р. К. готовился к переезду в Каменскую. За последнее время в первой Южной армии были замечены единичные случаи пьянства. Стоя на страже революционных принципов, Областной Комитет Донской области и командующий первой Южной армией решили указать на недопустимость такого позорного явления в революционной армии. Арестовано несколько человек за пьянство и впредь все замеченные в этом, независимо от их положения, будут арестовываться и предаваться революционному суду.

30-го января 20 час. из Каменской сообщают, что туда переехал Военно-Революционный Комитет.

Положение в области хорошее. Большинство населения на стороне революции.

В.-Р. К. Донской области. Воронеж.

Приказ ген. Корнилова *).

В городе**) распространяется следующий документ.

«Всем юнкерам, ударникам, офицерам армии и флота приказываю не исполнять приказаний, исходящих от Крыленко, Ленина и К-о, а немедленно явиться к коменданту города Новочеркасска для защиты погибающей России. Последний срок явки 15 февраля 1918 г. Неуспевшие явиться в срок должны на местах соединиться в отряды и ждать дальнейших приказаний. Неисполняющие моих приказаний покрывают себя несмываемым позором. Генерал Корнилов».

Приказ дан в г. Ростове на Дону 11 января 1918 г.

Московский отряд генерала Корнилова просит граждан переписывать и распространять этот приказ.

*) Из органа М.К.Р.С.Д.Р.П. б.) «Социал-Демократа» за № 25 от 15 (2) февраля 1918 г. **Ред.**

) В Москве. **Ред.

Успехи советских войск *).

Революционные войска в 8-ми верстах от Ростова.

(4) 17-го февраля 1918 г.

Батайск нами занят прочно. Наши передовые части занимают позиции в 8-ми верстах от Ростова. Нами взяты многие офицеры всех рангов. Население встречает нас с восторгом, со всех окрестных станций и селений приходят делегаты. Отовсюду подвозят в большом количестве подводы с продовольствием. Позавчера у нас была делегация казаков из станицы Ольгинской, которая считалась калединской. Казаки настроены по отношению к нам великолепно; обещали помощь продуктами. Несмотря на настойчивое требование офицеров ударить в тыл к Батайску, они категорически отказались это сделать.

(3) 16-го февраля. Штаб обороны.

Бои около Ростова **).

Мартыновка. 18/II. Вчера 18-го февраля наши части повели наступление на расположение контр-революционеров. У ст. Хопры и села Чалтыр под прикрытием мощного артиллерийского огня отряд 3-й колонны занял ст. и село Чалтыр. Противник бежал оставив нам орудия, 6 пулеметов, 117 снарядов и 3 походных кухни, трубы Цейса, много повозок и различного интендантского имущества. Наши потери незначительны. Противник расположился в балке Сухой Чалтыр.

Комвойск Сиверс.

Об'явление.

Настоящим доводится до сведения всех граждан района Попасная, что с 30-го января 1918 г. с 12 часов дня район Попасная об'является на военном положении.

1) Всякие собрания и митинги без разрешения штаба Красной Гвардии производимы быть не могут и виновные в этом будут привлекаться к ответственности по закону революционного времени.

2) Лица, замеченные, в нетрезвом виде, будут препровождаться в штаб и подвергнуты штрафу в размере 300-х рублей или 3-х месячному тюремному заключению.

3) Лица, выделывающие всякого рода алкогольные напитки и т. п. будут подвергнуты штрафу в размере 3000 рублей и вплоть до конфискации всего имущества и тюремному заключению до 6-ти месяцев.

4) По отношению к темным личностям и контр-революционерам будут приняты меры вплоть до расстрела.

5) Все служащие, мастеровые и рабочие Попасненского района обязаны исполнять возложенные на них обязанности.

Штаб Красной Гвардии района Попасная Авагаров.

---

*) Из органа МКРСДРП (б.) «Социал-Демократа».

) Из «Известий Революционных Войск», органа штаба Нар. Комиссара по борьбе с контр-революцией. Даты указываются по новому стилю. **Ред.

НА ДОНУ*).

Официальное донесение Штаба Обороны. 10 часов утра на станции Выселки по линии Екатеринодарской ж. д. принято ожесточенное сражение. Со стороны контр-революционеров помимо юнкеров и кадетов участвовал черноморский казачий полк и конные чеченцы. Юнкера и чеченцы пошли в аттаку, часть черноморских казаков перешла на нашу сторону и ударила по своим. Около 8 часов вечера неприятель в панике отступил.

Взято нами несколько пулеметов и 2 орудия. Убитых у нас 10, противника много больше. 14-го февраля революционные войска двинулись на Батайск, неприятель выслал юнкеров и батареи, батарея сбита, юнкера бежали. Батайск сдался, Ростову предложено сдаться, ответ неизвестен. В станице Великокняжеская взяты орудия без прицелов, около 200 снарядов на орудия без прицелов, около 300 ручных бомб, пять пудов пироксилиновых шашек, бикфордова шнура, катушки, патронов 15 тысяч для итальянских берданок, 40 тысяч русских, 1000 итальянских винтовок.

Распоряжение Народного Комиссара по борьбе с контр-революцией**).

Всем военным комитетам и всем революционным организациям точно руководствоваться распоряжением Совета Народных Комиссаров для беспощадного подавления контр-революции, организуя все революционные силы и все средства для спасения нашего Социалистического Отечества Республики Советов Рабочих и беднейшего Крестьянства.

Немедленно принять меры к разоружению буржуазных элементов, к организации социалистической армии.

Рабочие рудников и заводов, необходимые для продолжения производства, должны оставаться на местах при работе.

Военнопленным совершенно воспрещается выезд по направлению к северу; неподчиняющиеся будут рассматриваться, как шпионы.

Комендантам станций принять соответствующие меры под страхом революционной ответственности.

Народный Комиссар Антонов.

О пенсии семьям убитых и раненых и о пайке.

1) При штабе Наркома в Никитовке образуется из представителей по одному из отрядов революционных войск Донецкого фронта особая комиссия для составления списков убитых и раненых воинов фондом, имеющимся при штабе.

Выборы в комиссию произвести немедленно. Членам комиссии прибыть с заверенными списками убитых и раненых в Никитовку к 1-му марта, оставив своего заместителя на месте для собирания дополнительных данных.

---

*) Из «Известий Революционных Войск» орг. штаба Народного Комиссара по борьбе с контр-революцией; за 20 февраля (н. с.), среда, 1918 года.

) Из «Известий Революционных Войск», изд. штаба Народного Комиссара по борьбе с контр-революцией; за № 7 от 26 февраля (н. с.) 1918 г. **Ред.

2) Списки убитых и раненых будут опубликованы в «Известиях Революционных Войск», «Известиях Юга», «Донецком Пролетарии», в «Петроградских» и «Московских Известиях».

3) При составлении списков надлежит указывать по возможности точные адреса членов семьи по прямой линии.

4) Размер единовременного пособия семьям убитых определяется в 1000 рублей.

Раненые получают пособие соответственно трудоспособности.

Дополнительное пособие при особых обстоятельствах может быть выделено постановлением комиссии из общего фонда.

5) Семья воина-революционера, сражающегося на далеком фронте, получает ежемесячный паек, размер которого втрое больше, чем установленный прежним правительством обычный солдатский паек.

6) Комиссия может привлекать к революционной судебной ответственности начальников отряда за небрежное отношение к составлению указанных списков.

Народный Комиссар Антонов.

О денежном довольствии.

1) Стоимость пропитания и обмундирования—вычетов командному составу за означенные виды довольствия с жалования не производить.

2) Жалованье за февраль выдать без сокращения, несмотря на введение нового леточисления. Суточные выдавать за действительно прослуженное время.

26-го февраля 1918 года.

Народный Комиссар Антонов.

Мирные переговоры на калединском фронте *).

Таганрог. 25-II. Вчера в Ростов прибыла делегация Малого Войскового Круга в составе: Кадорова, Плонина, Аресова, Иванова и Карасева.

Эта делегация предложила советским войскам прекратить военные действия и не входить в Новочеркасск, допустить беспрепятственный созыв краевого с'езда из казачества и остального населения области.

Со своей стороны Малый Круг обязывается немедленного ухода из Донской области добровольческой армии, ее штаба. Обязуется выслать из области всех членов временного правительства, но оговаривает о возможности оставаться на Дону казакам из казачьих дружин. Приглашает нас послать делегацию в Новочеркасск.

На мой вопрос о политической платформе Круга,—ответили что Круг лишь определяется, что Круг лишь по недоразумению вынес резолюцию по борьбе с советскими войсками, так как полагал, что эти войска посягают на самостоятельность Дона. Лишь краевой с'езд определит физиономию казачества. Центральным вопросом ставилось об автономии Дона с правом самостоятельного разрешения данного вопроса.

*) Из «Известий Революционных войск» штаба Народного Комиссара по борьбе с контр-революцией, от 28/II—1918 г. (Н. С.) **Ред.**

Я не дал окончательных обещаний; заявил, что военных действий в районе Ростова прекратить не могу, так как корниловские войска сосредоточены в его окрестностях, об остальном дам ответ через 2 суток.

Малый Круг собрался вместо Большого Круга, который был сорван со стороны Военно-Казачьего Комитета. Он об'явил себя вместо Областного Правительства властью на Дону и распорядился о мобилизации всех казачьих сил против Советских войск.

Эта мобилизация успеха не имела. Успех наших под Ростовом у Каменоломни и побудил Малый Круг послать свою делегацию.

Корнилов и корниловцы стараются прорваться к Екатеринодару с дикой дивизией.

Народный комиссар Антонов.

В Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П. *)

Поступило следующее заявление от заключенных в Хоперской тюрьме.

«Товарищи! Мы, заключенные в тюрьме за выступление 8-го ноября с целью свергнуть ненавистное нам правительство Каледина и его приспешников и восстановить народную власть, шлем вам сердечную благодарность за оказанную помощь нашим семьям.

Товарищи, без вашей поддержки безусловно положение наших семей было бы крайне тяжелое. Если возможно, мы просим вас и впредь оказывать, насколько это будет возможно, материальную поддержку нашим семьям.

Товарищи, одновременно с сим нами послано письмо в Смольный с просьбой о свержении приспешников Каледина и восстановлении народной власти.

Буржуазия ассигновала шестьдесят тысяч на содержание № полка. Жалование казаки не получают второй месяц. Ропщут и отказывались нас охранять. Теперь нас охраняет учебная команда—молодые казаки призыва 1917 г. Очень слабы и запуганы офицерами. Жадно схватывают слова, передаваемые нами по вопросу о текущем моменте.

Товарищи, момент настал, быстро покончим с приспешниками Каледина. Поэтому убедительно просим вас примите горячее участие, помогите нам.

Да здравствует Советы Р. С. и К. Депутатов!

Да здравствуют Народные Комиссары!

Заключенные в Хоперской тюрьме.

Под этим заявлением подписались 13 заключенных большевиков.

Постановление Войскового Круга Войска Донского от 6 февраля 1918 года.

(издано за 5 дней до взятия Новочеркасска Советскими войсками).

§ 1.

Войсковой Круг единогласно постановил: защищать Дон до последней капли крови.

*) Из «Социал-Демократа» от 28 (15) февраля 1918 года, орг. М.К.Р.С.Р.П. (б.). **Ред.**

§ 2.

Войсковой Круг об'являет себя верховною государственною властью в области войска Донского со всей присущей ей полнотой.

§ 3.

Войсковым атаманом должен быть донской казак, которого Войсковой Круг облекает всей полнотой власти.

§ 4.

Немедленно формировать боевые дружины для мобилизации 1-й, 2-й и последующих очередей до всеобщего ополчения включительно; арестовать и из'ять из станиц и хуторов агитаторов против защиты Дона и предавать их суду по законам военного времени.

§ 5.

Сформированные дружины немедленно выставить на фронт.

§ 6.

Мобилизовать работающих на оборону, оставив в предприятиях и учреждениях лишь самый необходимый состав.

§ 7.

Войсковой Круг единогласно просит и настаивает, чтобы генерал Назаров в этот грозный час не слагал с себя полномочий Войскового атамана и тем самым исполнил бы долг истинного сына тихого Дона.

§ 8.

Учрежденным военным судам немедленно приступить к исполнению обязанностей.

§ 9.

Настоящее постановление Войскового Круга опубликовать во всеобщее сведение.

Подлинное подписали: за председателя Войскового Круга Каргин. Скрепил секретарь Косов. С подлинным верно: секретарь Черемисов.

Речь М. П. Богаевского на 4-ом Круге 7 февраля 1918 г. перед бегством.

(Запись слушателя).

11 лет прошло, как я поверил в казачество. За эту веру, быть-может, придется поплатиться. Слишком часто мое имя связывалось с Алексеем Максимовичем. И было основание.... 13 июня я был избран в товарищи атамана. Шесть м-цев я работал вместе с одним из величайших русских людей. Многие его боялись—боевой генерал, но уже на первом с'езде на Круге его имя упоминалось, как чистое имя.

Мы взялись за дело. Появился большевизм. Алексей Максимович поехал на Государственное Совещание, вернулся, говорит «сволочь».

В августе мы сделали ошибку—блок с кадетами. Это было нам во вред.

Казачеству вообще не доверяли сотни лет. Так повелось со времени Бориса Годунова и Петра Великого. После неудачного восстания Кондратия Булавина с Доном жестоко расправились.

И Алексей Максимович покончил с собой так же, как Булавин. Как и тот, он с проклятием ушел от жизни.

Дьявольская затея вселилась в русский народ, проклятие пошло не от стариков, а от молодежи, от фронтовиков.

Между тем на счет контр-революции Алексей Максимович был чист и едва ли кто из молодых был так чист, как он.

Большевиками приготовлен галстук всей интеллигенции, они расстреливают, а кое-кого и пытают. Зверь-человек осирепел теперь больше, чем когда либо.

А ведь это та самая интеллигенция, которая еще при Александре I добивалась свободы народу (декабристы), но народ остался рабом.

Алексей Максимович усмирил ростовский бунт. Это был сброд. Их усмирили дети и несколько казачьих частей.

Ростов был усмирен бескровно. Но сказка стала еще страшнее.

Когда был усмирен Ростов, Алексей Максимович сказал, что не верит большевизму.

Глубокая тоска заглянула в душу Алексея Максимовича. Нужен был только один полк, но его не было. Когда казачьи части стали отказываться исполнять приказы, Алексей Максимович стал формировать новую армию, но было уже поздно; формируемые части начали расходиться и продавать оружие.

Казачья песенка спета.

Дали себя знать те клинушки, которые забивал на Круге Николай Павлович Лапин *), который сам же погиб от руки трудового казачества. В некоторых округах власть захвачена фронтовыми казаками.

Кто видел Алексея Максимовича в последние дни, тот поймет, почему он был сумрачен: он видел, что борьба бесцельна.

Мне приходилось бывать у Алексея Максимовича часто. Толковали с ним, что делать. В декабре ему казалось так: надо устраивать жизнь с иногородним населением. Он говорил тогда: я считаю, что управлять областью, опираясь только на одну часть населения, нельзя.

Но паритет принес пользы мало, да и времени не было.

На Кругах не раз обсуждался вопрос о добровольческой армии. И было решено, не под нашим влиянием, а самостоятельно: пусть эта армия существует но, если она пойдет против интересов народа, она должна быть расформированна.

Когда мы увидели всю тяжесть положения, то решили переизбирать Круг. Мы собрали новых как-будто людей. Торопились, но было уже поздно. Казачьи части ушли с фронта.

Каменский Военно-Революционный Комитет сидел за этим столом. Мы спросили у них: вы за большевиков или нет. Они ответили: мы казаки и за казаков.

А в это время Чернецову уже пришлось биться с красногвардейцами. И Чернецов с казаками не бился, пока Каин нашего Дона—Николай Голубов не предал казачество. На моей душе нет более тяжкого греха—как выпуск на свободу Голубова. Алексей Максимович был против этого.

Дела наши стали ни к чему: Алексей Максимович повесил голову и говорил: Круга не дождемся, надо дело кончать.

29 января Алексей Максимович позвал меня к себе; как день был сумрачен, так и он был таков же. Подает мне две телеграммы—Корнилова и Алексеева.

---

*) Н. П. Лапин, хорунжий казачьих войск. Был председателем Совета в сл. Михайловке, Усть-Медвидицкого округа. Убит 12 января 1918 г. **Редакция.**

Выяснилось, что казаки не поддерживают. Прочитал старый атаман эти телеграммы и сказал: «Созывайте Об'единенное Правительство, давайте думать, что делать».

147 штыков осталось у нас на фронте—детей, юнкеров да офицеров. Дети не боялись класть свои головы за свободу Дона... Среди них было много моих учеников. Я воскресил в их мыслях славное былое Тихого Дона. И они верили—так же, как верил и я—в возрождение былой мощи Дона.....

29 Января в заседании Об'единенного Правительства Алексей Максимович прочитал телеграммы, сказал, сколько у нас сил и предложил Правительству уйти. Пусть новые люди возьмут власть в свои руки.

Он, видимо торопился. Кое-кто из нас пустился в пространные речи. Он сказал: «Господа, говорите короче, время не ждет: от болтовни погибла Россия».

Затем Алексей Максимович сказал, что слагает с себя полномочия атамана.

Тоже сделало и Об'единенное Правительство. У нас ведь не было никакой реальной силы. Нам не на что было опираться. До Круга было далеко, а опасность надвигалась со всех сторон.

Мы решили передать власть общественным организациям: Городской Управе, Военному Комитету и станичному Правлению, чтобы они вошли в переговоры с большевиками и предотвратили кровопролитие.

Перед концом заседания Алексей Максимович передал одному из членов Временного Правительства бывшие у него благотворительные суммы, сказав: «Ну, слава богу, от этого очистился».

Мне показалось дело неладным. И мы задумали дело спасения Алексея Максимовича и подготовляли его. Да опоздали,—видно, заметил он это. Мы разошлись.

Он походил по комнатам, заглянул к жене, она была занята. Прошел в маленькую комнату, рядом с кабинетом, лег на кровать, снял тужурку, георгиевский крест и из большого револьвера выстрелил себе в сердце. Смерть, очевидно, была легкая..... Успел и руки сложить.

Выстрел наделал много. Раздался по Дону. Он совершенно изменил тот план, который Алексей Максимович одобрил. Акт о сложении Правительством полномочий не был поднесен случайно. Но от него мы не отказываемся.

Я высказал все, что от меня потребовали. Я сказал все, что мне нужно было сказать.

Считаю долгом сказать несколько слов о себе.—Я вступил на службу Дону одновременно с Алексеем Максимовичем. Я не плакал, не плачу, да, должно-быть, и не буду плакать о нем. Плакать легче. Но мне так тяжело, что плакать не могу, слез нет.

Речь идет не о положении, не о том, что я жил в атаманском дворце. В Каменской гимназии я был счастливее...

Я сбрил усы и остриг волосы не даром. Новочеркасск будет занят. Расправа, несомненно, будет, нужно будет тогда или уходить или оставаться ждать расправы.

За десять месяцев работы казаки могли видеть меня и мою работу, поэтому говорить о ней я не буду. Может-быть, мои силы еще пригодятся. Не здесь, так в другом месте. Оставаться же у власти с ненавистным именем было нельзя.

Для меня наступает время человека отвергнутого каторжника. Я уже видел некоторые дома, которые раньше искали знакомства со мной и которые теперь рады, что я ухожу.

Алексей Максимович избрал лучшую участь. Я этого не могу, да еще и жить хочу. Я предстал пред Вами и свой отчет последний дал. Судить меня вы можете. Но ответ я дам перед своею совестью. За Голубова ответ дам перед богом. Я ухожу, чтобы своим именем кое-кого в грех не вводить. Доведется, послужу еще. Не доведется, не поминайте лихом.

По поводу переживаемых событий могу сказать одно: не все еще потеряно, казачество не погибло, больше того, будущее казачество еще впереди.

Зловещая туча была на небе, когда умер Алексей Максимович. Плачут по нем истинные сыны Дона. Я не верю, что большевики пришли спасти Дон, не верю потому, что у меня есть и образование и знание истории.

Кому-то надо подчиниться. Но кому. Красивые слова на знамени большевиков: «Свобода, равенство, братство». Не совершится и не сбудется это. Не проведут они в жизнь эти святые лозунги.

Дон, быть-может, падет. Тянул он царскую лямку, потянет и большевистскую. Может-быть, сначала даже и хорошо будет. Но тысячу лет строилась Россия и не большевикам ее перестраивать. Казакам не верят, их не понимают, не понимают и казаки, что творится около них. Но только поздно они опомнятся. Керенский покаялся. Покаются и Ленин с Троцким.

Что делать теперь? Надо до конца сохранить самообладание. Спасите наш славный Тихий Дон. Не дай бог, если Круг разбежится. Этого одного я боюсь. Я считаю, что пока есть Круг, есть и войско Донское. А когда Круг разгонят, или вы сами разбежитесь, конец войску Донскому.

Еще не все потеряно. Выстрел Алексея Максимовича разбудил Дон. Смерти он не мог бояться и не испугался. Его смерть была сигналом казачеству. В 1709 году выстрел Кондратия Булавина разбудил казачество, но было уже поздно.

Тяжелую руку наложило царское правительство на Дон, не разбудит ли казачество второй выстрел казака Алексея Каледина.

Вы должны понять сказанные Алексеем Максимовичем слова: «Если бы мне только два полка, да разве это было бы»...

Свой позор пережить не мог.

А мне пока остается немного—уйти отсюда.

Простите, не судите.....

Постановление Малого Войскового Круга Войска Донского 8 февраля 1918 года*).

Войсковой Круг, имея в виду, что на казачество надвинулись немецко-большевистские банды, угрожающие самому существованию Дона, принял на себя всю полноту государственной власти и постановил бороться за защиту Дона до последней капли крови.

В достижение этой неотложной цели Войсковой Круг приступил к призыву станиц на защиту Дона и к формированию народной армии, для

*) Из газеты, изд. в Новочеркасске и б. органа Войскового Правительства,—«Вольный Дон» от 10 февраля 1918 г. **Редакция.**

чего в станицы отправлялись особые делегации от Войскового Круга, посылались письменные призывы, делались увещания.

На эти призывы многие станицы отозвались, составляли постановления о немедленном выступлении на фронт, но постановления эти, на самом деле, приводились в исполнение далеко не всеми станицами.

Некоторые из них после этих постановлений не только сами отказывались выполнять, но принимали все меры, до насилий включительно, чтобы задерживать идущие в Новочеркасск эшелоны соседних или более отдаленных станиц.

Агитация против защиты Дона велась совершенно открыто, местные власти никаких мер не принимали.

Дошло дело до того, что в одной из станиц, не пожелавших выступить, учинено насилие над делегатом Войскового Круга, посланным противодействовать агитации и убедить граждан исполнить свой долг.

Нашлись станичные общества, которые позволили себе вступить в сношение с немецко-большевистскими бандами, принимая у себя и посылая к ним делегации.

Не одни станичные общества, но и отдельные войсковые части, забыв свой воинский долг, отказываются исполнять не только военные приказы, но и приказы Войскового Круга.

С одной стороны, совершенно безнаказанно, в широких размерах развилась агитация против защиты Дона, явный и скрытый шпионаж, измена и предательство стали уже чуть не массовым явлением.

Исчерпав все меры борьбы мирного характера с лицами разрушающими государственную жизнь, учтя грозный момент, переживаемый Доном, Войсковой Круг, в сознании крайней необходимости, с глубоким сожалением пришел к необходимости ввести смертную казнь для применения ее военными судами по законам военного времени.

Взятие Новочеркасска *).

ЗВЕРЕВО. 25/2 (н. с.). После сильного боя у Новочеркасска Новочеркасск занят войсками командующего северным участком т. Саблина. Первыми в город вступили революционные казаки 27-го полка. Наступающие на крайнем левом фланге из Раздорской остатки добровольческой армии бежали к ст. Аксайской, где соединившись с остатками, отступившими из Ростова и Нахичевани, отрядов пытаются по шоссе через станицу Ольгинскую перебраться на Кубань к Екатеринодару, занятому дикой дивизией. Преследование корниловцев организуется.

Народный Комиссар **Антонов.**

---

*) Из «Известий Революционных войск», изд. штаба Народного Комиссара по борьбе с контр-революцией от 28 февраля 1918 г. (н. с.). **Редакция.**

Хроника событий *)

В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ СО 2-го ДЕКАБРЯ 1917 г. ПО 10-е ФЕВРАЛЯ 1918 г. (старый стиль).

1917 г. Декабрь. 2.	Занятие в 3 часа дня гор. Ростова казачьими войсками ген. Каледина, наступавшими со стороны Нахичевани и Темерника.	«Приазов. Край» № 284. (1917).
	Воззвание Войскового правительства о добровольной сдаче оружия гражданами и о недопущении сокрытия красногвардейцев.	Тот же №
	Приказ Войскового атамана ген. Каледина о сдаче оружия и сохранения спокойствия.	Тот же №
	Разгром помещения союза металлистов калединцами (в Ростове).	«Рабочее Дело» № 174. (1917).
	Расстрел калединцами 3-х рабочих на заводе Донского Акц. О-ва в Нахичевани на Дону.	«Рабочее Дело» 6 XII-1917 г.
	Занятие ст. Ханженково калединскими войсками.	«Приазов. Край» № 284 (1917).
	Издевательства калединцев над пленными санитарами и сестрами милосердия.	«Рабочее Дело» от 6 XII-1917 г.
	Декларация крестьянских представителей в Войсковом Круге о создании об'единенной власти с паритетным представительством крестьян и казаков, созыве для этой цели местного Учредит. Собрания и об'явлении перемирия.	«Приазов. Край» № 287. (1917).

*) Настоящая хроника составлена по имевшимся в распоряжении Истпарта Донского Областного Комитета РКП (б) газетам, выходившим в период Калединщины,—«Приазовский Край», «Ростовская речь» (буржуазные газеты, кадетского направления, изд. в Ростове) «Рабочее Дело» (орган Донского Комитета Р.С.Д.Р.П. (меньш.) изд. в Ростове), «Вольный Дон» (орг. Войскового Правительства, изд. в г. Новочеркасске), брошюре Волина «Дон и Добровольческая Армия», изд. в 1919 г. и лишь по весьма немногим, уцелевшим №-ам «Известий Революционных войск», орг. штаба Народного Комиссара по борьбе с контр-революцией. Это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться на характере и содержании нашей хроники, почему просьба к товарищам, имеющим те или иные поправки, замечания и располагающим номерами «Известий Донского Областного Военно-Революционного Комитета», газет «Борьба» изд. в Царицыне, «Известий Революционных войск», орг. штаба Народного Комиссара по борьбе с контр-революцией, «Социалист-Революционер», орг. Затемерницкого Комитета левых социалистов-революционеров, изд. в Ростове,—направлять таковые в Истпарт Донского Областного Комитета РКП (б) (гор Ростовдон, ул. Энгельса, 115).

В. Т. и Н. Т.

Декабрь 3	Обмен пленными у ст. Гниловской; выдача ген. Потоцкого и Ростовского градоначальника Зеелера взамен черноморских моряков.	«Приазов. Край» № 286. (1917).
	Приказ калединского комендата гор. Ростова о выдаче жителями оружия и «руководителей мятежа».	«Приазов. Край» № 285. (1917).
4	Постановление частного совещания гласных Ростовской Городской Думы о создании комиссии по ликвидации эксцессов.	«Приазов. Край» № 285. (1917).
	Постановление Войскового Круга о представительстве крестьян в комиссии по созданию краевой власти, с правом совещательного голоса.	«Приазов. Край» № 288. (1917).
	Об'единенное заседание Городских Дум Ростова и Нахичевани вынесло резолюцию в защиту Учредительного Собрания (по предложению с.-д. (меньш.) Локермана).	«Приазов. Край» № 286. (1917).
	Протест Ростовской Городской Думы против насилий казаков и юнкеров над городской милицией с требованием от командующего войсками наказания виновных лиц.	«Приазов. Край» № 286. (1917).
	Резолюция общего собрания рабочих Главных мастерских Влк. ж. д. с требованием: 1) вывода калединских войск из Ростова и 2) прекращения массовых обысков, с угрозой в случае неудовлетворения требований прекратить работу.	Тот же №.
	Об'единенное собрание правлений всех профсоюзов и фабзавкомов Ростова и Нахичевани вынесло резолюцию о скорейшем созыве Совета Рабочих Депутатов.	«Приазов. Край» № 286. (1917).
	Целый ряд общих собраний рабочих фабрик и заводов Ростова и Нахичевани требуют в своих резолюциях вывода калединских войск из городов, рабочие трамвая подкрепляют свои требования угрозой трамвайной забастовки.	Тот же №.
	Занятие Александровска-Грушевского (ныне гор. Шахт) калединским отрядом есаула Чернецова.	«Приазов. Край № 287. (1917).
	Арест члена Военно-Революционного Комитета в Ростове на Дону т. Жука*).	«Приазов. Край» № 285. (1917).
5.	Назначение ген. Герасимова начальником ростовского гарнизона.	Тот же №
	Резолюции вынесенные общими собраниями рабочих «Аксай» и мельницы Парамонова требуют удаления калединцев из заводских помещений.	«Рабочее Дело» 8/XII (1917).

*) По воспоминаниям т. Жука (см. стр. 31—37); он был арестован в день занятия Ростова, т. е. 3 декабря. **Ред.**

Декабрь 5	Район Парамоновских рудников захвачен отрядом есаула Чернецова.	«Рабочее Дело» № 200. (1917).
	Прекращение деятельности Совета Солдатских и Офицерских Депутатов в Ростове, вследствие роспуска пехотных частей.	«Приазов. Край» № 287 (1917).
	50 рудников Боково-Хрустальского района об'явили забастовку-протест против расстрела калединцами предревкома тов. Переверзева.	«Приазов. Край» № 287 (1917).
6	Общее собрание рабочих гвоздильного завода Максимова в Ростове вынесло резолюцию с требованием освобождения политических арестованных, обезоружения и вывода из Ростова и Нахичевани на Дону казаков и юнкеров с угрозой забастовки в случае невыполнения требований.	«Рабочее Дело» 9/XII (1917).
	Обыск калединцами Темерницкого районного Комитета меньшевиков.	«Рабочее Дело» 10 XII (1917).
	Прибытие генерала Корнилова на Дон. Начало организации им добровольческой армии.	Брошюра Волина «Дон и Добровольч. армия» стр. 28.
	Общее собрание рабочих завода «Штамп» вынесло резолюцию с требованием освобождения политических арестованных и вывода калединских отрядов из заводских помещений Ростова и Нахичевани.	«Рабочее Дело» 10/XII (1917).
	Донесение правительственного комиссара Ростовского узла ген. Назарову о буйствах, учиненных юнкерами и казаками на Ростовском вокзале.	«Рабочее Дело» № 169. (1917).
	Мобилизация Войсковым Правительством четырех возрастов казаков Донской области.	«Приазов. Край» № 287 (1917).
	Прекращение движения поездов по линии Ю.-В. жел. дороги.	Тот же №.
	Возобновление работ переехавшего из Питера в Ростов Совета союза казачьих войск.	«Приазов. Край» № 290 (1917).
	Меньшевики в «Рабочем Деле» требуют созыва с'езда профсоюзов и фабзавкомов Донской области.	«Рабочее Дело» 8/XII 169 (1717).
	Обязательное постановление войскового атамана о воспрещении митингов и собраний, помещения в печати противоправительственных речей, а также о недопустимости захвата рабочими предприятий и вмешательства их в административные дела.	«Приазов. Край» № 288 (1017).
	Главным полевым штабом Донской армии в Ростов командирован полковник Белоусов для организации отделения контрразведки.	«Приазов. Край» № 289 (1917).

Декабрь 8	Постановление Войскового Круга о реконструировании власти на Дону. Согласно этого постановления вся власть исполнительная, а во время перерывов в работах Круга, и законодательная принадлежит Войсковому Правительству с атаманом во главе. В Войсковом Правительстве 7 мест из 14-ти предоставлены представителям неказачьего (крестьянского) населения.	«Приазов. Край» № 290 (1917).
10	Протест Нахичеванской Городской Думы против насилий казачьих частей над мирным населением (беспричинные массовые обыски в рабочем поселке Берберовке ипроч.).	«Приазов. Край» № 290 (1917).
	Постановление конференции рудничных комитетов горняков Чистяковского района об организации Красной Гвардии.	«Рабочее Дело» № 171 (1917).
	Постановление об'един. комитета «Серп» за сохранение демократическ. Городских Дум.	«Рабочее Дело» № 173 (1917).
11	Аграрные беспорядки на р. Миус, разгром имения инженера Реми крестьянами деревни Кошкино.	«Вольный Дон» № 211 (1917).
	Отправка в Новочеркасскую тюрьму арестованных в Ростове за большевизм товарищей Хаджи, Уварова, Васильева, Калинина и Власенко.	«Приазов. Край» № 290 (1917).
	Вынесение резолюций общими собраниями железнодорожников, портовых рабочих, рабочих завода Пастухова, ростовской организации «Бунда», Совпрофом, фабзавкомами, краевым с'ездом официантов и учащимися социал-демократами в защиту Городских Дум.	«Рабочее Дело» № 173 (1917).
	Резолюция общего собрания рабочих завода Лели о снятии военного положения, освобождения политических заключенных и предлагающая всем рабочим, уволенным администрацией без ведома профорганизаций, оставаться на своих местах.	«Рабочее Дело» № 173 (1917).
	Резолюция общего собрания членов Профсоюза «Игла» в защиту Городских Дум и о снятии военного положения. На собрании правление союза доложило о разгроме помещения союза калединцами при их вступлении в Ростов.	Тот же №.
	Резолюция общего собрания членов профсоюза кожевников, констатируя наступление предпринимателей, урезывающих зарплату и производящих массовый расчет рабочих, ставит этот произвол в зависимость от реакционной политики калединского правительства и предлагает правлению союза принять энергичные меры отпора предпринимателям.	«Рабочее Дело» № 173 (1917).

Декабрь 11	Делегация Войскового Круга выехала на ст. Миллерово для переговоров с Советскими войсками.	«Приазов. Край» № 290 (1917).
	Указ Войскового Круга о доверии Войсковому Правительству.	Тот же №.
	Постановление Войскового Круга об ограничении прав Правительства в вопросах о неказачьем населении областей (в уступку требованиям фронтовиков).	«Приазов. Край» № 290 (1917).
	Приговоры станиц Красноузковской, Качалинской, Потемкинской, Пятиизбянской и Голубинской, зачитанные в заседании Войскового Круга, высказываются за привлечение представителей коренного крестьянства к управлению Доном, со вводом их в казачество.	Тот же №
	Совет Рабочих и Солдатских Депутатов отрицает термин «мятеж», применяемый калединским правительством к оценке событий конца ноября в Ростове; отрицает также возможность суда над участниками этих событий и требует их освобождения.	Тот же №.
12	Резолюция общего собрания союза пищевиков в защиту Городских Дум.	«Рабочее Дело» № 174 (1917).
	Ген. Каледин вновь избран Войсковым Кругом войсковым атаманом Дона.	«Приазов. Край» № 292 (1917)
	Заключение договора между Ю.-В. Союзом казачьих войск, горцами Кавказа и инородцами степей Юго-Востока, об учреждении об'единенного краевого правительства с центром в Екатеринодаре (ныне Краснодаре).	«Приазов. Край» № 291 (1917).
	Выступление женщин (торговок) против городского самоуправления в Азове, ввиду повышения последним базарной аредной платы.	Тот же №.
	Резолюций, вынесенные на целом ряде рабочих митингов в г. Таганроге, требуют снятия военного положения в городе.	Тот же №.
	Адрес судовладельцев Дона и Азовского моря, поднесенный ген. Каледину, отмечает большие заслуги генерала в деле ликвидации революционного движения в Ростове и области.	Тот же №.
13	Резолюция, вынесенная на с'езде представителей горнозаводских продовольственных комитетов, констатирует катастрофическое положение продовольственного снабжения угольного района, осложняющееся недостаточной дееспособностью транспорта.	«Приаз. Край» № 294 (1917).

Декабрь 13	Прибытие в Таганрог ряда лиц из рудничной администрации горнопромышленного района, бежавших из рудников из боязни расправы рабочих.	«Приаз. Край». № 292 (1917 г.)
	Среди ростовского пролетариата распространяется воззвание Военно-Революционного Комитета—«Мы еще прийдем»..., подписанное т.т. Жаковым, С. Васильченко, М. Равиковичем, Крыловым, Ченцовым и Блохиным.	«Рабочее Дело» № 177 (1917 г.)
14	Резолюции общих собраний рабочих фабрики «Жесть», рабочих и служащих донской Продовольственной Управы, рабочих заводов «Мыловар» Новосильцева, завода «Метеор», завода Кольберг, ростовского отдела водных сообщений, мыловаренного завода Попова и Авакова и мельницы Рысс (Ростов) в защиту Городских Дум.	То-же.
	Закрытие рудников Парамонова в ответ на стачку рабочих, об'явленную, как протест против насилий и арестов со стороны казачьих отрядов.	«Рабочее Дело» № 178 (1917 г.)
	Вновь избранное Войсковым Кругом Войсковое Правительство 3-го созыва приступило к своей работе.	«Вольный Дон» № 208 (1917 г.)
	Арест Блюма-Кларина, члена Ревкома и председателя Совета Солдатских и Офицерских Депутатов в Ростове.	«Приазов. Край» № 292 (1917 г.).
15	Манифестация в г. Дмитриевске (Таганрогского округа), организованная меньшевиками и эс-эрами, с требованием немедленного созыва Учредительного Собрания.	«Приаз. Край» № 300.
16	Резолюция общего собрания рабочих мельницы Солодова в защиту Городских Дум.	«Рабочее Дело» 19-XII (1917 г.)
	Комиссия Войскового Круга по реконструкции Войскового Правительства высказалась за двухстепенные выборы в правительство.	«Приаз. Край» № 294 (1917 г.)
	Арест красногвардейцев Цаликовского, Ципелевского и Колесникова в гостинице «Метрополь» в Ростове.	То-же.
	На вокзале в Ростове арестованы солдат Руденко и рабочий Дьяченко за антикалединскую агитацию.	То-же.
17	Занятие ст. Лозовой Красной Гвардией.	То-же.
	Разгром экономии Денисова (Ростовский округ) крестьянами и отпускными солдатами.	«Приаз. Край» № 296 (1917 г.)

Декабрь 18	Резолюция правления союза металлистов в Ростове в защиту Городских Дум.	«Рабочее Дело» № 179 (1917.)
	Продовольственные беспорядки в гор. Таганроге; группа женщин, подойдя к помещению Продовольственной Управы, требовала самосуда над членами Управы.	«Приаз. Край» № 298 (1917 г.)
	Резолюция 39-го Донского казачьего полка выражает готовность в случае выступления на фронт приступить к военным действиям лишь после переговоров с представителями Советских войск.	«Приаз. Край». № 295 (1917).
	Резолюция областного Совета профессиональных союзов в защиту Городских Дум.	«Приазов. Край» № 293 (1917).
19	Протест меньшевиков в газете «Рабочее Дело» против правительственного распоряжения о свободной продаже водки.	«Рабочее Дело» № 177 (1917).
	Резолюция ростовского окружного крестьянского с'езда в защиту Учредительного Собрания.	««Приазов. Край» № 298 (1917).
	Постановление того же с'езда о проведении на предстоящем областном с'езде идеи создания т. н. «Донского Парламента» из представителей крестьян и казаков. Предложение большевистской фракции с'езда о признании власти Совета Народных Комиссаров—с'ездом отклонено.	«Рабочее Дело» № 177 (1917).
	Адрес ген. Каледину, Кругу и Войсков. Правительству, поднесенный Таганрогским биржевым комитетом и купечеством, приветствует «мудрое» решение реорганизовать правительство.	«Приазов. Край» № 296 (1917).
	Резолюция правления профсоюза служащих торгово-промышленных учреждений в защиту Городских Дум.	«Рабочее Дело» № 179 (1917).
20	Занятие станции Чертково Советскими войсками.	«Вольный Дон» № 212 (1917).
	Продовольственный кризис в Александровске-Грушевском, вследствие прекращения подвоза хлеба окрестными крестьянами и остановки мельниц за отсутствием жидкого топлива.	«Приазов. Край» № 298 (1917).
	Беспорядки на хуторе Самсонова Хоперского округа, вызванные мануфактурным кризисом.	«Вольный Дон» № 211 (1917).
	Забастовка рабочих депо Влк. ж. д. в Ростове из-за недовольства выплатой им жалованья крупными денежными купюрами.	«Рабочее Дело» № 181 (1917).

Декабрь 20	Арест на ст. Ростов представителей Советского Правительства т.т. Маркова и Кудрявцева, ехавших с инструкциями центра в Кавказскую армию.	«Приазов. Край» № 289 (1917).
	Задержание материалов меньшевистской газеты «Рабочее Дело»—«Бюро печати» при комендантском управлении Ростова, признавшего одну из заметок газеты, носящей тенденциозный характер.	«Рабочее Дело» № 181 (1917).
22	Изгнание населением Прохоровских рудников делегации казачьей сотни, пытавшейся разоружить местных красногвардейцев.	«Вольный Дон» № 215 (1917).
	Прекращение доставки продовольствия в города Донобласти крестьянами и казаками окружных деревень из-за неудовлетворения городами нужд крестьянского населения в продуктах городского производства.	«Приазов. Край» № 299 (1917).
	Постановление - протест Ростовской Городской Думы против распоряжения Войскового Правительства о свободной продаже водки.	«Приазов. Край» № 300 (1917).
23	Бои между калединцами и Советским войсками в районе Макеевка — Юзовка.	«Приазов. Край» № 299 (1917).
	Переговоры между калединцами и Советскими войсками на станциях Чертково и Кантемировке об установлении демаркационной линии.	«Тот же №».
25	Бомбардировка Макеевки Советскими войсками со стороны Криничной.	«Приазов. Край» № 304 (1917).
26	Занятие станции Ясиноватой Советскими войсками.	«Тот же №».
27	Открытие областного крестьянского с'езда в Ростове.	«Рабочее Дело» № 184 (1917).
	Декларация о целях создания, существования и задачах добровольческой армии.	Брош. Волина «Дон и Добрармия» стр. 28.
28	Столкновение солдат и матросов с юнкерами в Таганрогском театре.	«Приазов. Край» № 305 (1917).
	Советскими войсками занят г. Луганск.	«Приазов. Край» № 304 (1917).
	Ночной налет калединцев на ст. Дебальцево.	«Приазов. Край» № 13 (1918).
	Ст. Дебальцево занята отрядом есаула Чернецова.	«Приазов. Край» № 303 (1917).
	В Затемерницком поселении калединцами произведены повальные обыски в поисках оружия.	«Приазов. Край» № 303 (1917).
	Постановление Войскового Круга о воспрещении распространения в области большевистской революционной литературы.	«Рабочее Дело» № 11 (1918).
29	Открытие с'езда неказачьего населения области в Новочеркасске.	«Приазов. Край» № 7 (1918).

Декабрь 29	Занятие ст. Иловайской калединцами.	«Приазовск. Край» № 303 (1917).
	Советские войска заняли Кантемировку.	Тот же №.
	Постановление Донского совета профессиональных союзов с отказом от посылки представителей Дона на Всероссийский с'езд Профсоюзов.	«Приазов. Край» № 2 (1918).
	Обстрел неизвестными лицами ночью казарм Георгиевского добровольческого полка.	«Приазов. Край» № 21 (1918).
	Постановление крестьян поселка Глебовского об отказе от взноса очередных выплат в крестьянский банк за купленные у помещиков земли.	«Приазов. Край» № 305 (1917).
	Таганрогским комитетом партии большевиков об'явлена мобилизация Красной Гвардии.	Тот же №.
	Телеграмма ген. Каледина на имя ростовского градоначальника Зеелера с разрешением от имени Войскового Правительства на формирование добровольческой армии.	Тот же №.
30	Появление советских войск в районе Юзовки, Макеевки, Дебальцево, Чертково Харцызск.	«Приазов. Край» № 304 (1917).
	Советские войска под общим командованием тов. Ю. Саблина вошли в Дебальцево.	«Приазов. Край» № 13 (1918)
	Бои близ Дебальцево и Ханженково.	«Приазов. Край» № 6 (1918).
31	Заседание с'езда неказачьего населения. Шик (н.-с.) призывает к единению с краевой властью, борющейся с большевиками. Ген. Богаевский заявил с'езду о нейтралитете Донского Войскового Правительства в деле создания добровольческой армии.	«Приазов. Край» № 3 (1918).
	Открытие с'езда крестьян Таганрогского округа в г. Таганроге.	«Приазов. Край» № 4 (1918).
	В слободе Михайловке образован Военно-Революционный Комитет; казаки стоявшего в слободе 3-го батальона присоединились к Ревкому, арестовали своего командира Чеботарева и сорвали погоны с офицеров.	«Приазов. Край» № 4 (1918).
	Резолюция с'езда неказачьего населения Донской области требует: 1) освобождения политических заключенных, 2) разоружения добровольческой армии, 3) перемирия с Советскими войсками. 4) снятия военного положения, 5) неприкосновенности демократических организаций.	«Рабочее Дело» № 2 (1918).

Декабрь 31	6) паритетного представительства иногородних и казаков в Областном Правительстве.	
	Слобода Михайловка и станция Серебряково заняты Советскими войсками.	«Приазов. Край» № 4 (1918).
Январь 1	С'езд неказачьего населения настаивает на разоружении добровольческой армии.	«Приазов. Край» № 4 (1918).
	Возобновление движения поездов через Таганрог.	«Приазов. Край» № 2 (1918).
	Тов. Ю. Саблин со своим штабом прибыл в Луганск.	Тот же №
2	Закрытие авио-завода Лебедева в Таганроге, вследствие конфликта между рабочими и администрацией, не пожелавшей выполнить их требований.	Тот же №
	Стачечный комитет муниципальных работников в Ростове постановляет организовать 3-х дневную стачку, в случае невыполнения Городской Управой его требований.	«Приазов. Край» № 3 (1918).
	Требование 32-х большевиков, содержащихся в Ростовской тюрьме, сообщить им причины, вызвавшие их арест.	«Приазов. Край» № 2 (1918).
	Наступление калединцев в районе рудников Ясиновского и Победы (южнее Ханженково). Отход Советских войск на Север.	Тот же №.
	Занятие калединцами рудника Буруза (западнее Ханженково).	Тот же №.
3	Резолюция с'езда неказачьего населения о создании высшего органа власти неказачьего населения в составе 4-х членов, 8 эмиссаров и 32 советников.	«Приазов. Край» № 3 (1918).
	С'езд неказачьего населения констатирует саботаж промышленников на рудниках Донбасса.	«Приазов. Край» № 5 (1918).
	Попытка юнкеров разогнать митинг казаков-фронтовиков на станции Ростов окончилась неудачей, юнкера были разогнаны и разоружены.	«Приазов. Край» № 4 (1918).
	На митинге рабочих, солдат и матросов, состоявшемся на Балтийском заводе в Таганроге принята резолюция, предложенная местными большевиками.	«Приазов. Край» № 4 (1918).
	Освобождение отрядом калединцев С. Разина командира 3-го казачьего батальона Чеботарева, арестованного Ревкомом сл. Михайловки Усть-Медведицкого округа.	«Приазов. Край» № 4 (1918).
	Раскол Таганрогской организации социалистов-революционеров на 2 группы с значительным численным перевесом на стороне «левых». «Левые» стоят на платформе Советской власти.	«Приазов. Край» № 3 (1918).

Январь 1	Соглашение с'езда неказачьего населения с Войсковым Правительством Дона относительно образования об'единенного правительства.	«Приазов. Край» № 5 (1918).
	Назначение ген. Богаевского командующим войсками Ростовского Военного округа.	«Приазов. Край» № 4 (1918).
	Заявление с.-д. (меньшевиков) фракции с'езда неказачьего населения о невхождении с.-д. (меньшевиков) в об'единенное правительство.	Тот же №.
	Две сотни казаков с пулеметами, стоявшие в г. Азове и получившие приказ выступить в Таганрог, отказались от выполнения этого приказа.	Тот же №.
5	Отход 5 казачьего полка из слободы Михайловки в ст. Арчадинскую.	Тот же №.
	На улицах Таганрога с офицеров срывают погоны.	Тот же №.
	Разоружение офицеров солдатами на станции Ростов.	«Рабочее Дело» 6 I (1918).
	Прибытие в гор. Бахмут 5-й Кавдивизии Советских войск.	«Приазов. Край» № 4 (1918).
	Занятие станицы Лозовой Советскими войсками.	«Приазов. Край» № 4 (1918).
6	Арест калединцами правления польского рабочего общества беженцев в Ростове и избиение при этом члена Совета Рабочих Депутатов тов. Филипповича.	«Рабочее Дело» 9/I (1918).
	Об'явление о формировании 1-го отд. студенческого батальона добровольческой армии.	«Приазов. Край» № 5 (1918).
	Резолюция общего собрания рабочих мастерской сенных прессов Донской Продовольственной Управы (в Ростове) требует снятия военного положения, освобождения политических осужденных и увода казаков из Ростова и Нахичевани.	«Рабочее Дело» 6/I (1918).
8	Избрание меньшевика П. Петренко Ростовским городским головой.	«Рабочее Дело» 10/I (1918).
	Правительственное распоряжение о снятии военного положения в Донобласти (исключая железные дороги).	«Приазов. Край» № 6 (1918).
9	Бунт торговок в Ростове по поводу ввода Городской Думой новой аредной платы.	«Приазов. Край» № 9 (1918).
	Войсковое Правительство вынесло решение о роспуске Донского Войскового Круга.	«Приазов. Край» № 17 (1918).
	Формирование офицерских рот при добровольческой армии.	«Приазов. Край» № 7 (1918).
	Таганрогская организация с.-д. (об'единенцев) выпустила ряд возваний-прокламаций анти-большевистского характера.	Тот же №.

Январь 9	Занятие станций Кутейниково и Иловайской Советскими войсками.	«Приазов. Край» №№ 7 и 8 (1918).
	Советские войска заняли Харцызск.	«Приазов. Край» № 6 (1918).
	Появление раз'ездов Советских войск у Макеевки и Ханженково.	Тот же №.
	Гор. Дмитриевск (Таганрогского округа) занят Советскими войсками.	Тот же №.
	Занятие калединцами Шептуховки, Ольховки, Дуванной, Щетово, Рассыпной, Ханженково и Моспино.	Тот же №.
	Арест красногвардейцами на ст. Орловка командира 38-го Донского казачьего полка Попова и сотника Цапкина.	«Приазов. Край» № 7 (1918).
	Назначение полковника Кутепова начальником Таганрогского гарнизона.	Тот же №.
	Телеграмма чрезвычайного комиссара по борьбе с контр-революцией тов. Антонова-Овсеенко Совету Народных Комиссаров о начале революции на Дону.	«Приазов. Край» № 12 (1918).
	Прекращение издания газеты «Вестник Труда».	«Приазов. Край» № 7 10 I (1918).
	Ст. Успенская занята Советскими войсками. Переезд тов. Сиверса со штабом Советских войск на станцию Иловайскую.	«Приазовск. Край» № 9 (1918).
	Отход калединского партизанского отряда Попова к Урюпинской станице.	«Приазовск. Край» № 12 (1918).
	Делегация об'единенного правительства выехала в ст. Каменскую для выяснения требований казаков-большевиков.	«Приазовск. Край» № 10 13 I (1918).
	Убийство хорунжего Лапина, председателя Совета Казачьих и Солдатских Депутатов в слободе Михайловке Усть-Медведицкого округа.	«Приазовск. Край» № 16 (1918).
	Выход меньшевиков из Комитета железнодорожников в Ростове, вследствие признания последним власти Совета Народных Комиссаров.	«Рабочее Дело» 14 I (1918).
	Постановление об'единенного правительства о взятии под контроль добровольческой армии.	«Приазовск. Край» № 10 (1918).
	Постановление об'единенного правительства о введении применения вооруженной силы при реквизиции хлеба.	Тот же №.
	Отказ 16-го Донского казачьего полка выполнить приказ Каледина о выступлении на фронт к Матвееву-Кургану и самовольный уход полка в Манычскую станицу.	Тот же №.
	Прекращение движения пассажирских поездов от Ростова по Юго-Восточной дороге, (по распоряжению военных властей).	Тот же №.

Январь 13	Постановление краевого с'езда партии кадетов в Ростове о принятии участия в работе правительственных организаций и оказании всякого содействия добровольческой армии.	«Приазовск. Край» № 12 (1918).
	Наступление Советских войск на станцию Ряженую со стороны Матвеева-Кургана. Бои с отрядом полковника Краснова.	Тот же №.
	Занятие посада Сулин партизанским отрядом есаула Чернецова.	«Приазовск. Край» № 11 (1918).
	Занятие ст. Успенской частями добровольческой армии и Таганрогского гарнизона.	Тот же №.
14	Прекращение движения поездов по Екатерининской железной дороге.	«Приазовск. Край» № 12 (1918).
	Об'явление города Таганрога на военном положении.	«Приазовск. Край» № 13 (1918).
	Забастовка рабочих и служащих железнодорожной станции в Таганроге, вследствие чего прекратилась связь города с Ростовом.	«Вольный Дон» 23/I (1918).
	Отход войск ген. Балабина из Дмитриевского района. Станция Ровеньки занята лейб-казаками генерала Каледина.	«Приазовск. Край» № 14 (1918).
10	Занятие станций Лихой, Зверево и Ровеньки Советскими войсками и продвижение их к Матвееву-Кургану.	«Приазовск. Край» № 11 (1918).
	С'езд представителей казачьих частей в станице Каменской избрал Военно-Революционный Комитет во главе с тов. Подтелковым и постановил не признавать Войсковое Правительство.	«Вольный Дон» 17/I (1918).
	Арест офицеров революционно настроенными казаками-фронтовиками в клубе станицы Каменской.	«Приазовск. Край» № 12 (1918).
	Прибытие делегации Военно-Революционного Комитета в Новочеркасск.	Тот же №.
	Декларация об'единенного правительства о необходимости созыва Круга и с'езда неказачьего населения для выработки положения об общем законодательном органе.	«Приазовск. Край» № 8 (1918).
	Постановление об'единенного правительства об амнистии политическим заключенным.	«Приазовск. Край» № 10 (1918)
	За период с начала января в Таганрогском округе разгромлены имения Кутейникова, Боголюбова, Платонова, Реми, Шалавина, Хазизова и ряд других.	«Приазовск. Край» № 8 (1918).
11	Конференция фабрикантов и заводчиков в Ростове обратилась к об'единенному правительству с просьбой о создании сильной краевой власти с включением в состав правительства членов общества фабрикантов и заводчиков.	«Приазовск. Край» № 9 (1918).

Январь 11	Предложение своих услуг фракцией к.-д. новочеркасской Городской Думы штабу добровольческой армии по организации добровольческого партизанского отряда.	«Приазовск. Край» № 12 (1918).
	Набег калединцев на станцию Успенскую.	«Приазовск. Край» № 10 (1918).
	Занятие Амвросиевки Советскими войсками, продолжающими движение на Таганрог.	Тот же №.
	Аграрные беспорядки в Ростовском округе; крестьянами разгромлены имения Куксы, Содомцева и Мочалина. Расхищены значительные количества хлеба.	«Вольный Дон» 11/I (1918).
	Переход судостроительного Балтийского завода в Таганроге в руки рабочих, особая комиссия которых ведет все административно-технические дела завода. В комиссию вошли лидеры местной организации большевиков т.т. Смирнов, Стернин и Шаблиевский.	«Приазовск. Край» № 9 (1918).
	Организация Военно-Революцион. Комитета в Таганроге; отношение местных с.-д. (меньшевиков) и эс-эров к Ревкому отрицательное.	Тот же №.
	Арест в Ростове прапорщика 249 пехотного полка Орешко, обвиняемого в организации Красной Гвардии.	Тот же №.
12	Приказ Донского атамана войсковому старшине Тарарину организовать «Донскую дружину».	«Приазовск. Край» № 13 (1918).
	Постановление об'единенного правительства о необходимости срочных мер к передаче казенных, удельных, церковных и частно-владельческих земель в распоряжение трудового земледельческого населения.	«Вольный Дон» 19/I (1918).
	Занятие станции Серебряково и слободы Михайловки Советскими войсками совместно с 12-м казачьим полком.	«Приазовск. Край» № 12 (1918).
	Ожесточенные бои в районе между станцией Неклиновка и Ряженое.	«Приазов. Край» № 12 (1918).
	Станции Лихая, Зверево и Сулин заняты эшелонами 8-го и 43-го Донских казачьих полков, перешедших на сторону Советской власти.	«Приазов. Край» № 11 (1918).
	На совместном заседании об'единенного правительства и делегации казачьих частей, прибывшей из ст. Каменской, делегат 23 каз. полка урядник Лагутин протестовал против бесчинств, чинимых есаулом Чернецовым над мирным населением, в местностях, им занятых.	«Приазов. Край» № 13 (1918).

Январь 15	Ультиматум В.-Рев. Комитета о переходе власти на Дону от атамана к Ревкому и о разоружении войск, действующих против Советов—отклонен Войсковым Правительством.	«Вольный Дон» 17/I № 13 (1918).
	Фракции к.-д. и н.-с. в Новочеркасской Гор. Думе в предлагаемых ими резолюциях выражают пожелание введения военного положения в г. Новочеркасске.	«Приазов. Край» № 14 (1918).
	Резолюция общего собрания народных социалистов в Ростове о поддержке Войскового Правительства и учредительного собрания.	«Приазов. Край» № 13 (1918).
	Социал-демократическая (меньшевистская) фракция в Новочеркасской Городской Думе не возражает против введения военного положения.	«Приазов. Край» № 14 (1918).
	Арест слесаря Петра Филиппова в Ростове за продажу нелегального органа Темерницкого Комитета левых социал-революциондров — «Социал-революционер».	«Приазов. Край» № 17 (1918).
	Формирование пехотного партизанского отряда в Новочеркасске войсковым старшиной Семилетовым.	«Приазов. Край» № 12 (1818).
	Об'явление Войсковым атаманом Калединым Хоперского округа на военном положении.	Тот же №
	Наступление Советских войск на станцию Марцево.	«Приазов. Край» № 15 (1918).
16	Военными калединскими властями назначена окружная комиссия для пересмотра офицерского состава 1-го запасного полка в целях из'ятия «неподходящего» элемента.	«Вольный Дон» 16 I (1918).
	Забастовка служащих Таганрогского железнодорожного узла.	«Вольный Дон» 23/I (1918).
	Обыск в редакции нелегальной газеты «Социал.-Революционер»орган левых социал-революционеров на Темернике (в Ростове). На Ростовском вокзале задержан сотрудник газеты «Социалист-Революционер», обвиняемый в попытке выехать на фронт.	«Приазов. Край» № 13 (1918).
	Бой калединцев с наступающими Советскими войсками у Матвеева-Кургана.	«Приазов. Край» № 15 (1918).
	Ожесточенный бой за ст. Ряженое.	«Приазов. Край» № 16 (1918).
	Концентрация значительных отрядов Советских войск в районе станций Ясиноватая и Волноваха.	«Приазов. Край» № 12 (1918).
	В Ростове на вокзале задержан Петр Мишустин, призывавший солдат к расправе над офицерами и Калединым.	«Приазов. Край» № 14 (1918).

Январь 16	Об'явление поголовной мобилизации казаков в возрасте от 18 до 55 лет в станице Гниловской.	«Приазов. Край» № 13 (1918).
	Отказ трех казачьих сотен, стоявших в Таганроге от несения службы по охране города и от подчинения распоряжениям военных властей.	Тот же №.
	Отказ казачьей батареи, стоявшей в ст. Кагальницкой от выполнения боевого приказа.	Тот же №.
	Отказ 51-го казачьего полка, стоявшего в ст. Гниловской от выступления на фронт и самовольное оставление полком станицы.	Тот же №.
	Захват имения Харина и экономии Миноса крестьянами.	«Приазов. Край» № 13 (1918).
17	Освобождение из Ростовской тюрьмы члена Городской Думы прапорщика Вишневского и матроса Борцова. Освобожденные получили предложение выехать из пределов Донской области.	«Приазов. Край» № 14 (1918).
	Социал-демократ (меньшевик) Гинзбург в своей речи на заседании Новочеркасской Городской Думы заявил о необходимости срочной организации добровольческой армии в областном масштабе для защиты Учредительного Собрания, а также организации борьбы с Советской властью путем агитации.	«Приазов. Край» № 13 (1918).
	Восстание рабочих (около 2.000 чел.) в Таганроге под руководством Стернина, прапорщика Филиппова, Смирнова и Глушкова. Восставшие заняли почту и телеграф.	«Приазов. Край» № 17 (1918).
	Телефонная станция в Таганроге занята восставшими против калединцев рабочими.	«Приазов. Край» № 18 (1918).
	Кровавое столкновение между юнкерами и рабочими у котельного завода Нев, Вильде и К°. в Таганроге.	«Приазов. Край» № 28 (1918).
	Занятие Лихой и Зверево Советскими войсками. Район этих станций об'явлен на осадном положении.	«Приазов. Край» № 13 1918).
	Подготовка Советских войск к наступлению на Луганскую станицу со стороны станицы Каменской.	Тот же №.
	Постановление об'единенного правительства об об'явлении Новочеркасска на военном положении.	Тот же №.
	Отправление поезда со ст. Ростов в Царицынском направлении со 100 чел., выселяемыми из пределов Донской области за революционную агитацию.	«Приазов. Край» № 14 (1918).
	Прекращение движения поездов по Владикавказской железной дороге.	Тот же №.

Январь 17	Постановление—протест общего собрания рабочих завода «Мыловар» против расстрелов рабочих калединцами. Постановление требует от городской милиции не пропускать на завод казаков, переодетых в форму милиционеров.	«Приазовский Край» № 14, (1918).
	Об'явление сов. властями района ст. Попасная на военном положении.	«Изв. Рев. Войск» № 5 — 20 II (1918).
18	Об'явление г.г. Ростова и Нахичевани на военном положении.	«Приазов. Край» № 16 (1918).
	Наступление Советских войск на станции Зверево и Лихую.	Тот же №
	Станица Каменская занята отрядом есаула Чернецова.	«Приазов. Край» № 14 (1918).
	Занятие станции Матвеев-Курган отрядом Добровольческой армии под начальством полковника Кутепова.	«Приазов. Край» № 16 (1918).
	Митинг протеста в Азове против присылки в город кадетских частей. Заявление на митинге представителя 1-й и 2-й сотен 1-го Донского отделения казачьего батальона о революционном противокалединском настроении казаков указанныхсотен.	Тот же №.
19	Расстрел юнкерами общего собрания рабочих и служащих главных мастерских Владикавказской железной дороги (в Ростове). Собравшиеся рабочие требовали под угрозой забастовки снятия всех войск с вокзала, освобождения политических заключенных, невмешательства властей в работу железнодорожных организаций и согласования всех мероприятий правительства с союзом железнодорожников, в лице Главкома. Кроме того, общее собрание вынесло резолюцию о непризнании калединского правительства.	Тот же №.
	Отступление добровольческой армии из Таганрога; власть в городе перешла в руки Военно-Революционного Комитета.	«Приазов. Край» № 17—(1918).
	Указ Войскового Правительства о выпуске новых дензнаков.	«Вольный Дон» 20 I—(1918).
	Удовлетворение Центральной примирительной камерой требования рабочих завода «Аксай» о повышении им заработной платы.	«Приазов. Край» № 16—(1918).
	Забастовка всех железных дорог Донской области и Ростовского узла, вызванное расстрелом рабочих главных мастерских дороги.	Тот же №.
	Отказ железнодорожников станции Батайск от отправки вагона с пленными красногвардейцами и столкновение их с конвоем вагона.	Тот же №.

Январь 20	Об'явление рабочими всех предприятий города Ростова и Нахичевани трехдневной забастовки в знак протеста против введения военного положения и насилий, учиненных добровольческими отрядами.	«Приазов. Край» № 17 (1918).
	Решение общего собрания Ростово-Нахичеванской организации партии с.-р. об исключении из партии интернационалистов. Рабочие в большинстве покинули ряды партии с.-р.	«Вольный Дон» 20/I (1918).
	Постановление Бюро Военно-Промышленного комитета о приеме заказов от добровольческой армии.	«Ростовск. Речь» № 19 26/I (1918).
	Общее собрание граждан в театре станицы Каменской весьма несочувственно отнеслось к выступавшему на собрании есаулу Чернецову, предлагавшему гражданам записываться в отряд партизан для борьбы с Советской властью.	«Вольный Дон» 25/I (1918).
	Концентрация Советских войск у станции Кутейниково.	«Приазов. Край» № 16 (1918).
	Занятие станции Замчалово Советскими войсками.	Тот же №.
	Занятие станций Глубокая, Лихая и Гуково калединцами.	Тот же №.
	Наступление Советских войск на станцию Матвеев-Курган.	Тот же №.
21	Ранение и взятие в плен есаула Чернецова у станции Глубокой *).	«Вольный Дон» 23/I (1918).
	Торжественные проводы Ростовской организацией народных социалистов председателя организации н.-с. Альперина А. С., отправившегося на фронт вместе с партизанским отрядом Семилетова, куда он записался добровольцем.	«Приазов. Край» № 17 (1918).
	Самосуд жителей села Батайск над 4 офицерами, прибывшими в село для переговоров с рабочими. Через 2 часа после самосуда прибывшим в Батайск калединским карательным отрядом произведены массовые расстрелы жителей.	«Приазов. Край» № 17 (1918).
22	Резолюция общего собрания служащих Управления Владикавказской железной дороги против забастовки, об'явленной рабочими-железнодорожниками.	«Ростов. Речь» № 18 (1918).

*) Есаул Чернецов был убит тов. Подтелковым, собственноручно отрубившим этому белому партизану голову. **Ред.**

Январь 23	На общем собрании граждан ст. Каменской члены Войскового правительства, меньшевики и Елатонцев сделали доклады о положении Донской области. По окончании собрания состоялось экстренное совещание местных общественных деятелей, вынесшее резолюцию-ходатайство о введении военной диктатуры в станице Каменской.	«Вольный Дон» 23/I (1918).
	Прибытие в Ростов члена Об'единенного Правительства Боссе для участия в работах комиссии по расследованию расстрела юнкерами общего собрания рабочих главных мастерских Влк. ж. д.	«Приазов. Край» № 17 (1918).
	Требование рабочих всех концессионных предприятий города Ростова о повышении им заработной платы с угрозой забастовки. К требованию присоединились служащие Городской Продовольствен. Управы, аптеки Протос, трамвая, электростанции «Южная Россия», книжного магазина «Новое Время». Забастовка на станции «Южная Россия» сорвана членами общества инженеров и техников.	Тот же №.
24	Постановление-протест общего собрания служащих канцелярии Нахичеванской городской управы против расстрела рабочих железнодорожных мастерских Влк. ж. д.	Тот же №.
	Постановление общего собрания членов общества фабрикантов и заводчиков об оказании всемерной помощи добровольческой армии, помощи деньгами и открытием записи добровольцев.	«Приазов. Край» № 19 (1918).
	В экстренном заседании Об'единенного Правительства, совместно с членами делегации правительства, посылавшейся для расследования Таганрогских событий, выступавшие ораторы указывали на причины Таганрогского кровопролития—реквизиции военными властями вагона муки, предназначавшегося для рабочих,—и ряд других незаконных действий военных властей.	«Приазов. Край» № 18 (1918).
	Постановление Об'единенного Правительства о снятии военного положения в Ростове.	«Приазов. Край» № 19 (1918).
	На станции Ростов скопилось до 5000 пассажиров, застрявших вследствие прекращения железнодорожного движения, среди пассажиров на почве голода и скученности развиваются эпидемические болезни. Дорожный комитет совместно с стачечным комитетом решил, в целях разгрузки станции, пропустить 4 пассажирских поезда.	«Приазов. Край» № 18 (1918).

Январь 24	Арест в Ростове представителей Боково-Хрустальского продовольственного комитета Борисова и Шумлина по подозрению в большевизме.	«Приазов. Край» № 19 (1918).
	Прибытие в Новочеркасск группы учащихся средних учебных заведений Ростова в количестве 50 человек для поступления в партизанский отряд Чернецова.	«Ростовск. Речь» № 18 (1918).
	Приказ Войскового Правительства о расформировании всех казачьих полков, кроме 3, 5, 7, 9, 10, 13, 16, 17, 18, 21, 28, 29, 36, 40, 48, 49, двух гвардейских и формируемого в Сальском округе калмыцкого полка.	«Приазов. Край» № 18 (1918).
	Резолюция-протест студенческих фракций эс-эров и с.-д. против расстрела юнкерами рабочих Влк. ж. д. мастерских с призывом к забастовке, вывешенным у главного здания Университета, сорвана контрреволюционно настроенными студентами.	«Приазов. Край» № 18 (1918).
	Распоряжение Войскового атамана о призыве всех офицеров в добровольческую армию.	«Приазов. Край» № 18 (1918).
	Разгром Михайловской войсковой дачи под Новочеркасском казаками окрестных поселений.	Тот же №.
25	Постановление-протест Новочеркасской Городской Думы против призыва в армию подростков.	«Приазов. Край» № 22 (1918).
	Учреждение в Ростове общества помощи добровольческой армии.	Тот же №.
	Обстрел станицы Каменской Советскими войсками.	«Приазов. Край» № 28 (1918).
	Занятие Советскими войсками Плешаково и Гуково. Разъезды красногвардейцев у Самбека.	«Приазов. Край» № 20 (1918).
	Отступление добровольческой армии в Таганрогском направлении и взрыв ими моста между Ряженым и Матвеевым-Курганом.	«Приазов. Край» № 18 (1918).
	Постановление Комитета фракции к.-д. студентов в Ростове о вступлении комитета в целом в ряды добрармии.	«Ростовская Речь» № 19 (1918).
	В Ростовском округе крестьяне расхищают зерно, семенные запасы Областной продовольственной управы и помещиков.	«Приазов. Край» № 19 (1918).
	Задержание 500 голов скота крестьянами слободы Крепкой Таганрогского округа, предназначенного Областной продовольственой управой на продажу с аукциона.	«Ростовская Речь» № 19 (1918).
26	Калединцы ведут бои с наступающими Советскими войсками под командой Петрова на станции Зверево.	«Приазов. Край» № 28 (1918).

Январь 26	Отступление казаков-калединцев к Сулину и Горной.	«Приазов. Край» № 21 (1918).
	Обстрел станицы Бесергеневской Советскими войсками.	Тот же №
	Занятие станций Лихой калединцами.	Тот же №.
	Комиссия по расследованию самосуда над офицерами в Батайске констатирует «большевистское настроение» жителей слободы.	«Приазов. Край» №. 25 (1918).
	Отказ офицеров всех полков, стоящих в Ростове от вступления в ряды добровольческой армии. Отказавшиеся дали подписку о своем согласии выехать из пределов Донской области к 1 февраля.	«Ростовская Речь» № 22 (1918).
27	Советские войска ведут наступление на станцию Лихую. Сулин занят Красной Гвардией.	«Приазов. Край» № 30 (1918).
	Калединские войска отошли в район Синявки, взорвав Самбекский мост.	Тот же №.
	Занятие станции Глубокой Советскими войсками.	«Приазов. Край» № 20 (1918).
28	Народные социалисты Ростова постановили активно поддерживать добровольческую армию, причем для оказания финансовой поддержки сорганизована специальная комиссия.	«Ростовская Речь» № 22 (1918).
	Советские войска под командой тов. Петрова заняли станицу Каменскую.	«Приазов. Край» № 28 (1918).
	Занятие станции Зверево Советскими войсками.	«Приазовск. Край» № 28 (1918).
	Разбрасывание с калединских аэропланов последних воззваний Каледина.	«Ростов. Речь» № 22. (1918).
29	Выступление отряда стариков-казаков из станицы Гниловской на помощь Войсковому Правительству.	Тот же №.
	Генерал Каледин застрелился после заседания Войскового Правительства, об'явившего приказ войскам не оказывать сопротивление войскам С. Н. К.; правительство передало власть Новочеркасскому станичному о-ву, городскому самоуправлению и Совету Рабочих Депутатов.	«Приазовск. Край» № 23 (1918).
	Признание крестьянского войскового комитета в Александровке 17-ю волостями. Настроение крестьян Ростовского округа революционное.	«Приазовск. Край» №. 22 (1918).
	Бои калединцев с наступающими Советскими войсками у станции Синявской.	«Приазовск. Край» № 26. (1918).
	Мобилизация стариков-казаков станиц: Ольгинской, Аксайской, Новочеркасской и округов Донецкого и Черкасского для борьбы с Советскими войсками.	«Приазовск. Край» № 22. (1918).

Январь 29	Постановление станичного схода станицы Кривянской о мобилизации всех казаков в возрасте от 18 до 50 лет для борьбы с Советскими войсками.	Тот же №.
	Экспроприация хлеба и скота крестьянами у помещиков в Таганрогском округе.	Тот же №.
30	Избрание генерала Назарова Войсковым атаманом Донских казаков на сходе казаков Новочеркасской станицы. Тот же сход вынес постановление о поголовной мобилизации населения области*).	«Приазовск. Край» № 23 (1918).
	Приказ генерала Назарова о мобилизации (возрастов от 18 до 50 лет).	Тот же №.
	Постановление экстренного заседания членов Круга 1-го и 2-го созыва и вновь избранных депутатов на 4-й Круг об облечении нового атамана генерала Назарова неограниченными полномочиями.	«Приазовск. Край» № 24 (1918).
	Организация «Народно-Казачьей армии» генералом Назаровым.	«Приазовск. Край» № 25. (1918).
	Об'явление г.г. Ростова и Нахичевани на Дону на осадном положении.	«Приазовск. Край» № 24 (1918).
	Станицы: Гниловская, Старочеркасская, Мечетинская, Константиновская, Бакланов-ская, Великокняжеская, Ольгинская, Александровская, Елизаветинская, Заплавская, Бесергеневская, Кривянская, Грушевская и Богаевская выслали в помощь ген. Назарову свои дружины.	«Приазовск. Край» № 23 (1918).
	Войсковое Правительство поддерживают контр-революционно настроенные 7, 9, 20, 31 и 10 казачьи полки и 5 и 6 батальоны.	Тот же №.
	Постановление Совета Рабочих Депутатов города Новочеркасска требует немедленного разоружения добровольческих дружин и выдачи оружия Совету для организации охраны города.	Тот же №.
	Постановление об'единенного заседания Новочеркасских Городской Думы и Совета Рабочих Депутатов о недопущении поголовной мобилизации населения города. Об'единенное заседание требует разоружения и вывода добровольческих отрядов.	Тот же №.
	Постановление Об'единенного Правительства о передаче общего руководства текущими делами области и подготовку организации общей краевой власти Временному Областному Комитету общественного порядка.	«Приазовск. Край»

*) Согласно документальных данных—приказа атамана Назарова, этот факт имел место не 30/I, а 29/I 1918 г.

Январь 30	Стычки Советских войск с казаками у станции Горной.	«Приазовск. Край» № 28 (1918).
	Отступление казачьих войск к Персиановке.	Тот же №
	10-й казачий полк совместно с партизанским отрядом, б. под ком. есаула Чернецова действует в тылу Советских войск в районе станицы Каменской.	«Приазовск. Край» № 22 (1918).
	Занятие (калединскими) казачьими отрядами станций Гуково и Зверево.	
31	Движение отряда Красной Гвардии на Ростов со стороны слободы Генеральский мост.	«Приазовск. Край» № 24 (1918).
	Генерал Назаров приказал обыскать помещение Совета Рабочих Депутатов в Новочеркасске, получив сведения о происходящих якобы там секретных совещаниях. Воинская часть, приводящая в исполнение приказание атамана, найдя помещение Совета запертым, взломала дверь и произвела разгром помещения.	«Приазовск. Край» № 25 (1918).
	Постановление Новочеркасской Городской Думы о привлечении к охране города всего мужского населения в возрасте от 22 до 55 лет.	Тот же №.
	Прибытие 3-х эшелонов Красной Гвардии в Батайск под видом балластного поезда.	«Приазовск. Край» № 26 (1918).
	Похороны генерала Каледина в Новочеркасске.	«Приазовск. Край» № 24 (1918)
	Утверждение правительством специальной инструкции земельным комитетам по учету земли.	«Приазовск. Край» № 23 (1918).
	Разгром крестьянами ряда крупных помещичьих усадьб в Сальском округе.	«Приазовск. Край» № 24 (1918).
Февраль 1	Сильные бои у Батайска. Село Батайск занято Красной Гвардией.	«Приазовск. Край» № 25 (1918).
	Штаб Красных войск переехал в хутор Петровский, пехота и артиллерия Советских войск прибыла в слободу Большую Крепкую.	«Приазовск. Край» № 24 (1918).
	4-й кавалерийский полк прибыл в Новое село.	Тот же №.
	Депутаты Круга 1-го и 2-го созыва постановили об'явить город Новочеркасск на осадном положении, просить Войскового атамана силой принуждать войсковые части к выступлению на «защиту Дона», лишать ослушников атаманского приказа земельного довольствия.	«Приазовск. Край» № 25 (1918).
	Прекращение всякого железнодорожного сообщения по области.	Тот же №.

Февраль 1	Приговор схода иногородних жителей станицы Новониколаевской о необходимости упразднения казачьего сословия и раздела казачьих земель.	«Приазовск. Край» № 29 (1918).
2	Бои у селения Малые Салы.	«Приазовск. Край» № 26 (1918).
	Занятие Сулина войсками ген. Усачева. Генерал Кутепов занял Бесергеневку.	«Приазов. Край» № 25 (1918).
	В заседании Ростовской Городской Думы заслушано сообщение о том, что войсковой атаман требует представления ему предварительно перечня всех вопросов, вносимых на обсуждение Думы.	«Приазов. Край» № 26 (1918).
	Прибытие революционного штаба во главе с тов. Войцеховичем в гор. Таганрог.	«Приазов. Край» № 26 (1918).
	Приказ Войскового атамана с об'явлением всей Донской области за исключением Ростова на военном положении.	Тот же №.
	Приказ Войскового атамана об установлении военных судов.	Тот же №.
	Неказачье население хутора Новосусальского отказалось стать на защиту Войскового Правительства.	«Приазов. Край» № 27 (1918).
	Раскол между казаками-стариками и молодежью в станице Богаевской на почве отказа молодежи от борьбы с Красными войсками.	Тот же №.
	В станице Константиновской стариками и женщинами разогнан Военно-Революционный Комитет. В станице формируется казачья добровольческая дружина.	Тот же №.
	Организация партизанского отряда полковником Тихоном Краснянским в Ростове.	Тот же №.
3	Занятие Советскими войсками хутора Соколовско-Кундрюческого.	«Приазов. Край» № 29 (1918).
4	Бомбардировка казачьего расположения у станции Каменоломни Советской артиллерией. Казаки продвинулись к Персиановке.	«Приазов. Край» № 27 (1918).
	Появление Советских раз'ездов у хуторов Сидоровско-Кадамовского, Костюховского и Маркова. Небольшие отряды Советских войск заняли станции Горную и Шахтную.	Тот же №.
	Взрыв железнодорожного пути разведчиками белых на перегоне Батайск-Торговая.	Тот же №.
	Советские войска заняли Султан-Салы, Генеральский мост и вошли в гор. Таганрог. Большие Салы заняты казаками.	«Приазов. Край» № 26 (1918).

Февраль 4	Крестьяне слободы Генеральский мост с радостью встретили вступившие Советские войска, поднеся командованию хлеб-соль и деньги. От последних вступившие отказались.	«Приазовск. Край» № 29 (1918).
	Приказ Народного комиссара по борьбе с контр-революцией о назначении тов. Сиверса—командующим войсками действующими против Ростов-Таганрог, тов. Антонова командующим Юго-Восточного участка, а тов. Саблина Северного участка Донского фронта.	«Извест. Рев. Войск» № 5-20 II-18 г.
	Прибытие генерала Усачева со своим отрядом в г. Новочеркасск.	«Приазов. Край» № 26 (1918).
	Оставление Сулина Советскими войсками	Тот же №.
6	Расстрел товарища председателя Ростовского Совета Рабочих Депутатов тов. Васильева (Фадеева) арестованного перед этим в своей квартире*).	«Приазов. Край» № 29 (1918).
	Станция Каменоломня занята казаками.	«Приазов. Край» № 29 (1918).
	Под натиском Советских войск казаки отошли за реку Сухой Чалтыр.	«Приазов. Край» № 27 (1918).
	Советские войска начали бомбардировку Ростова со стороны Батайска (6″ снарядами).	«Приазовск. Край» № 29 (1918).
	Разоружение стражников у бараков военнопленных и казарм 255 полка в Ростове 30 неизвестными вооруженными.	«Приазовск. Край» № 30 (1918).
	Приказ Войскового Круга об отобрании у 9-го казачьего полка знамени и имущества за отказ от исполнения распоряжений Войскового Правительства.	«Приазовск. Край» № 28 (1918).
	Дележ казачьей земли крестьянами станицы Новониколаевской.	«Приазовск. Край» № 29 (1918).
	Занятие Советскими войсками станции Каменоломни, хуторов Родионово-Несветаевского и Несветай.	«Приазовск. Край» № 30 (1918).
	Ожесточенные бои в районе Парамоновских рудников.	Тот же №.
	Отход Красных войск к Александровску-Грушевскому (г. Шахты).	Тот же №.
	Бои казаков с наступающими Советскими войсками у хутора Кошкина.	Тот же №.
	6-я Донская казачья батарея, расположенная в станице Великокняжеской, послала делегацию в Царицынский Ревком с просьбой принять от нее орудия.	«Приазовск. Край» № 29 (1918).
	В газете «Ростовская Речь» помещено ультимативное обращение 1-го офицерского батальона ко всем офицерам не поступившим в добровольческую армию с предложением немедленно записаться в ее ряды.	«Рабочее Дело» 8 XI (1918).

*) Расстрелян тов. Васильев (Фадеев) якобы при попытке бежать. **Ред.**

Февраль 8	Обстрел Ростова со стороны Батайска продолжается.	«Приазовск. Край» № 30 (1918).
	Прекращение подвоза с'естных припасов в Ростов, ввиду окружения города кольцом военных действий.	Тот же №.
9	Обстрел города Ростова продолжается. Командующий казачьих войск в Ростове отдал приказ о невыходе жителей из своих квартир после 6 часов вечера. Учащиеся распущены. Магазины закрылись. Рабочие фабрики Асмолова прекратили работу.	«Приазовск. Край» № 31 (1918).
	Добрармия отступила из пределов Ростова и Нахичевани.	Тот же №.
	Красногвардейцы совместно с присоединившимся к ним 23 казачьим полком заняли станицу Нижне-Чирскую.	«Приазовск. Край» № 30 (1918).
10	Вступление Советских войск в Ростов.	
	Телеграфное обращение войскового старшины Голубова из Александрово-Грушевска к Войсковому Правительству в Новочеркасск с предложением сдать Новочеркасск без боя революционным войскам. Круг и с'езд неказачьего населения вынесли решение вести борьбу до конца.	«Приазовск. Край» № 31 (1918).
	Голубов занял Кривянку в 3-х верстах от Новочеркасска.	Брошюра Волина «Дон и Добрармия» стр. 40 и 41.
11	Прибытие в Ростов делегации Малого Войскового Круга для мирных переговоров с Советскими войсками.	«Извест. Рев. Войск» № 8 28/II (1918).
12	После сильного боя у Персиановки Революционными войсками, под командой тов. Саблина, занят г. Новочеркасск; белогвардейцы бежали к ст. Аксайской.	«Извест. Рев. Войск» № 8 25/II (1918).
15	Приказ Народного Комиссара по борьбе с контр-революцией тов. Антонова о разоружении буржуазии и об организации сил Социалистической армии.	«Извест. Рев. Войск» № 7 26/II (1918).

В. Толмачев и Н. Токарев.

Указатель имен.

А.

Абросимов—стр. 40, 128, 129
Автономов—стр. 18, 26, 96, 133, 134, 136, 139
Агеев—стр. 17, 18, 20, 21, 22, 25, 26, 27, 28, 92, 99, 100, 101, 143
Акимов—стр. 164
Алексеев (ген.)—стр. 3, 5, 6, 9, 36, 227
Аладьин—стр. 18
Алехин—стр. 80, 130, 133, 137
Александров—стр. 179
Альперин Л. С.—стр. 260
Андреев—стр. 76.
Антонов—стр. 58, 59, 63, 65, 66, 67, 113, 127, 200, 267, 268
Антонов-Овсеенко—стр. 99, 108, 112, 114, 123, 136, 138, 154, 254
Антонов-Чалый—стр. 113, 126
Араканцев—стр. 22
Арнаутов—стр. 67, 87, 124
Армейсков В. В.—стр. 109
Афанасьев—стр. 160
Ачкасов—стр. 139

Б.

Бабкин—стр. 130, 133, 139
Бабичев—стр. 139
Балабин—стр. 255
Басов—стр. 58, 63
Безруких—стр. 55, 98
Безуглов Степан—стр. 82
Беленец—стр. 169
Белоусов—стр. 245
Бирюков В. Я.—стр. 18, 19, 22, 23, 95
Блохин—стр. 248
Блюм-Кларин—стр. 248
Богаевский—стр. 9, 15, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 27, 38, 39, 57, 75, 92, 93, 94, 95, 101, 103, 104, 107, 108, 118, 251, 252
Богоявленский—стр. 129, 133
Богуславская—стр. 113
Бондарчук—стр. 65, 66
Бонч-Бруевич В.—стр. 195
Борковский М.—стр. 175, 176
Бородулин—стр. 32
Борцов—стр. 258
Борисов—стр. 262
Боссе—стр. 22, 25, 28, 261
Бронштейн—стр. 73
Брыкин—стр. 25
Буркин—стр. 152

В.

Вагуль—стр. 54
Варелас Герасим—стр. 85
Васильев П. С.—7, 20, 22, 38, 64, 67, 127, 132, 246
Васильченко—стр. 113, 126, 165, 248
Веселовская Ф.—стр. 113, 114, 126
Вейцман—стр. 118
Винклер—стр. 66
Витковский—стр. 139
Вишневская—стр. 86
Вишняк—стр. 32, 33, 37
Власов—стр. 35
Власенко—стр. 246
Внуков—стр. 139
Волошина Лиза—стр. 89, 90.
Воронкин Н.—стр. 57.
Войцехович—стр. 266.
Войцеховский—стр. 41.
Врангель—стр. 67.

Г.

Гаспарский—стр. 175.
Гайдуков В.—стр. 82, 83, 84.
Гайдуков—стр. 169.
Генералов М. М.—стр. 18.
Герасимов—стр. 244.
Гинсбург—стр 258.
Глухов—стр. 102, 103, 105.
Глушков А.—стр. 88, 89, 90, 258.
Глущенко А.—стр. 81.
Гнилорыбов—стр. 46, 74, 81.
Гончаренко—стр. 148, 153.
Гончаров—стр. 112.
Голдинский—стр. 164, 165.
Гораценко—стр. 57.
Горбачев—стр. 149.
Голубов—стр. 16, 18, 91, 100, 107, 108, 118, 149, 150, 153, 241, 258.
Горбоносов—стр. 40, 41.
Горбунов Н.—стр. 195.
Гордеев—стр. 40.
Гребенников М.—стр. 17.
Гросман стр. 64.
Грызунов—стр. 129.
Грузман—стр. 133.
Гурвич—стр. 13.

Д.

Дараган—стр. 20.
Деникин—стр. 3, 9, 21, 22, 67.
Денисов—стр. 58.

Деревянкин—стр. 57.
Должников—стр. 46.
Донсков—стр. 76.
Дорошев—стр. 98, 99, 100, 123, 171, 173.
Драшлев—стр. 53.
Дунаевский—стр. 35, 37, 58, 63, 67, 168.
Дунин—стр. 46.
Дутов—стр. 182.
Дьяченко—стр. 248.

Е.

Евсеев—стр. 77.
Елатонцев—стр. 261.
Елисеев—стр. 97.
Ерман—стр. 104.
Ермилов—стр. 120, 128.
Ерохин—стр. 104.
Ершов—стр. 152.
Есаулов—стр. 22.

Ж.

Жаков—стр.—86, 113, 126, 248.
Жарков—стр. 164.
Жук—стр. 32, 37.
Жуков—стр. 86.
Журавлев—стр. 162, 163, 164, 165, 166.

З.

Заварзин—стр. 20.
Закачурин—стр. 101, 102.
Затямин—стр. 104.
Захаров—стр. 158.
Зайцев—стр. 115, 116, 117, 148, 149.
Зеелер—стр. 7, 34, 251.
Змиев—стр. 77.
Зозулин—стр. 58, 59.
Зубков—стр. 125.
Зявкин—стр. 58, 59, 60.

И.

Иванов—стр. 76, 86, 128, 131.
Иваненко—стр. 149.
Ивлиев В. И.—стр. 176, 177.
Изварин—стр. 77.
Июль—стр. 129.
Иорданов—стр. 46.

К.

Кабкин—стр. 89.
Каледин—стр. 3, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27. 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 50, 52, 53, 54, 55, 57, 58, 59, 60, 62, 65, 67, 69, 73, 74, 75, 77, 78, 79, 81, 83, 85, 86, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 113, 118, 119, 123, 124, 126, 127, 128, 134, 146, 151, 155, 161, 171, 241, 254, 243, 247, 249, 251, 255.
Капустин—стр. 34, 37.
Кардасевич—стр. 36.
Карасев—стр. 41.
Касперович—стр. 45.
Калинин—стр. 69, 246.
Калитвенский—стр. 77.
Канаев—стр. 83.
Кассо—стр. 171.
Керенский—стр. 6, 33, 70, 171.
Керосинский—стр. 81.
Киквидзе—стр. 150.
Китаев—стр. 47.
Клембовский—стр. 22.
Клейман—стр. 110, 111.
Клименко—стр. 59.
Кобыляцкий—стр. 149.
Ковалев—стр. 16, 100.
Кожанов—стр. 25, 27.
Козлов—стр. 152.
Колесников—стр. 79, 248.
Колонтаенко Н.—стр. 59, 63, 65.
Колчак—стр. 21.
Колосов—стр 82.
Колотилов—стр. 132.
Калюжный—стр. 147, 153.
Коноплянный—стр. 57.
Корстантинов—стр. 43, 46, 47, 48, 49.
Корнилов—стр. 3, 5, 6, 9, 15, 22, 24, 67, 87, 92, 134, 135, 138, 145, 149, 244.
Коротков—стр. 133, 137, 139, 140.
Карпенко—стр. 45, 59.
Краснов—стр. 13, 17 21, 108, 113, 255.
Красненко—стр. 38.
Кравченко—стр. 41.
Краснянский—стр. 206.
Кривошлыков—стр. 24, 26, 98, 99, 100, 107, 121, 123, 170, 171, 172, 217,
Крылов—стр. 111, 112, 113, 126, 248.
Крыленко—стр. 115.
Кружилин—стр. 101, 102, 103.
Кудрявцев—стр. 250.
Кудинов—стр. 67.
Кузьмин—стр. 54.
Кузнецов—стр. 13, 72.
Кулябко—стр. 25.
Кунда—стр. 87.
Куракинский—стр. 133.
Курихин-Донской—стр. 106, 107.
Кутепов—стр. 13, 254, 259, 266.
Кучеров—стр. 17.
Кшесинская—стр. 84.

Л.

Лагутин—стр. 26, 28, 99, 256.
Ладченко—стр. 82.
Лазарев—стр. 78.
Лакомский—стр. 36.
Ларин—стр. 25.
Лебедев—стр. 84.
Ленин—стр. 23, 73, 95, 158, 195.
Лесников—стр. 52, 103.
Лисицкий—стр. 108.
Литвинов—стр. 142, 143.
Литов—стр. 22.
Локерман—стр. 38, 67, 244.
Лукомский—стр. 3, 9, 22.

М.

Мазанов—стр. 81
Мазуренко—стр. 18, 21, 22, 25
Макаров—стр. 20, 147

Макроусов—стр. 87, 145, 153
Максимов—стр. 245
Маликов—стр. 13, 45, 54
Мандельштам (Одиссей)—стр. 122, 123, 124, 128
Мамонов—стр. 18.
Мамонтов—стр. 78, 81
Марков—стр. 3, 9, 13, 22, 250
Маркин—стр. 106
Мартынов—стр. 81
Марчевский—стр. 110
Мельников—стр. 104, 168
Мендрух—стр. 56
Меньшиков—стр. 133, 134, 139
Механик—стр. 112
Минин—стр. 156
Мирандов—стр. 25
Мишуров—стр. 43, 45, 46, 47
Мишустин—стр. 257
Моисеев—стр. 77
Муравьев—стр. 154, 157
Муралов—стр. 154

Н.

Назаров—стр. 7, 8, 15, 24, 32, 53, 54, 57, 58, 65, 79, 85, 86, 100, 118, 189, 126, 245, 264
Николаев—стр. 7
Никулин—стр. 126
Нырненко—стр. 150

О.

Огрызков—стр. 103
Орешко—стр. 34, 37, 256
Орлов—стр. 35, 58, 63, 67, 128
Осипов—стр. 45, 46
Осипенко—стр. 149
Остерлофф—стр. 25

П.

Панков—стр. 153
Панников—стр. 147
Парамонова—стр. 152
Парамонов—стр. 15, 74, 112, 129
Парецкий стр. 7
Пащенко К. А.—стр. 83
Переверзев—стр. 26, 27, 245
Петренко П. С.—стр. 6, 38, 60, 62, 64, 67, 124, 253
Петров—стр. 58, 59, 63, 103, 114, 145, 262
Пейчайкин—стр. 39
Пишванов—стр. 108
Подвойский—стр. 158, 195
Подтелков—стр. 12, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 46, 74, 75, 98, 99, 107, 120, 122, 123, 124, 155, 156, 172, 217, 255
Покровский—стр. 15
Полковников—стр. 79, 80
Полотебнов А.—стр. 24, 25, 28, 106
Поляков—стр. 77, 84
Попов—стр. 15, 16, 65, 69, 96, 102, 254
Потапов—стр. 60, 66
Потоцкий—стр. 31, 38, 42, 43, 50, 104, 105, 119, 244
Пуришкевич—стр. 9

Р.

Равикович—стр. 87, 113, 133, 248
Разин—стр. 252
Расников—стр. 89
Рахманов—стр. 164
Ресин—стр. 246
Реук—стр. 58, 59, 63
Реут—стр. 8
Решетков—стр. 125, 173
Рейзман—стр. 164
Родзянко—стр. 74
Романов Н. Н. стр. 84
Рожков—стр. 147
Рубашкин—стр. 81
Ружанский—стр. 126
Руденко—стр. 48
Рязанцев—стр. 146

С.

Саблин—стр. 16, 106, 107, 242, 251, 252, 267, 268
Савинков—стр. 3, 70, 71
Савенко—стр. 148
Сальников стр. 105
Самойленко—стр. 58
Самойлов—стр. 49, 53, 54, 66
Сачко—стр. 42
Светозаров—стр. 25, 28
Свердлов—стр. 158
Свежинский—стр. 153
Севский В.—стр. 6
Семилетов—стр. 13, 74
Семенов И. Т.—стр. 18
Семенков стр. 25
Сиверс—стр. 23, 26, 31, 41, 47, 63, 89, 90, 136, 138, 140, 150, 152, 153, 254, 267
Сидин—стр. 58, 63, 64
Симонов—стр. 49, 58, 63, 126
Симонова—стр. 63
Симоненко—стр. 149
Синченко В.—стр. 107
Скиба—стр. 80, 81
Скопцов—стр. 177, 178
Смирнов В.—стр. 89, 90, 99, 107, 23, 149, 256, 258
Смирягин—стр. 83
Соловьев—стр. 58, 63
Соколов—стр 33, 84
Сорокин—стр. 140, 168
Сосновский стр. 135
Ставский—стр. 54, 116
Сталин—стр. 116
Станковская—стр. 37
Степанов—стр. 35, 49, 53, 63
Стернин (Мохов)—стр. 88, 89, 90, 156, 58
Суворин стр. 9
Сулишенко—стр. 153
Сырцов—стр. 87, 98, 99, 118, 125, 128, 129, 173

Т.

Тащиев—стр. 57
Толкушкин—стр. 96
Торская—стр. 58, 63

Торский—стр. 63, 167, 168, 169
Трифонов—стр. 41
Троцкий—стр. 158
Трусов—стр. 89
Туренский—стр. 40
Турло—стр. 33, 127

У.

Уваров—стр. 152, 246.
Урывский—стр. 153.
Усачев—стр. 266, 267.
Усов А.—стр. 105, 159.
Устинов—стр. 56.
Ушевич—стр. 159.

Ф.

Фадеев—стр. 59, 63, 67, 161, 162, 267.
Федоров М. М.—стр. 9.
Федорович—стр. 25.
Федорчук—стр. 28.
Филиппович-Отто—стр. 33, 37, 174.
Филиппов—стр. 51, 52, 58, 257, 258.
Филимонов—стр. 139.
Френкель—стр. 98, 99, 115, 127, 128, 129
Фрейд—стр. 64.
Фролов—стр. 86, 88, 126.

Х.

Хаджи—стр. 246
Хаевский—стр. 164
Хилков—стр. 88
Христенко—стр. 113

Ц.

Цаликовский—стр. 248
Цапкин—стр. 254
Цедербаум—стр. 73
Цеппелевский—стр. 248
Цеймах—стр. 128
Цудовский—стр. 175

Ч.

Чеботарев—стр. 130, 251, 252
Ченцов—стр. 86, 113, 126, 248
Черевков—стр. 20
Черкесов—стр. 103
Черников—стр. 83
Черненко—стр. 91, 127, 145
Чернецов—стр. 4, 5, 11, 12, 24, 26, 8, 40, 70, 74, 78, 87, 88, 97, 99, 100, 106, 127, 244, 245, 255, 256, 259, 260, 26', 265
Чесноков—стр. 108
Чикмардин—стр. 53

Ш.

Шаблиевский—стр. 256
Шаповалов—стр. 144, 145
Шашников—стр. 25, 28
Швадченко—стр. 58, 63
Шебуев—стр. 130, 131, 132, 133
Шевченко М.—стр. 113
Шик И. И.—стр. 7, 251
Шипулин—стр. 149.
Шишка Д.—стр. 41.
Шишкин—стр. 40.
Шнеп—стр. 57.
Шольц—стр. 90.
Штыб—стр. 89.
Шумлин—стр. 262.

Щ.

Щаденко—стр. 98, 120, 121, 128.
Щербаков—стр. 40.
Шукин—стр. 57.

Э.

Эккерт—стр. 46.
Эрдели—стр. 22.

Ю.

Юрчик—стр. 60, 63.

Я.

Янов—стр. 25.
Янушевский—стр. 45, 46.
Янушев—стр. 122, 123, 154.

Отв. Редактор **А. А. Френкель.** Редакторы: **В. Толмачев и Н. Токарев.**

ОТ ИСТПАРТА ДОНОБКОМА РКП.(б.).

К ТОВАРИЩАМ!

ИСТПАРТ Д.К.Р.К.П.(б.). ОБРАЩАЕТСЯ С ГОРЯЧЕЙ ПРОСЬБОЙ КО ВСЕМ АКТИВНЫМ УЧАСТНИКАМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДОНУ ПРИСЫЛАТЬ ДЛЯ СЛЕДУЮЩИХ СБОРНИКОВ „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ДОНУ"

Примечание к хронике событий.

Выражаем благодарность Доноблархбюро за предоставление газетного материала; сотрудникам Доноблархбюро, в частности, пр. И. П. Козловскому за проделанную ими предварительную техническую работу по составлению данной хроники. **В. Т. и Н. Т.**

ИСТПАРТ Д. К. Р. К. П. (б.).

О ПОСТОЯННОЙ ВЫСТАВКЕ ИСТПАРТА.

ИСТПАРТОМ Д. К. ОРГАНИЗОВАНА ПОСТОЯННАЯ ВЫСТАВКА ПО ИСТОРИИ Р. К. П. НА ДОНУ, ПОЧЕМУ ИСТПАРТ ОБРАЩАЕТСЯ КО ВСЕМ ТОВАРИЩАМ, ИМЕЮЩИМ МАТЕРИАЛ, МОГУЩИЙ СЛУЖИТ ЭКСПОНАТОМ ДЛЯ ЭТОЙ ВЫСТАВКИ (ФОТОГРАФИЧ. СНИМКИ ОТДЕЛЬН. ТОВ-ЕЙ С'ЕЗДОВ, КОНФЕРЕНЦИЙ, ОТЧЕТОВ ПАРТКОМОВ, ПАРТГАЗЕТ И ПРОЧ.), С ПРОСЬБОЙ ПРЕПРОВОЖДАТЬ МАТЕРИАЛ В ДОНОБКОМ Р.К.П.(б.).— УЛИЦА ЭНГЕЛЬСА, 115, 3-Й ЭТАЖ ДЛЯ ИСТПАРТА.

ИСТПАРТ Д. К. Р. К. П. (б.).

Торский—стр. 63, 167, 168, 169
Трифонов—стр. 41
Троцкий—стр. 158
Трусов—стр. 89
Туренский—стр. 40
Турло—стр. 33, 127

У.

Уваров—стр. 152, 246.
Урывский—стр. 153.
Усачев—стр. 266, 267.
Усов А.—стр. 105, 159.

Черевков—стр. 20
Черкесов—стр. 103
Черников—стр. 83
Черненко—стр. 91, 127, 145
Чернецов—стр. 4, 5, 11, 12, 24, 26, 8, 40, 70, 74, 78, 87, 88, 97, 99, 100, 106, 127, 244, 245, 255, 256, 259, 260, 26', 265
Чесноков—стр. 108
Чикмардин—стр. 53

Ш.

Отв. Редактор **А. А. Френкель.** Редакторы: **В. Толмачев и Н. Токарев.**

ОТ ИСТПАРТА ДОНОБКОМА РКП.(б.).

К ТОВАРИЩАМ!

ИСТПАРТ Д.К.Р.К.П.(б.). ОБРАЩАЕТСЯ С ГОРЯЧЕЙ ПРОСЬБОЙ КО ВСЕМ АКТИВНЫМ УЧАСТНИКАМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДОНУ ПРИСЫЛАТЬ ДЛЯ СЛЕДУЮЩИХ СБОРНИКОВ

„ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ДОНУ“

СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНИЯ И ИМЕЮЩИЕСЯ У НИХ ДОКУМЕНТЫ.

ИСТПАРТ НАДЕЕТСЯ НА ШИРОКОЕ И АКТИВНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ТОВАРИЩЕЙ, ПРИ УСЛОВИИ ЧЕГО ТОЛЬКО И МОЖЕТ БЫТЬ УСПЕШНА РАБОТА ИСТПАРТА.

ИСТПАРТ Д. К. Р. К. П. (б.).

ОБ „АЛЬБОМЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ДОНУ“.

ИСТПАРТОМ ДОНОБКОМА Р.К.П.(б.)
ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

„АЛЬБОМ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ на ДОНУ“,

В КОТОРЫЙ ВОЙДУТ ДОКУМЕНТЫ, ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ СНИМКИ УЧАСТНИКОВ И ИСТОРИЧЕСКИХ МЕСТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ НА ДОНУ.

ПОЭТОМУ ИСТПАРТ ОБРАЩАЕТСЯ КО ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И ТОВАРИЩАМ С ПРОСЬБОЙ ПРИСЛАТЬ ФОТОГРАФИИ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПОГИБШИХ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ ТОВАРИЩАХ, ФОТОГРАФИИ АКТИВНЫХ УЧАСТНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДОНУ, СНИМКИ, РИСУНКИ УЧРЕЖДЕНИЙ И МЕСТ БОРЬБЫ И ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, ТАКЖЕ ФОТОГРАФИИ КРАСНОГВАРДЕЙСКИХ ЧАСТЕЙ, СРАЖАВШИХСЯ на ДОНУ.

ПО ИСПОЛЬЗОВАНИИ СНИМКИ БУДУТ ВОЗВРАЩЕНЫ.

НАПРАВЛЯТЬ В ИСТПАРТ (ДОНОБКОМ Р. К. П. (б.). — УЛИЦА ЭНГЕЛЬСА, 115, 3-й ЭТАЖ).

ИСТПАРТ Д. К. Р. К. П. (б.).

О ПОСТОЯННОЙ ВЫСТАВКЕ ИСТПАРТА.

ИСТПАРТОМ Д. К. ОРГАНИЗОВАНА ПОСТОЯННАЯ ВЫСТАВКА ПО ИСТОРИИ Р. К. П. НА ДОНУ, ПОЧЕМУ ИСТПАРТ ОБРАЩАЕТСЯ КО ВСЕМ ТОВАРИЩАМ, ИМЕЮЩИМ МАТЕРИАЛ, МОГУЩИЙ СЛУЖИТ ЭКСПОНАТОМ ДЛЯ ЭТОЙ ВЫСТАВКИ (ФОТОГРАФИЧ. СНИМКИ ОТДЕЛЬН. ТОВ-ЕЙ СЪЕЗДОВ, КОНФЕРЕНЦИЙ, ОТЧЕТОВ ПАРТКОМОВ, ПАРТГАЗЕТ И ПРОЧ.), С ПРОСЬБОЙ ПРЕПРОВОЖДАТЬ МАТЕРИАЛ В ДОНОБКОМ Р.К.П.(б.).— УЛИЦА ЭНГЕЛЬСА, 115, 3-Й ЭТАЖ ДЛЯ ИСТПАРТА.

ИСТПАРТ Д. К. Р. К. П. (б.).

ИСТПАРТ (ОТДЕЛ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р.К.П. (б.)

Донского Областного Комитета РКП (б.)

приступил к изданию сборников

„ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ДОНУ“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

№ 1, освещающий революционную борьбу на Дону в 1905 г. 1917—1918 г.г. (Сборник распродан).

№ 2, освещающий Октябрьскую Революцию на Дону.

№ 3, освещающий Стачку 1902 года в Ростове на Дону.

НАХОДИТСЯ В ПЕЧАТИ

Сборник, освещающий Революцию 1905 года в Ростове на Дону.

НАМЕЧЕНЫ К ИЗДАНИЮ СБОРНИКИ, ОСВЕЩАЮЩИЕ СОБЫТИЯ СЛЕДУЮЩИХ ПЕРИОДОВ:

«Февральская Революция и от Февральской Революции до Октябрьской Революции на Дону» (февраль—сентябрь 1917 г.).

«Советская власть на Дону в 1918 г. и контр-революционное нашествие» (февраль—май 1918 года).

«Красновщина и Деникинщина и партийное подполье на Дону в 1918—1919 г.г. (май 1918—1919 годов).

«Борьба Красной Армии на Донском фронте и Донбюро Р.К.П. (б.) в 1918—1919 г.г. (май 1918—1919 годов).

К УЧАСТИЮ В СБОРНИКЕ ПРИГЛАШЕНЫ АКТИВНЫЕ УЧАСТНИКИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДОНУ.

Антонова-Фурсова З., Арнаутов, Бабкин И. П., Бажанов (Макеевка), Бавленцева Н., Беденко К. Н., Бакинский С., Белоконов П. (Одесса), Безруких П. (Ленинград), Блохин П. (Москва), Богуславская М., Ботвинов В. М., Бочков, Бубнов А. (Москва), Буденный С. М., Васильев А. (Шмидт), Василенко, Васильченко Х. Ф., Власенко Т. А., Векин, Власов М. Е., Власов (Александровск-Грушевский), Вольф Елена, Вольмер, Ворошилов К. Е., Горбачев К. (Макеевка), Глухов Г., Горбачева (Минская) Ольга, Гордон Анна, Дорошев И. А., Дубинка, Дудас Д. (Азов), Егоров П., Ермилов И. А., Ерохин, Жаков М. П., Жук П., Заварзин П., Забей-Ворота (Морозовск.), Захарьянц Г., Затонский, Зайцев И. (Константиновская), Зубов С., Зубкова М., Зубков Н. (Харцызск), Зявкин Ф., Иванов З. Д., Карагодская Мария, Кирзнер И., Красненко, Колонтаенко, Коцюбинский, Кротенко Д., Кудинов С. (Каменская), Кужелев В., Карасев Д., Куралова Е., Кирилкин (Александровск-Грушевский), Ларин В., Лукашин С. Г., Магидов, Малинская Мария, Маркус Е. А., Мандельштам, Матвеев М., Мельников (Макеевка), Механик (Москва), Митрошин (Макеевка), Моисеев А. (Морозовская), Мусинов (Каменская), Мухоперцев (Морозовская), Новиков (Великокняжеская), Орлова М., Орджаникидзе С., Пивоваров Р., Пятаков Г., Пашутин (Каменская), Пашко-Сафронов, Подшиванин Г., Попова А., Плетнов, Решетков И., Рожанский, Розин, Сидин, Семашко А. П., Симонов, Спирин И. П., Сырцов С. И., Тащиев Г., Турло С. С. Толмачев Г., Торская, Филиппов, Филов В. Г., Френкель А. А., Фролов А. Г. Хилков (Таганрог), Христенко Г. А., Ченцов И. Д., Черепахин, Черепашенко, Черкесова, Чернышев, Шаблиевский, Шершевская, Щаденко Е., Юдовский и др.

В СБОРНИК ВОЙДУТ СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНИЯ, СТЕНОГРАММЫ РЕЧЕЙ НА «ВЕЧЕРАХ ВОСПОМИНАНИЙ», ЗАПИСИ БЕСЕД С УЧАСТНИК. ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДОНУ, А ТАКЖЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ХРОНИКА СОБЫТИЙ.

ПО ВСЕМ ДЕЛАМ ИСТПАРТА ОБРАЩАТЬСЯ:

(РОСТОВ-ДОН, УЛИЦА Ф. ЭНГЕЛЬСА, 115, 3-й ЭТАЖ—ДОНОБКОМ РКП (б.).

ИСТПАРТ ДОН. ОБЛ. К-ТА Р. К. П. (б.).

Содержание *).

Стр

От редакции 3

ОЧЕРК.

1. Калединские дни — П. Ратнер 5

СТАТЬИ.

2. Третий Войсковой Круг и вопрос о власти 17
3. Историческое совещание в Новочеркасске 24

ВОСПОМИНАНИЯ.

4. Калединщина в Ростове.
   I. Е. Воронина 30
   II. Петр Жук 31
   III. Заржевский 38
   IV. Карасев 40
5. Калединщина и железнодорожники.
   А. На Владикавказской жел. дороге.
      I. Павел Безруких 42
      II. В. Третьяков 43
   Б. Темерничане-железнодорожники.
      I. З. Чикмардин 49
      II. Ф. Я. Баландин 53
   В. На Юго-Восточной жел. дороге — П. Безруких 54
6. Подпольная работа большевиков в Ростове.
   А. Темерницкое подполье.
      I. Л. Соловьев 58
      II. Е. Сидин 60
      III. Федор Зявкин 62
   Б. Подполье в городе Ростове — М. З. Власов 66
7. Калединщина в области и борьба с нею.
   I. В Калединских тюрьмах — Т. Власенко 69
   II. Новочеркасск в дни и после калединщины — С. Худяков. 73
   III. Морозовцы в борьбе с калединщиной — К. Беденко . 76
   IV. В селах Донецкого округа.
      а) И. Г. Шевченко 77
      б) Калинин 79
      в) С. Краснощеков 80

*) Все даты в сборнике указываются по старому стилю. Ред.

стр.

V. Борьба за советы в ростовском округе—И. Е. Игнатьев. 82
VI. Борьба Таганрогских рабочих с калединщиной — Г. В. Шаблиевский 84

8. Фронтовое казачество и Каледин.
I. И. Ермилов 91
II. Г. Глухов 101
III. Первый революционный казачий штаб—В. Дроздов . 106
IV. 22-й донской казачий полк—С. Котельников . . . 108

9. Шахтеры Донского бассейна в борьбе с Калединым.
I. Воспоминание шахтера — Клейман 110
II. Страничка воспоминаний — Зинаида Чалая . . . 111

10. Борьба с калединщиной на фронте и работа Донского Областного Военно-Революционного Комитета.
I. Накануне и во время с'езда в станице Каменской — С. И. Сырцов 115
II. До и после ухода из Ростова — П. Блохин . . . 124
III. Как мы боролись против калединщины — С. Зубов . 126
IV. Борьба на Юго-Восточном фронте — Г. Чеботарев . 129
V. Действия штаба Юго-Восточной армии — В. А. Максимов 139
VI. Из борьбы у Чертково — А. Безродный 140
VII. Помощь Черноморских моряков Донскому пролетариату — Ойцев-Корнилов 145
VIII. Содковский революционный отряд — М. А. Кузин . 146
IX. Первый Титовский полк — Р. Иваненко 149
X. В тяжелые дни боев — А. Рожков 150

11. Север в борьбе с калединщиной.
I. Обрывки воспоминаний — Мандельштам («Одиссей») . 154
II. Как реагировал Север — Д. И. Гарновский . . . 159

НЕКРОЛОГИ.

12. Наши мертвецы.
I. Памяти тов. Фадеева-Васильева — Д. Шинкаренко . 161
II. М. И. Журавлев — Г. Черепахин 162
III. Товарищ М. И. Журавлев — Иван Лисицын . . . 166
IV. Владимир Васильевич Торский — Н. Торская. . . 167
V. Революционер герой, павший мучеником (В. Ф. Гайдуков) — И. Е. Игнатьев. 169
VI. Дореволюционная деятельность М. Кривошлыкова — Н. К. 170
VII. Александр Дорошев — А. И. Д. 171
VIII. Товарищ Отто Филиппович — Петр Жук . . . 174
IX. Станислав Цудовский — П. Жук 175
X. Товарищ Гаспарский — П. Жук 175
XI. Марцели Борковский — П. Жук 175
XII. В. И. Ивлиев — Красный Казак 176
XIII. В. К. Скопцов — В. Варламов 177

ДОКУМЕНТЫ.

13. Воззвание Войскового Правительства 180
14. От Войскового Атамана 180

стр.

15. Войска в Ростове 180
16. Ко всему населению. О контр-революции на Дону и об'явлении Дона на осадном положении Совнаркомом . . . 181
17. Кадетский заговор 182
18. Материалы о 3-м большом Войсковом Круге в гор. Новочеркасске (2—15/XII. 1917 г.).
I. Выдержки из речи меньшевика Б. С. Васильева . . 183
II. Полемика Нижне-Чирской станицы с Царицыном . . 185
III. Речь Каледина на III-м Большом Войсковом Круге . . 186
IV. Доклад М. П. Богаевского 188
19. От Совета Народных Комиссаров — Трудовым Казакам . . 192
20. Заговор 194
21. Казачеству 194
22. Ко всему трудовому казачеству 195
23. Наказ красногвардейцам, едущим на Дон 195
24. Приказы Атамана Каледина Войску Донскому №№ 1052, 1058, 1062, и 1063. 197
25. На борьбу с Калединым 200
26. Резолюция инициативной группы членов Новочеркасского Совета Рабочих депутатов 201
27. Резолюции с'езда неказачьего населения Донской Области . . 201
28. Ответ Войскового Правительства с'езду 200
29. Наказ членам Областного Правительства от неказачьего населения Донской Области 204
30. Соглашение достигнутое Войсковым правительством с представителями с'езда неказачьего населения Области Войска Донского по вопросу об основаниях вступления в состав членов Войскового Правительства представителей неказачьего населения 205
31. Заявление членов об'единенного правительства от неказачьего населения 206
32. Декларация об'единенного Войскового Правительства Донской Области 207
33. Анафема Новочеркасского священства большевикам 208
34. Протокол об'единеннного собрания советов Боково-Хрустальского, Ровенецкого и Чистяковского горных районов профессионального союза и представителей Украинской Рады совместно с представителями казаков от 10-го Донского полка, 1-й сотни и представителей от сел и волостей 210
35. Телеграмма из Юзовки Центрального штаба № 166, сборная военная без слов. 213
36. Телеграмма из Юзовки Центрального штаба № 115 . . . 213
37. Телеграмма из Юзовки Центрального штаба № 121 . . . 214
38. Исполнительному Комитету г. Шахты 214
39. Постановление общего собрания граждан поселения рудников Т-ва Е. Т. Парамонова С-ья 214
40. Революция на Дону 214
41. Воронежское совещание 215
42. Об'единенное заседание сотенных комитетов 28-го Донского казачьего полка. 216
43. В станице Каменской.
I. С'езд в станице Каменской. 217

II. События в станице Каменской. 217
44. Ультиматум Донского Военно-Революционного Казачьего Комитета Войсковому Правительству. 219
45. Ответ Войскового Правительства Военно-Революционному Комитету 220
46. Ответ неказачьей части об'единенного Правительства Донской Области. 221
47. Протокол допроса Мягкова по делу о расстреле рабочих Влк. глав. ж. д. мастерск. 19/I—18 г. 222
48. Протокол допроса Капитанова по тому же делу 223
49. Ультиматум железнодорожников. 223
50. Протокол расстрела 19/I—18 г. 224
51. Ответ Правительства 225
52. Телеграммы с Красного фронта 225
53. Письмо генерала М. В. Алексеева во французскую миссию . . 227
54. Последнее воззвание А. М. Каледина 229
55. Письмо Каледина генералу Алексееву 230
56. Приказы генерала Назарова 231
57. С Дона 232
58. Приказ ген. Корнилова 233
59. Успехи Советских войск. 234
60. Бои около Ростова 234
61. Об'явление штаба Красной гвардии района ст. Попасная . . 234
62. На Дону 235
63. Распоряжение Народного Комиссара по борьбе с контр-революцией 235
64. О пенсии семьям убитых и раненых и о пайке 235
65. О денежном довольствии. 236
66. Мирные переговоры на калединском фронте. 236
67. В Московский Комитет Р. С. Д. Р. П. (б.) 237
68. Постановление Войскового Круга Войска Донского 6 II—1918 г. 137
69. Речь М. П. Богаевского на 4-м Круге 7/II—1918 г. . . . 238
70. Постановление Войскового Малого Круга Войска Донского 8/II—1918 года 238
71. Взятие Новочеркасска 238

ХРОНИКА СОБЫТИЙ.

Хроника событий Донской Области со 2 декабря 1917 года по 10 февраля 1918 года (ст. ст.).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

ОТ ДОНИСПАРТА.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

1. Темерницкий подпольный райком Р. С. Д. Р. П. (б—ков).
2. Тов. Реук.
3. Новочеркасские подпольные работники т.т. Ларин, Семенков и Анисимова.
4—5. Шахтерский отряд Красной Гвардии.
6. С. И. Сырцов — член Доноблревкома.

Облит № 1167. (Ростов н-Д.). Тираж 3.000. Заказ № 278. Тип. Госиздата.

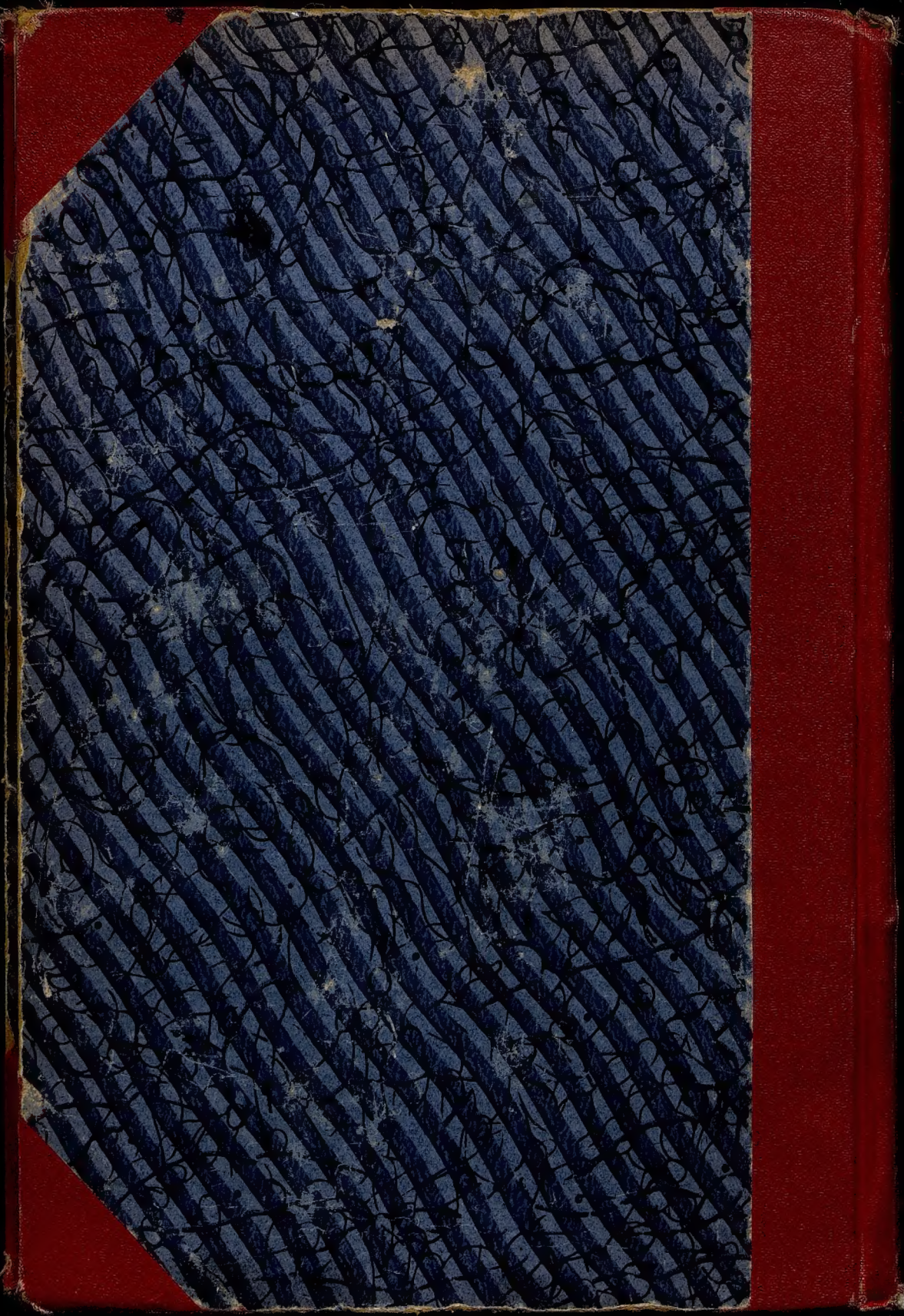
Важнейшие опечатки, замеченные в сборнике.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Следует читать.
140	32	у Черткова	у Чертково.
140	33	в Черткове	в Чертково
164	33	Гуревич	Гурвич.
165	31	былв	был в
167	14	глухой провинция	глухой провинции
175	16	Гапсарский.	Гаспарский.
176	22	„	„
175	28	Боровский.	Борковский.
180	26	красноармейцев.	красногвардейцев.

Замеченные пропуски в отделе „документов".

На стр. 192 к документу «От Совета Народных Комиссаров—трудовым казакам» случайно пропущено примечание из газеты «Социал-Демократ» орг. МК Р.С.Д.Р.П. (б). № 2.3 от 2 (15) XII—1917 г.

На стр. 207 к документу «Декларация Об'единенного Войскового Правительства Донской области» случайно пропущено примечание «из документов, доставленных в Истпарт Дон. Обл. Ком-та Р.К.П. (б.)».

На стр. 234 к документу «Об'явление», на стр. 235 — «о пенсии семьям убитых и раненых и о пайке», на стр. 236 «о денежном довольствии» случайно пропущено примечание из «Известий Револ. Войск»; №№ 5 и 7.

На стр. 237 к документу «Постановление Войскового Круга войска Донского от 6/II—1918 г.» случайно пропущено примечание — «из документов, доставленных в Истпарт Дон. Обл. Ком-та Р.К.П. (б.)».